Геннадий Дмитриев

Настоящая работа для смелых мужчин

роман

Одесса - 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД ПРИЗРАКОВ 6
Катастрофа 7
Город призраков 16
Безумный мир 23
Время потерянных истин 28
Несколько минут на том свете 33
Искушение ангела смерти 38
Доктор Архангельский 48
На честном слове и на одном крыле 57
Мышеловка 63
Секреты лаборатории гестапо 67
Профессор Невельский 80
Поиски выхода 88
Женщина в красном 101
Кража со взломом 104
Военный совет 112
Живой труп 117
Штурм 128
Доктор Вагнер – выбор народа 132
Игра 142
Дневник военврача Архангельского 153

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАСТОЯЩАЯ РАБОТА ДЛЯ СМЕЛЫХ МУЖЧИН 162
Николай Иванович 163
Авиаотряд особого назначения 172
Полет в никуда 182
Ветераны отряда 189
То взлет, то посадка 195
Нелетная погода 205
Гроза 210
Василий Петрович 219
В поисках заблудших душ 228

Западня 237
Освобождение 246
Путь к Долине смерти 254
Пропавшая экспедиция 265
Тайны Третьего рейха 270
Затерянные в глубине веков 280
Долина, где кончается всё 286
Сванги 293
Полет – это очень просто 297
Пропавшая экспедиция Гиммлера 303
Земля за синей рекой 309
Капище эльмов 318
Над бездной 321
Тайна второй экспедиции Гиммлера 327
Алатырь-камень 334
Монастырь 342
Жрецы Атона 349
Возвращение 359
Обратный путь 368
Евангелие от Христа 378
Покаяние грешника 385
Женщина в красном 391
Краткий словарь авиационных терминов 402

Предисловие

Когда-то, в давние времена, когда я еще учился в школе, мальчишки нашего поколения мечтали стать летчиками, полярниками, моряками, космонавтами, мечтали об открытиях таинственных, неизведанных мест на нашей планете, и уж, конечно, о полетах к далеким созвездиям. Романтики нынешнего поколения мечтают стать юристами, финансистами, менеджерами, а настоящая работа для смелых мужчин ассоциируется у них с фильмами, в которых главные роли исполняют: Чак Норис, Шварценегер, Сталоте, Брюс Виллис и прочие актеры в ролях суперменов, которые спасают человечество от верной гибели от рук пришельцев или гигантских тараканов.

Этот роман о том, о чем мечтали дети нашего поколения: о пилотах небольшого авиаотряда, обслуживающего экспедиции, исследующие тайны аномальных явления. О пути к истине, о тайнах управления человечеством, о борьбе двух концепций мирового устройства – общества, разделенного на господ и рабов, или общества свободных тружеников.

В первой части романа описан мир, каким пытаются его сделать те, кто считает себя господами, те, кто придумал теорию «золотого миллиарда», но теперь уже им кажется миллиард – это слишком много, речь идет уже о пятистах миллионах людей, которые будут иметь право на достойную жизнь на этой планете, остальные, не более трех миллиардов – это рабы не имеющие ничего, кроме права гнуть спины на господ, лучше, конечно, заменить их биороботами, лишенными личности, не способными ни к бунту, ни к протесту.

Именно в такой мир, город призраков, и попадает герой, но и в этом мире находятся люди способные к борьбе. Во второй части герои ищут путь к истине, ищут и находят его. Они убеждаются, что у мира нет другого пути, кроме построения общества справедливости, равенства и братства, любой иной путь приведет мир к гибели, к такому выводу приходит даже тот, кто посвятил всю свою жизнь служению злу.

Исследования тайного общества гитлеровской Германии, Ананербе, о которых говорится в романе, действительно проводились, авиакатастрофы, о которых идет речь, происходили в реальности, или

были очень похожи на те, о которых упоминается в тексте. Теория академика Вейника, которая объясняет возможность попадать в прошлое и в будущее, действительно существует. Наберите в поиске: «Вейник, термодинамика реальных процессов», и Вы убедитесь, что автор имел все основания для того, чтобы выстроить подобный сюжет.

Часть первая. Город призраков

Катастрофа

Она смотрела на меня сквозь стекло, забрызганное дождем, смотрела грустным, туманным взором. То ли слезинка, то ли капелька дождя блестела на ее щеке. Потом она повернулась и пошла, остановилась, обернулась, последний раз взглянула на меня, и навсегда растаяла в тумане осенней ночи. Она была одета в красное платье с отложным воротником, на шее белый шарф, на голове красная шляпа.

Я проснулся. Видимо, это был сон. Странный, нелепый сон. Но женщина в красном казалась мне удивительно знакомой. Где-то, когда-то я уже встречал ее, или видел во сне, или в кино, или в какой-то другой жизни. Я встал, подошел к окну. Шел дождь, мелкий холодный дождь. Ветер бил по стеклу, раскачивая одинокий фонарь на столбе. «Куда же она пошла, в легком летнем платье в такую погоду?» – подумал я. Бред. Посмотрел на часы – десять минут пятого. «Ладно, все равно пора вставать». Я поставил чайник, приготовил кофе, и стал собираться на аэродром.

Мне предстояло на тяжелом транспортном самолете, предназначенном для перевозки военной техники и десанта, вывозить семьи военнослужащих с территории, которая когда-то считалась своей. Армия уходила. Уходила с дальних рубежей нашей, некогда могучей Родины. Армия, не побежденная в войне, не проигравшая сражение, но преданная дипломатами, политиками и бывшим руководством бывшей страны, отступала. Отступала, бросая военное имущество, технику и вооружение, личные вещи офицеров и членов их семей. Брали только самое необходимое. Уходили, чтобы потом, вместе с семьями, долгие месяцы жить в холодных армейских палатках. Страна, растеряв часть территорий, просто не знала, что делать с людьми, которые когда-то давали присягу защищать эти территории до последней капли крови. Теперь они просто стали не нужны ни стране, ни армии, ни народу. Те, с кем еще недавно мирно жили по соседству, помогая друг другу, с кем не раз делили пищу и кров, чьи отца и деды вместе с нашими отцами и дедами в одних окопах воевали в Отечественную войну, теперь толпами бродили вокруг военных городков и кричали: «Русские, убирайтесь домой!»

Аэродром просыпался после тревожной, неспокойной ночи. Шел дождь. Капли его возникали из тьмы и, на мгновение блеснув в свете прожекторов, снова исчезали во тьме, чтобы упав на бетон, вскрикнуть и умереть. И этот крик умирающих капель сливался в сплошной непрерывный гул. Но вот, сквозь шум дождя донеслось ворчание мотора топливозаправщика. Рассекая фарами тьму, он медленно пополз по мокрому бетону в сторону стоянок. Прикрываясь от дождя воротниками курток, к самолетам шли люди. Раздавались голоса, звуки команд и рев моторов аэродромной техники. Потом все это: и шум дождя, и голоса людей, и звуки моторов – потонуло в гуле запускающихся двигателей самолетов.

Есть особая прелесть в суете просыпающегося аэродрома, несравнимая ни с чем, разве что, с пробуждающимся морским портом. Но сегодня все казалось мрачным и унылым. Низкие осенние облака, мелкий дождь, пронизывающий сырой ветер – усиливали чувство безысходности и осознание собственного бессилия, беспомощности. Земля, которую мы должны были защищать, нас отвергла. Небо, наша стихия, нас не пускало. Оно заволокло аэродром тяжелыми тучами, занавесило горизонт косыми дождями и, казалось, рассвет никогда не наступит.

Я смотрел, как женщины, дети и старики грузились в самолет. Это были семьи военнослужащих. Сами офицеры и прапорщики еще оставались в военном городке, чтобы вскоре тоже покинуть его навсегда. Когда-то они отправлялись в отпуска на комфортабельных авиалайнерах, а теперь их поглощал грузовой отсек Ил-76-го, пропахший маслом и керосином, где вместо уютных кресел располагались лишь откидные сидения для десанта. Я смотрел и думал, почему так случилось. Почему эта огромная, непобедимая страна, страна, выигравшая страшную войну, выжившая в послевоенную разруху, создавшая самую мощную в мире армию, первая, освоившая космос великая держава – вдруг рухнула, рассыпалась как карточный домик? Гитлер считал, Советский Союз «колоссом на глиняных ногах», стоит начать войну, и все народы, живущие на этой огромной территории, встанут против «коммунистической диктатуры», и Союз рассыплется в прах. Но этого не случилось, все народы, плечом к плечу поднялись против

общего врага и победили. Так что же случилось теперь? В чем был просчет, в чем ошибка? Мысли не давали покоя. Ответа не было.

В авиации есть понятие: «минимум погоды». Это такие погодные условия: горизонтальная и вертикальная видимость, сила и направление ветра, при которых еще можно взлететь или сесть. Существует минимум погоды для каждого типа самолета и для конкретного экипажа. Сейчас и был тот самый минимум погоды – все на пределе. Особенности аэродрома усложняли обстановку. Расположен он в горах на высоте 820 метров, в долине между двумя горными хребтами. Справа от взлетно-посадочной полосы хребет поднимался до высоты 1860 метров, а слева до 1210. Сразу же за полосой горное озеро. Поэтому радиостанции дальнего и ближнего привода[1] находятся только со стороны долины с посадочным курсом 120 градусов. Только с этим курсом обеспечивает посадку и курсоглиссадная система.

Мы вырулили на исполнительный старт[2]. Самолет развернулся по оси взлетно-посадочной полосы, огни которой уходили вдаль, растворяясь в утреннем тумане, и замер в ожидании. Сейчас прозвучит привычная команда руководителя полетов: «Взлет разрешаю», двигатели взревут, набирая полную мощность, и мы уйдем в темноту, оставляя эту землю, эти горы и этот народ, которому мы больше не нужны, оставляя вопросы, на которые никто нам не даст ответ.

«Читай молитву!» – говорю я бортрадисту. «Молитвой» пилоты называют карту контрольных проверок. Современный самолет – весьма сложная система, хотя каждый член экипажа много раз выполнял эти проверки, и помнит их наизусть, на память надеяться не положено, слишком дорого может обойтись забытый переключатель, не правильное положение закрылок и прочее.

- Карта выполнена, все графы зашторены, – доложил бортрадист.

---

[1] Радиостанции дальнего и ближнего привода (приводные радиостанции) – радиотехнические средства навигации, помогающие пилоту посадить самолет в условиях ограниченной видимости.

[2] Исполнительный старт – положение самолета на взлетно-посадочной полосе в готовности к взлету.

- Всем взлетный[3]!

- Двигатели на взлетном, параметры в норме.

- Экипаж, взлетаем, рубеж 210!

Я отпустил тормоза, и самолет, набирая скорость, разбег. Огни полосы все быстрее уходили под крыло. Они возникали из тумана и, сливаясь в светящиеся линии, исчезали во тьме. Штурман отсчитывал скорость.

- Рубеж!

- Взлет продолжаем!

Если самолет не наберет скорости рубежа за определенное время, то взлет прекращают, может не хватить длины полосы. Но пока все нормально.

- Подъем!

Я потянул штурвал на себя, и тяжелая машина, подняв нос, продолжала разбег. Еще, еще, еще немного. Самолет оторвался от полосы, зарываясь в низкие, тяжелые облака. Не видно ни земли, ни неба, и только стрелки приборов показывают положение самолета в пространстве.

Мы покидаем этот аэродром, эту землю и уходим в темное дождливое утро, веря в то, что там, за облаками нас встретят первые лучи восходящего солнца. Надеясь, что все изменится к лучшему, как всходит солнце после дождливой ночи, как приходит весна после холодной, тяжелой зимы. Ни пассажиры этого самолета, ни члены экипажа еще не знали, что рассвет для них уже никогда не наступит.

Еще не зажглось тревожное табло на приборной доске, еще не было доклада бортинженера, но я уже понял, почувствовал каким-то чутьем – что-то не так, что-то изменилось в равномерном гуле моторов. В стройный звук оркестра вкралась фальшивая нота. Оборванная струна исказила аккорд.

«Пожар, внимание, пожар!» – прозвучал голос автомата. На приборной доске замигало табло, зажглась желтая лампочка над переключателем системы тушения.

- Пожар в гондоле первого двигателя! – крикнул инженер.

- Выключить двигатель, включить огнетушитель!

---

[3] Взлетный режим – максимальная мощность двигателей.

На самолете установлено три очереди системы тушения пожара, первая срабатывает автоматически, если это не помогает, то бортинженер включает остальные. Но потушить пожар не удалось.

Все, что могли – сделали. Осталось доложить на землю и заходить на посадку. Руководитель полетов дал распоряжение заходить с правым кругом. Разворот в сторону неработающих двигателей опасен возможностью срыва в штопор. Но, в принципе, развернуться можно в любую сторону, с креном не более 15 градусов.

Высота гор справа на 650 метров больше. Придется набрать большую высоту и выполнить третий разворот на значительно большем удалении от аэродрома. Потеря времени. Нам его отпущено и так слишком мало. И разворот в сторону работающих моторов выполняется дольше. Я принял решение заходить с левым кругом[4], принимая все меры предосторожности, и доложил руководителю полетов. Быстрее всего было бы развернуться на 180 градусов и сесть обратным курсом, но курс 300, обратный взлетному, не обеспечен радионавигационными средствами. Вслепую мы этим курсом не сядем.

- Спокойно, ребята, все нормально, выполняем первый разворот влево, закрылки не трогать, режим номинальный!

При пожаре уже нельзя изменять положение закрылок, они могут не убраться или не выйти на стороне горящего двигателя, и тогда будет трудно, а может и невозможно удержать самолет. Переходим в горизонтальный полет, и выполняем второй разворот. Теперь мы летим параллельно взлетно-посадочной полосе. Не видно ни земли, ни неба. Там, внизу горы, но их тоже не видно. Где-то вверху, за облаками, блекнут звезды, светлеет небо, наступает рассвет. А у нас ночь, и уже не долететь, не дотянуть, не дожить до рассвета. Когда-то в детстве я видел, как под куполом цирка канатоходец шел с завязанными глазами. Все с замиранием смотрели на него, стараясь не дышать – тихо, ни звука. Каждый шаг – это шаг в неизвестность. Вот он покачнулся и замер. Шаг, еще шаг, еще. Вести самолет с отказавшим двигателем в сплошных облаках – это все равно, что идти по канату с завязанными глазами. Небольшой крен вправо, в сторону работающих

---

[4] Аэродромный круг – прямоугольный маршрут полета, состоящий из четырех разворотов, применяется при заходе на посадку.

двигателей, и шаг за шагом вперед. Но нельзя остановиться и замереть, только вперед.

Посмотрите, вот он без страховки идет,
Чуть правее наклон, упадет, пропадет,
Чуть левее наклон, и его не спасти,
Но замрите, ему остается пройти
Всего три четверти пути!

Три четверти пути. По прямой до траверза[5] дальнего привода, когда стрелка радиокомпаса покажет 270 градусов, потом выпустить шасси, и дальше до третьего разворота. Когда окажемся на высоте точки входа в глиссаду[6], еще немного и третий разворот. Потом до четвертого разворота, четвертый разворот и по глиссаде на посадку. Как много, как много еще осталось пройти! А пламя вырывается из двигателя, лижет плоскость, оно разгорается все больше и больше. Оно сжигает крыло и последние минуты жизни. Успеем ли?

- Командир, траверз дальнего!

- Шасси выпустить!

- Шасси выпущены, три зеленых горят.

- Увеличить режим!

Нужно увеличить мощность двигателей, скомпенсировать дополнительное сопротивление, выпущенного шасси. Хватит ли мощности? Хватило. Скорость не падает, идем по горизонту.

- Выполняем третий разворот!

- Командир, рано! Мы выше точки входа в глиссаду[7]!

- Потом будет поздно! Разворачиваемся со снижением! Следи за высотой!

Снижаться можно было только после четвертого разворота, когда окажемся над долиной, сейчас под нами горный хребет. Но успеем ли мы пройти нужное расстояние? Слишком мало отпущено времени. Сколько, не знает никто. Сколько еще выдержит обожженный пламе-

---

[5] Траверз – направление на ориентир 90 градусов относительно линии пути.

[6] Глиссада – траектория снижения самолета при заходе на посадку.

[7] Точка входа в глиссаду – начало снижения при заходе на посадку.

нем металл? Когда доберется огонь то топливных баков? Разворот со снижением. Радиовысотомер показывает нам расстояние до земли. Бортинженер держит руку на рычагах управления двигателями, чтобы при сигнале «опасно земля» увеличить режим до взлетного и уйти вверх.

- Командир, начинаем четвертый, снижение 7 метров[8]!

Начинаю выполнять четвертый разворот, еще немного и мы на прямой перед взлетно-посадочной полосой.

- Выводи! выводи! командир, выводи из разворота! Да выводи же ты…! Твою … ! Это кричит штурман, пора выводит самолет на посадочный курс. Но я не могу ничего сделать. Самолет не выходит. Крен растет. Тряска. Вибрация. До хруста костей сжимаю штурвал. Тяну на себя, вправо. Правую ногу до отказа вперед! Самолет не реагирует. Он провалился. Растет левый крен. Сожженный пламенем пожара металл не выдержал. Крыло отломилось вместе с двигателем. Все. Конец. Крик ужаса застыл в горле.

Я не видел, что делалось в грузовом отсеке, где на боковых скамейках для десантников и просто на полу, на брезенте ютились пассажиры. Не видел искаженных ужасом лиц, не слышал предсмертных криков: «Спасите!», обращенных, скорее всего, к Господу Богу – больше их никто уже не мог бы спасти. Но каждую ночь, с той поры, я вижу их во сне, слышу их предсмертные крики, ощущаю ужас последних секунд жизни беззащитных людей в объятом пламенем самолете, камнем идущем к земле. И спокойный бездушный голос автомата: «Велик левый крен, велик левый крен». Голос был спокоен и чист, без надрыва, без хрипа, мелодичный женский голос, зачитавший нам приговор. Сквозь боль, отчаянье и ужас этот голос звучал как голос ангела смерти, того единственного, кто знает истину. Знает, что все тленно на этой земле, и оставшиеся в живых ненадолго переживут нас, голос, зовущий в вечность.

И тут я снова увидел ее, эту женщину в красном. Она смотрела на меня сквозь стекло кабины, смотрела долгим печальным взглядом. Слезинка дождя скатилась по ее щеке. Потом она повернулась и ушла,

---

[8] Скорость снижения 7 метров в секунду, нормальная скорость снижения при заходе на посадку не более 5 метров в секунду.

растаяв в тумане хмурого осеннего утра. Я хотел закричать, удержать, остановить ее! Но не смог. Она ушла. Все кончилось.

Когда я очнулся, увидел над собой белый потолок, стены, выкрашенные зеленой краской, и окно с пожелтевшими занавесками. Вероятно, палата госпиталя. Передо мной мелькают какие-то лица, со мной что-то делают. Но я ничего не чувствую. Никого не слышу. Лишь один голос звучит в моих ушах. Спокойный голос автомата: «Велик левый крен».

Потом мне рассказали: я единственный, кто остался в живых. Самолет не врезался в землю, а упал на горный склон. Он скользил, ломая деревья и разваливаясь на части. Пилотская кабина оторвалась от фюзеляжа, покатилась по склону, меня выбросило. Топливо вылилось из разрушенных баков и вспыхнуло, все, кто еще оставался в живых, сгорели в пламени пожара. Я оказался на значительном расстоянии от огня и выжил. Нашли меня не сразу, через сутки. Уже никто не надеялся, что кто-нибудь уцелеет. Собирали трупы, фрагменты тел. Меня положили на землю рядом с обгоревшими телами, кто-то неосторожно наступил мне на ногу, и я застонал.

Не знаю, сколько времени находился я без сознания, не помню, когда мне разрешили вставать и ходить по палате. Приходили какие-то люди, возможно, это были друзья, сослуживцы, члены комиссии по расследованию происшествия, но я никого не узнавал. Меня спрашивали о чем-то, я что-то отвечал, не придавая никакого значения ни вопросам, ни ответам.

Ночью пытался уснуть, мне кололи какие-то лекарства, но как только я засыпал, тут же просыпался от кошмара, который снится мне до сих пор. Каждую ночь я вижу людей, охваченных предсмертным ужасом в объятом пламенем самолете, слышу их крики, вопли о помощи и спасении. Вижу, как мать прижимает к груди ребенка, как старик в предсмертной молитве поднимает руки к небесам, слышу, плывущий над всем этим ужасом спокойный голос ангела смерти: «Велик левый крен». Просыпаюсь, до утра хожу по палате и думаю, думаю только об одном. Воспроизвожу в памяти каждую секунду полета, и ищу, ищу решение.

Кажется, я схожу с ума, а может быть, это уже произошло, это обычное мое состояние. Но, Боже мой! Как это больно, как мучитель-

но, когда сходишь с ума. Когда в горячечном бреду ищешь решение, но знаешь, знаешь заранее – правильного решения нет! А если оно и существует, то все равно ничего уже нельзя изменить, нельзя вернуться в прошлое и исправить какую-то ошибку, нельзя вернуть к жизни тех людей, что погибли в горящем самолете.

Когда расследование было закончено, я узнал, что меня ни в чем не обвиняют. «Действия командира и экипажа признаны правильными» – так значилось в акте комиссии. На что я, кажется, ответил, что правильные действия не приводят к катастрофе. Меня успокаивали, говорили, что бывают обстоятельства выше нас, сильнее наших возможностей, но от этого легче не становилось. Как не будет легче родственникам погибших, матерям, потерявшим детей, детям, потерявшим родителей, семьям, потерявшим близких. За какие грехи Господь так наказал меня? Для чего он сохранил мне жизнь? Чтобы мои друзья, родственники погибших отворачивались при встрече со мной? Чтобы в ушах вечным упреком звучали последние слова автомата: «велик левый крен»?

Я жив, и со здоровьем все нормально. Я летчик, и умею только летать. Ничего другого не умею, да и не хочу. Любая комиссия признает меня годным к летной работе, но кто теперь доверит мне штурвал? Нет, я уже не летчик, я когда-то был им, а теперь остался только психически сломленный человек с навязчивой идеей – найти правильное решение и вернуть ушедшее время. Но этого сделать уже невозможно, никогда.

Я служил в группе Советских войск в Германии, и когда пришла пора замены, мне предложили Дальний восток, незаменяемый район. Офицеров, которым приходится служить в отдаленных районах с тяжелыми климатическими условиями, через определение время переводят в более привлекательные места, поближе к центру. Это, так называемые, заменяемые районы.

Остальные – незаменяемые, служи до хоть пенсии, если благоприятный случай не изменит твою судьбу. Но, поскольку климатические зоны не имеют четких границ, а чиновникам из Министерства обороны нужно каким-то образом границы эти обозначить, то бывает, что находятся рядом две войсковые части, офицеры даже обедают в одной столовой, но один район считается заменяемым, а другой – нет.

Вот, один из таких, незаменяемых, районов мне и предложили. Я отказался, и попал сюда.

Если бы я тогда согласился! Не было бы этого полета, и все были бы живы. Но я отказался. Я очутился в этом тихом, спокойном южном городке, где тогда никто не стрелял, все жили мирно, дружно и счастливо. Ели шашлыки, пили кавказское вино, и не знали, что все это скоро кончится. Если бы Горбачев не пришел к власти, если бы … Да что толку в этих бесконечных «если бы». Случилось то, что случилось, и исправить это уже никак нельзя.

А если вдуматься, то не так и счастливо мы жили тогда. Я летал в Афганистан, возил гробы на «черном тюльпане», как окрестили тогда самолет с «грузом двести». Я видел лица матерей, чьих сыновей я привозил в цинковых гробах. Они не плакали. Они уже выплакали все слезы. Они смотрели на меня так, как будто бы это я посылал их сыновей на войну. Они не прощали нас. Однажды меня сбили ракетой, но я сумел посадить самолет с горящим мотором, тогда я думал, что все могу. И кто же мог предположить, что разлетевшийся подшипник двигателя и лопатки разрушенной турбины, перебившие топливопровод, навсегда поставят точку в моей летной биографии?

Город призраков

Я не следил за временем, находясь в госпитале, знаю только, что тот роковой полет был осенью, а сейчас за окном уже цвели вишни. В палату вошел главный врач.

- Сейчас Вы практически здоровы, – сказал он. – Мы Вас выписываем, но потребуется еще лечение, психика Ваша не совсем восстановилась после трагедии, мы направим Вас в клинику психологической реабилитации.

- Это что, сумасшедший дом?

- Да нет, что Вы! Никто не собирается определять Вас в сумасшедший дом! Это нормальная клиника, клиника доктора Вагнера, говорят, он чудеса делает!

- Доктор Вагнер, он что, немец?

- Из русских немцев, предки его еще при Петре приехали, его прапрадед был лекарем при царском дворе.

«На кой черт мне какой-то доктор Вагнер с его клиникой! – подумал я. - Что он сможет вернуть время, исправить ошибку, оживить всех, кто погиб в этой катастрофе?»

- Как хотите, – ответил я, – хоть дурдом, хоть клиника, хоть тюрьма – мне все равно.

- Ну, о чем Вы говорите! О тюрьме вообще речи нет! Поймите, в происшедшем нет Вашей вины! Вас подлечат, и все еще будет хорошо!

- Нет, ничего уже не будет, все, что было хорошего, уже было, рано или поздно все кончается. Ладно, черт с Вами, везите меня к вашему Вагнеру.

Я не помню, сколько времени меня везли и на чем, и куда. Мне тогда все было безразлично. Безразлично мне было и то, где находится эта клиника, в каком городе и в какой стране.

Меня встретила девушка из медперсонала, то ли врач, то ли медсестра, но на ней не было привычного белого халата.

- Приветствуем Вас в клинике доктора Вагнера! – сказала она заученную фразу и улыбнулась казенной улыбкой, такой улыбаются продавцы универсама, благодаря за покупку. – Я покажу Вам вашу комнату.

Здание, к которому мы подошли, не было похоже больничный корпус. Скорее оно напоминало гостиницу, хотя и не очень фешенебельную. Комната располагалась на втором этаже, и вполне соответствовала номеру гостиницы среднего уровня. В номере была одна комната, ванная, туалет и небольшая прихожая. В комнате кроме кровати, стола, тумбочки и платяного шкафа, не было ничего. На тумбочке стоял телефон.

- Куда отсюда можно позвонить? – спросил я.

- Никуда, – ответила девушка. – По этому телефону можно вызвать дежурного врача, если в этом возникнет необходимость. Завтрак, обед и ужин внизу в столовой. А сейчас Вы свободны.

- А когда меня примет доктор, ведь, как я понимаю, он должен назначить какие-то процедуры?

- Доктор Вагнер никого не принимает и никого не осматривает, да и процедур никаких не будет.

- Как? – удивился я. – Ведь должен же быть какой-то курс лечения?

- Определенного курса лечения не существует. Просто гуляйте по городу, дышите воздухом и все.

- И все?

- Да, еще можете посещать кафе, рестораны, заказывать любые блюда, платить ни за что не надо, все это входит в курс лечения, за это уже заплачено.

- И кто же оплатил мое лечение?

- Не знаю. Да это и не имеет значения.

- Ну, в чем же, собственно, это лечение или реабилитация заключается?

- Не вдавайтесь в подробности, просто отдыхайте. Свежий воздух и хороший сон – вот лучшее лечение.

Она ушла, оставив меня одного. Лежать на кровати и смотреть в потолок не хотелось. И я подумал: «А не воспользоваться ли ее предложением, не пойти ли перекусить?» До обеда еще далеко, а завтрак, судя по расписанию на стене, я уже пропустил.

Я вышел на улицу. Прохожих было немного, они шли куда-то по своим делам, но обычной городской суеты не чувствовалось. Справа от гостиницы располагался небольшой скверик с несколькими скамейками. Все скамейки пустовали, лишь на одной из них сидел старик, и отрешенно смотрел на прохожих. Слева, прямо на открытом воздухе, на площадке, накрытой тентом, находилось маленькое кафе, где за столиками сидели несколько посетителей. Играла тихая музыка.

Я вошел, занял свободный столик, заказал сосиски и кружку пива. Мое внимание привлекло то, что посетители не разговаривали между собой. Лишь через два столика от меня сидели два человека, они оживленно беседовали о чем-то. Из-за музыки мне не удавалось расслышать их расзговор. Они спорили, жестикулировали, явно доказывая что-то друг другу.

Было нечто необычное в этом городе, казалось, люди просто не замечали друг друга, в лицах их была какая-то отрешенность, безразличность ко всему, что происходило. Я попытался расспросить офи-

цианта, но он не разговаривал ни о чем, что выходило за рамки меню. Он не был ни вежлив ни груб, он просто не замечал моих вопросов, как робот, запрограммированный на понимание определенных ключевых фраз, а на остальные просто не реагировал.

В кафе вошла молодая, прелестная женщина, но никто из посетителей даже не обернулся. На их месте любой, даже самый дремучий старик, и то бы обернулся, но не обернулся никто, ее даже и не заметили. Она подошла к моему столику и села, заказав апельсиновый сок. При этом не проронила ни одной, из обычных для таких случаев фраз: «не возражаете?», «свободно?» и тому подобное. Просто села молча, будто меня и не было.

Мне показалось, что это была она, та женщина в красном, которую я видел в бреду или во сне, по крайней мере, очень похожа на нее. То же красное платье с отложным воротником, тот же белый шарф, та же элегантная шляпка, то же лицо. Какое поразительное сходство! А может быть, я действительно схожу с ума? Она смотрела сквозь меня, прямо в мои глаза, но взгляд не останавливался на мне, а проникал куда-то вдаль, так, что невольно хотелось оглянуться.

У той женщины, призраке моих видений, был совершенно другой взгляд, другие глаза, полные боли и отчаянья. Эти же глаза не выражали ничего.

Я хотел заговорить с ней, но не решился. Ведь для нее меня не существовало, она была одна, одна в целом городе, в целом мире. Допив апельсиновый сок, она поставила стакан на стол, промокнула салфеткой губы, осторожно прикоснувшись к ним, и ушла.

Подошла к трамвайной остановке напротив кафе. На остановке стояло еще несколько человек. Приближался трамвай. На удивление, он не снизил скорость перед остановкой. Водитель пытался затормозить, но трамвай все больше и больше набирал скорость и раскачивался. Из-под колес сыпались искры. Вот он сошел с рельс, его развернуло, и он врезался в стоящих на остановке людей. Все оборвалось у меня внутри. Я оцепенел. Эта женщина, которая только что сидела рядом со мной, в одно мгновение погибла под колесами трамвая.

Я хотел побежать, закричать, позвать на помощь, но не мог двинуться с места. Странным было то, что кроме меня, никого это происшествие не удивило и не взволновало. Прохожие шли мимо, не

обращая никакого внимания на лежащих рядом, на тротуаре людей, шли по своим делам, со своими бедами и печалями, даже не взглянув в сторону трамвайной остановки. Двое мужчин продолжали спорить о чем-то своем, бармен подавал напитки и закуски, все было так, будто ничего не произошло.

Вскоре подъехал кран и машина, похожая на карету скорой помощи. Трамвай подняли. Из машины вышли три человека в униформе, собрали в мешки искалеченные, бездыханные тела и погрузили их в машину. Кровь смыли, трамвай увезли. Больше ничего не напоминало о трагическом происшествии.

Я вышел из кафе и пошел по улице. Я пытался заговорить с прохожими, но они словно не замечали меня.

Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых,
Я заглядывал в темные лица прохожих,
Ни своих, ни чужих.

В мозгу звучали строки из песни Высоцкого. На лавочке в скверике все так же сидел старик. «Не возражаете?» – спросил я и присел рядом. Старик кивнул. Он был единственный, кто хоть как-то отреагировал на мое присутствие. И тогда я решил попытаться заговорить с ним.

- Что происходит в этом городе? Почему люди не замечают друг друга? – спросил я.

- Что происходит? Да ничего не происходит, – ответил старик. – Люди, как люди, все со своими проблемами. Им просто нет дела до других.

- А это происшествие с трамваем?

- В каждом городе происходят транспортные происшествия, ну и что?

- Но ведь никто не обратил на это внимания!

- Почему, обратили, те, кому положено. Очень быстро все убрали.

- Но прохожие, они не пытались помочь. Просто проходили мимо!

- А что, если в вашем городе сойдет с рельс трамвай, полгорода сбежится посмотреть? Чего глазеть, если помочь все равно уже нельзя.

- Все равно, что-то не так в этом городе.

- Все так. Вы пытались заговорить на улице с людьми, но они не хотели говорить с Вами. Вы пока смотрите на город со стороны, Вы еще не живете в нем, Вы успеете свыкнуться со всем, что тут происходит, и здешняя жизнь перестанет Вам казаться странной. Ведь если в вашем родном городе какой-то сумасшедший незнакомец попытается заговорить с Вами, будет спрашивать: «Что здесь происходит?», Вы попросту пошлете его к черту, и пойдете своей дорогой, ведь так?

- Пожалуй, что так.

- Ну вот, чему же Вы удивляетесь? Просто люди одиноки, всегда одиноки, в любом городе, в любом обществе, в любой стране. Они одиноки даже в своей семье. Муж не понимает жену, жена мужа. Родители не понимают детей, хотя считают, что только они знают, что им надо. Дети не понимают родителей, считая их слишком нудными в своих нравоучениях. Так было всегда, так есть и так будет.

- Пожалуй, все это так, но раньше я не ощущал этого.

- Раньше Вас окружали родственники, друзья. Вы думали, что понимаете их, а они Вас, но нет, вы просто привыкли друг к другу. А здесь Вы совершенно один, в чужом городе, и никому нет до Вас дела. Вы не замечали, что когда Вы приезжаете впервые в новый для Вас город, он, поначалу, всегда кажется Вам чужим и странным? Вокруг другие дома, другие люди, прохожие не так одеты, не так говорят. Но, когда Вы приезжаете туда во второй, в третий раз, Вы привыкаете.

- Вы считаете, что все дело только в привычке? Мне кажется, что люди, все-таки, стремятся понять друг друга.

- А Вы не замечали, как люди беседуют между собой? Каждый хочет сказать, но не хочет услышать. Они говорят все громче и громче, перебивают один другого, хотят быстрее рассказать, пока его не перебили.

- Воспитанные люди не перебивают собеседника, а дослушивают до конца его рассказ.

- Да, но не потому, что хотят услышать, а только потому, что воспитаны. Они соблюдают правила приличия и не больше. Все хотят

поделиться своей болью, своими проблемами с кем-то, но никто не хочет воспринимать чужие проблемы как свои, никто не хочет брать на себя чужую боль, каждому достаточно своей.

Старик сидел и смотрел вдаль, во время разговора он ни разу не повернулся ко мне, а мимо шли люди со своими бедами и печалями, и им не было дела до нас, как и нам не было дела до них. В этом городе не было ни друзей, ни близких, ни даже просто знакомых.

- Но, что бы Вы ни говорили, не станете же Вы отрицать, что существует любовь, дружба, привязанность, наконец?

- Существует, но это не меняет сути дела. И в дружбе и в любви, а особенно в любви, проявляется крайняя степень эгоизма. Вы обращали внимание, как люди переживают потерю любимого человека? «Как я буду без него?» – говорят они. «Я» – вот что на первом месте! Мои чувства, моя боль, мои страдания! Люди ревнуют, даже способны убить из-за ревности. Все потому что он изменил мне. Мне! Вот что главное! Если он любит меня, он должен думать как я, делать как я, чувствовать как я, он должен понимать меня! Но никто не желает понимать его, думать как он, чувствовать как он! Ни любовь, ни дружба, ни привязанность не меняет сущности людей. Потому люди и одиноки, одиноки везде, даже рядом с любимым человеком. Вот Вы сказали о воспитании. Воспитание лишь ставит определенные ограничения в поведении, но не меняет сущности людей.

Старик разговаривал со мной, продолжая все так же смотреть в пространство, казалось, что он вечно сидит здесь, от начала мира. Вёсны сменялись зимами, проходили года, столетия, постоянно менялся этот сумасшедший, этот безумный мир, и только старик все так же сидел на скамейке, и смотрел в пространство, будто времени не существовало для него.

Я ушел, даже не попрощавшись со стариком. Я просто знал, что сейчас нужно уйти. Все, что он говорил, казалось мне сплошным бредом. Нет, это не клиника психологической реабилитации – это сумасшедший дом, обыкновенный сумасшедший дом. Я чувствовал, что еще немного, и я окончательно сойду с ума, стану таким же, как все эти люди, безразличным, замкнутым, не видящим никого вокруг.

Я бесцельно бродил по городу, просто потому, что нужно было как-то дожить до вечера. Было невыносимо ходить по улицам и всюду

натыкаться на призраки тех, которые когда-то были людьми. Смотреть в пустые, невидящие глаза, ощущать безысходность и одиночество. Я вернулся в номер, поднял трубку телефона, чтобы поговорить с дежурным врачом, но мне никто не ответил. С ужасом ждал я наступления ночи.

Ночь наступила, я пытался уснуть, но один и тот же кошмар снова мучил меня. Я видел искаженные предсмертным ужасом лица людей в горящем самолете, слышал их крики о помощи и спокойный, бездушный голос автомата: «Велик левый крен». Странно, когда падал самолет, я не мог видеть, что творилось с людьми. Может воспаленное воображение рисует мне эти картины, но я отчетливо вижу лица, каждую ночь одни и те же видения преследуют меня. Измученный мозг отчаянно ищет решение, ищет, но не находит. Мне снится, что я разворачиваю самолет на 180 градусов и сажусь обратным курсом. Еще немного, и я увижу посадочные огни. Я вижу их, но они не по курсу, а где-то в стороне. Я вижу, как горящий самолет врезается в ангары, дома, и вот уже весь аэродром объят пламенем пожара. Я просыпаюсь в холодном поту, и снова слышу голос ангела смерти: «Велик левый крен».

И тогда я понял почему. Почему эти видения каждую ночь преследуют меня. Дело не только в том, что они погибли, а в том, что я не смог их спасти. Я, пилот первого класса, выходивший из разных ситуаций, проанализировав каждую, известную мне авиакатастрофу, был уверен, что со мной ничего подобного не случиться. И тут я не смог, не смог посадить самолет с горящим мотором. Значит дело не в катастрофе, дело во мне.

Безумный мир

Было душно, я вышел на балкон. Возле балкона рос высокий пирамидальный тополь. Полная луна висела над самой его верхушкой. Светом ее был залит весь город: аллеи, скверы, крыши домов. Было что-то безумное в бледном свете полной луны. Казалось, именно она сводит с ума людей, делает их одинокими и несчастными. Лунный свет проникал в глаза, в сердце, в душу, лишал надежды и покоя. Я не

смог заставить себя снова лечь в постель и попытаться уснуть. Мне было душно в этой комнате, тревожно и жутко спать при полной луне, и я вышел на улицу.

Я брел по самым темным переулкам, желая убежать, спрятаться от этого лунного, проникающего всюду света. Я оказался в каком-то узком переулке без тротуаров. Темные громады домов, без единого освещенного окна казались мертвыми. На покосившемся столбе тускло горел одинокий фонарь. В конце переулка я заметил фары автомобиля. Он двигался с большой скоростью прямо на меня. Я отошел в сторону, уступая дорогу. Но и автомобиль, пытаясь объехать меня, свернул в ту же сторону. Я метнулся в противоположную сторону, автомобиль тоже. Возникли, как иногда бывает, зеркальные действия водителя и пешехода. Я не мог убежать от автомобиля, а водитель не мог избежать наезда, он резко затормозил, но было поздно.

Я понял, что это конец, яркий свет фар возникал из тьмы и, заполняя собой все пространство, слепил глаза. Он проникал в зрачки, в мозг, в душу, он сжигал все мое существо. Смерть лишь на время отсрочила свой визит, оставив меня возле горящего самолета, она снова вернулась, чтобы раздавить колесами автомобиля. Видимо, это была расплата. Я ощутил страшный удар. Наступила тьма.

Проснулся я утром в своей постели. За окном пели птицы, светило солнце, я был жив, ничего не болело. Я осмотрел свое тело. Ни следов удара, ни царапин не было. Чувствовал я себя прекрасно, бодрым, отдохнувшим, хотя знал, что не спал почти всю ночь. Что это было? Сон, бред? Но я точно помню, что попал под автомобиль, я помню визг тормозов, звук удара и боль, страшную боль, пронизавшую меня. Я достал из шкафа одежду. Видимо кто-то раздел меня, а одежду аккуратно повесил в шкаф. На рубашке след от протектора, значит, автомобиль все-таки переехал меня, это был не сон и не бред – *это было*. Рубашка вконец испорчена. Я достал из чемодана другую, оделся и отправился на завтрак. Но завтрак в столовой уже закончился, я его проспал. Мне ничего не оставалось, как снова идти в кафе.

В кафе все было так же, как и вчера. Играла все та же музыка, за столиками сидели все те же посетители, и двое все так же о чем-то спорили. Чтобы спокойно поразмыслить над тем, что случилось, я заказал бутылку вина и горячий шницель. Ночное происшествие никак

не укладывалось в трезвую голову. Я пил вино, ел шницель и думал, но никакого объяснения происшедшему придумать не мог. И тут снова появилась она, та вчерашняя женщина в красном.

Она, как и вчера, сидела за моим столиком и пила апельсиновый сок. Сегодня она жива и здорова, хотя я сам видел, как вчера она попала под трамвай. Она все так же смотрела сквозь меня куда-то вдаль, но что-то изменилось в ее взгляде. Мне показалось, что в глазах ее появилась мысль, она даже улыбнулась краешком губ. Улыбнулась не мне, она по-прежнему не замечала меня, улыбнулась чему-то своему, своим мыслям или воспоминаниям.

«Что здесь происходит?» – подумал я. Может быть, вообще ничего не происходит, и это все только сон? И авиакатастрофа, и этот город, и эта женщина – все это только сниться мне. Стоит проснуться, открыть глаза и ничего этого не будет. Мне захотелось проснуться, проснуться маленьким мальчиком. Мама будет будить меня, говорить, что пора вставать, собираться в школу. Стоит только зажмуриться крепко-крепко, а затем открыть глаза, и я увижу маму, обязательно увижу. Так в детстве я верил, что стоит проснуться, открыть глаза, и все плохое пройдет.

Когда-то я случайно уронил и разбил мамину любимую чашку. Была какая-то доля секунды, когда я еще смог бы ее поймать, но я не успел. Я плакал, глядя на разбитую чашку, я хотел вернуться на несколько минут назад, чтобы исправить ошибку. Но вернуться назад, и исправить ошибку было уже невозможно. Я представлял, как расстроится мама, и плакал. Мама простила меня, и снова все стало хорошо. Сейчас упал самолет, вместе с ним разбились те, кто были в нем, и судьбы тех, кто остался жив, в том числе и моя. И уже ничего невозможно исправить. И я уже никогда не увижу маму, она умерла пять лет назад. Я даже не смог приехать на похороны. А она перед самой смертью все смотрела в окно и ждала. Я знал, что она тяжело больна, мне сообщили, о том, что жить ей осталось совсем немного. Я был далеко, очень далеко и не смог приехать сразу. А когда приехал, было уже поздно. И этого тоже нельзя уже вернуть и изменить. Она жила одна. Неверное, самое страшное одиночество – это одиночество матерей, дети которых разлетелись по свету. И они ждут, ждут их всю оставшуюся жизнь.

Женщина в красном сидела передо мной как вчера. Может быть, время возвратилось на день, чтобы дать возможность кому-то исправить ошибки прошлого? Вчера она погибла под колесами трамвая, а сегодня снова жива, может быть сегодня – это вчера? Нужно что-то сделать, чтобы сегодня не случилось того, что произошло вчера. Но что для этого нужно, заговорить с ней? Так ведь она по-прежнему не замечает моего присутствия. Сейчас она встанет и уйдет, а я останусь сидеть здесь и ничего не сделаю. Нужно что-то делать, что-то делать, но что? Вот она уже допивает апельсиновый сок, осталось совсем немного, но что, что нужно сделать? Вот она делает последний глоток, ставит стакан, вытирает губы салфеткой и уходит; уходит, и идет в сторону трамвайной остановки.

Я хотел встать, закричать, позвать ее, но не смог даже пошевелиться. Я сидел и с ужасом смотрел, как стоит она на остановке, но сегодня, почему-то одна, и как неумолимо подходит трамвай. Сейчас трамвай остановиться и ничего не случится. Но он, как и вчера, не мог затормозить, он сошел с рельс и вылетел на трамвайную остановку. Женщина успела сделать шаг назад, и трамвай прошел мимо. Я не понимал, что происходит. Руки и ноги дрожали, мысли путались в голове, все казалось каким-то сплошным кошмарным сном.

Если здесь возникают какие-то петли времени, если сегодня повторяется то, что было вчера, то почему на остановке трамвая она была одна? Ведь вчера те, другие, тоже попали под трамвай? Но их нет на остановке, значит, они действительно погибли, и только она осталась жива, ее удалось спасти. Но если так, то она должна была бы еще долго находиться в больнице. Я сам видел, как ее вытаскивали из-под трамвая, синяками тут не отделаешься. Да и если бы сегодня – это вчера, то я бы не мог помнить своего ночного происшествия, ведь для меня его бы не было. Я допил бутылку вина, мысли окончательно затуманились, думать больше не хотелось, и я вернулся в номер.

Что это было за вино? На вид и на вкус белое полусладкое, ординарное вино. Но я с удивлением отметил, что никак не могу вспомнить, что было написано на этикетке. Такое впечатление, что я выпил целую бочку этого вина. Голова была тяжелая и теплая, глаза закрывались, ноги стали ватными и передвигались с трудом. Я добрался до

кровати и лег. Уснул я мгновенно, будто провалился в темную, мягкую бездну.

Проснулся ночью. Безумная, полная луна висела над самой верхушкой тополя. В голове было ясно и чисто, никаких следов похмелья. Что же это за вино? Сперва окосел от одной бутылки, а сейчас как будто бы и не пил ничего. И тут я с удивлением отметил, что впервые за все время после катастрофы, меня не преследовал мой ночной кошмар. Спать уже не хотелось. Я боялся, что стоит мне закрыть глаза, и я снова увижу горящий самолет и услышу голос ангела смерти. Было душно. Я оделся, вышел на улицу.

Бредя наугад, просто так, я вдруг заметил, что снова попал на ту же улицу, что и вчера. Все тот же одинокий фонарь горел на покосившемся столбе. Мне показалось, что кто-то пристально смотрит на меня из темноты, я обернулся, но никого не увидел. В конце улицы прямо на меня двигался автомобиль. Я шарахнулся в сторону, в ту же сторону метнулся и автомобиль. Все повторяется, и если я буду так метаться, то опять окажусь под колесами. Я застыл на месте. Я смотрел на автомобиль, как заяц на орла, и когда понял – водитель уже не сможет изменить направление, отскочил в сторону. Автомобиль промчался мимо меня и исчез, будто растворившись в темноте ночи. Вконец обалдевший и ошарашенный стоял я посреди улицы и смотрел на одинокий фонарь. Ощущение того, что на меня смотрят, не проходило. Я внимательно огляделся, и увидел его.

Обшарпанный рыжий кот смотрел на меня из подворотни желто-зелеными глазами. «Хоть ты мне можешь сказать, что здесь происходит?» – спросил я кота. «Мяу!» – ответил кот, и скрылся в темноте. Нет, на петли времени это не похоже, вчера кота не было. Как я добрался домой, как лег спать – уже не помню. А когда проснулся, то понял, что завтрак я, как обычно, проспал. Нужно идти в кафе. А может не нужно? Черт с ним, с этим кафе, именно с него все начинается, надо как-то по-другому начать день. Но я знал, как бы я не старался, начать день по-другому я не смогу. Я оделся и не спеша поплелся в кафе. Все было как всегда. Те же посетители сидели за столиками, играла все та же тихая музыка, и все так же двое вели свой бесконечный спор, не замечая никого вокруг. Я заказал кофе и бутерброд. Помня вчерашний день, вино брать я уже не стал.

Она появилась как обычно, села за мой столик и заказала апельсиновый сок. Все так же смотрела она сквозь меня, смотрела куда-то вдаль, будто меня и не было. А может быть, меня действительно нет? Я не существую для них. Возможно, правы были и Юм, и Мах, и Авенариус, считая, что мир вокруг нас – только плод нашего воображения. Меня нет в их воображении, вот они и не видят меня. Все они настолько одиноки и несчастны, что в их воображении нет ничего, корме их самих, собственные горести и проблемы полностью поглотили их, и ничто другое для них просто не существует. А разве мы не так живем в обычной жизни?

Женщина допила сок, поставила стакан, промокнула салфеткой губы и ушла. Она снова шла на трамвайную остановку. Что же произойдет на этот раз? Неужели этот чертов трамвай снова сойдет с рельс? Но трамвай подошел, спокойно снизил скорость и остановился. Женщина обернулась, как-то странно посмотрела в мою сторону, села в трамвай, он тронулся. Мне казалось, что на этот раз она посмотрела на меня, именно на меня, как тогда ночью перед полетом. Возникло странное ощущение, что больше я уже никогда ее не увижу.

Время потерянных истин

Допив свой остывший кофе, я встал и пошел в сторону сквера, где на скамейке все так же одиноко сидел старик. Я поздоровался с ним и сел рядом.

- Ну, как, – спросил он, – начинаете понемногу осваиваться в нашем городе?

- Скорее наоборот, начинаю понемногу сходить с ума. Для нормального человека, все происходящее здесь – сплошной бред.

- А Вы считаете себя нормальным? Напрасно. Нормальных людей вообще не существует, как и нормального мира. Нормальным мы считаем то, что видим каждый день, к чему привыкли. Мы привыкли к тому, что солнце всходит на востоке и заходит на западе, и для нас это нормально. Если вдруг произойдет наоборот, это будет ненормально. Но половина людей этого просто не заметят, не обратят внимания, и будут по-прежнему считать, что солнце всходит на востоке. Потому,

что для них это нормально, к этому они привыкли, и они никогда не заметят, что на самом деле все уже изменилось, все совершенно не так.

- Я понимаю, что люди поглощены своими бедами, и не видят ничего и никого вокруг. Поначалу меня удивляли двое, которые постоянно о чем-то спорят, когда все остальные молчат. Но, видимо, их нужно воспринимать, как единое целое.

- Ну вот, что-то Вы уже начинаете понимать. Не таким уж бредом кажется все вокруг, если вдуматься.

- Пожалуй, что так, а кто эти двое?

- А, это два капитана! Совершенно безнадежный случай!

- Два капитана? – я вдруг вспомнил роман Каверина, которым зачитывался в детстве. Прочитав его, я долго бредил авиацией, полярными трассами, и окончательно решил, что непременно стану летчиком. И вот, в результате я оказался здесь, в этом странном сумасшедшем городе.

- Нет, нет, – как будто прочитав мои мысли, возразил старик, – роман Каверина здесь совершенно ни при чем. Это капитаны двух судов, столкнувшихся при выходе из залива. Наверное, помните, это было несколько лет назад. Пассажирское судно затонуло, погибло много людей. Капитанов приговорили к длительным срокам заключения, но вскоре они сошли с ума и были определены в клинику доктора Вагнера. Каждый день они встречаются и спорят, кто кого должен был пропустить. Они ищут решение, и не находят его.

- Даже если они и найдут решение, то, что толку? Ведь вернуться в прошлое и исправить ошибку уже невозможно.

- Зато у них есть смысл жизни, у них есть дело, которым они будут заниматься до конца своих дней, не беда, что у задачи нет решения, есть процесс – а результат не важен.

- У меня такое впечатление, что мы все чем-то похожи на них. Даже там, за пределами этого города. Мы живем, не видя цели, что-то делаем, суетимся, нам кажется жизненно важным то, что по сути своей не имеет никакого значения, а то, самое главное, для чего стоит жить, мы уже давно потеряли.

- Время потерянных истин, – задумчиво произнес старик. – Такое время теперь настало для всех, живущих на земле. То, что каза-

лось незыблемым, вечным, рушится, как песок, рассыпается, течет сквозь пальцы, и невозможно удержать песчинки в руках. В поисках истины люди всегда обращались к Богу, но как только Бог открывал ее, всегда находились те, кто присваивал себе абсолютное право на истину, они провозглашали себя служителями Бога, и требовали от людей, чтобы люди служили им.

Три тысячи лет в древнем Египте жрецы, познав истину, решили скрыть ее от людей. Ведь Бог создал людей свободными, и если они узнают об этом, то не захотят быть рабами у жрецов. Жрецы имели власть и над фараонами, ибо человек работает на себя в меру своего знания, а в меру незнания – на того, кто знает больше. Потому жрецы и не делились знаниями даже с фараоном. Они разделили людей на господ и рабов, и хотели, чтобы так продолжалось вечно, но продолжаться вечно так не могло, и Бог открыл истину фараону, по имени Аменхотеп IV, который взял себе имя Эхнатон и объявил людям, что во вселенной есть только один Бог – Атон. Он отстранил от власти жрецов, сам стал верховным жрецом Атона, и запретил почитать всех прочих Богов. Высшей ценностью религии Атона была любовь, Эхнатон и его жена, красавица Нефертити, являли собой образец такой любви. Египет во времена Эхнатона не вел ни одной войны, расцвело искусство, искусство Амарнского периода.

Но знал Эхнатон, что когда он отойдет от власти, жрецы Амона уничтожат новую религию, вернут прежних богов и прежнюю власть. И он решил для спасений новой веры вынести ее за пределы Египта. Для этого выбрал он народ иудейский, который должен был принять и сохранить веру в единого Бога. Пророк из рода фараонов, по имени Ра Мозес, что означает дитя Солнца, должен был возглавить этот народ и вывести его в новые земли. Иудеи называли его – Моисей.

- Но, насколько мне известно, Моисей был иудеем, – возразил я. Но старик утверждал обратное, он говорил так, будто сам был свидетелем событий библейской древности. Кто знает, сколько лет прожил этот старик, над которым не властно время.

- Ветхий завет гласит, что Моисея нашла и воспитала семья фараона, но это вымысел. Царская семья никогда не стала бы воспитывать подкидыша, член царской семьи наследует власть, а власть не могут передать тому, в чьих жилах течет чужая кровь. Нет, Моисей

был египтянином, он даже с трудом владел иудейским языком, и к нему был приставлен переводчик, Аарон, названный в Ветхом завете его братом, который и сыграл злую роль в судьбе Моисея. К тому времени, как вывел Моисей народ иудейский из Египта, Эхнатона уже не было среди живых. Жрецы Амона отравили его, вернули прежних богов, и извратили учение, которое Моисей должен был даль людям. Вместе с Моисеем и иудеями ушли и левиты, посвященные жрецами Амона, и лишь им одним дозволялось исполнять обязанности священников среди иудеев. Тайно сопровождал странствующий народ иудейский великий жрец Ур Табит. Он с помощью левитов подстрекал недовольных к восстанию против Моисея, участвовал в заговоре и Аарон, сделавший золотого тельца, он объявил его богом, который вывел народ иудейский из Египта, и призвал людей молиться идолу.

Моисей, вернувшись с горы Синая после молитвы, был поражен вероломством своего соратника, Аарона, восставшие убили пророка, разбили скрижали с заветами Божьими. Восстание было жестоко подавлено левитами, и место Моисея занял жрец Ур Табит, чтобы народ не заподозрил подмены, он покрывал свое лицо во время беседы с людьми, сославшись на то, что от лица его исходит сияние, которое может напугать людей. Вместо разбитых скрижалей он показал людям новые, на тех, разбитых, было начертано: «Бог – есть любовь», а на тех, что были даны взамен: «Око за око – зуб за зуб».

С той поры и исчисляется время утраченных истин. Людям позволено выбирать между одной и другой ложью, истина скрыта от них. Бог открывал истину Христу, Магомету и Будде, но находились те, кто извращали учение пророков, они узаконили рабство на Земле, объявив всех людей рабами Божьими. Люди разделены на элиту и толпу, но ни толпа ни элита не обладает истинным знанием. Смысл жизни перевернут с ног на голову – человек потребляет для того, чтобы жить, но если смысл жизни скрыт, то все меняется местами – человек живет для того чтобы потреблять, получать удовольствие от еды, выпивки, секса, зрелищ, роскоши, и так далее. Те, кому это доступно в полном объеме – составляют элиту, класс господ, остальные – это толпа, рабы. Но потребительское отношение к жизни ведет человечество в тупик, с ростом производства растет и потребление, причем растет безгранично.

Еще на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков Томас Мальтус заметил, что народонаселение растет в геометрической прогрессии, а производство товаров потребления – в арифметической. Рано или поздно наступит предел, планета не сможет прокормить человечество.

Элита поняла, что уже сегодня возможности Земли прокормить шесть миллиардов населения подходят к концу, и всполошилась. Они организовали, так называемый, Римский клуб, основателем которого считается вице-президент фирмы "Оливетти" Аурелио Печчеи. Исследования, проведенные по их заказу, показали, что существовать безбедно, продолжая тенденции неограниченного потребления, может на Земле на более одного миллиарда человек, остальные обречены на вымирание от голода и нехватки энергоресурсов. Так возникла теория «золотого миллиарда». Нужно искусственно ограничить рост населения, предоставив представителям элиты возможность безграничного потребления, объединить общей системой США, Западную Европу и Японию, а остальные страны использовать лишь в качестве сырьевых придатков.

- А если народы этих стран не согласятся с отведенной им ролью? Тогда что, опять война?

- Локальные войны и так идут беспрерывно, но они не решают проблемы в целом, а мировая война с изобретением ядерного оружия – просто бессмысленна, в этой войне не будет победителей. Но военное оружие – это еще не все. Есть и другие, например, генетическое. Табак, алкоголь, наркотики, генетически модифицированные продукты. Военное оружие убивает только воюющее поколение, генетическое закладывает программу деградации личности на несколько поколений вперед. Народ, потребляющий более восьми литров алкоголя на душу населения обречен на деградацию, в России сейчас потребляют более двадцати. Смертность превышает рождаемость. Вот вам и решение проблемы народонаселения не военными средствами.

Есть и психологическое оружие – это музыка, кино, телевидение, средства массовой информации. Музыка действует непосредственно на подсознание, минуя сознание, тяжелый рок разрушает психику человека, и именно его так усиленно внедряют в жизнь молодежи. Пропаганда секса, насилия, потребительского отношения к жизни

звучит с экранов телевизоров и кино, проводится в печати, в литературе, в рекламе, во всем, что человек может увидеть и услышать.

Если человек ежедневно выпивает хотя бы одну бутылку пива, курит, смотрит сериалы, слушает тяжелый рок, он постепенно теряет свои человеческие качества и превращается в рабочий скот, в зомби, в биоробота. Ему уже не до поиска истины, ему нет дела до проблем человечества, ему нужно только одно – пива и зрелищ, остальное его не волнует.

Сейчас все направлено на то, чтобы лишить человека личностных качеств, сделать из него некий биологический механизм для производства продуктов потребления, не способный думать, принимать решения и восставать против своих хозяев. Пропасть между элитой и толпой растет, дальше работает наследственность, из черни никогда не родится князь. В Индии сейчас около четырехсот миллионов людей живут не просто за чертой бедности, они живут хуже бродячих животных. Это низшая каста – «маленькие люди», у них нет имен, нет работы, нет жилья. Но ни один борец за «права человека» ни одним словом не обмолвился об их существовании, никто не вступился за их права. Это идеал будущего общества: элита и безликая толпа, то к чему ведет теория «золотого миллиарда».

Несколько минут на том свете

Время шло. Проходили дни за днями. Каждое утро ходил я в кафе, в котором все повторялось, так же как и прежде. Все так же тихо играла музыка, все те же посетители сидели за столиками, все так же вели свой бесконечный спор два капитана. Но женщина в красном больше не появлялась.

На этот раз я решил не опаздывать на завтрак. Я собирался и думал, чем бы заняться сегодня, когда раздался стук в дверь. Я открыл, на пороге стояла та самая медсестра, которая встретила меня в этой клинике.

- Доброе утро! Собирайтесь, я провожу Вас к доктору!

- Что-то случилось? – удивился я. Я уже привык к тому, что был предоставлен сам себе, а тут, вдруг, меня собирается принять доктор!

- Ничего не случилось, просто Ваш лечащий врач, хочет побеседовать с Вами.

Ничего не ответив девушке, я последовал за ней. Кабинет, в котором ждал меня доктор, находился тут же, в здании гостиницы. Была ли это гостиница или лечебный корпус, я точно определить не мог.

- Входите сюда, – сказала мне медсестра, указав на дверь, и решив, что на этом ее миссия окончена, не сказав ни слова более, удалилась. Я вошел, и увидел довольно просторный кабинет. Прямо напротив двери, у окна, находился стол, за которым восседал доктор, лет тридцати, брюнет с выражением лица опереточного героя-любовника. Аккуратно постриженные усы не опускались ниже верхней губы, из-под белого халата был виден воротничок рубашки, идеально белый, тщательно накрахмаленный.

- Здравствуйте, Сергей Николаевич! – приветствовал меня доктор, как старого знакомого. – Садитесь, как мы себя чувствуем? – он протянул мне руку. – Доктор Розенберг, Иван Семенович, ваш лечащий врач. Правда, лечения, как такового, практически нет, скорее я Вас наблюдаю, а не лечу. Да, и лечить-то Вас вовсе не нужно, поверьте мне, Вы абсолютно здоровы, просто некоторое время нужно за Вашим состоянием понаблюдать, да и некоторые Ваши навыки восстановить.

Слова лились из него, как из динамика магнитофона, работающего на повышенной скорости воспроизведения. Манерой выражать свои мысли он и впрямь напоминал опереточного актера.

- Как себя чувствуем? Что беспокоит, как сон, аппетит? Надеюсь, здесь Вас уже не преследуют ночные кошмары?

- Да, вроде бы все нормально, кошмары действительно сейчас не так мучают. Но, совсем недавно, со мной произошел довольно странный случай. Понимаете, на пустой, совершенно пустой улице, я угодил под грузовик. Причем, переехал он меня колесами так, что живым остаться я не мог. Но, когда утром очнулся, то не было никакой боли, никаких повреждений на теле!

- Да, не может быть! – доктор рассмеялся. – Это обычный комплекс пациента: бывает, палец порежут, а считают, что все, конец, даже сознание теряют. Повезло Вам, голубчик! Невероятно повезло! Шофер успел затормозить прямо перед Вами, не причинив Вам ника-

кого вреда! А Вы в оброк упали, нервы не выдержали. Я тогда на скорой дежурил, выезжал на место происшествия. Еще чуть-чуть, и все могло бы обернуться для Вас не столь благополучно!

- Но, я почувствовал удар бампера по голове, была страшная боль, потом…, – Я вспомнил о следе протектора на рубашке, но промолчал. Что-то не то, совсем не то, почудилось мне в напускной веселости доктора.

- Ну, дорогой Вы мой, почувствовали Вы то, чего ожидали. Вы ждали удара, вот его и ощутили. Все это, знаете ли, особенности нашей психики, мой друг, и не более! Существует только наша мысль, голубчик, только мысль и ничего более. Именно мысль вызывает у нас ощущение боли, страдания, радости, счастья.

Я хотел спросить его о той женщине, которая погибла под колесами трамвая, но на следующий день живая и невредимая сидела в кафе, за столиком напротив меня. Но понял, что ответа я не получу, скорее всего, он убедит меня, что все это произошло только в моем воображении. А может быть, это и в самом деле, было все именно так?

- А, теперь, – сказал доктор, – мы должны приступить к тренировкам. Психологическая реабилитация, знаете ли, заключается не только в том, чтобы избавить Вас от ночных кошмаров. Вам нужно еще и восстановить утраченные навыки, скорость реакции, и так далее. Надеюсь, Вы уже достаточно отдохнули, а теперь приступим к работе, к серьезной работе! Идемте за мной в тренажерный зал.

В тренажерном зале я увидел центрифугу, именно такую, на которой проходят тренировки пилоты истребительной авиации и космонавты для адаптации организма к перегрузкам.

- Ну, как? Знакома Вам такая карусель?

- Вполне.

- Вот, и ладненько! Тогда садитесь, начнем работать. Все просто: загорается лампочка – нажимаете кнопочку. А я буду постепенно увеличивать перегрузку.

Я занял свое место и приготовился к работе. С первого взгляда, кажется все просто, но это совсем не так. Чем больше перегрузка, тем сложнее следить за загоранием ламп. Автомат фиксирует время реакции и количество пропущенных операций.

- Готовы? Ну, тогда, как говорил Юрий Гагарин, – поехали! Доктор включил центрифугу.

Сперва перегрузка была небольшой, я вовремя нажимал на кнопки при загорании лампочек. Двукратную перегрузку переносит нормально любой здоровый человек, даже не подготовленный. Дальше – хуже. Чем выше перегрузка, тем труднее поднять руку, чтобы дотянуться до кнопки, когда перегрузка доходит до пяти, кровь отливает от мозга и начинает темнеть в глазах.

Я уже стал пропускать некоторые сигналы, не успевал поднять руку, в глазах темнело, по лбу катился градом пот, а перегрузка росла. Последний раз я проходил такую тренировку еще тогда, когда летал на истребителях, в транспортной авиации у нас этих тренажеров не было. За это время привычка к работе в таких условиях была утрачена. По результатам, которые выдала машина после тренировки, я не дотягивал даже до «троечки».

- Ничего, – успокоил доктор, – для первого раза вполне неплохо! Сейчас идите, отдыхайте, а завтра продолжим. Жду Вас здесь, в это же время.

Я доплелся до своей комнаты, и обессиленный свалился на кровать.

Тренировки продолжались изо дня в день, кроме центрифуги, были и другие тренажеры, развивающие мышцы, вестибулярный аппарат, укрепляющие психику. Нагрузки постепенно увеличивались. Меня уже перестали мучить по ночам кошмары, не терзали вопросы о загадочных происшествиях в этом городе. Идя по улицам, я уже не замечал прохожих, так же как и они не замечали меня. Даже старик, сидящий на скамейке в парке, меня больше не интересовал. Он был прав, я привык к этому городу, и ничего в нем не казалось мне необычным. Но однажды произошло то, что заставило меня серьезно задуматься.

Была обычная тренировка на центрифуге. Я уже окончательно выбился из сил, но перегрузка продолжала расти. В глазах потемнело, сознание угасло, как догорающая свеча, наступила полная тьма и небытие. Потом я увидел, откуда-то сверху, свое неподвижное тело, распластанное на столе, к которому были подключены какие-то трубочки и провода. Два доктора склонились надо мной. Одним из них

был мой лечащий врач, доктор Розенберг, другой был мне не знаком. Это был немолодой, лысеющий человек. Лица его я рассмотреть не мог, сверху мне отчетливо была видна лишь его лысина. Он выпрямился, посмотрел на Ивана Семеновича, и начал его распекать.

- Что Вы наделали, доктор? Вы явно перестарались! Такие перегрузки не дают даже космонавтам! В результате – остановка сердца! Вы испортили материал! Да, с Вами просто невозможно работать!

- Но, я каждый раз увеличиваю перегрузки, Вы же знаете. Просто материал оказался не пригодным к дальнейшей работе. Он и первоначальный тест, с автомобилем, не прошел с первого раза. Никакой реакции, полная растерянность, его раздавило как котенка! Не стоило его брать в работу!

- Стоило или не стоило – это мне решать, а не Вам! Не все с первого раза проходят тест! Но, после клонирования, он тест прошел, и довольно успешно! А, сегодняшняя остановка сердца – это результат Вашей полной безответственности!

- А, может быть, клонируем его еще раз?

- Что? Да, что Вы несете?! Вы, хоть что-то соображаете, доктор? Да, представляете ли Вы себе, сколько это все стоит? Вы бездарный, безответственный человек! Вы меня просто разорите! И зачем только я взял Вас в клинику! Выгоню! Выгоню, к чертовой матери! Пойдете работать фельдшером в районную поликлинику! Нет, санитаром! Да Вас, вообще, к медицине и близко подпускать нельзя!

Доктор Розенберг стоял молча, низко понурив голову. От его былой самоуверенности не осталось и следа.

- Короче так, доктор, – подвел итог незнакомый мне врач, – если не запустите сердце, материал списываю, а Вас увольняю! Да, что же Вы стоите как студент, потерявший шпаргалку? Принимайте меры, а то будет поздно! Что, я должен за Вас все делать?!

Сознание возвращалось ко мне, нарастало ощущение тяжести тела, вместе с болью и усталостью. Я открыл глаза и увидел озабоченное лицо Ивана Семеновича, склонившееся надо мной. Кроме него, в кабинете больше никого не было.

- Ну, наконец-то, пришли в себя! – облегченно вздохнул доктор.

- Что случилось со мной, – спросил я, – что это было?

- Ничего, ничего страшного. Просто Вы переутомились, потеряли сознание. Нужно немного отдохнуть. Идите к себе, отдыхайте – и сегодня, и завтра. Потом продолжим физические тренировки, но в более облегченном режиме.

Я вернулся в свою комнату и лег на кровать. Что же все-таки произошло? Действительно, остановка сердца? Значит, некоторое время, я был мертв? Клиническая смерть? Мне не раз приходилось читать и слышать, что иногда, люди в состоянии клинической смерти, видят свое тело, как бы со стороны. Но со мной такого еще ни разу не происходило. Что это: сон, или бред угасающего сознания? Они что-то говорили о клонировании, неужели меня клонировали? Тогда, когда я попал под машину? Значит, меня действительно раздавил грузовик? Клонирование, клонирование … Бред какой-то! Все, что я когда-то слышал о клонировании, никак не соответствовало тому, о чем говорили эти люди. Да, где-то, то ли в Англии, то ли в Америке, ученые клонировали овцу. Но об опытах с людьми мне ничего слышать не приходилось. Мои скудные сведения о клонировании, основанные на информации из телевизионных новостей и заметок в газетах, сводились к тому, что на основе клетки можно вырастить копию живого организма, но чтобы сразу, так, получить дубль погибшего человека? О таком слышать мне еще не приходилось.

Если то, что я услышал, находясь между жизнью и смертью, а может быть после смерти, правда, то что же все-таки происходит в этой клинике?

Искушение ангела смерти

Вскоре физические тренировки закончились, вернее они продолжались, но не так интенсивно, и с меньшими нагрузками. Основное время стали занимать занятия на авиационном тренажере. Но это был не настоящий тренажер, сделанный на основе кабины реального самолета. Это была компьютерная программа, моделирующая полет. Я сидел перед экраном монитора и, держа в руках джойстик, вместо штурвала, пилотировал летательный аппарат, который представлял собой всего лишь компьютерную модель.

Но это был не Ил-76, на котором я летал, а американский транспортник «Геркулес», С-130. Мой инструктор, подполковник авиации, сказал, что более походящей модели в компьютере просто нет. Я взлетал с различных аэродромов, вел самолет по маршруту, садился в сложных метеорологических условиях, выполняя разнообразные задачи, которые ставил мне инструктор. Аэродромы эти располагались где-то в Африке, в Азии, и еще черт знает где, но только не в России. На мой вопрос, а нет ли здесь наших аэродромов, он только пожал плечами:

- Ничего не могу сказать, программа-то, американская.

Время шло, задачи усложнялись, и хотя я не слишком доверял реализму компьютерного тренажера, выполнить их порой было не так уж просто. Я вновь и вновь мысленно возвращался к обстоятельствам катастрофы, которая привела меня сюда. Поскольку доступ к компьютеру, где была программа тренажера, мне никто не ограничивал, то в свободное время я находил наиболее подходящие аэродромы, и пытался снова и снова смоделировать тот роковой полет.

Скрупулезные расчеты и анализ различных вариантов показали, что ни при каких обстоятельствах при построении прямоугольного маршрута, я бы не успел посадить самолет. Даже при разворотах с креном 45 градусов, и высоте менее 50 метров над горами, самолет бы развалился на прямой перед самой полосой еще до высоты принятия решения[9]. Оставался единственный вариант – это посадка обратным курсом. Посадка вслепую, без средств радионавигации.

Разворот на девяносто, потом на двести семьдесят градусов, и самолет окажется на посадочном курсе. Нужно только строго выдерживать постоянную скорость и крен. Но… Вот тут то и начинаются всякие «но», которые неизбежно приводят к ошибке.

Во-первых, разворот в сторону работающих двигателей выполняется медленнее, значит, радиусы правого и левого разворотов не будут одинаковыми. Погрешность можно компенсировать креном[10]. Крен правого разворота должен быть больше, чем крен левого.

---

[9] Высота принятия решения – высота, на которой еще возможен уход на второй круг.

[10] Чем больше крен, тем меньше радиус разворота.

Во-вторых, ветер, какого бы он ни был направления, превратит круг в эллипс. Где-то в процессе разворота следует увеличить, а где-то уменьшить крен. Но все равно, погрешность неизбежна. Хотя она и должна быть не слишком велика, точно выйти на посадочный курс не удастся. При нормальной видимости это не страшно, пару доворотов вправо, влево и мы на посадочном. Но видимости нет, нет и средств радионавигации.

Стоп! Почему же нет? Есть ведь приводные радиостанции[11] на противоположном курсе! Ближний привод становится дальним, а дальний – ближним. Но они расположены с другой стороны полосы, а нужны контрольные точки глиссады. Что же толку в этих приводах, если мы над ними не проходим! Все это так, но ведь створ посадочной полосы по ним определить можно. Можно, но ошибка даже на небольшой угол приведет к значительному линейному уклонению. Полградуса – сорок метров в сторону от полосы. Много.

Курсоглиссадная система[12] работает на противоположный порог, но кое-чем помочь сможет. С глиссадой все ясно. Глиссадный маяк[13] не спасает. А вот курсовой[14] может пригодиться. Дело в том, что

---

[11] Приводные радиостанции – радиостанция, установленная перед посадочной полосой, позволяющая осуществлять заход на посадку «по приводам». Обычно устанавливается радиостанция дальнего привода на расстоянии 4 км от торца посадочной полосы, и ближнего – на расстоянии 1 км от торца. Обе радиостанции снабжены маркерным передатчиком, позволяющим пилоту определить момент пролета маяка.

[12] Курсо-глиссадная система – система обеспечения слепой посадки, состоящая из глиссадного и курсового радиомаяков.

[13] Глиссадный маяк - радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал вдоль глиссады, для автоматического или ручного (на основании показаний приборов) удерживания самолета на глиссаде.

[14] Курсовой радиомаяк – радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал, по курсу посадки самолета, для автоматического или ручного выдерживания посадочного курса самолета.

любая, даже узконаправленная антенна излучает два лепестка, один вперед, другой назад. Задний лепесток значительно слабее, но все-таки, мы должны его увидеть вблизи полосы. А раз увидим, то увидим все с точностью до наоборот. Если вертикальная стрелка прибора отклоняется вправо, то нужно будет довернуть влево, чтоб исправить погрешность. Вот и решение! На душе стало легче, оттого что правильное решение все-таки может существовать.

Я проверил эту методику на компьютерной модели. Первый заход оказался неудачным, я вышел правее посадочной полосы. Но после ряда попыток, я добился того, что при любом направлении ветра, и минимальной видимости я уверенно выходил на посадочный курс.

Время шло. И, хотя я по-прежнему не общался ни с кем, жизнь в городе стала казаться не такой уж невыносимой. Я уже привык к нему, к его обитателям, я узнавал их, мысленно здоровался с ними, желал удачи, скорейшего выздоровления и прочее. Затем я вообще перестал считать, что они больны. К каждому из них у меня сложилось свое, определенное отношение. Я искренне сочувствовал двум капитанам, любил как дочь девушку с вечно растрепанной прической, пробегавшую каждое утро мимо кафе, ненавидел грязного старика, собиравшего окурки на трамвайной остановке. Но больше всего я хотел увидеть ее, эту женщину в красном, не она ли была призраком моих видений и снов? Но она больше не появлялась, и я подумал, что неверное уже не увижу ее никогда.

Мы, жители этого города не знали ничего о том, что происходит в мире. У нас не было ни газет, ни телевидения, ни радио. Сперва меня это раздражало, но потом и к этому я привык. Я не знал, сколько мне еще придется прожить здесь, но со временем это перестало меня беспокоить. Я привык.

Так прошло лето, наступила осень. Тяжелые, низкие облака поплыли над городом. Ветер срывал желтые листья, кружил их по улицам, скверам и дворам. Косыми дождями занавесило горизонт, становилось холодно и печально. Кафе на улице закрыли, столики перенесли в помещение. В нем каждое утро собирались все те же посетители, все так же молча ели они свой завтрак, играла все та же печальная музыка, и вели свой нескончаемый спор два капитана. Но, несмотря

на дождь, холод и ветер, на скамейке в сквере, в любую погоду, по-прежнему сидел старик.

Однажды, в полусонном бреду осенней ночи, я снова увидел ее. Она смотрела на меня сквозь оконное стекло долгим, печальным взором. Слезинка дождя застыла на ее щеке. Она хотела что-то сказать, но не могла, и только смотрела сквозь стекло, грустными, полными печали глазами. Потом она повернулась и ушла. Она остановилась, обернулась, еще раз взглянула на меня, и растаяла в тумане осенней ночи. Она была похожа, и в тоже время не похожа на ту женщину из кафе, еще мне казалось – что-то изменилось в ней, взгляд ее по-прежнему был печален, но не было в нем той безысходной тоски, как в ту ночь, перед роковым вылетом.

Я встал, подошел к окну. За окном шел дождь, монотонно завывал ветер, раскачивая тополь у балкона. Он обрывал пожелтевшие листья и, кружа их в каком-то неистовом танце, уносил во тьму. За окном была только сырость и мрак. В дверь постучали.

Впервые за время моего пребывания в этом городе кто-то постучал в мою дверь. До этого никто никогда ко мне не обращался, кроме доктора Розенберга и моего инструктора, но ко мне в комнату никто из них не входил. Не было ни стуков в дверь, ни телефонных звонков. Я сам несколько раз пытался позвонить, но мне никто никогда не отвечал. Возможно, мне это только показалось, и в дверь никто не стучал, но стук повторился. Я подошел к двери и, не спрашивая, открыл. На пороге стоял мой инструктор, подполковник авиации. Он вошел.

- Здравствуйте, Сергей Николаевич, – сказал он.

- Здравствуйте, проходите, – ответил я, – чем обязан?

- Извините, что беспокою Вас среди ночи, но нам срочно требуется Ваша помощь.

- И чем же я могу Вам помочь?

- Вы, наверное, уже знаете про землетрясение?

- Нет, ничего не знаю, ни газет, ни телевидения, ни радио у нас нет, так что не знаю ничего, что творится в мире.

- В горах Армении произошло землетрясение. Полностью разрушен город, пострадали близлежащие села. Мы подготовили самолет с ротой десантников для оказания помощи пострадавшим. Но случи-

лось несчастье. По дороге на аэродром командир Ил-76-го, который должен сейчас вылетать, попал в аварию. Его только что отвезли в госпиталь, жизнь в не опасности, но за штурвал он сможет сесть не скоро.

- И чем же я Вам должен помочь?

- Но Вы же были командиром Ил-76-го!

- Вот именно, был. Я уже год не летал после катастрофы. Я не могу сесть за штурвал. Ввод летчика в строй после большого перерыва, особенно связанного с летным происшествием, – длительный и не простой процесс. Нужна серьезная подготовка. Это Вам не автомобиль – сел и поехал. Что у Вас нет другого экипажа?

- Ни другого экипажа, ни другого командира у нас нет.

- И самолет у Вас единственный в ВВС? Вызовите самолет с другого аэродрома!

- На это уйдет масса времени, а счет идет на часы, даже на минуты. Чем позже мы туда прилетим, тем меньше шансов спасти тех, кто еще остался в живых.

- А как Вы расцениваете шансы угробить тех, кто должен лететь на помощь пострадавшим?

- Но Вы же опытный летчик, что Вы такое говорите!

- Потому и говорю, что опытный летчик. Я был летчиком, понимаете, был! Летчик должен летать, а я уже год сижу на земле! Я не могу лететь прямо сейчас, без подготовки. Вы же авиатор, должны понимать, что пилот без постоянной практики теряет свою квалификацию.

- У нас многие пилоты не имеют той летной практики, которая необходима. С тех пор как Вы последний раз сидели за штурвалом, многое изменилось. Самолеты стоят на земле. Нет горючего. Каждый вылет, это событие. Летные училища выпускают офицеров, пилотами их назвать нельзя, они не имеют ни единого часа налета! Мы с таким трудом собрали этот экипаж, нашли единственный самолет с ресурсом, и на тебе! Командир едет на аэродром, спешит, его заносит на скользком повороте, машина переворачивается, и он с сотрясением мозга оказывается в госпитале.

- Но ведь то, что Вы предлагаете – это бред! Вы не могли придумать ничего лучшего, как взять бывшего летчика из сумасшедшего

дома и посадить за штурвал самолета! Ну ладно, я живу в городе сумасшедших, но Вы-то живете в нормальном городе, в нормальной стране!

- Мы живем в нормальной стране? – подполковник рассмеялся. – Да вся наша страна превратилась в сплошной дурдом! Вы даже не представляете себе, что творится в государстве и в армии!

- Неужели все так плохо?

- Лучше не спрашивайте, сами увидите! А насчет Вас, так это напрасно. Во-первых, это не сумасшедший дом, а клиника психологической реабилитации. А во-вторых, мы уже справлялись о Вашем состоянии, Вы прошли полный курс, и Вас на днях должны выписать.

- А как на счет заключения медкомиссии о пригодности к летной работе? Кто меня допустит к полету без медицинских документов?

- Ну, это не более чем формальность. Это я беру на себя.

- А не слишком ли много Вы берете на себя? Лететь-то мне! Хотя бы один вывозной полет, для восстановления уверенности в себе Вы мне дадите?

- У нас нет такой возможности. Но Вы прекрасно справлялись с самыми сложными задачами на тренажере. В Вашей подготовленности я ничуть не сомневаюсь.

- Сравнили! Компьютерную программу и реальный самолет! Да, самый совершенный тренажер не дает полного реализма полета! А тут это недоразумение в виде экрана с джойстиком!

- Напрасно Вы так относитесь к возможности компьютерного моделирования. Уверяю Вас, за этим стоит большое будущее!

- Как бы там ни было, а за штурвал без подготовки я не сяду.

- Будет Вам подготовка. Предполетная.

- Смеетесь? Я говорю о другой подготовке, о вводе пилота в строй после длительного перерыва.

- Знаете, как готовили пилотов во время войны? Взлет, посадка и в бой!

- А у нас что, война?

- У нас критическая ситуация, стихийное бедствие, у нас не учебные полеты, мы летим спасать людей. Решайтесь, всю ответственность я беру на себя.

- Ответственность берет на себя тот, кто поднимает самолет в воздух, и не только за себя. После того, как он отдаст команду: «Экипаж, взлетаем!», уже никто не сможет взять на себя ответственность за то, что произойдет в воздухе по его вине!

Я понимал, что все это похоже на какой-то невероятный бред, что я не должен соглашаться ни в коем случае. Но, прикрыв глаза, я увидел кабину самолета, ощутил теплую рукоятку штурвала, услышал ровный гул моторов и голос руководителя полетов: «Взлет разрешаю!». Может быть, больше мне никогда не представится возможность взлететь. Каким бы безумием это ни казалось, я согласился.

К рассвету мы были уже на аэродроме. Светало. Низкие, тяжелые облака уходили на запад, дождь кончился, и на востоке появился краешек светлого неба. Познакомившись с экипажем, я приступил к изучению маршрута. Условия взлета были обычны. Метеоусловия тоже не обещали быть слишком сложными. А вот аэродром посадки. Слишком уж он напоминал мне тот, с которого я в последний раз поднимал самолет. Он был также расположен в горах, вернее в долине между гор. И радионавигационные средства были расположены только со стороны долины, и горное озеро в конце полосы. Но прогноз погоды был обнадеживающий. Казалось, что на этот раз все должно быть хорошо, худшего, чем случилось, уже случиться не может.

Но при подготовке к полету выяснилось, что на два двигателя вообще отсутствует документация, а у двух других ресурс был на пределе. Позднее, уже после полета, я узнал, что эти движки были сняты с другой машины, и считались списанными и утилизированными. Ресурс планера тоже вызывал сомнение, по одним документам его, вроде бы продлевали, а по другим – нет. Было такое впечатление, что самолет собирали из запчастей перед самым полетом. Подполковник, который обещал взять всю ответственность на себя, как выяснилось, лететь с нами не собирался.

- И где же ваш самолет с ресурсом? – ехидно спросил я.

- Но другие машины еще хуже!

- Что, в военно-транспортной авиации не осталось ни одной нормальной машины?

- Все нормальные машины давно продали коммерческим структурам, все равно они на земле стоят без горючего. Что осталось, на том и летаем!

Но это было еще не все, при загрузке самолета оказалось, что кроме десантников, погрузили еще и инженерную технику, и взлетный вес на пять тонн превышал максимально допустимый. Оставалось только одно, посадить за штурвал летчика из сумасшедшего дома, так как ни один нормальный и здравомыслящий пилот лететь бы на таком самолете не стал.

Общаясь с людьми, которые жили, в отличие от обитателей нашего города, в обилии телевизионных программ, радио и газет, я узнал, как изменился мир за время моего пребывания в клинике доктора Вагнера. Большая, могучая страна, которую когда-то мы гордо называли Родиной, рассыпалась, как карточный домик. Множество независимых государств, которые образовались на просторах бывшей «великой и могучей», хотели непременно иметь свою армию, свой флот, и уж конечно, свою авиацию, но денег на все это не хватало. Город, в котором я жил спокойной и беззаботной жизнью, оказался на территории Украины. И мне было совершенно не понятно, почему на всей территории бывшего Союза Советских социалистических республик только в независимой, «самостийной» Украине, только в этом городе, нашелся единственный почти исправный самолет, способный, может быть, даже взлететь, для того чтобы спешить на помощь пострадавшим от землетрясения жителям независимой Армении. Мне, привыкшему к логике и спокойной жизни обитателей сумасшедшего дома, была совершенно не понятна логика реального мира постсоветского пространства. Все казалось мне в нем абсурдным и не логичным.

Что же это такое? Не успел я найти решение задачи, как мне предлагают на практике проверить свои расчеты? Неужели я забыл, как звучит голос ангела смерти? «Велик левый крен». Все повторяется. Аэродром, самолет, который может подвести в любой момент. Что это? Искушение? Искушение ангела смерти. Эта женщина, она снова предупреждала меня.

Послать бы все к чертовой матери и вернуться в свой город сумасшедших, который стал казаться мне раем по сравнению с тем, что творилось в нормальном мире. Но вернуться я уже не мог. Не чувство

долга, не сострадание к людям, очутившимся в беде, заставляло меня лететь на перегруженной машине с моторами, которые могли отказать в любой момент. Нет, сам себе я хотел доказать, что еще на что-то годен, что я могу сделать то, чего не могут, от чего непременно отказались бы другие. Искушение оказалось слишком велико.

Двигатели взревели на взлетном режиме, заполняя пространство рыком льва, готовящегося к прыжку. Самолет разгонялся крадучись и прижимаясь к земле, как зверь, настигающий свою жертву. Скорость росла, а самолет все не отрывался от земли, он все бежал и бежал, и полоса заканчивалась. Земля никак не отпускала в небо перегруженный самолет. Я тянул штурвал на себя, но машина упрямо не хотела поднимать нос. Тормозить было уже поздно, либо мы сейчас взлетим, либо выкатимся за пределы полосы и разобьемся. Холодный пот струйками стекал по спине, руки впились в рукоятки штурвала. Мы оторвались с последней плиты и шли в нескольких метрах от земли, медленно набирая скорость. Хорошо, что впереди была только степь, гладкая, ровная степь, ни гор, ни леса. Я перевел самолет в набор высоты. Метр за метром, не спеша, отдалялись мы от земли. Наконец самолет набрал высоту и лег на курс. Полет до аэродрома посадки прошел без происшествий.

После посадки выяснилось, что мы были далеко не единственными, и даже не первыми, кто спешил на помощь пострадавшим. На стоянке уже были два российских «ила» и один украинский «ан».

В процессе разгрузки из разговора десантников, состоящего из смеси русских и украинских слов, мата и пожеланий кому-то, чего-то, куда-то в определенном количестве, я понял, что техника, из-за которой мы чуть не разбились на взлете, оказалась совершенно бесполезной, так как впопыхах забыли погрузить какое-то оборудование, без которого применение этой техники в горных условиях было невозможно.

После того, как тяжелая техника выползла из фюзеляжа, мы отправились на обед в столовую, где уже собрались другие экипажи. Там я встретил тех, с кем когда-то вместе служили, встречались, учились в училище и в академии. Завязался обычный для такого случая разговор. Мы вспоминали прошлое время, старых друзей, из которых не все дожили до нынешних времен, делились своими радостями и

бедами. У кого-то оказалась бутылка спирта, мы выпили за встречу, помянули погибших и умерших и выпили за то, чтобы количество взлетов совпадало с количеством посадок. Мы снова были одной семьей, у нас были одинаковые проблемы, одинаковые беды, мы летали в одном небе. И нам было совершенно не важно, что у нас разные государства, разные правительства, разные президенты – мы были прежними.

- Помнишь Колю Клименко? – спросил майор, штурман российского «ила».

- Который летал правым пилотом на Ан-26-том?

- Да, потом он переучился на Ми-8 и стал командиром эскадрильи на севере.

- Это редкость, когда летчики на вертолеты уходят.

- На «анах» он еще бы долго в правом кресле катался, а тут уже через год стал командиром, а вскоре и эскадрилью получил, мы с ним еще майора вместе обмывали.

- Давно я уже его не видел, с тех пор как он на вертушки ушел, не встречал его больше.

- А я на севере с ним встречался, на одном аэродроме служили. А потом…

- Что потом?

- Да, потерялся он, где-то в Афгане. Сбили его, попал в плен. Говорят, видели его потом, вернулся, сейчас лежит в каком-то дурдоме.

- Да, всякое бывает.

Я вкратце рассказал свою историю, умолчав о том, что за штурвал сел прямо из сумасшедшего дома. В это вряд ли бы кто поверил. Рассказывал подробности того полета, говорил о госпитале, но ни слова о клинике доктора Вагнера я не сказал.

Доктор Архангельский

Тут же, на территории аэродрома разворачивался полевой госпиталь. Полковник медицинской службы, руководивший этой работой, оказался моим старым знакомым. Это был доктор Архангельский,

Станислав Викторович, высокий, стройный, седеющий мужчина, с задумчивым выражением лица, граничащим с печалью. Тот самый доктор, начальник хирургического отделения военного госпиталя, который буквально собрал меня по частям после неудачного катапультирования с Су-11, и вернул в авиацию, к летной работе.

Встретиться и поговорить мы смогли только вечером, когда работы по развертыванию полевого госпиталя были завершены. Он пригласил меня в свой кабинет, оборудованный в салоне автомобиля, покрытого, бессмысленной с точки зрения практики, но являющейся непреложным атрибутом военных объектов, маскировочной сетью. Но у меня, привыкшего к военно-полевому быту, эта маскировочная сеть не вызвала ощущение дисгармонии, как и другие маскировочные сети на территории нашего лагеря, включающего военно-полевой госпиталь, палатки спасателей, штаб и узел связи.

Стемнело. Станислав Викторович шел впереди, освещая фонариком путь; заглушая пение цикад, стрекотали дизель-генераторы, обеспечивающие электроэнергией наше хозяйство. По лесенке мы поднялись в салон автомобиля, доктор включил свет. В салоне находился стол, кресло, две лавки-кушетки по бокам, да шкаф с медицинскими препаратами. Станислав Викторович достал из портфеля колбасу, хлеб, сало и флягу медицинского спирта, разбавленного родниковой водой, и настоянного на апельсиновых корочках.

Когда алюминиевые кружки с глухим звуком сошлись над столом в заздравном тосте, и приготовленная в полевых условиях настойка приятным теплом согрела наши уставшие тела, слово за словом потекла беседа встретившихся случайно, близких друг другу людей.

Я рассказал ему все, что приключилось со мной в этом странном городе, а так же о разговоре, подслушанном в состоянии клинической смерти. Доктор смотрел в пространство мимо меня, словно вспоминая что-то давно забытое.

- Да, – сказал он, – приходилось мне сталкиваться с таким явлением, когда пациенты, в состоянии клинической смерти, видят, как бы со стороны, события, что в операционной происходят. Известны подобные случаи в медицине. Думаю, это не бред, разговор врачей ты слышать мог. Но само содержание разговора, честно говоря, ставит

меня в тупик. В области клонирования генетиками, действительно, получены значительные результаты. Но чтобы так, за короткое время, создать копию погибшего человека, – ни о чем подобном мне не ведомо. В генетике я не специалист, но если бы что-то такое было, – мимо бы не прошло, говорили бы об этом в научных кругах. Доктор этот, либо шарлатан, либо гений.

Станислав Викторович нарезал сало тоненькими ломтиками, положил их на хлеб и предложил мне.

- Вот попробуй, отличное сало, жена покупала, а она у меня в этом деле толк знает.

Откусив от своего бутерброда кусок, тщательно прожевав его, он продолжал:

- То, что произошло с тобой, не имеет к клонированию никакого отношения. По крайне мере к тому, что об этом известно мне. При репродуктивном клонировании ядро клетки с генами клонируемого организма внедряется в яйцеклетку и полученный таким образом эмбрион, вынашивается в теле матери в течение определенного природой для данного вида срока. Ни о каком быстром получении взрослой особи и речи не может быть.

- Так что же это было? Всего лишь бред моего больного воображения?

- На бред это не похоже, но может быть, ты не все понял, о чем говорили медики? Ведь сам термин: «клонирование» – означает производство копий, идентичных оригиналу. Существующая технология, насколько мне известно, не позволяет получить результат, о котором говоришь ты. Возможно, что есть работы в этой области, о которых я ничего не знаю, я ведь хирург, а не генетик. В любом случае, клонирование человека запрещено законодательством всех стран мира. Если такие работы и проводятся, то естественно, под большим секретом.

- Так что же это значит?

- А значит это то, Сережа, что либо ученые-фанаты работают чисто в научных целях, бывают такие, что идут на все, лишь бы получить научный результат, но это вряд ли, для таких работ нужно финансирование, причем очень серьезное, нужен научный коллектив, время гениев-одиночек прошло; либо другое – работы ведутся и инте-

ресах спецслужб, или по заказу влиятельных коммерческих структур. Как, ты говоришь, фамилия этого доктора?

- Вагнер.

- Вагнер?! – доктор задумчиво посмотрел в пространство, будто что-то вспоминая. – Он что немец?

- Да вроде бы из обрусевших немцев, еще с петровских времен.

- Таааак! – произнес доктор Архангельский, побледнев; рука его сжала кружку так, что кончики пальцев побелели, руки слегка дрожали.

- Что с Вами, Станислав Викторович?

-Вагнер! Вагнер! Нет, не может быть! Не может быть! Неужели тот самый Вагнер? Нет! Этого просто быть не может!!!

- Вы о чем?!

- Погоди. Налей еще по чуть-чуть. Что-то мне уже призраки прошлых лет мерещатся.

Я налил, мы выпили молча, не чокаясь. Доктор немного успокоился, и продолжал:

- Помнишь, я тебе когда-то говорил про отца? Он пропал без вести в сорок первом.

Я кивнул.

- Он был хирургом, военным хирургом, доцентом кафедры военно-полевой хирургии, в академии, в Ленинграде. Но занимался он немного другими проблемами, его научные работы касались онкологии. Он изучал причины бесконтрольного размножения раковых клеток на генетическом уровне, и пришел к выводу, что дело все во временной синхронизации процессов, происходящих в организме.

Время – понятие субъективное, не относительное, как говорил Эйнштейн, а именно субъективное! Весь наш мир – это совокупность взаимовложенных колебательных процессов. Земля вращается вокруг своей оси, вокруг Солнца, Солнце вращается вокруг центра галактики и так далее. Какой-то процесс бы принимаем за основной, и относительно него рассматриваем все другие. Вращение Земли вокруг своей оси – сутки, Земли вокруг Солнца – год. У каждого из нас свое, собственное время. Ты замечал, как иногда кажется, будто время остановилось? И ты не можешь никак дождаться окончания чего-то? Или тебе кажется, что время бежит так, что ничего не успеваешь? Ты что-то де-

лаешь, куда-то спешишь, время бежит стремительно, а другой в этот момент лежит на диване, и для него время течет медленно и лениво.

Любой процесс требует временной синхронизации с другими процессами. Все процессы в организме, в том числе и процессы размножения клеток, имеют внутреннюю и внешнюю синхронизацию. Внутренне они синхронизируются с атомарными колебаниями, а внешне – с колебаниями космоса. Когда происходит срыв внешней синхронизации, в клетке, она начинает стремительно размножаться, потому что внешней синхронизации нет, и у клетки возникает свое, субъективное время, в котором основой являются внутренние, атомарные колебания.

- А почему происходит такой срыв синхронизации?

- По разным причинам. Точно этого не знает никто. За внешнюю синхронизацию отвечают тонкие структуры нервной системы, их работа может быть нарушена, так называемыми, канцерогенными веществами, алкоголем, табаком. Алкоголь снимает заряды с эритроцитов; в нормальном состоянии эритроциты имеют одинаковый заряд, и отталкиваются друг от друга; когда заряда нет, они слипаются, образуются тромбы, которые закупоривают капилляры, питающие нервные клетки, клетки погибают. В результате возможет инсульт, инфаркт и срыв синхронизации процессов, происходящих в организме. Табак приводит к спазмам сосудов, и результат тот же самый.

- Так зачем же мы курим и пьем?

- Дурацкая традиция, вбитая веками в подсознание. Но дело не в этом, отец обнаружил, что процессами синхронизации можно управлять. Это можно использовать для ускорения регенерации организма, быстрейшего заживления ран. А это уже согласуется с тематикой кафедры военно-полевой хирургии. Можно за несколько минут заживить сложную хирургическую рану. Представляешь, какие это открывает перспективы, особенно в боевых условиях!

- Почему же это направление не получило развитие? Я еще нигде об этом не слышал, во всех больницах все идет по-прежнему.

- Все оказалось не так уж просто, а потом, после гибели отца никто этим серьезно не занимался. Хотя идея не нова. Знахари, колдуны могут воздействовать на раны так, что они заживают прямо на глазах. Об этом было известно еще нашим предкам. Но вот, как они воз-

действуют на временные параметры регенерации – никто не знает. Да и сами они ничего объяснить не могут. Обладают даром, и все!

В сорок первом году отец ушел на фронт вместе в начальником кафедры, профессором Невельским. Они считаются пропавшими без вести. Все, что мне удалось узнать, так это то, что оставались они в полевом госпитале возле города Лиепая, когда наши войска отступали. Больше ничего об отце мне разузнать не удалось. Но однажды, работая над диссертацией, я столкнулся с интересными документами в библиотеке военно-медицинской академии.

Когда, в 1945 году, наши войска вошли в Берлин, спецслужбы обнаружили секретные немецкие архивы, принадлежащие тайному обществу «Аненербе», где проводились научные исследования под личным патронатом Гиммлера. Были обнаружены документы, касательно медицинских исследований в области генетики. Документы эти передали в военно-медицинскую академию для анализа, но, видимо, немцы основную часть этого архива вывезти все же успели. А из того, что осталось, сделать какие-то выводы, и тем более, применить это в науке, не представлялось никакой возможности. Так, сюжет для фантастического романа, не более. Такого термина, как клонирование, там не встречалось, речь шла о восстановлении на основе генов погибшего, нового, жизнеспособного организма. Но были ли какие-то реальные результаты, или нет, – не ясно.

Работы велись в секретной лаборатории гестапо под руководством доктора, Вагнера. Но самое страшное было в том, что в списке сотрудников секретной лаборатории я нашел фамилию своего отца! Ты не представляешь, какой для меня это был шок! Что мне пришлось пережить! Я никогда, никому об этом не говорил! Я не мог поверить в то, что мой отец работал на немцев!

- Может, фальсификация?

- Все может быть, не мог мой отец сотрудничать с врагом! Хотя тематика его работы, не прямо, но косвенно могла иметь отношение к тем проблемам, над которыми работал доктор Вагнер.

Станислав Викторович скомкал салфетку, и стал вертеть рукой пустую кружку. Я потянулся к бутылке, но он взглядом остановил мою руку, и я спросил:

- А КГБ? Ведь на Вас оформляли допуски к секретным документам, они должны были проверить, и если бы у КГБ возникли сомнения, Вы бы не получили допуск.

- Нет, с КГБ у меня проблем не было, либо они не все проверяли, либо эти документы – фальшивка. Но зачем? Кому нужно было порочить имя моего отца?

- А Вы не пытались выяснить истину у соответствующих спецслужб: КГБ, разведка? Ведь Ваш отец мог быть внедрен в секретную лабораторию службами нашей разведки?

- Нет, не пытался, я просто испугался. А если это правда? Если мой отец, действительно работал на немцев? Что тогда? С этим грузом в душе я живу уже тридцать лет! И вот опять доктор Вагнер, и та же тематика! Словно мистика какая-то!

- Вы думаете, что это тот самый доктор Вагнер?

- Да, нет, вряд ли. Он должен быть уже глубоким стариком. Хотя, современным ученым удалось выделить ген старения.

- А если немцам это удалось сделать раньше? И это именно тот доктор Вагнер?

- Да нет, Сережа, не думаю, чтобы это был именно тот доктор. Он бы наверняка сменил фамилию. Да, и какое имеет значение, тот это доктор или другой? Важно то, что на нашей территории существует научное учреждение, где продолжатся исследования, начатые в фашистской Германии. И работы эти проводятся под безобидной вывеской клиники психологической реабилитации!

- Тогда необходимо срочно сообщить об этом нашим спецслужбам! Должны же органы государственной безопасности заинтересоваться этим вопросом!

Доктор усмехнулся и, посмотрев на меня, с горечью в голосе сказал:

- А вот этого делать как раз не следует.

- Но почему?

- Такие работы ведутся с согласия глав государств, под надзором тех самых спецслужб, которым ты собираешься передать эту информацию. Помнишь скандал с тюрьмами ЦРУ на территории некоторых западных государств? Корреспонденты подняли шум, но доказать ничего толком не смогли. Может ли Америка построить на тер-

ритории чужой страны секретный объект, регулярно направлять туда свои самолеты, привозить и вывозить заключенных, без прикрытия таких мероприятий спецслужбами этой страны, и разрешения президента?

- Думаю, что нет.

- Вот то-то. Так что никому никуда сообщать об этом не стоит.

- А если подключить к этому журналистов?

То, что рассказал доктор, не укладывалось в моей голове, происходило что-то ужасное, циничное и жестокое, одно дело, когда про такие вещи читаешь в газетах, другое – когда это происходит на твоих глазах, и чувство беспомощности, невозможности противостоять злу комом подкатывает к горлу.

- Бессмысленно! Журналистам нужны факты, документы, фотографии, а не догадки и рассуждения. На основе наших с тобой размышлений и домыслов ни один журналист не напишет статью. Вот если бы удалось добыть документы, подтверждающие наши соображения, тогда можно было бы и рискнуть.

- Но как?

- Надо бы мне поближе познакомиться с этой клиникой, каким-то образом попасть туда. Если там ведутся работы, начатые в фашистской Германии, то у них должны быть сведения о моем отце! Я должен узнать правду!

- Если это не тот доктор Вагнер, то вполне возможно, что имя Вашего отца ему ни о чем не говорит, да и как Вы сможете попасть в клинику?

- Попасть в клинику можно только либо в качестве пациента, либо в качестве сотрудника. Но сотрудников они подбирают себе сами, не думаю, чтобы при клинике был отдел кадров.

- Хотите прикинуться сумасшедшим и попасть туда в качестве пациента?

- Прикинуться сумасшедшим не так просто, как тебе кажется, а потом их интересует определенный контингент, они сами решают, кто подходит им, а кто нет. Да и пребывание в качестве пациента ничего нового не даст. Тебе просто повезло, невероятный случай! Не каждому приходится пережить состояние клинической смерти, да еще и при этом подслушать столь интересный разговор!

- Значит, попасть Вам туда просто нереально. Что же делать, Станислав Викторович?

- Есть у меня одна мысль. Нужно сообщить им, как бы невзначай, что мне что-то известно о секретной лаборатории гестапо. Если в твоей клинике действительно ведутся работы, начатые немцами, то они должны забрать меня, чтобы выяснить, что мне известно, а если так, то у меня есть реальный шанс разрешить вопрос, который мучает меня уже тридцать лет!

- Кому же Вы собираетесь это сообщить?

- Да, хотя бы твоему подполковнику, полечу с тобой, а там посмотрим.

- Но ведь это огромный риск! Если Вас и заберут, то не для того, чтобы снабдить секретными документами и выпустить не свободу! А могут и не забрать, а грохнут где-нибудь, да и дело с концом.

- Нет, заберут, обязательно заберут! Если они узнают, что документы из секретного архива гестапо попали в руки советских медиков, то они непременно захотят узнать, проводились ли подобные исследования в Советском Союзе, и какие результаты получены.

- Думаю, что их шпионы уже все выяснили, еще до того как Советский Союз развалился.

- Не всегда разведке удается добыть нужные сведения. Тем более что исследований таких не проводилось, значит и сведений у них быть не может. Но интерес должен возникнуть.

- А почему Вы думаете, что подобные исследования в Советском Союзе не проводились? Может быть, Вы просто о них не знаете?

- Нет. Точно не проводились. Иначе секретные материалы гестапо ко мне бы не попали. Их бы просто изъяли из библиотеки академии. Так что, нужно попытаться попасть в клинику.

- А потом? Что потом? Думаете, Вам удастся оттуда выбраться? Вы ведь не Джеймс Бонд, и не Штирлиц!

- Да, не Штирлиц, и уж точно, не Джеймс Бонд! Просто старый хирург предпенсионного возраста. Но ты-то точно выберешься оттуда. Тебя официально направили в клинику для психологической реабилитации, следовательно, ты должен вернуться нормальным, здоровым, готовым к работе специалистом. Если бы пациенты бесследно исчезали в этой шарашке, то никто бы туда их не направлял. Значит, мне

нужно будет каким-то образом передать тебе сведения, которые, надеюсь, мне удастся получить. Да и меня они должны вернуть. Меня будут искать, ведь я не частное лицо, а как-никак, начальник отделения госпиталя. А лишние проблемы им, как я понимаю, не нужны.

Но, а если мне и не удастся выбраться оттуда, то все равно, мне важнее знать правду о моем отце, и я узнаю ее, чего бы это мне не стоило!

Мы решили остановиться на этом варианте. Доктор Архангельский летит со мной, якобы для сопровождения раненых, и пытается войти в контакт с подполковником, который встретит меня на аэродроме. Сомнения не давали мне покоя, мы брались явно не за свое дело, бросаться сломя голову в авантюру приключений уже не по возрасту ни мне, ни Станиславу Викторовичу. Это в кино хорошо смотреть, как герой-одиночка борется с мировым злом, на деле – все наоборот, не хочется, ох как не хочется лезть в петлю.

На честном слове и на одном крыле

Спасатели ушли. Колонны машин, урча моторами, заполняя долину запахом солярки и бензина, медленно втягивались в узкую дорогу, которая серпантином поднималась в горы. Прошел день, другой. И они начали возвращаться с первыми партиями пострадавших, сначала раненых, больных, потом и здоровых. Здоровых размещали в палатках тут же, в районе аэродрома, а раненых и больных, после оказания необходимой помощи в полевом госпитале, вывозили в города. Первым ушел с партией раненых украинский «ан», потом один из российских «илов». Наконец настала и наша очередь.

Погода испортилась, низкая облачность ползла над аэродромом, скрывая в тумане вершины гор и, цепляясь за мачты антенн радиостанций, уползала в долину, принося мелкий, холодный, моросящий дождь. Сырой ветер заползал в каждую щель и пронизывал душу какой-то непонятной печалью, разнося по аэродрому запах сосен, смешанный с запахом моторного масла и керосина. Сквозь ночь и осеннюю сырость, пронизывая мглу рулежными фарами, пробирался наш самолет к взлетной полосе на исполнительный старт. Мы вырулили и

остановились, проводя последние проверки и настройки, перед тем как разбежаться и нырнуть в черную пустоту неба. Когда моторы уже взревели на взлетном режиме, и я отпустил тормоза, какое-то мрачное, тревожное предчувствие кольнуло сердце – «Что-то не так!».

Двигатель загорелся уже на взлете, после прохода рубежа, когда прекращать взлет было поздно. Выключить его на взлете тоже нельзя, нужно взлететь, набрать высоту, потом выключить двигатель и садиться.

- Заходим обратным курсом – доложил я о своем решении.

- Да, не сядем же мы ни хрена, командир! – воскликнул штурман, – вся радионавигация работает на противоположный порог полосы! Заходи по схеме! Иначе …!

- Посадку обратным курсом запрещаю! – гремел в наушниках голос руководителя полетов. – Набирайте высоту, заходите по схеме! Обратным курсом Вы не сядете! Вы поняли меня?

- Захожу обратным курсом, Вас не понял, – прохрипел я в эфир и, нажав кнопку СПУ[15], крикнул штурману:

- Сядем! Для выхода на посадочный курс берем створ ближнего и дальнего привода. А при подходе к полосе мы должны увидеть обратный лепесток курсового маяка. Так, что сядем! Сядем!!!

Я повернул штурвал вправо и надавил правую педаль. Разворот на девяносто с креном двадцать градусов. Главное сейчас вовремя переложить рули из правого разворота в левый. Постоянная скорость, высота и крен. Есть. Теперь разворот влево на двести семьдесят. Штурман корректирует радиус разворота по курсовому углу радиостанции. Крен чуть больше, чуть меньше. Сейчас два прибора для меня определяют судьбу. Навигационно-пилотажный прибор (НПП) и радиокомпас. Стрелка НПП, показывающая курс, должна приближаться к отметке посадочного курса с той же угловой скоростью, с которой стрелка радиокомпаса устремляется к нулевому значению курсового угла радиостанции. Если стрелка НПП вращается быстрее, то нужно уменьшить радиус разворота, если наоборот – увеличить.

- Выводи из разворота! – говорит штурман. Я вывожу.

- Мы на посадочном! Снижение 5 метров!

---

[15] СПУ – самолетное переговорное устройство.

Мы снижаемся со скоростью 5 метров в секунду, мы на курсе и на глиссаде, по крайней мере, мы на это надеемся. Если приборы не врут и штурман правильно рассчитал скорость снижения, то скоро мы должны увидеть огни полосы. Вертикальная стрелка НПП дрогнула и заняла положение чуть правее от центра.

- Командир! Есть сигнал курсового маяка! Вижу! Полоса справа от нас, доверни вправо!

- Да нет же, нет, не вправо, влево! Это обратный лепесток! Мы все наоборот видим!

- Сто метров! Восемьдесят! Шестьдесят! – штурман отсчитывает высоту.

Она все меньше и меньше, с каждым отсчетом штурмана я чувствую, как капли холодного пота бегут по моей спине, по лбу… Полосы не видно.

- Оценка!

- Решение!

Мы подошли к высоте принятия решения. На вопрос штурмана: «Решение» я должен ответить, какое решения я принял: мы садимся или уходим на второй круг. Если до высоты принятия решения не установлен надежный визуальный контакт с землей, то есть если я не вижу ни земных ориентиров, ни огней полосы, нужно уходить на второй круг. Если я не отвечу, то помощник командира[16], правый пилот, должен сам перевести движки на взлетный режим и уходить. Ни земли, ни огней полосы я не вижу. Но уходить на второй круг нельзя! Уход – это смерть.

- Садимся! – хриплю я и сжимаю штурвал до боли в кистях, до хруста. Глаза мои впиваются в ночную тьму, но полосы я не вижу! Впереди только ночь, только облака, словно ничего больше нет в этом мире, кроме мрака и тьмы. Где-то там, за этой пеленой дождя и тумана, на аэродроме, десятки пар глаз всматриваются в темноту, стараясь разглядеть идущий на посадку самолет, в чреве которого те, которые пережили кошмар землетрясения, и снова находятся между жизнью и смертью. Пламя горящего мотора освещает их искаженные ужасом

---

[16] Помощник командира – в военно-транспортной авиации должность второго пилота.

лица. Но я не должен, не должен думать об этом. Нет, сейчас я не человек, у меня нет эмоций и чувств, я машина, я часть этого самолета, только железная воля и холодный расчет, и больше ничего. Я не имею права на ошибку. В салоне пассажиры. Посадить самолет – еще не все. Нужно обеспечить их эвакуацию из горящей машины.

- Бортоператоров[17] в салон! Подготовить аварийные выходы!

- Вижу, вижу полосу! – кричит штурман, – Командир, вижу, вижу!

- Полосу вижу, сажусь!

Огни посадочной полосы возникли из мрака ночи именно там, где мы должны были их увидеть. Мы вышли точно! Пора выравнивать. Двигатели на малый газ, штурвал на себя, еще, еще чуть-чуть, крен убрать. Машина дрогнула, коснувшись земли, она покатилась по бетонке, колеса шасси гудят на стыках плит. Мы сели. Но праздновать победу еще рано. Полет считается законченным, когда машина уже на стоянке и двигатели выключены. А у нас еще скорость выше нормы, и двигатель горит. Переводим на реверс два симметрично расположенных двигателя, чтоб нас не развернуло на полосе. Скорость падает, теперь можно тормозить. Мы остановились в самом конце полосы. Вокруг нас уже суетятся люди, машины, пожарные уже тушат горящий мотор. Все. Мы сели. Мы живы! Нет, не все! Еще не все! Нужно эвакуировать пассажиров из горящего самолета, среди которых больные и раненые. Не допустить паники. Когда весь этот ужас был позади, когда потушили горящий мотор, и пассажиров увезли с летного поля, я опустился на траву возле полосы и подставил лицо летящим из темноты каплям дождя. Мы сели. «На честном слове и на одном крыле», – как в той старой песне. Все было кончено.

Но я ошибся, все только начиналось. Когда страсти улеглись, меня заставили писать длинные объяснения произошедшего. Откуда-то взялся старший следователь военной прокуратуры, в звании майора и начал с обвинений в мой адрес:

- Вы грубо нарушили Наставление по производству полетов с данного аэродрома. Вы не имели права заходить обратным курсом.

---

[17] Бортоператор – должностное лицо в экипаже военно-транспортной авиации.

Вы должны были набрать высоту, и заходить по схеме. Вы не выполнили указания руководителя полетов.

- Если бы я выполнял заход по схеме, то Вы бы сейчас не беседовали со мной. Максимум, что Вы могли бы сделать, так это положить цветочки на мою могилу, и на могилы тех, остальных членов экипажа и пассажиров. Я принял единственно правильное решение в данной ситуации, и спас самолет и людей!

- Что было бы в том случае, если б Вы выполнили все требования – не нам судить. Думаете, победителей не судят? Нет, судят! И я не беседую с Вами, а веду допрос. А это разные вещи.

Затем последовали вопросы, на которые я не мог дать ответ. Почему в моей медицинской книжке нет записи об окончании курса лечения? Почему нет выписки из заключения медицинской комиссии о пригодности к летной работе? Кто и почему дал мне право командовать воздушным судном после значительного перерыва в летной практике, без ввода на должность командира? Ответить на эти вопросы я не мог, а подполковника, который обещал взять всю ответственность на себя, рядом не было.

«Странно, – подумал я, – когда я не смог справиться с ситуацией, когда погибли люди, меня ни в чем не обвиняли, мои действии были признаны правильными. А сейчас, когда все окончилось благополучно, меня обвиняют во всех грехах. Нет, под суд меня отдать не могут. Я сумел предотвратить катастрофу. Но те нарушения, на которые я вынужден был пойти, не могут сойти безнаказанно. Какое же последует наказание? Понижение в должности, снижение в звании? Но дело в том, что той войсковой части, из которой я был направлен в госпиталь, а потом в эту клинику, уже не существует. Как не существует уже и военно-транспортной авиации, и той армии, и того государства которому я давал присягу. Для того чтобы лишить меня воинского звания, его сначала нужно мне присвоить, а для того, чтобы понизить в должности, на эту должность меня нужно сперва назначить». Абсурдность ситуации рассмешила меня.

- Чему Вы улыбаетесь? – спросил следователь.

- Скажите, майор, – спросил я, – не знаю уж как Вас назвать: товарищем или господином, кого Вы представляете?

- Я представляю военную прокуратуру!

- А какой армии, и какого государства?

- Что это значит?! Я представляю армию независимого государства Украина! Вы пилотировали украинский самолет, и отвечаете перед законом Украины за свои действия!

- Но я не служу в украинской армии! Я не давал присягу украинскому народу и правительству этой страны, и никогда этой присяги не дам! Офицер дает присягу один раз в жизни. Я даже не гражданин Украины! Я гражданин Советского Союза, офицер Советской армии. По каким законам Вы собираетесь меня судить?

- По законам Украины. И не иронизируйте. Советского Союза не существует, не существует и Советской Армии. Вы просто лицо без гражданства, и по законам Украины Вас могут обвинить в попытке угона самолета, так как никто Вас на должность командира Ил-76-го не назначал. А это уже куда существенней, чем обвинение в нарушении Наставления по производству полетов. Вам грозит длительный срок тюремного заключения.

- Вот это да! Никогда бы не подумал, что так может все обернуться!

- А зря. Никогда не лишне подумать о том, к чему могут привести Ваши необдуманные действия.

- А мне некогда было думать о последствии своих действий, я думал, как посадить самолет, как спасти людей!

- Я имею ввиду не то. Думать надо было тогда, когда Вы принимали командование этим воздушным судном. Ведь Вас никто не мог принудить сесть за штурвал. Вам предложили, а решение принимали Вы сами. Вы ведь прекрасно понимали, какие вопросы Вам будут задавать в случае возникновения нештатной ситуации. Вы же не новичок в авиации, все Вы знали, и все же согласились взять на себя такую ответственность. А раз взяли, так отвечайте. И не важно, какое теперь государство, и какая армия. В любом государстве, в любой армии одинаковые законы, и Вы это понимаете не хуже меня.

Я понял, что влип. Едва вырвавшись из сумасшедшего дома, я уже стоял на пороге тюрьмы. Я понимал, что майор не шутит. И никакой доктор Вагнер уже не спасет меня. Вряд ли ему нужны проблемы с властями. Тогда зачем ему нужен был этот полет? Или он не предвидел такой вариант развития ситуации? Нет, не может быть. Он дол-

жен был и это предвидеть. Тогда зачем? Что толку тратить деньги и время на мою подготовку, чтобы потом сгноить в тюрьме? А может быть все же тюрьма лучше, чем сумасшедший дом? Тогда, когда произошла катастрофа, хоть меня и ни в чем не обвиняли, я был готов ко всему. Но не теперь!

Следствие закончилось также неожиданно, как и началось. Мне никто ничего не объяснил. Просто вернули все документы, и сказали, что я могу возвращаться в клинику для завершения лечения.

Мышеловка

На свой аэродром я вернулся на другом самолете, в качестве пассажира, вместе с ранеными и сопровождающим их доктором Архангельским. В городе, где был расположен этот аэродром и эта клиника, была неплохая больница, куда и определили пострадавших от землетрясения. На аэродроме меня встретил подполковник.

И тут я вспомнил о нашем авантюрном плане, разработанном за бутылкой самодельной настойка в салоне автомобиля – полевом кабинете доктора Архангельского. События, происшедшие после этого, затуманили и вытеснили из памяти тот разговор, не было и времени вернуться к нему, и вновь, на трезвую голову обсудить все, оценить и взвесить. И вот теперь, подполковник возник перед нами, в памяти вновь всплыл тот разговор, но не было уже возможности обсудить его, и решить, что же мы все-таки будем делать? Как поступить? Я посмотрел вопросительным взглядом на доктора, и он незаметно кивнул мне, он понял мой взгляд, несомненно, понял. Но понял и я, какую немыслимую авантюру задумали мы тогда, и решил, что постараюсь не дать доктору возможности выполнить задуманное.

- Ну, здравствуйте, Сергей Николаевич! Искренне рад за Вас! Везет же Вам на нештатные ситуации! Но, слава Богу, все обошлось! – Подполковник радостно протянул ко мне руки, намереваясь заключить меня в объятия, но осекся, наткнувшись на мой взгляд.

- Здравствуйте, – хмуро ответил я, – вот, знакомьтесь, – доктор Архангельский, Станислав Викторович, мой спаситель. Однажды он

уже вытащил меня с того света. А Вы, с Вашей чертовой техникой, чуть было опять меня туда не отправили!

- Ну, ничего, все же обошлось! Пришлось, конечно, Вам пережить стресс, но, слава Богу, все живы.

- Да, я бы сейчас! – я наклонился к самому уху подполковника. – С удовольствием об твою рожу кулаки почесал, так, для снятия стресса! Если бы сам виноват не был, видел же документацию на движки, но согласился лететь. По твоей милости чуть в тюрьму не попал!

- Но мы же урегулировали ситуацию, Сергей Николаевич. Я же говорил: всю ответственность беду на себя.

- Да, ты уж возьмешь на себя ответственность! С доктором поздоровайся!

- Здравствуйте, доктор, – ответил подполковник, пожимая протянутую доктором руку.

- А, не выпить ли нам по сто грамм по поводу благополучного завершения всего этого кошмара, надо как-то стресс снять, все-таки, – предложил доктор, и я похолодел. Он решил, во что бы то ни стало, попасть в клинику.

- Почему бы и нет? Идемте в ресторан, посидим немного, – согласился подполковник.

Мы зашли в ресторан аэропорта и заказали немного выпивки и закуску. Я подробно рассказал о полете, о том, как удалось сесть, попутно высказал все, что думаю о материальной части, на которой пришлось лететь. Подполковник только развел руками.

- Что делать! Что есть – на том и летаем. Выбирать не приходится.

Мы стали вспоминать различные случаи из своей летной жизни, и трагические, и курьезные. Станислав Викторович молчал, не находя повода включиться в разговор. Не нужно давать ему этот повод, я говорил, и говорил, не давая доктору вставить слово. Все вышло совершенно случайно, я рассказал о своем катапультировании с Су-11.

- Станислав Викторович меня тогда по частям собрал! Если бы не он, то, в лучшем случае, остался бы я инвалидом на всю жизнь, а в худшем … Доктор просто гений в хирургии! Он чудеса творит!

- Ну, Сережа, ты преувеличиваешь мои скромные способности. Вылечить живого, но серьезно пострадавшего, – это не чудо. А вот мертвого воскресить – это действительно чудо.

- Насколько мне известно, кроме Иисуса Христа этого еще никто не делал, – сказал подполковник.

- А, вот тут Вы ошибаетесь! А клиническая смерть? Ведь выводят же врачи пациента из состояния клинической смерти. Казалось бы, все: пульса нет, дыхания нет, сердце остановилось – мертв человек! Но выводят же его из этого состояния! А Вы говорите!

- Но это длится всего насколько минут, – возразил подполковник,– после чего вернуть человека к жизни уже невозможно.

- Да, первый срок клинической смерти длится всего 5 – 6 минут, пока клетки головного мозга сохраняют свою жизнеспособность при аноксии, но существует еще и второй срок клинической смерти, который длится уже десятки минут, если замедляются процессы дегенерации высших отделов головного мозга.

- Насколько я Вас понял, – сказал подполковник, – оживить человека можно пока мозг его жив, а если клетки мозга погибли, то сделать уже ничего не возможно? Значит, оживить по-настоящему мертвого человека все-таки нельзя?

- Да, примерно так, и все же, скажу я вам, ребята, между нами, не для широкой огласки, что все таки ведутся работы по воскрешению, точнее по воссозданию умершего!

- Да ну!!! – воскликнули мы в один голос. Я умоляюще посмотрел на Станислава Викторовича: «Может, не надо?», но он только улыбнулся слегка, краешками губ, и чуть заметно кивнул: «Надо, надо».

- Вот вам и «ну»! – продолжал он развивать начатую тему. – В Ленинграде, в военно-медицинской академии есть документы, – доктор понизил голос до шепота, – говорящие о том, что еще в фашистской Германии в секретной лаборатории гестапо генетики проводили опыты на заключенных. Убивали их, а потом на основе генетического материала пытались воссоздать точную копию погибшего организма!

- Не может быть! – удивился подполковник. – Если бы такие опыты проводились еще тогда, то они непременно велись бы и сейчас, и были бы, наверняка, результаты!

- А кто Вам сказал, что они сейчас не ведутся? Но подобные исследования засекречены не только в фашистской Германии, как Вы понимаете. Засекречены! Представляете, какие возможности открывает это направление!?

- О тайных обществах, исследованиях, подземных лабораториях рейха ходит много легенд. Все они обусловлены недостатком информации, – сказал подполковник. – Все тайное порождает слухи, которые чаще всего ничем не обоснованы. Ну что такого содержится в ваших документах? Что, описана методика подобных экспериментов? Результаты? Думаю, ничего существенного достигнуто не было. Как правило, серьезные достижения науки имеют свое продолжение и развитие, а неудачи засекречиваются. Слышали о «летающих тарелках» третьего рейха? Уже доказано, что все это фальшивки.

- А если нет? И результаты действительно были? Насчет «летающих тарелок» ничего не скажу, не знаю. А вот о достижениях в области генетики могу сказать весьма определенно. Они действительно были. И документы эти подлинные.

Между доктором и подполковником завязался спор, и чем больший скептицизм проявлял подполковник, тем более увлеченно доказывал свою правоту доктор. Мне показалось, что подполковник нарочно разыгрывал скептика, чтобы как можно больше информации выведать у разогретого коньяком собеседника, но возможно, мне это просто показалось, и ничего не произойдет, сейчас мы разойдемся: мы с подполковником в клинику, доктор Архангельский в районную больницу, к пострадавшим.

- Ну, ладно, не верите – так не надо, – сказал доктор. – Было, не было – кто его знает? Давайте, лучше, еще по одной!

Посидев еще немного, мы разошлись. Особенно расслабляться было нельзя, нас ждала работа. Пожимая нам руки, доктор Архангельский сказал:

- Спасибо, ребята, за приятную беседу, но мне пора в больницу.

- А мы в клинику, – ответил подполковник, – скоро Сергей Николаевич нас покинет и вернется в строй, так что ненадолго вы расстаетесь. Пойду, позвоню, чтобы машину за нами прислали. Я ведь, с тех пор как Вы улетели, еще с аэродрома не уезжал.

Подполковник ушел.

- Ну, что? – спросил я доктора, – думаете, сработала Ваша информация? Клюнул подполковник?

- Думаю, что да, клюнул, иначе не пошел бы он вызывать машину, он должен был вызвать ее еще до того, как приземлился наш самолет.

- Если это так, то мы лезем в мышеловку, которую сами для себя и поставили. Откажитесь, пока не поздно. Каким образом, и кто мог прекратить следствие по моему делу? Как Вы думаете? Все это гораздо серьезнее, чем мы себе представляли. Стоит ли Вам ввязываться в это дело?

- Стоит, Сережа, стоит. Я готов полезть в эту мышеловку, только бы узнать правду, и я узнаю ее, чем бы это мне ни грозило.

Вскоре подполковник вернулся, очень расстроенный.

- Случилось несчастье, доктор, один наш пациент попал под автомобиль, пострадал очень серьезно. Видимо, нужна срочная операция, а у нас достаточно квалифицированных хирургов нет, только одни психологи. Не смогли бы Вы нам помочь, поехать с нами?

- А операционная у вас есть? Нужен еще и подготовленный медперсонал, соответствующее оборудование. Может лучше вести его сюда, в город?

- Нет, не довезем! А операционная есть! Есть персонал, есть и оборудование, но нет хирургов достаточно высокой квалификации, просили вызвать специалиста из городской больницы. А раз Вы тут, возможно, не откажете в помощи?

- Хорошо, поехали, только пойду, коллег предупрежу, с этими ранеными в больнице без меня справятся, но надо отдать кое-какие распоряжения.

Станислав Викторович ушел, но вскоре вернулся, и мы уехали. С доктором мы расстались, и я направился в свою гостиницу. Придется ли еще мне свидеться с ним?

Секреты лаборатории гестапо

Когда я вернулся в свой город, он встретил меня теплым осенним утром. Деревья, еще не успев сбросить свой последний наряд,

стояли тихими и печальными. Какая-то легкая, светлая грусть была в облаках, плывущих по синему небу. Есть особая красота, особая прелесть в синеве осеннего неба. Это не выгоревшие под жарким солнцем краски лета, а яркая, жгучая синева. Природа прощается с теплом, одеваясь в последние наряды, чтобы вскоре сбросить их до весны, и умереть. На душе было грустно и тревожно. Увижу ли я снова доктора Архангельского? Мы ввязались в серьезную игру, которая по силам лишь профессиональным разведчикам, как два дворовых пса, ворвались мы в стаю волков, которая разорвет нас на куски при малейшей ошибке.

Прошел день, а от Станислава Викторовича вестей не было. Я приготовился к долгому, томительному ожиданию, но на следующий день он явился ко мне в гостиницу как ни в чем не бывало. Вид у него был мрачный и озабоченный.

- Пойдем, Сережа, поговорим. Все гораздо хуже, чем мы предполагали.

Мы спустились в кафе, в котором, как всегда, сидели два капитана, и спорили, не видя ничего вокруг себя. Несколько посетителей сидели за столиками, поглощенные своими заботами.

- А можно ли здесь говорить? – спросил я. Но доктор только махнул рукой:

- Думаю, можно.

Доктор начал свой рассказ.

Когда мы расстались с тобой, подполковник отвез меня в хирургическое отделение, и уехал. Встретил меня доктор Вагнер. Интересный мужик, невысокий, лысый, и вообще, каким-то домашним, незлым он мне показался. Только глаза какие-то не такие, сам улыбается, а глаза – нет, как посмотрит – аж холодно от взгляда его становится.

Поздоровался он за мной, и представился доктором Вагнером, Арнольдом Ивановичем. Я заметил, что у него несколько странное сочетание имени, отчества и фамилии, но он только отмахнулся:

- А, это все от предков. Мой предок – немец, еще при Петре Первом приехал в Россию, был лейб-медиком при царском дворе, а имена потом давали своим детям, то русские, то немецкие. Так что, ничего удивительного. Посмотрите, доктор, можно ли что-то сделать.

Просто ума не приложу, как это могло случиться, у нас-то и машины раз в два часа ходят, и тут такой случай!

Мы вошли в операционную, тело пациента лежало на столе. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что моя помощь уже была не нужна. На теле проступили трупные пятна. Но все же я внимательно осмотрел его и сказал:

- Боюсь, что слишком поздно Вы попросили меня о помощи. Хотя и раньше я не смог бы ему помочь, он получил повреждения, не совместимые с жизнью.

Меня это насторожило, неужели доктор не смог определить сразу, что пациент уже не жилец на этом свете? Ведь это же врач, а не безутешная вдова, рыдающая над неподвижным телом.

- И Вы ничего не сможете сделать? – он спросил меня таким удивленным голосом, как будто бы я отказывался от чего-то, что мог сделать любой специалист, – а мне вас рекомендовали, как хирурга высочайшей квалификации!

- Да, я хирург, – меня это уже начало раздражать, – но я же не Иисус Христос!

- Да-да, конечно. Простите доктор, это все эмоции. Такой случай, просто не знаю, что делать! – Он был так расстроен, так растерян, что я ничего не понимал.

- Да, ничего уже не сделаешь, – я сказал ему уже более спокойно, хотя хотелось, честно говоря, просто нахамить. Или он считаем меня полным идиотом, или сам полный идиот!

- Но, неужели ничего нельзя сделать? – и тут что-то такое блеснуло в его глазах, отчего я понял: нет, он не идиот, он что-то задумал.

- А, Вы что, сами не видите? – я вложил в эту фразу как можно больше раздражения и желчи, чтобы больше подобных вопросов он не задавал.

- А, что вы скажете, доктор, – тон его резко изменился, он сделался каким-то жестким, уверенным, спокойным, – если через несколько часов, Вы увидите этого человека живым и здоровым?

- Скажу, что такого быть не может!

- А как же секретные документы из лаборатории гестапо? – спросил он. – Вы же сами упоминали о них! Не допускаете того, что

эти исследования дали свои результаты? Оставим пока это бездыханное тело, идемте в кабинет, поговорим.

Проводил он меня в кабинет, сесть предложил, и любезно поинтересовался, не желаю ли коньяка или кофе? Но я отказался от всего. Тогда он перешел сразу к делу:

- Ну хорошо, расскажите, что Вам известно о документах, которые находятся в военно-медицинской академии?

- Почему я должен Вам об этом рассказывать? Документы секретные.

Но он прекрасно понимал, что я не случайно проговорился о том, что мне известно о секретной лаборатории. Наша задумка подбросить информацию, как бы невзначай, оказалась весьма примитивной.

- Бросьте, полковник! – сказал он это таким тоном, что мне стало ясно: он принял нашу игру, и нужно продолжать. – Сначала Вы рассказываете о них первому встречному, а потом отказываетесь говорить со своим коллегой? Не смешите меня, Станислав Викторович! Вы специально рассказали о документах. Вы хотели попасть сюда? Хотите знать, чего нам удалось достичь? Вы это узнаете. Но сперва расскажите мне все, что Вам известно о секретной лаборатории гестапо.

- Ничего я Вам не расскажу! – нужно было хотя бы сделать вид, что это была только случайная оговорка, и посмотреть какая будет реакция. Действительно ли его интересует, что мне известно? Если это так, то он должен попытаться вытащить из меня информацию любыми средствами. Он продолжал:

- Не будьте наивным, коллега. Если мы можем за несколько часов восстановить полностью живой организм, получивший, как Вы выразились, повреждения не совместимые с жизнью, то неужели Вы думаете, что чьи-то мысли для нас являются тайной? О, нет! Мы не будем Вас пытать, ломать пальцы и загонять гвозди под ногти! Не будем пичкать Вас наркотиками! Все эти средневековые ужасы в прошлом. Посмотрите на этот стакан воды. Все, о чем Вы сейчас подумали, зафиксировано водой. Да, да, простой водой! Без всякой аппаратуры и магических фокусов. Так есть, и так было, и так будет всегда, вода имеет свойство запоминать информацию, хотя ученые об этом уз-

нали относительно недавно, знали это древние маги и колдуны. Но дело в том, что мы, эту информацию умеем читать. Ведь мы восстанавливаем организм на основе информации, считанной с клеток. Человек – это не только биологическая субстанция, но прежде всего – информационная. Расскажете ли Вы мне что-либо или нет – не имеет значения. Хотите, я скажу, что Вы знаете?

Он начал перечислять сведения, которые действительно в этих документах содержались. Не знаю, на самом деле ли он прочитал мои мысли, или ему было известно содержание тех документов, которым немцы не успели вывезти.

- Ну, что продолжать, или продолжите сами? – он даже слегка улыбнулся. – Я хочу, чтобы у нас получился диалог, нормальный разговор двух специалистов.

- Я расскажу Вам все, если Вы ответите мне на один вопрос.

- Отвечу, с удовольствием отвечу. Я даже знаю, что Вы хотите спросить. Ведь Ваша фамилия – Архангельский? И фамилию своего … отца, я не ошибся? Военврач Архангельский – ваш отец?

- Да!

- Вы увидели в списке сотрудников лаборатории? Так?

- Так, именно так! И я хотел бы знать подробности, как мой отец попал тута, и что он там делал?

- Как попал – не знаю, в документах, с которыми я знакомился, этого нет, а что делал? Работал, дорогой мой, работал!

- Как работал? Сам? Или его вынудили?

- Я, знаете, там не был! И подробностей не знаю, я ведь не тот доктор Вагнер, что гестаповской клиникой руководил, и не родственник его, а просто однофамилец! Просто совпадение, случайное совпадение! И не приставайте ко мне с претензиями! Я знаю только то, что знаю! Знаю только то, что нового внес Ваш отец в методику, но Вам это ни о чем не скажет, Вы не специалист в этой области. А уж, на каком основании: добровольно или принудительно – это меня меньше всего интересует. Мы – не спецслужба, мы – медики! Ответил я на Ваш вопрос?

- Получается, что мой отец сотрудничал с немцами?

- Многие сотрудничали с немцами, ну что с того? Время было такое, не нам судить их, да и что изменится, если Вы будете знать, что побудило его к сотрудничеству?

- Но мне это важно, поймите, важно, ведь это же мой отец!

- Я понимаю Вас, чисто по человечески, и мне нет смысла от Вас что-то скрывать, но о мотивах поведения Вашего отца мне ничего не известно, знаю только то, что он покончил собой, думаю, Вам будет важно знать это.

- Да, конечно, значит, все-таки они его заставили, значит, он не сам, не сам!

Думаю, Вагнер правду сказал, не знает он подробностей о моем отце, но то, что он покончил собой, о многом говорит. Видимо, это был единственный способ прекратить сотрудничество с немцами. Потом Вагнер спросил, почему я решил, что именно в его клинике ведутся исследования, начатые когда-то в Ананербе под руководством Гиммлера?

Вот тут я по-настоящему испугался. Если он узнает о том, что ты подслушал разговор, будучи в состоянии клинической смерти, то вся наша затея обречена на провал. Да, я действительно не Штирлиц, мы с тобой не продумали никакой версии по этому поводу. Сейчас я больше напоминал Плейшнера, попавшего в западню.

Нужно было срочно что-то придумать. И времени на обдумывание совершенно не было. Доктор Вагнер раскусил нашу игру с самого начала. Его совершенно не интересовало содержание немецких секретных документов, попавших в руки советской разведки, его интересовало другое – откуда произошла утечка информации об его клинике? Он прекрасно понимал, что информация могла исходить только от тебя. Нужно было убедить его, что ты рассказал мне что-то, из чего я сам мог сделать выводы. И я пошел ва-банк.

- А чем можно еще объяснить странные события, происходящие в этой клинике? Сперва какая-то женщина попадает под трамвай, а уже на следующий день ее видят здоровой и невредимой. Потом Вашего пациента сбивает автомобиль, он чувствует удар, а на утро просыпается как ни в чем не бывало! Даже если повреждения оказались не смертельными, он должен был пройти курс лечения, скорее всего с хирургическим вмешательством! И не надо мне говорить, что это

плод его воображения, что он почувствовал удар потому, что ожидал его! Не нужно объяснять мне это особенностями человеческой психики, я эти особенности знаю не хуже Вас! Это ему Вы можете вешать лапшу на уши, а мне не надо, я медик с немалым опытом работы!

Доктор Вагнер задумался немного, посмотрел в потолок, будто рассматривал так чего-то, потом сделал глоток коньяка, и согласился, что есть недоработка в его методах, мог ты заподозрить что-то неладное после того, как на тебя автомобиль наехал. Предложил и мне свой коньяк. Я понял, что предстоит долгий разговор, и отказываться от угощения бессмысленно. И доктор рассказал:

- Работы эти были начаты по инициативе Гиммлера, еще до начала войны. Знаю, Вы скажете мне, что все это бесчеловечно.

Тут его понесло, и мне пришлось выслушать целую лекцию по философии:

- Но Вы не правы. Что такое человечество? Сборище индивидуумов, обладающих в среднем одинаковыми возможностями? О нет, мой дорогой доктор! Нет, и еще раз нет! Человечество состоит из элиты и толпы, то есть, господ и рабов. Так было, и так будет всегда. Для того чтобы элита могла творить, создавать совершенную технику, великие произведения искусства, кто-то должен работать в поте лица, чтобы эту элиту кормить. Мы восхищаемся произведениями искусства древнего Рима, изучаем римское право, восторгаемся римской демократией. Но ведь и в древнем Риме были патриции и плебеи. Для того чтобы патриции могли заниматься творчеством, управлением государством, наукой, плебеи работали, и обеспечивали патрициев всем необходимым.

Со временем рабство исчерпало себя. Развитие техники потребовало специалистов, обладающих достаточным уровнем интеллекта. Интеллект специалиста противоречит положению раба, человек, обладающий интеллектом, непременно хочет оказаться на месте патриция. Но кто же тогда будет работать, если все окажутся в положении патрициев, элиты? Отсюда вечный конфликт, так называемая классовая борьба. Какими бы красивыми лозунгами не прикрывалась суть, заключается она в том, что человек, по природе своей, желает получать блага, но не желает заниматься тяжким трудом. Все великие мыслители человечества, заметьте, из патрициев, так как среди пле-

беев нет, и не может быть мыслителей, пытались разрешить это противоречие. Маркс решал эту проблему одними средствами, Гитлер – другими. Идеи Гитлера Вам известны, но, думаю, что не все.

Мало покорить другие народы и заставить их работать на себя. Нужно создать совершенную расу господ и расу рабов, среди которых должны быть и специалисты высокого класса, обладающие необходимым интеллектом для выполнения своей работы, но остающимися на положении рабов, причем положением этим вполне удовлетворенные.

Перед учеными была поставлена задача, создать армию рабов на основе того материала, который арийская раса получит на завоеванных землях. Решалась задача двумя путями: созданием медикаментов, подавляющих личность, и путем генной инженерии, выращивания людей-роботов. Они должны были великолепно выполнять сложную работу, но при этом не иметь никаких других потребностей, кроме физиологических. Такие люди-роботы не способны испытывать счастье, вдохновение, но они не способны и страдать. В этом гуманизм данного направления. Мы создаем рабов, не способных к страданиям. Разве может страдать автомобиль, самолет, компьютер?

Медикаментозный путь оказался тупиковым. Люди с подавленной личностью оказались недолговечны и примитивны, и не могли выполнять работу, требующую высокой квалификации. Генетика дает поразительные результаты!

Давно уже нет гитлеровской Германии, канул в лету «тысячелетний третий рейх», нацизм осужден всем миром, но ведь ничего с тех пор не изменилось. Человечество по-прежнему делится на господ и рабов. Рухнул социализм, путь Маркса исчерпал себя. Но проблема-то осталась! Рабы не хотят быть рабами, одни бунтуют, другие всеми силами пытаются подняться до уровня элиты. Требуется армия, полиция, карательный аппарат, чтобы удерживать рабов в их положении. Это огромные расходы, и все равно, не дают они полного эффекта. Мы же предлагаем путь, который навсегда устранит конфликты между рабами и элитой. Самый гуманный путь, идеальное решение проблемы.

- Думаю, что Вам не удастся никогда решить эту проблему, – я возразил доктору, такие рассуждения мне приходилось слышать неоднократно, – вы учтите численной соотношение элиты и рабов. На

Земле, примерно, шесть миллиардов человек. Из них элиту составляют всего несколько миллионов, может быть десятки миллионов, ну, пусть даже сотни. Сможете ли вы, с помощью вашей технологии, создать более пяти миллиардов людей- роботов?

- Зачем так много? – он скорчил мину удивления на лице, – достаточно всего одного миллиарда. Ученые подсчитали, что больше наша планета просто не в состоянии прокормить.

Он говорил о золотом миллиарде, теории разработанной горсткой финансовых воротил мира, сократить население Земли до одного миллиарда. И я спросил:

- Так, что? Опять война, массовое уничтожение людей?

- Нет-нет, что Вы, – он замахал руками, как провинциальный актер, – никакой войны. Я, лично, вообще противник всяких войн. Просто планомерное сокращение рождаемости, а это может быть достигнуто различными способами. Основной из них – генетический. Люди-роботы будут размножаться планово, а не стихийно. И в чем прелесть генной технологии, что дети их будут такими же роботами, как и они! Причем выращивать людей роботов в лабораториях вовсе не обязательно. Это только первый этап. Второй этап – это создание генетически модифицированных продуктов питания. Питаясь такими продуктами, люди постепенно превращаются в таких же роботов, каких мы получаем в лабораторных условиях. Кроме того, генетически модифицированные продукты могут регулировать рождаемость, снизить ее или повысить. На Украине, например, достаточно иметь не более 15 миллионов человек. При советской власти население Украины насчитывало пятьдесят два миллиона, сейчас уже менее сорока пяти. И это не только результат снижения уровня жизни. Это результат разработанных нами генетически модифицированных продуктов питания, которые поставляются сейчас на Украину!

А прелесть вся заключается в том, что, если посадить картофель с генами, направленными на снижение рождаемости, то и урожай получится с точно такими генами! Уже не нужно поставлять продукты питания, достаточно один раз поставить семенной материал! Крестьяне, фермеры, получившие такой посевной фонд, довольны, такой картофель не ест колорадский жук! Потому, что он тоже теряет способность к размножению! Кроме этого, есть еще и древний, испы-

танный способ сокращения населения и доведения его до полной деградации – это алкоголь. Когда европейцы осваивали Новый Свет, она не могли победить индейские племена, несмотря на более совершенное оружие, тогда они просто споили местное население. Гитлер на оккупированных территориях менял килограмм книг на литр шнапса. Человек, принимающий регулярно хотя бы малую долю алкоголя, уже раб.

А, Вы, доктор, говорите, что мы не справимся с задачей!

Тут я понял, какой грандиозный размах получило направление, некогда заданное главным идеологом нацизма, Гиммлером, которое начиналось в небольшой секретной лаборатории гестапо. Соединенные Штаты Америки использовали идеи, рожденные в этой скромной лаборатории, для достижения мирового господства, для реализации своей мечты о золотом миллиарде. И тогда я сказал ему:

- Неужели Вы думаете, доктор, что Ваши разработки никогда не станут достоянием мировой общественности? Ведь работы такого масштаба просто невозможно скрыть! Рано или поздно о них станет известно многим тем, кто не одобрит Вашу работу, тем, кого Вы хотите превратить в рабов!

- Да, бросьте, – он ответил небрежно, с явным видом своего превосходства, – станут известны, ну и что? Мы, ведь не очень-то это все и скрываем. Да и кто такая, эта мировая общественность? Некая дама, царящая над толпой? Историю делают массы? Так говорил Ваш Маркс? Нет, дорогой мой! Историю делают личности! Личности избранные, обладающие властью над толпой, как говорят сейчас, харизматические! А мировая общественность – это электорат, толпа, стадо! Думаете, массы управляют странами? Участвуют в управлении государством, свободно избирая вождей? Глупости! Демократия – это игры для дураков! Пусть себе ходят на митинги, орут, кричат, выдвигают кандидатов, голосуют, пусть забавляются, все равно они ровным счетом ничего не решают. Нам совершенно безразлично, кого выберут президентом в той или иной стране. Президенты не управляют государствами, они лишь выполняют волю тех, чьи имена не появляются на страницах газет, чьи лица не мелькают на телеэкранах, но тех, кто действительно правит этим миром!

А толпа, быдло, будет послушно выполнять нашу волю, принимая с восторгом то, что превращает их в рабов. Демократия – вот главной оружие элиты, вот конфетка для дурачков! Нам мешает только диктатура, диктаторские режимы заражают толпу идеями, создают государство фанатиков. А с фанатиками бороться невозможно. Человек, готовый отдать свою жизнь за идею, никогда не станет нашим рабом. Пусть он даже считается рабом идеи, но нам рабы идеи не нужны, нам нужны рабы капитала. Главный оплот диктатуры – СССР, рухнул, развалился, как песочный замок. Остались мелкие тоталитарные режимы, но вскоре рухнут и они. И тогда демократия воссияет над миром.

Верховенство идей заменяется верховенством денег. И это так заманчиво! За кусок колбасы люди предадут все: и идеи, и страну, и свой народ – и станут нашими рабами. Они будут рукоплескать нам, потому, что мы ведем их по пути демократии! Мы неизбежно придем к разоружению, мы уничтожим на планете ядерное оружие, этот бич современности. Нам больше ни к чему оружие, которое убивает, потому, что у нас есть более мощное оружие, генетическое! Оружие, которое создает мир и гармонию на планете. Разве кто-либо будет противиться разоружению? Нас поддержат все народы, все страны!

- А, Вы не думаете, доктор, – сказал я ему, – что Вы выпускаете джина из бутылки, который, со временем, сожрет и вас самих? Вы еще сами не знаете, как будут развиваться генетически модифицированные организмы, начиная от овощей, заканчивая людьми. Если в какой-то момент вы больше не сможете ими управлять? Вы разделите человечество на господ и рабов, но элита пополняется за счет низов, нужно свежая кровь, иначе неизбежна деградация, и, как генетик, Вы это понимаете лучше, чем я.

Он сделал паузу, и тоном, которым родители наставляют бестолковых детей, продолжал:

- Никакой деградации, никакой подпитки элиты за счет низов! Нам удалось выделить ген старения, так что элита будет бессмертна! Элита достигнет могущества Богов!

Потом он поинтересовался моим мнением насчет всего этого бреда, он спросил, интересным ли получился разговор. Я ответил, что разговор получился весьма интересным, и он сказал:

- Если есть вопросы, задавайте, с удовольствием отвечу Вам.

- Да, вопросов, пожалуй, уже нет. – Вопросов у меня действительно не было. Меня потрясло все услышанное, да Гитлер просто щенок, по сравнению с нынешними претендентами на мировое господство!

- Не лукавьте, – его рожа расплылась в такой блаженной улыбке, что просто захотелось плюнуть в нее, – есть у Вас вопросы, знаю. По глазам вижу Ваш главный вопрос. Вы хотите меня спросить, что с Вами будет? Не так ли?

Он явно чувствовал себя хозяином положения. Действительно, ведь теперь он может сделать со мной, все, что захочет.

- Да, такой вопрос меня интересует, – естественно, что он меня интересовал, и я сказал, что не предвкушаю для себя оптимизма в его ответе.

Вагнер засмеялся:

- Э, как Вы мудрено выразились! А я еще не знаю, что с Вами будет, я еще не решил. Может, отпущу Вас, а может, и нет.

Он наслаждался своим положением, и что мне было ему ответить?

Я сказал, что меня будут искать, мои коллеги знают, куда я поехал.

- Конечно, будут искать,

Я понял, что это его ничуть не смущает.

- Ну, так что? Вы можете попасть в автокатастрофу, как вот тот бедняга, например, или еще чего случится. Родственники, сослуживцы поплачут, и забудут, да и мне меньше забот. А возможно я Вас отпущу, смертные случаи в моей клинике не улучшают ее репутацию.

Он, видите ли, еще не решил! Можно подумать, что он отпустит меня после всего, что я здесь услышал! И я спросил:

- А, как же возможная утечка информации?

- Утечка информации? Да, какая там утечка. Вам все равно никто не поверит, никаких документов, подтверждающих мой рассказ, у Вас нет. Может быть, я это все нафантазировал? Или Вам в страшном сне приснилось. Фактов-то нет у Вас! А словам в наше время никто не верит. А сейчас Вы свободны. Идите, отдыхайте, для Вас я определил

пятьдесят седьмой номер в гостинице, не держать же мне Вас в темнице, как бедного узника.

- Вот, такой получился у нас разговор, – сказал доктор Архангельский, и вопросительно посмотрел на меня.

- Если он не решил, что с Вами делать, то почему же он отпустил Вас сейчас? Ведь он понимает, что Вы все расскажете мне!

- Естественно, понимает, – вздохнул Станислав Викторович, – еще бы не понимать, ведь он поселил меня в соседнем с тобой номере!

- Значит, и мне отсюда выхода нет, – заключил я, – вот, попали мы с Вами в мышеловку!

- Не думаю, что все так безнадежно, он не производит впечатления дурака или маньяка, один несчастный случай в клинике – это еще, куда ни шло, но два, и даже три случая подряд – это уже серьезно. Сомневаюсь, чтобы он на это пошел.

- Почему три?

- А тот, к которому он меня, якобы, вызвал? Неважно, что его восстановят, главное то, что о нем уже знают вне клиники, и еще два подряд вызовут больше чем недоверие, а ему, как я понимаю, это совсем не нужно.

- Значит, он уверен, – не имея на руках никаких документов, подтверждающих Ваш рассказ, мы никого не сумеем убедить в том, что действительно происходит в этой клинике?

- Конечно, уверен. Тем более что ты знаешь об этом только с моих слов. И учти еще то, что он может просто стереть информацию из нашей памяти.

- Тогда, нужно бежать!

- Нет, это не возможно! Отсюда нет выхода, куда бы ты ни пошел, все равно вернешься туда, откуда вышел. Это замкнутое пространство, этот город накрыт каким-то колпаком пространственной аномалии. Внешне, клиника представляет собой только здание с прилегающим к нему земельным участком, а внутри тут целый город. Вагнер сказал мне, что только у него есть доступ к тому, что включает канал общения с внешним миром. Без его ведома сюда никто не войдет, и отсюда никто не выйдет.

- Знать бы, где расположены эти средства, и что они из себя представляют!

- А, вот это, как раз, и храниться в строжайшем секрете, это единственная тайна, которую следовало бы знать, без нее все, что нам стало известно, действительно, не представляет никакой опасности для доктора Вагнера!

Профессор Невельский

Мы вышли из кафе, и направились в сторону гостиницы, проходя мимо парка, мы увидели фигуру старика, сидящего на скамейке. Неожиданно доктор остановился, как вкопанный.

- Боже мой! – сказал он. – Так ведь это же… Нет, не может быть! Это же профессор Невельский! Александр Степанович! – обратился он к нему.

Старик повернул голову, посмотрел на нас безучастным взглядом, и сказал:

- Да, когда-то я был профессором Невельским, но это было давно, в другой жизни, еще до войны.

- Вы были начальником кафедры полевой хирургии Ленинградской военно-медицинской академии, на кафедре висит Ваш портрет! Лицо, Ваше лицо, точно такое же, как на портрете!

И тут я понял, что казалось мне странным в облике старика, лицо его вовсе не было лицом пожилого человека! Не было старческих морщин, не было седины на его висках, это было лицо человека, не старше сорока лет. Но вся его фигура, весь облик его, говорил о том, что перед нами глубокий старик. И глаза, эти странные глаза! Это были глаза старика. Казалось, что вся боль и скорбь веков, отразились в этих глазах.

- В сорок первом Вы ушли на фронт, и считаетесь пропавшим без вести, – сказал Станислав Викторович.

- Пропавшим без вести? Как странно, как нелепо. Могли бы просто написать, что я погиб. Но я, действительно, пропал без вести, и не только для вас, а и для себя. Тот, которого вы видите перед собой, уже не профессор Невелький, это только продукт секретной лаборатории гестапо.

- Вы были там, в секретной лаборатории доктора Вагнера? Тогда во время войны?

- Да, был, был всего лишь одним из подопытных кроликов этой лаборатории, единственным, кто остался в живых.

- Александр Степанович, скажите, военврач Архангельский? Вы знали его? Он был там, у немцев?

- Кто он Вам?

- Это, это …. Мой отец!

- Не волнуйтесь. Вашего отца никто ни в чем никогда не сможет упрекнуть. Он был честным и мужественным человеком.

- Так, что же с Вами произошло? Тогда в сорок первом? – спросил доктор.

- Произошло то, что обычно бывает на фронте. Немецкие танки прорвались на нашем участке, тылы эвакуировать не успели, немцы оказались на территории госпиталя. Нас взяли прямо в операционной, даже операцию закончить не дали. Но, все равно, всех раненых тут же расстреляли. Расстреляли и почти весь медицинский персонал. Нас забрали. Почему не расстреляли сразу, не знаю. Но потом, уже в лагере для военнопленных, один немецкий врач узнал меня, я ведь был известен, мои работы, да и портреты тоже, публиковались в печати. В медицинских научных кругах мое имя кое-что значило. Работы Вашего отца тоже были известны, хотя портреты не печатались в прессе. Вопросы, которыми он занимался, представляли определенную долю секретности.

Так мы попали в секретную лабораторию гестапо, в клинику доктора Вагнера. Занимался этот доктор опытами над людьми. Предлагали сотрудничать, но мы отказались. Им нужны были знания Вашего отца. В работах по созданию копий организмов на основе генов немцы продвинулись достаточно далеко. Они использовали смесь науки и эзотерики, и добились неплохих результатов.

Никто из ученых мира серьезно к эзотерике не относился. А немцы относились серьезно, очень серьезно. Сначала мне это тоже казалось чепухой, но потом я понял – нет, это не чепуха, это все очень и очень серьезно. Но им не хватало методики, которая позволяет ускорять процессы развития организма. А у Вашего отца методика эта была. Они не могли ничем заставить его работать с ними, ни уговоры, ни угрозы, ни пытки не дали ничего, тогда они устроили чудовищный эксперимент. Стали отрабатывать свою, не доведенную до ума мето-

дику, на мне в присутствии Вашего отца. Они знали: если он не вмешается – я погибну. И он не выдержал испытания, вмешался. Эксперимент удался.

Потом он пытался покончить собой, но ему не дали. Поместили в камеру, где не было никаких острых и твердых предметов, как в палате для душевнобольных. И тогда он сам, зубами перегрыз себе артерию на правой руке.

- До какого же отчаяния нужно было дойти, чтобы покончить собой таким страшным образом! – воскликнул я.

- Нет, молодой человек, нет, – возразил старик, – не так Вы говорите, не так! Как же нужно было любить жизнь, чтобы так умереть!

Доктор Архангельский сел на скамейку, и обхватил голову руками.

- Боже мой! Боже мой! – повторял он, раскачиваясь из сторону в сторону. – Боже мой! Потом он встал, подошел к старику, посмотрел в его глаза, и сказал:

- Сколько же времени с тех пор прошло? Вы совсем не изменились!

- Это Вам кажется, – ответил профессор, – да, мое тело почти не стареет, вернее процессы старения идут очень медленно, тело, но не душа. Хотя я и сам не знаю, есть ли она у меня? Там, в лаборатории им удалось выделить ген старения. Разработали методику замедления возрастных процессов. Вот и испытали на мне. Человечество всегда мечтало о вечной молодости, но не все так просто, совсем не просто. Тело не стареет, а душа изнашивается, старится и умирает.

- Значит, доктор Вагнер – это тот самый доктор, который возглавлял секретную лабораторию гестапо? – воскликнул я.

- Нет, не тот, – ответил старик, – просто однофамилец. Тот Вагнер давно умер.

- И что он, тот доктор Вагнер, не опробовал методику вечной молодости на себе? – спросил я.

- Да я же говорю Вам, все не так-то просто. Из сотен экспериментов, удачными были единицы, я один из тех немногих, кто выжил. Остальные либо умирали, либо сходили с ума. Ни один нормальный человек не решиться испробовать на себе методику, которая не дает стопроцентного результата. Ну, а нас они не щадили.

- Доктор Вагнер, – произнес задумчиво Станислав Викторович, – странное, очень странное совпадение, неужели просто случайность?

- Возможно, что и нет, – ответил старик, – я же говорил, что немцы очень серьезно занимались эзотерическими науками, и достигли значительных результатов. Используя методы черной магии, они могла переселять души умерших людей в тело живых. Так, что вполне возможно, что душа того доктора Вагнера живет в этом, нынешнем.

- Но это же сущий бред! – воскликнул я. – Неужели Вы верите этим средневековым сказкам?

- Нет, Сережа, – возразил доктор Архангельский, – вполне возможно, что это не бред. Я лично знаком был с одним экстрасенсом, который брал оплодотворенной яйцо утки, и переселял душу утенка в неоплодотворенное яйцо курицы. В результате из яйца курицы рождался утенок, а яйцо утки пропадало. Это уже не средневековье, это наше время!

- А фамилия? Для чего нужно было этому, нынешнему Вагнеру брать фамилию, с которой его душа жила прежде? Это что совпадение?

- Думаю, что нет. Но фамилия настоящая. Они просто выбрали подходящую кандидатуру, с такой же фамилией. Любили немцы мистику, даже внешне, Вагнер – это как символ. Помните? Рихард Вагнер, «Полет валькирий»! Валькирии летают над полем брани, и собирают души погибших воинов, он тоже собирает души погибших, но с другой целью.

- А чем еще занимались в этой лаборатории, кроме разработки методики вечной молодости? – спросил доктор Архангельский.

- Еще у них была задача создания расы рабов. Рабов, которые могут быть высококлассными специалистами в узкой области, но не будут иметь личности, а будут полностью подчиняться воле господ. Для этого им нужны были специалисты, их тщательно отбирали, потом на основе их генов выращивали рабов. Они научились за несколько часов на основе одной клетки вырастить человека определенного возраста.

- Они использовали знания моего отца?

- Лишь частично. После его гибели, они не смогли полностью повторить методику, зафиксировать смогли лишь некоторые моменты.

Этого было не достаточно. Они широко пользовались опытом магов и колдунов, но эзотерика не поддается строгим расчетам, все зависит от личности мага, и часто результаты были не предсказуемы. Сейчас от услуг магов они отказались, но методика широко использует эзотерические знания.

- А что же они делали с Вами?

- После удачного эксперимента, в котором участвовал твой отец, было еще множество других, они пытались сделать из меня биоробота, но не получилось ни раба, ни специалиста. Получилось какое-то непонятное существо, без личности, без души, с телом, которое практически не стареет.

Сейчас случай со мной считался бы явной неудачей, а тогда это казалось успехом, большим успехом. Вот и возил доктор Вагнер меня по всему миру, как экспонат. Сначала, вместе с Гитлером попал в Аргентину, потом в Америку, а сейчас, вот, сюда.

- Но, Гитлер покончил собой! – воскликнул я. – Он застрелился! Его тело опознали!

- Нет, это был не Гитлер, они пристрелили двойника, пристрелили, потом облили труп бензином и сожгли. Да и не думаю, чтобы все, кто участвовал в опознании тела Гитлера, действительно опознали его. Просто, такая версия, что Гитлер мертв, устраивала всех. Его вывезли на подводной лодке в Аргентину. Вывозили и его, и архивы лаборатории, когда уже наши танки ворвались в Берлин. Гитлер дожил до глубокой старости, и умер в 1965 году, в Аргентине. Немцы хотели его использовать, как знамя для возрождения нацизма, но куда там, – старик махнул рукой, – я его довольно хорошо знал. Это был душевно больной, сломленный человек. Уже в конце войны, когда он понял весь ужас поражения Германии, он замкнулся, ушел в себя, и не общался ни с кем, кроме своей собаки. Дальше – хуже и хуже. Иногда, уже там, в Аргентине, у него бывали минуты просветления, тогда мы разговаривали с ним, но потом он снова уходил в себя.

- Скажите, профессор, – спросил я, – а он раскаивался в том, что натворил?

- Раскаивался? Конечно же, нет! Ни в чем он не раскаивался, ему казалось, что Германия проводила не достаточно жесткую поли-

тику по отношению к завоеванным народам, в этом и видел он причину поражения.

- Александр Степанович, а в Аргентине лаборатория продолжала свои исследования? – спросил доктор.

- Да, продолжала. Исследования проводились и в Америке. Как только ЦРУ стало известно об этих разработках, США начали финансирование программы. Но опытов над людьми вначале не проводили, были проблемы с человеческим материалом. Это уже потом, когда по всему миру построили секретные тюрьмы ЦРУ, исследования были продолжены в полном объеме. Именно эти тюрьмы и поставляли человеческий материал.

- Но сейчас-то они работают не с узниками тюрем? – спросил я.

- Да, для качественных результатов нужен и качественный материал. Узники нужны для экспериментов. Такие эксперименты до сих пор проводятся, но не здесь. Здесь уже налажено производство. Существуют сотни таких лабораторий по всему миру, под видом клиник психологической реабилитации. Их интересуют люди, являющиеся высококлассными специалистами, но пережившими душеные травмы. Их лечат, восстанавливают профессиональные навыки, потом возвращают тем, кто их сюда направил, а на основе клеток создают множество копий, обладающих профессиональными навыками оригинала, но лишенные каких либо личностных качеств. Их продают заказчикам за большие деньги.

- Скажите, профессор, – спросил доктор, – а к чему такие сложности. Сначала они берут человека, пережившего душевную травму, устраивают ему какие-то бессмысленные тесты на выживание, потом, в случае его гибели, восстанавливают организм на основе клонирования, и только потом, берут у него клетки, для производства безличностных копий? Не проще было бы просто взять клетки у высококлассного специалиста под видом медицинских анализов, и дальше на этой основе делать копии!

- Не все так просто, как Вам кажется. Во-первых, с человеком, получившим душевную травму, легче работать, он более податлив, воля его частично сломлена. Во-вторых, здесь готовят специалистов, которые должны действовать в экстремальных ситуациях. Для этого нужно подавить страх, сделать это можно на генетическом уровне.

Полностью подавить страх нельзя, ибо страх обеспечивает гомеостазис, страх – это основа инстинкта самосохранения. Нужно подавить панический страх, который парализует волю и не дает возможности принять правильное решение в критической ситуации. Это решается на генетическом уровне. И, в-третьих, генная инженерия позволяет выделить ген, который отвечает за профессионализм, и таким образом передать склонность к данной специальности по наследству.

- Профессор, – сказал я, – Вы должны рассказать всему миру о том, что здесь происходит, обо всем том, что Вы знаете!

- Нет, молодые люди, я уже давно ничего не кому не должен. Я ведь не человек, понимаете, не человек. Просто существо, лишенное человеческих качеств. Да, и ничего я, по сути дела, не знаю. У меня нет фактов. Это все лишь результат моих логических умозаключений. А может быть, все совершенно не так, и это только бред моей больной фантазии.

- Но ведь, о работах секретной лаборатории гестапо Вы все знаете! – сказал доктор. – Вы должны все рассказать. Мы не должны допустить, чтобы человечество постигла новая катастрофа!

- Я уже говорил вам, что никому, ничего не должен. А потом, учтите, все, абсолютно все в этом мире развивается по программе. Если мир не должен пойти по пути, намеченному Гитлером, то он и не пойдет по нему, а если должен, то ни я, ни вы, и никто другой, не смогут изменить мир. Еще раз повторяю вам, что я не человек. У меня нет ни желаний, ни стремлений, ни чувства долга перед кем-либо, у меня вообще ничего нет. Я просто сижу целыми днями на этой скамейке, и вспоминаю прошлую жизнь. Но воспоминания эти не доставляют мне ни радости, ни печали, ни боли, ни страдания, и не вызывают никаких желаний.

Если у вас есть силы и желание бороться – боритесь, делайте то, что считаете нужным. По крайней мере, у вас будет какая-то видимость смысла вашей жизни. Хотя, в принципе, никакого смысла в жизни каждого из нас нет.

- Если бы мы знали как, и что можно сделать! – сказал доктор Архангельский, – из этого города нет выхода, мы находимся во власти доктора Вагнера. Нет выхода из города, нет выхода из сложившейся ситуации!

- Из любой ситуации есть выход. Попытайтесь его найти. Возможно, у вас что-то и получится.

- Тогда, до свидания, профессор, мы, попробуем что-то сделать.

Мы шли с доктором Архангельским старым парком, по опавшей осенней листве и рассуждали о том, что можно предпринять в данной ситуации.

- Послушай, Сережа, – сказал доктор, – нужно сделать две вещи: добыть документы, изобличающие деятельность доктора Вагнера, и выбраться отсюда незаметным образом. Как это сделать, я пока не знаю. Но я попробую исследовать окрестности этого города. Ведь существует же общение с внешним миром, люди как-то попадают сюда, и как-то отсюда выходят. Завозят продовольствие и медикаменты. Нужно постараться найти то место, где находится канал выхода и входа, и определить режим его работы, пропускную систему. Ведь не сам же доктор открывает и закрывает его.

- Но ведь он же Вам говорил…

- Да, мало ли что он говорил! Ты где-нибудь видел руководителя предприятия, который стоит на воротах вместо охранника? Не его это работа, должны быть какие-то службы, который организуют пропускной режим. А ты попытайся установить контакты с людьми. Не может же быть, чтобы этот город состоял из одних призраков. Раз здесь готовят специалистов для работы в экстремальных ситуациях, должны быть афганцы или другие, кто прошел горячие точки, профессиональные бойцы, разведчики. Нужно с ними установить контакт. Ты должен оставаться на легальном положении, заниматься своими тренировками, а искать нужных людей в свободное время. А я не связан никакими обязанностями, и могу вести поиск на свой страх и риск.

На некоторое время мы расстались с доктором, он занялся поисками возможных путей выхода, а я продолжал свои занятия, определенные программой, а в свободное время посещал кафе и рестораны – единственные места, где собирались люди. Я вглядывался в их лица, пытаясь разглядеть хоть искру мысли, найти тех, с кем можно было бы говорить. Продолжалось это изо дня в день, но пока никого подходящего для разговора я не встретил. Каждый день я проходил мимо

старика и здоровался с ним, он молча кивал в ответ. Но однажды он окликнул меня:

- Подойди сюда, Сережа, – тихо сказал он. Я подошел.

- Я видел доктора Архангельского, он сказал, чтобы ты ни под каким видом не возвращался в свой номер. На тренировки и процедуры больше не ходи. Продолжай поиски, но очень осторожно. Вы ввязались в серьезную игру, и по видимому, вам обоим грозит смертельная опасность. Доктор сказал, что сам найдет тебя.

Поиски выхода

Я ушел. Я бродил по улицам города, заходил в кафе и рестораны, в которых ранее никогда не был, но и там были все те же лица с пустыми, безразличными ко всему глазами. Приближалась ночь. Оставаться на улице было опасно, да и холодно. Идти некуда. Я забрел в дальний угол старого, заброшенного парка, и там, разворотив кучу опавших осенних листьев, устроил себе ночлег. Хорошо, что давно не было дождей, и листья были сухими. Так я провел ночь, зарывшись в листву, прислушиваясь к каждому шороху. Наутро одежда моя выглядела не лучшим образом, на щеках начала пробиваться щетина. Еще пару таких ночевок, и я превращусь в чучело, которое не пустят ни в одно заведение, потеряю волю к жизни и способность сопротивляться обстоятельствам. В глазах моих появится та же пустота, которую я видел в глазах прохожих. В конце концов меня схватят, и все кончится.

Я снова бродил по городу, заглядывал в лица людей, стараясь отыскать в них хоть какие-то проблески мысли. Я продрог, проголодался, и решил все-таки заглянуть в ресторан, надеясь, что, несмотря на мой помятый вид, меня не прогонят. Нужно согреться, поесть и привести мысли в порядок. Возможно, это было не лучшее решение, но к хорошей еде я добавил бутылку коньяка, надеясь, что энергия солнца, заключенная в этом благородном напитке, вернет мне надежду и оптимизм. После третьей рюмки, когда я ощутил в теле приятное тепло и легкость в голове, жизнь показалась мне не такой уж ужасной.

Я стал внимательно рассматривать посетителей ресторана. Внимание мое привлек мужчина, сидевший в самом углу, лицо его казалось знакомым, и я пересел за его столик. На столе перед ним стояла не начатая бутылка водки. Я сел молча, поставив рядом с его бутылкой свою.

«О!» – сказал он, заметив меня, налил и поднял рюмку. «Угу!» – ответил я, наливая себе коньяк. Мы чокнулись и выпили. Он был первым, кто хоть как-то отреагировал на мое присутствие, единственный человек, в чьих глазах я заметил проблески мысли. Я сидел, глядя на него, и вспоминал, где я мог раньше видеть этого человека. И вдруг я вспомнил его. Это был Коля Клименко, что летал на Ан-26, а потом переучился на вертолеты и пропал где-то в Афгане. Узнать его было трудно, он очень изменился с того времени, когда мы, молодые, веселые, недавно окончившие училище пилоты, с гордостью носили звезды на крыльях и звездочки на погонах. Но это был он. Голова поседела, но все те же рыжие усики, пожелтевшие у губ от табачного дыма, все та же усмешка, тот же взгляд, те же жесты.

- А ты, вижу, так и не бросил курить, – сказал я. – А ведь бросал, наверное, чаще, чем Марк Твен.

Он долго смотрел на меня, что-то мучительно вспоминая.

- Серега! Ну, ни фига себе! Я знал всегда, что мир тесен, но оказывается весь мир – это еще и один дурдом! Черт побери! Вот это встреча! Привет! А ты как сюда попал!?

- Вероятно, так же как и ты, но об этом потом. Говорили, ты пропал в Афгане?

- Ага, пропал. Сбили меня. Правого сразу убило, меня ранило. Надеялся, что до своих дотяну, но машину трясло, шел со снижением, и плюхнулся я прямо на виду у духов. Тут же меня и взяли, думал сразу и шлепнут, но нет, бросили в какой-то подвал, били. Вырубался от боли, приводили в чувство и били снова. Ничего не спрашивали, только били. Потом оставили, думал все, отбросил копыта, но нет, выжил. Три года в плену, что было, Серега, вспоминать неохота. А к своим вернулся... Началось. Особисты задолбали. Почему не застрелился, почему не бежал, почему не расстреляли и тому подобное. Ведь не солдат, а целый подполковник, командир эскадрильи. Раз не расстреляли – значит, работал на них.

Майор один, падла, холеный такой, ухоженный, все допытывался, почему меня духи не убили. Я говорю: «А что? Мертвый я тебе больше бы нравился? Тебя бы туда, гаденыш, послать, как бы тогда ты разговаривал!» А он мне: «Стоять! Смирно! Да, я тебя!» Тут душа не выдержала, вмазал я ему со всей дури в харю его холеную. Майор с копыт – а меня под трибунал, за нанесение «тяжких телесных» и оскорбление личности при исполнении! Было два выхода: или тюрьма или дурдом. Определили в дурдом, а потом сюда, в клинику доктора Вагнера для психологической реабилитации.

- Так, ты здесь не так и давно?

- Нет, совсем недавно, до этого в Подмосковье в дурке лежал.

- И как тебе этот город?

- Вроде бы ничего, по сравнению с дурдомом, просто рай. Но чертовщина какая-то здесь творится. Недавно шел по улице, кирпич на голову упал, но не то, чтобы просто кирпич, кусок балкона шмякнулся. А утром очухался как ни в чем не бывало. И голова не болит, и следов никаких нету, прямо, как у Кашпировского! Самое интересное, что шрам от ранения куда-то делся, как будто его и не было. Через день иду, опять кирпич на голову падает, но я уже отскочить успел. Надоело по башке получать, мало меня духи били, а тут еще кирпичи на голову падают. Черт знает что за хреновина такая!

- Погоди, еще не то будет. Скоро дадут тебе вертолет, и в Чечню воевать отправят.

- Ну, это уже полная бредятина! Какой придурок меня за штурвал посадит? Я ведь инвалид первой группы. Мало ранения, так еще и дурдом. С каких это пор сумасшедших стали в армию брать, что там своих дураков мало?

- В армию тебя не возьмут. Всего один вылет взамен пилота, с которым что-то случилось в самый неподходящий момент.

- Я детективы читать люблю, но участвовать в авантюрах разных, это уж, извини! Что-то не то ты говоришь! Быть такого не может!

- Все может быть, даже то чего быть не может никогда.

Я рассказал ему свою историю. Николай слушал, и чем дальше, тем серьезнее и озабоченнее становилось его лицо.

- Ну и сволочуга же этот доктор! Это же надо!

- Да нет, он не сволочь, он гораздо хуже, – это сам дьявол. Да, впрочем, доктор этот здесь ни при чем. Не будь его, нашлись бы другие. Затеяли это те, кто претендует на мировое господство.

- Тогда бежать нужно из этого города.

- Бежать, говоришь? А бежать-то некуда. Нет, брат, отсюда не сбежишь.

- Как это: «Не сбежишь»? Не тюрьма, ведь! Я и охраны то здесь никакой не видел.

- А охрана и не нужна. Ты пробовал пройти город из конца в конец?

- Нет, а на фига?

- Так вот, в каком бы направлении ты не шел, возвращаешься всегда в ту точку, откуда вышел. Это замкнутое пространство.

- Да ну! Врешь! Как это: «Замкнутое пространство»?

- А вот так! Каким образом это сделано, не знаю, но точно тебе говорю – мы тут как звери в вольере, только сетки не видно, вот тебе и «да ну»!

- Но ведь как-то отсюда можно выбраться, тебя же вывозили на аэродром.

- Видимо есть какой-то канал общения с внешним миром. Но для нас он недоступен.

Я рассказал ему про поиски, которые вел доктор Архангельский, но видимо они ни к чему не привели, точнее, привели к тому, что мы оба находимся на волосок от смерти, оба, если он, конечно, еще жив.

- Тогда, что же делать? Неужели нет никакого выхода? – Коля спросил это так, как будто он был уверен, что выход все-таки существует. Он был готов действовать.

- Сначала нужно попытаться достать документы. Должны же существовать истории болезни, методики исследований, из которых будет ясно, чем занимается эта, с позволения сказать, клиника. Нужны помощники, профессионалы. Должен же быть здесь такой контингент.

- Есть тут у меня один знакомый афганец, капитан, профессиональный разведчик. По-моему, еще не окончательно с катушек съехал.

- Ну, что ж, давай с ним встретимся.

Закончив разговор, мы вышли из ресторана, Коля собирался идти в свой номер, а мне, учитывая мое нелегальное положение, нужно

было снова искать ночлег. Я представил себе ворох листьев, в котором провел прошлую ночь, мне стало холодно, печально и неуютно, и рассказал Коле о неудобстве нелегального положения. Коля жил не в том корпусе, что я, а в доме, расположенном по другую сторону парка, и мы решили, что ночевать в его номере будет значительно удобнее для меня, чем под кучей опавших листьев, а возможно, и более безопасно.

Капитана-афганца, Валерия Семеновича Матвеева, мы встретили тут же, в ресторане на следующий день. Но разговаривать здесь не стали, кто знает, какие уши имеют эти стены. Хотя, если посетителей ресторана прослушивают, то мы с Колей уже «на крючке». Усевшись на лавочке в сквере, мы стали обсуждать сложившуюся ситуацию и дальнейший план действий.

Валера внимательно выслушал все, что я рассказывал о секретной лаборатории гестапо, о докторе Архангельском, о старике, который оказался профессором Невельским, и о том, чем занимается эта клиника в данное время.

- Интересная штука получается, если все это действительно так, то вляпались мы с вами, ребята, серьезно. Насколько мне известно, у нашей разведки есть данные, что немцы занимались созданием биороботов еще в сороковые года, на основе медикаментов. Работы эти видимо до сих пор продолжаются. Помните в печати историю с полковником Абелем, которого на американского пилота, Пауэрса поменяли? Он довольно близко подошел к этим разработкам, тогда фильм еще сняли, ну помните, «Мертвый сезон»?

- Да, конечно, помню, и фильм, и статьи в газетах, но о генетике так речь не шла, – сказал я.

- А может это и есть та самая лаборатория, но не все о ней говорили в печати? – предположил Коля.

- Да нет, серьезные разработки всегда ведутся по разным направлениям, и чаще всего изолированы друг от друга, из соображений секретности, но не имея на руках никаких документов, бессмысленно поднимать эту тему на каком бы то ни было уровне. Нам просто никто не поверит. Если документы существуют, а они непременно должны существовать, то их в принципе можно добыть. А что потом с этими документами вы собираетесь делать, ребята?

- Передадим журналистам! – воскликнул Коля. – Шум поднимут на всю страну!

- Как я понял, никаких конкретных планов у вас нет. Говорить о журналистах вообще, – бессмысленно. Если нет надежного, проверенного человека, то не стоит и затевать это дело. Просто шум нам не нужен. Дело это такое, – быстро глотку заткнут, да так, что и «мама» сказать не успеешь.

- А что же делать? – спросил я.

- Есть у меня человек в главном разведуправлении, попробуем через него осторожненько прощупать эту тему. Но нужны факты, документы, общие соображения и догадки здесь не проходят.

- Думаю, что истории болезни должны быть в кабинете лечащего врача, - сказал Коля, – меня ведет доктор Розенберг.

- Иван Семенович? – спросил я.

- Да-да, Иван Семенович, Иван Семенович Розенберг, – прямо как у Жванецкого!

- Он и мой лечащий врач, – добавил Валера.

- Что, тут один лечащий врач на всех? – спросил я.

- На всех или нет, – сказал Коля, – по крайней мере, на нас троих, значит, наши истории болезни должны быть у него в шкафу или в сейфе, наверняка там есть и другие медицинские документы, которые могут нас заинтересовать.

- Ребята, – сказал Валера, – в каком веке вы живете? Какие документы в шкафу? Вы видели, чтобы Иван Семенович что-то писал?

- Нет, – сказал я, – он работает на компьютере.

- Вот, то-то же! Все документы хранятся в компьютерной базе данных. Никаких бумажных документов не существует.

- А ты с компьютером умеешь обращаться? – спросил Коля.

- Я – разведчик, профессиональный разведчик, и имею дело с информацией, потому компьютер знаю не хуже любого программиста.

- Ну тогда, – сделал выводы Коля, – нужно проникнуть в кабинет доктора Розенберга, взломать пароль, и все дела!

- Взломать? Это вы, ребята, насмотрелись фильмов и начитались детективов! Только в кино, молодой парень, в американской кепке, одетой козырьком назад, за пару минут взламывает сложнейшие системы, и легко входит в базы данных Пентагона. В жизни все сложнее.

Системы защиты строится так, чтобы при использовании самых современных алгоритмов и самой быстродействующей техники, время вскрытия ее значительно превышало срок актуальности защищаемых данных. И разрабатывают эти системы не пацаны в бейстболках, а очень серьезные люди, знающие толк в теории и практике.

- Значит все безнадежно? – спросил я.

- Не совсем. Попробуем войти в базу данных под паролем доктора Розенберга.

- А, он что, тебе пароль сказал? – съехидничал Коля.

- Ага, сказал. Скажи пароль – «пароль», – проходи! Нет, конечно. Но если нельзя взломать, то можно подсмотреть. Если я у него первый пациент, то он при мне включает компьютер и входит в систему. Конечно, я не вижу, какой пароль он набирает. Но работает он на клавиатуре профессионально, как машинистка. А при профессиональной системе работы с клавиатурой, каждому пальцу определена одна или две, максимум три клавиши. Я постараюсь проследить за кистями рук, и определить какие пальцы, и в какой последовательности работают. Тогда у нас будет насколько вариантов кода. Обычно, система допускает от трех до пяти ошибочных ввода, после чего блокируется. Таким образом, у нас есть реальный шанс успеть ввести нужную комбинацию.

- Гениально! – воскликнул Коля, – Но нужно еще попасть в кабинет!

- Замок там простой, я смотрел, с этим проблем не будет. Охраны тоже нет. Ночью войдем в кабинет и попробуем.

- А если там сигнализация? – спросил я.

- Сигнализации нет, по крайне мере он ее не отключает. Сигнализация не нужна. В кабинете ничего особо ценного не хранится, да и злоумышленников в этом городе нет, и быть не может. Кроме нас, разумеется, но, думаю, об этом еще никто не знает.

- Тогда зачем же система защиты данных? Раз нет злоумышленников, то и защищать не от кого!

- Это другое дело. Базы данных находятся в сети. У каждого пользователя существует доступ только к тем данным, с которыми он работает. Возможно, что и у доктора Розенберга нет доступа к тем данным, которые нас интересуют.

- Но, ведь наши истории болезни у него должны быть? – сказал Коля, а это уже информация, это не так уж мало.

- Да, если истории болезни реальные, там вполне может быть легенда, весьма безобидная, не отражающая настоящей деятельности клиники. Но нужно попробовать, ничего другого у нас пока нет.

Положение казалось не таким уж безвыходным, по крайней мере, у нас возник план, хорош он был или плох, но в любом случае, это было лучше, чем полное бездействие. Оставалось дождаться следующего дня, все это время я провел в Колином номере, размышляя над тем, где сейчас доктор Архангельский, удалось ли ему что-либо разузнать, действовать без него мы не могли, отсутствие каких-либо сведений о нем доводило меня до отчаяния, я уже жалел, что рассказал ему всю эту историю. День прошел, наступила ночь, устроившись на небольшом диванчике в Колином номере, я никак не мог уснуть. За окнами выл ветер, в умывальнике из крана капала вода, и в завывании ветра, и звуках капель воды чудились чьи-то голоса: один грозный и суровый, рокочущий, роковой; другой тихий, вкрадчивый, но монотонный, не стихающий ни на минуту. Этот диалог сонным бредом проникал в сознание, наполняя его тревогой и беспокойством, потом он перешел в сон, какой-то нелепый, незапоминающийся, но оставивший тяжелый, мутный осадок на душе после пробуждения. Когда я проснулся, ветер утих, а вода все так же капала из крана. Я встал, подошел к умывальнику, попробовал закрутить кран, но он уже был затянут до предела, и все мои усилия оказались напрасны. Коля уже ушел на прием к доктору, на процедуры и тренинг. Весь день провел я в комнате, томясь от одиночества и безделья, а вечером мы встретились снова все трое на том же месте.

- Ну, что, – спросил Коля Матвеева.

- Движения рук запомнил, варианты расписал, не так уж много, всего четыре.

- Так, что, сегодня ночью идем? – Коле не терпелось, он рвался в бой.

- Нет, еще рано. Нужно убедиться в том, что код доступа не меняется в течение суток, кроме того, проверить, не ошибся ли я. Учтите, у нас только одна попытка, если не получится, второй раз доступа к компьютеру у нас не будет.

- Нужно еще дождаться доктора Архангельского, – сказал я, – без него мы не разберемся в медицинских документах.

Доктор Архангельский появился только вечером третьего дня. Он был обросшим, усталым, одежда его была грязной и мокрой, но глаза его светились лукавым огоньком, чувствовалось, что поиски его были не напрасны. Мы обнялись.

- Станислав Викторович? Что случилось? – спросил я. – Да, Вы же промокли насквозь! Вам нужно срочно переодеться!

- Все ерунда! – отмахнулся он. – Главное – я нашел выход!

- Вот это да! – воскликнул я. – Что? Где? Как? Ну, говорите же!

- Да, не спеши ты, сначала с ребятами познакомь, а то даже вздохнуть не даешь.

Я представил ребят, рассказал о нашем замысле, Станислав Викторович внимательно слушал Валеру, задавал вопросы, уточняя и оценивая ход предстоящей операции, и отнесся к нашему предложению с одобрением, по крайней мере, ничего другого никто предложить не мог. Выслушав нас, он рассказал и о своих приключениях, той находке, которая придавала смысл всему нашему предприятию.

- Вы представляете себе! – сказал он. – Но я действительно нашел выход! Я решил исследовать этот город более детально, особенно окраины. Ведь, если выход существует, то он должен находиться никак не посреди города. Я понимал, что это замкнутое пространство, но то, что я увидел, показалось мне чем-то, лежащим за гранью реальности.

Я шел по улице, которая вела от центра, куда-то на восток. Улица была прямой, перспектива просматривалась, насколько хватало взгляда. Постепенно, пейзаж стал все более напоминать окраины: многоэтажные дома сменялись одноэтажными, хозяйственными постройками, бараками непонятного назначения; асфальт сменился многочисленными колдобинами и ямами; справа, вдали от дороги показалось болото, заросшее камышом. Казалось, еще немного, и город закончится, но вскоре мне стали снова попадаться многоэтажные дома, асфальт сделался ровным и гладким, и то, что мне казалось болотом, поросшим камышом, оказалось городским парком. В конце концов, я пришел в то же самое место, откуда вышел. Я шел по другим улицам, менял направление, сворачивал в сторону с дороги, обошел все свалки

и пустыри, лазил по каким-то нагромождениям камней, но неизменно всегда возвращался в одно и то же место, к городскому парку.

Меня охватило отчаянье, мне не повстречалось ничего, что бы могло, хоть каким-то образом, напоминать выход из этого вольера. Я помню, что мы въезжали в город через ворота и КПП, на котором стояла охрана, но ничего подобного я нигде не увидел. Но ведь была же у города связь с внешним миром! Люди прибывали в этот город и убывали из него, завозили продукты питания, оборудование. Не может же этот канал открываться прямо посреди города! Но оказалось, что может! Меня подвел стереотип мышления – выход должен быть у края. Но не может быть края у бескрайнего пространства! Хоть пространство это замкнуто, ограничено, но у него нет ни начала, ни конца. Я оказался в глупейшем положении, положении древних наших предков, представляющих себе мир в виде плоского блюда, покоящегося на трех китах.

И, все-таки я поймал момент, когда открывается канал! Он открывался здесь, рядом с центральным парком! Хотя, как мне кажется, он может быть открыт в любом другом месте. Проходя, уже в сотый или двухсотый раз мимо парка, я вдруг увидел и ворота, и КПП, и охрану. Машины, с интервалом около десяти минут, подходили к КПП, охрана проверяла документы и открывала ворота. Все обычно, все как в любой, нормальной войсковой части. Ворота, КПП, дежурный с повязкой, проверка документов и прочее. Машины входили и выходили. Но ведь раньше этого КПП не было!

Я посмотрел на часы – было четверть третьего по полудню. Я сел на скамейку и стал наблюдать. Я обратил внимание на то, что охрана не вооружена, охранников двое, один проверяет документы, второй открывает ворота. Прошел час, еще полчаса, за это время въехало две грузовые машины и один «УАЗ», выехало два «УАЗа» и один микроавтобус и затемненными стеклами. Потом какая-то соринка попала мне в глаз, пока я протер глаза, то с удивлением обнаружил, что ни ворот, ни КПП, ни охраны уже не было.

На следующий день, в это же время, картина повторилась. Я опять не заметил момент, когда открылся канал. Я сидел на скамейке и смотрел в то место, где вчера было КПП, а сегодня передо мной была только уходящая вдаль аллея, тополя, шелестящие пожелтевшей

листвой, низкий кустарник, да заросший осокой пруд. Меня опять что-то отвлекло, а потом я вновь увидел перед собой КПП, охрану, и ворота, через которые въезжал автомобиль. Все было так, как будто бы оно было здесь всегда!

Я подумал, – ведь охранников всего двое, и они не вооружены, если подобрать надежных ребят, неожиданно напасть на охрану, то может быть удастся прорваться! Если все сделать быстро, они не успеют закрыть канал!

Я встал и, не спеша, просто прогуливаясь, направился к КПП. Я не проявлял ни малейшего намека на агрессивность, стараясь ничем не подать вида, что меня заинтересовал этот объект. Но стоило мне приблизиться, как вдруг все исчезло. Снова передо мной была аллея парка, тополя и пруд. И я опять не заметил момента, когда произошла смена декораций. Мне показалось, что меня окликнули сзади, я обернулся, ни никого не увидел, наверное, просто почудилось. А когда повернулся, то КПП уже не было.

На следующий день, как ни старался я вглядываться в старый парк, канал больше в том месте не открывался. Видимо, мое поведение показалось кому-то подозрительным, и место открытия канала перенесли. Мои опасения подтвердились. Когда я возвращался к себе в номер, то поднимаясь по лестнице, заметил у своей двери двух вооруженных людей, двое других стояли у двери комнаты Сергея. Они еще не успели увидеть меня, и я осторожно, стараясь не шуметь, спустился в холл, и быстрым шагом направился прочь, идя так, чтобы не попасть в поле зрения тем, кто мог смотреть через окно. Тогда-то я и попросил профессора предупредить тебя об опасности.

Я был в отчаянии. Едва было блеснувшая надежда на спасение, угасла. Более того, в результате своих необдуманных действий, я попал под подозрение, и навлек подозрение на тебя. Я и так этими днями не встречался с тобой, опасаясь, что наши контакты могут находиться под контролем. Сейчас тем более, нужно было держаться подальше друг от друга. Мне казалось, что за мной постоянно следят. Я снова шел в сторону окраин, стараясь обходить людные места, если какое-то место в этом городе можно было назвать людным. Я забрел туда, где находилась куча камней, казалось, здесь за мной уже никто не следит. Солнце уже коснулось края горизонта, смеркалось.

Нужно было обдумать создавшееся положение, и попытаться наметить план дальнейших действий. Но я уже не мог думать, голова была, как ватная, ноги подкашивались. Весь город облазил, даже видел это чертово КПП, и все зря! Ни одна здравая мысль в голову не приходила.

Я не спал почти трое суток, и не заметил, как глаза мои закрылись, и я провалился в сон. Проснулся я от утренней прохлады, серело. Мыслей не было, в голове пустота – в душе отчаянье. Я сидел, опершись спиной о груду камней, и смотрел, как уходит ночь, как розовеют легкие облака, как светлеет небо, и первые лучи восходящего солнца касаются земли. Безучастным взглядом смотрел я на то, как тень от большого дерева тает и разворачивается в сторону. Земля, на которой только что лежали тени от деревьев, уже осветилась солнечными лучами, и только один кусочек тени не хотел таять; везде уже было светло, только одинокое темное пятно лежало у груды камней. «Что-то не так» – подумал я, встал и подошел к пятну. И вдруг заметил, что пятно было отверстием между камнями, напоминавшим вход в катакомбы! Это действительно был вход, я сделал несколько шагов вглубь, и сразу же оказался в темном сыром подземелье. Идти дальше без огня было бессмысленно.

Я вернулся назад, соображая, чем бы можно было осветить путь. Возле бараков я обнаружил обрывки рубероида, куски смолы, доски. Так я сделал из этого подручного материала четыре факела. Пока будут гореть два, буду идти вперед, когда останутся два последних – буду возвращаться. Я не знал, что я смогу обнаружить, но была уже хоть какая-то цель, которая, может быть, даст определенный результат.

Когда-то, в молодости, я занимался спелеологией, облазил многие пещеры Крыма и Кавказа, и знаю, как ориентироваться в подземелье. Конечно, сейчас у меня не было необходимого снаряжения, но зато у меня был огонь! Я спускался все ниже и ниже, казалось, я опустился метров на тридцать, потом спуск прекратился. Это были старые, заброшенные каменоломни, которые использовались, видимо, еще в доисторические времена.

Копотью факела на стене я отмечал каждый свой поворот, каждую развилку пути. Местами катакомбы были затоплены, кое-где приходилось идти по колени, а то и по грудь в воде. Трижды я захо-

дил в тупик, и возвращался к очередной развилке. Но в середине четвертого хода я заметил впереди свет. Это действительно был дневной свет! Еще несколько десятков метров, и я очутился на поверхности! Причем за пределами города! Вокруг лежала широкая степь, светило солнце, звонко пели цикады, и нигде, совершенно нигде не было видно признаков города либо селения! Оказалось, что пространственная аномалия прикрывала город только сверху, она не распространялась вглубь земли! До поздней ночи я бродил по степи, чтобы убедиться, что я действительно вышел из города, а потом вернулся обратно. Тогда я решил, что нужно разыскать тебя. Кстати, нас больше уже никто не караулит возле дверей комнат, думаю, что мы спокойно можем вернуться к себе.

- Доктор – Вы гений! – воскликнул Коля. – А может, черт с ними, с этими документами? А? Рванем сейчас же на свободу!

- И куда мы пойдем? – спросил Валера. – У нас ведь даже и своих документов нет. Придем и скажем: «Здрасьте! Мы сбежали из сумасшедшего дома, никаких документов у нас нету, но послушайте, что мы Вам расскажем!»?

- Да, – сказал я, – в лучшем случае, нас просто вернут обратно.

- Дело нужно доводить до конца, – сказал доктор, – либо добыть документы и выйти из города, либо оставить все как есть. Но если мы пойдем до конца, то нужно взять с собой профессора, не оставлять же Александра Степановича здесь.

- Куда взять? На кражу? – спросил Коля.

- Нет, возьмем его с собой, когда будем уходить.

- Коля! – сказал Валерий. – Разведчики ничего не крадут! Они добывают информацию!

- Да ладно! Ты мне еще расскажи разницу между разведчиком и шпионом.

- Нужно сегодня же ночью достать документы и выйти из города, – сказал доктор.

- Извините, товарищи офицеры, – сказал Валера, – но хотя Станислав Викторович и старше меня по званию, руководить операцией буду я. Сегодня мы никуда не пойдем. В первую очередь всем надо выспаться, привести свои нервы в порядок, все тщательно продумать. Завтра днем мы со Станиславом Викторовичем пойдем и еще раз ос-

мотрим вход в подземелье. Приготовим факелы. Говорите, катакомбы местами залиты водой? Нужно позаботиться о непромокаемой упаковке для документов. И, наконец, доктору нужно переговорить с профессором Невельским. Все, не будем терять времени, сейчас всем отдыхать!

Женщина в красном

Мы разошлись. Я вернулся к себе и, не раздеваясь, лег на кровать. Странно, но вернувшись в свой номер, я почувствовал облегчение, за время пребывания в клинике я привык к нему, и хотя обстановка моего номера ничем не отличалась от других номеров, ощущение дома вдруг явилось мне. Спать не хотелось. Как я не пытался уснуть, ничего не получалось. Тогда я встал и направился в кафе. Я уже никогда не думал, что снова увижу ее, эту женщину в красном. Она, как и прежде, тихо пройдя через все кафе, села за мой столик. Но что-то было не так, я сразу даже не понял, что изменилось. Прежде она садилась молча, будто меня и не было, а сейчас она посмотрела на меня и тихо спросила: «Не возражаете, если я присяду?» Понял я это не сразу, а лишь после того, как ответил. Я был поражен так, как если бы вдруг заговорила статуя, я, наверное, понимаю теперь состояние Дон Жуана, когда тот увидел каменную статую командора, принявшую его приглашение.

Когда состояние оцепенения прошло, и ко мне вернулась способность соображать, меж нами завязался разговор. Я рассказал ей свою историю, умолчав о видении, преследовавшем меня, слишком похожа она была на ту женщину, что впервые взглянула в мои глаза через забрызганное дождем стекло. Как оказалось, ей тоже довелось пережить авиационную катастрофу. Она была стюардессой, ей одной удалось остаться в живых.

Самолет прибыл из заграничного рейса, и направлялся на авиазавод для производства плановых регламентных работ. Пассажиров в том рейсе не было, из стюардесс летела только она. На взлете, после

уборки механизации крыла[18], стабилизатор вместо того, чтобы переложиться к нулю, стал на кабрирование[19], самолет задрал нос, свалился на крыло, потерял скорость и упал. Что-то отказало в автоматике управления, пилоты уже ничего не смогли сделать.

- Когда самолет только начал падать на крыло, я еще ничего не поняла, – рассказывала она. – Только подумала, что слишком рано они начали разворот, и голос командира, спокойный такой, ровный: «Анечка, пристегнись, мы падаем». Представляете, они уже знали, что самолет падает, и что сделать уже ничего нельзя, а голос ровный такой, спокойный, будто бы мы на посадку заходим.

- Он не хотел Вас пугать, панический страх парализует.

- Да, теперь я это понимаю, они знали, что у меня во втором салоне есть шанс выжить, я пристегнулась, это меня и спасло. А потом я потеряла сознание, когда очнулась, все вокруг горело, и я никак не могла выбраться из самолета. Я кричала, молила о спасении. Это был ужас! Ужас! Хотелось жить! А вокруг огонь, огонь! Потом спасатели подоспели и вытащили меня.

Она прикрыла лицо рукой, опустив голову вниз.

- Успокойтесь, все уже позади, – сказал я.

- Да, конечно, но я только недавно смогла разговаривать, до этого я молчала, там, в самолете погиб мой муж, он был штурманом. Обычно мы не летали вместе, в одном экипаже, а тут…

Она вновь смотрела куда-то вдаль, сквозь меня, как в первый раз, но слезинка, застывшая на ее щеке, напомнила мне образ той женщины, явившей в ненастной осенней ночи. Я хотел спросить, не она ли это была, но не знал как. И вдруг где-то в моем воображении, возникло видение той самой женщины, Она молила меня взглядом не говорить ничего о ней той, другой, сидящей напротив. И я промолчал. Я молчал и смотрел на ту, что сидела напротив меня; неуловимый, печальный образ моих видений растаял в вечерней мгле.

- Доктор Вагнер действительно делает чудеса, – сказала она, – он вернул меня к жизни.

---

[18] Механизация крыла – закрылки, предкрылки, уменьшающие посадочную и взлетную скорость.

[19] Кабрирование – положение самолета при наборе высоты.

- Не так все однозначно насчет доктора Вагнера.

- Возможно, методы его и жестоки, после авиакатастрофы попасть под трамвай – это слишком, но потом что-то изменилось во мне, я стала другой, опасность уже не приводила к оцепенению, как тогда, когда трамвай первый раз сошел с рельс. Теперь я знаю, что снова буду летать, это все благодаря доктору Вагнеру.

- Он сам занимается Вами?

- Нет, мной занимается доктор Розенфельд, но методика-то доктора Вагнера, хотя я его ни разу и не видела, но все равно ему благодарна.

- Не спешите его благодарить, – мрачно произнес я.

- Но почему? – она уставила не меня полный удивления взгляд.

- Я же Вам говорю, что не все так однозначно насчет доктора Вагнера.

Я рассказал ей все, что мне известно о работе клиники, не упоминая ни о докторе Архангельском, ни о ребятах, ни о профессоре Невельском, ни о наших планах.

- Иван Семенович намекал мне, что я могу получить работу за границей, если, разумеется, пожелаю. Я, конечно, могу отказаться, но неужели они сделают мои копии, и пустят их по всему миру? А как же я?

- Не беспокойтесь, с Вами ничего не случится, Вы останетесь той же личностью, что и были, а вот те, ваши копии, будут просто биороботами, без личности, без судьбы.

- Но, надеюсь, со мной они не встретятся?

- Думаю, что нет, об этом позаботятся. Они не встретятся ни Вам, ни Вашим друзьям, и никому их тех, кто Вам знает.

Она молчала, глядя в пространство, осмысливая то, что я ей сказал.

- Ну что, по-прежнему хотите получить работу за границей?

- А почему бы нет?

- Поймите, речь пойдет не о работе стюардессой на заграничных авиалиниях. Они готовят Вас для чего-то другого. Думаю, недостатка в бортпроводницах у них нет. Вам предложат что-то, связанное с летной работой, но что-то совершенно не то. Для чего-то потребуется

Ваша способность принимать правильные решения в экстремальных ситуациях.

- Да, я понимаю, я и раньше понимала, что мне предложат что-то неординарное, но и еще я понимаю, что за это будут неплохо платить.

- Несомненно, но ведь Вас будут использовать в изуверском, бесчеловечном проекте! Нужно бороться против доктора Вагнера! Нужно что-то делать!

- Бороться? – она посмотрела вдаль, сделала глоток сока, промокнула губы салфеткой. – А зачем? Мир этот не переделать, да мне и не подходит роль героя, способного изменить мир. Герои-одиночки, спасающие мир – это в кино. В жизни все по-другому. А раз изменить мир нельзя, то можно только одно – занять в этом мире достойное место.

Кража со взломом

На следующий день мы собрались у Коли для уточнения плана действий.

- Ну что ж, – начал Валера, – мы со Станиславом Викторовичем побывали у входа в каменоломни, там ничего не изменилось, подготовили факелы и спички. Утром был на приеме у доктора Розенберга, пароль не поменялся. Станислав Викторович, Вы говорили с профессором о наших планах?

- Да, говорил. Он согласился, что нужно что-то предпринимать, но уходить с нами отказался.

- Но почему? Неужели он не хочет отсюда вырваться?

- Он считает себя слишком заметной фигурой, если утром его не окажется на скамейке, это насторожит их, да потом он не слишком хочет менять свой образ жизни, если можно назвать жизнью такое существование.

- Но мы уйдем ночью, или рано утром, когда все еще спят.

- Я говорил ему это, но он не хочет никуда уходить. Считает, что он будет только обузой, и не желает, чтобы из-за него сорвалось наша операция.

Поскольку кабинет доктора находился в том же корпусе, что и мои апартаменты, все мы собрались в моем номере, и поздней ночью, около двух часов, когда все обитатели этого странного города уже давно спали крепким сном, мы вышли из комнаты, и направились к кабинету доктора Розенберга. Крадучись, мы подошли к двери кабинета. Валера достал, приготовленные заранее, сделанные из куска проволоки, отмычки, и начал возиться с замком. Минуты через две, которые нам показались вечностью, раздался тихий щелчок и дверь открылась.

- Ну вот, я же говорил, замок простой, – сказал Валера, – заходите.

Мы вошли.

- Может, не будем включать свет? – тихо произнес Коля.

- Да ни черта мы не увидим без света! – ответил Валера. – Включай!

Лампочка ярко вспыхнула под потолком, сердце мое бешено заколотилось. Никогда еще мне не приходилось бывать в роли злоумышленника, проникающего в чужое помещение.

- Эти окна выходят во внутренний двор, – сообщил Валера, – никто не заметит.

Мы включили компьютер. Звук вентилятора блока питания в ночной тишине казался особенно громким. Наконец-то он загрузился. Теперь нужно было ввести логин и пароль входа в систему. Здесь особых сложностей не предвиделось. Логин «dok» уже высветился на экране, оставшись от предыдущего сеанса. Пароль, который Валера определил по движениям кисти доктора, составлял комбинацию букв «розен» без переключения регистров и шрифтов. Валера набрал пароль, система загрузилась. На экране высветились значки различных программ. Какой из них обозначает вход в базу данных?

- Так, – сказал Валера, – доктор вел мышку вправо и вниз. Где-то здесь. Тут два значка, один – явно «total Commander», это нам не интересно, а вот второй попробуем нажать.

Он щелкнул по левой клавише мышки, и на экране открылось окно, с просьбой ввести пароль для входа в базу данных клиники. Листок бумаги с возможными вариантами пароля лежит на столе. Ввод первого варианта – пароль не принят, второй вариант – пароль

не принят. Осталось два варианта, но сколько попыток еще допустит система защиты? Я смотрю, как работает Валера и чувствую, что по моей спине стекают струйки холодного пота. Сейчас я ничем не могу ему помочь.

Ввод третьего варианта – пароль принят!

Истории болезней, как мы и предполагали, оказались легендой, официальной версией, под которой мы были определены в эту клинику. Никакого интереса они не представляли. Но, последовательно продвигаясь по меню, мы наткнулись на довольно интересные данные.

Это были различные частотные диаграммы деятельности мозга. Здесь же описывалась методика изменения памяти человека. Из этой методики следовало, что для того, чтобы изменить содержание памяти человека, сперва необходима, так называемая, «электромагнитная блокировка сознания» – обработка человеческого мозга с помощью электромагнитного импульса определенной частоты и определенной мощности.

Поскольку носителем мысли человека являются электромагнитные колебания, то электромагнитная блокировка приводит к утрате способности мозга генерировать мысли. Человек находится, вроде бы в полном сознании, но никак не реагирует на внешние раздражители, не в состоянии двигаться и управлять своими мышцами. Сохраняются лишь функции, обеспечивающие жизнедеятельность организма.

В этом состоянии из памяти может быть стерта любая информация, и записана другая. С мозгом они научились обращаться, как с памятью компьютера. После того, как человека выведут из этого состояния, он будет помнить о тех событиях, которых с ним никогда не происходило, и никогда уже не сможет вспомнить о том, что было с ним в действительности.

При такой обработке уже ни один гипнотизер, ни один экстрасенс не сможет, не то что восстановить память, а отличить реальную информацию от привнесенной извне. Основным моментом в этой методике было отключение мыслительной деятельности человека. Человек генерирует мысль всегда, даже во сне. Если человек и не произносит слова, которые выражают его мысль, ни вслух, ни про себя, мысль все равно генерируется на уровне подсознания.

Мышление представляет собой сложный многоуровневый процесс, напоминающий работу компьютерных систем, при этом постоянно происходит контроль входящей и исходящей информации. Для того, чтобы записать или стереть информацию, нужно подавить этот контроль. Если это делает гипнотизер или экстрасенс, то подавить все уровни контроля он не в состоянии, и при определенных условиях, информация может восстановиться. При электромагнитной обработке подавляются все уровни контроля, информация изменяется полностью и восстановление ее просто невозможно.

Было даже краткое описание принципа действия прибора ЭМБС-25, предназначенного для электромагнитной блокировки сознания, и инструкция по применению. Прибор прикладывался к голове человека и включался нажатием кнопки, выключение происходило автоматически при отработке нужной длительности импульса, которая составляла несколько микросекунд. После этого врач, с помощью другого прибора, должен убедиться, что вся мыслительная деятельность отключена, и на экране осциллографа остались лишь импульсы процессов, поддерживающих жизнеспособность организма.

Теперь мозг подключался к специальному устройству, с помощью которого, с памятью человека можно обращаться, как с памятью компьютера, считывать информацию, стирать и записывать.

Нашли мы и то, что касалось непосредственно нас. Это была методика изменений качеств личности на генетическом уровне. А именно, формирование специалиста высокой квалификации, для работы в экстремальных условиях. При возникновении критической ситуации необходимо принять единственно возможное правильное решение. Рассмотреть все варианты, проанализировать, как будет развиваться ситуация при принятии каждого варианта, определить последствия, и на основе этого принять решение – на это времени нет. Это можно делать только в лабораторных условиях, обрабатывая результаты с помощью вычислительной техники, строя математические модели и так далее.

Когда же ситуация возникла, решение должно придти автоматически на основе той работы, которая когда-то была проведена в лабораториях научно-исследовательских институтов. А если возникла

ситуация, которая не была предусмотрена заранее, ведь предусмотреть все невозможно, если нет домашней заготовки, то как быть?

Вот тут то и срабатывает то, что называют интуицией. Если мозгу не мешать, он сам примет решение на уровне подсознания. А мешает, в первую очередь, страх, тот животный, панический страх, который сковывает волю, парализует сознание, и непременно приводит к гибели. Страх – это нормальное, естественное чувство, которое мобилизует весь организм, его способности к принятию решения, физические силы. Но панический страх не дает принять решение, человек в состоянии такого страха уже побежден.

Избавиться от панического страха можно путем длительных, специальных тренировок, моделирующих реальную опасность. Но при тренировках опасность должна быть контролируемой, неправильные действия обучаемого не должны приводить к его гибели. При возникновении же реальной опасности, человек осознает ее, и не может действовать так же четко, как и при обучении. Недаром во всех армиях мира боевой опыт всегда ценился выше всякой подготовки. Владея способами восстановления погибшего организма, вопросами безопасности при обучении можно пренебречь. Моделируется реальная ситуация, с реальной опасностью. Такое обучение равносильно приобретению боевого опыта. Кроме того, при восстановлении погибшего организма, на генном уровне вносится программа подавления панического страха. Такая методика позволяет в кратчайшие сроки подготовить специалистов для работы в экстремальных условиях.

Ситуация с автомобилем, трамваем, падающим на голову предметом – это предварительный, отборочный тест. Если после трех тестов человек не мог справиться с ситуацией, и вновь погибал, «материал» списывали по профессиональной непригодности, погибшего восстанавливали, но больше с ним не работали. Для тех же, кто прошел предварительный отборочный тест, моделировали ситуацию, соответствующую его профессиональной ориентации. Для меня это был полет на помощь пострадавшим от землетрясения. Какие ситуации будут предложены остальным пациентам доктора Розенберга, выяснить не удалось, информации об этом не было в той базе данных, к которой мы получили доступ.

Доктор Архангельский давал нам указания, что нужно печатать из найденного материала. Так мы проработали почти до самого утра. Уже начинало светать, когда мы, наконец, выключили компьютер, погасили свет и закрыли дверь. Воодушевленные успехом, мы решили немедленно выбираться отсюда, воспользовавшись выходом, обнаруженным доктором.

- Да, наследили мы здесь, – проворчал доктор Архангельский, – кучу бумаги израсходовали.

- Ничего, – ответил Валера, – пока доктор Розенберг заявится в свой кабинет, нас уже в городе не будет.

Мы шли по тихим улицам сонного города, еще не пробужденного первыми лучами восходящего солнца. Серело. Неясные очертания деревьев, домов, столбов с погашенными фонарями, словно призраки, наполняли пространство странными существами потустороннего мира.

Когда мы добрались до входа в каменоломни, обнаруженного доктором Архангельским, уже совсем рассвело, первые лучи солнца чуть коснулись легких перистых облаков, оставшихся на небе от вчерашней непогоды, зазвенели птицы в вышине, предрекая начало нового дня.

Мы зажгли факелы, приготовленные Валерой и доктором, и спустились в узкий, сырой коридор, ведущий в подземелье. Доктор шел впереди, освещая факелом путь, за ним следовал я, потом Коля Клименко, и замыкал строй Валера Матвеев, держа второй зажженный факел. Местами ход сужался до такой степени, что приходилось, буквально, ползти на четвереньках, местами можно было идти, выпрямившись в полный рост. Почти на всем протяжении пути с потолка и со стен постоянно сочилась вода. В двух местах мы шли по колени, а иногда и по грудь в воде, полностью сухих мест в подземелье, практически, не было.

Перед каждым поворотом доктор тщательно осматривал сделанные им с помощью копоти факелов отметки на стенах, что-то ворчал себе под нос, и продолжал путь.

Сырость и мрак подземелья, затхлый и тяжелый воздух его не могли испортить нам радостного настроения, мы знали, что через некоторое время вы выйдем из этих каменоломен, выйдем на поверх-

ность, где снова будет яркий солнечный свет, необъятное голубое небо, с легкими перистыми облаками, свежее дыхание ветерка. И самое главное, что там, куда мы выйдем, уже не будет этого города, города, наполненного тенями и призраками тех, которые когда-то были людьми. Не будет больше ни доктора Вагнера, ни его клиники, ни иезуитских экспериментов над теми, кому действительно требовалась квалифицированная помощь психологов. Мы верили в то, что добытые нами документы помогут навсегда прекратить деятельность этой, так называемой «клиники психологической реабилитации».

Мы еще не видели света, но в сырость и затхлость каменоломен уже вливались струи свежего, утреннего воздуха. Они растекались по подземелью, проникали в наши легкие, наполняя души радостью и надеждой. Дух, воздух, дыхание – от этих слов происходит душа. Без воздуха, без света, в затхлых катакомбах душа умирает, она не может жить во мраке и сырости, она либо выйдет на свободу, к свету и воздуху, либо умрет. Мы выходили из мрачного подземелья на поверхность, вы возвращались к жизни и к свету.

- Как все-таки хорошо наверху! – воскликнул Коля, когда мы выбрались на поверхность.

Над нами снова было голубое небо, легкие облака, плывущие по бескрайним просторам, деревья, слегка склоняющиеся под ветром, чахлый кустарник, трава, куча мусора у входа в катакомбы, угрюмые дома вдали, и дорога. Мы молчали, мы с ужасом осознали, что вернулись туда, откуда пришли.

- Может быть, Вы спутали повороты, и мы вернулись назад? – осторожно спросил Валера доктора.

- Нет, я ничего не перепутал, я отмечал не только поворот, но и номер поворота, с одной и с другой стороны, и направление движения. Ничего я не мог перепутать, просто выхода больше нет, пространство замкнуто. Они поняли, что я нашел выход, и перекрыли его.

- Но каким образом? – спросил я.

- Не знаю, не понимаю, как они могли определить, что я нашел выход, но они его перекрыли. Потому-то, они и сняли засаду возле моей и твоей комнаты. Они знали, что деваться нам больше некуда.

Наша попытка выбраться из города завершилась ничем. Все было напрасно: и усилия доктора Архангельского в поисках выхода, и

угадывание паролей для входа в базу данных, и проникновение в кабинет доктора Розенберга, и печать документов – все это было совершенно бесполезно. Ощущение безысходности сдавило грудь.

Нам нельзя возвращаться в гостиницу, они уже знают, что мы забрались в кабинет доктора, что похитили документы. Нас непременно схватят, как только мы войдем в свой номер. А впрочем, зачем нас ловить, хватать, зачем нас преследовать? Ведь мы же все равно никуда не денемся! Мы словно звери в клетке, нет, не в клетке – в вольере. Хочется от отчаяния броситься на решетку, вцепиться зубами в железные прутья, но клетки нет – вокруг одна пустота. Нас никто не будет искать, никто не будет преследовать, мы никому не нужны.

- Черт побери! – воскликнул Коля. – Да, что это за хренотень такая?! Пошли опять в это чертово подземелье! Будем лазать, пока не выйдем! Просто где-то ошиблись в поворотах! Если этот закрыт – найдем другой выход, не могут же все остальные хода тупиками заканчиваться!

- Могут, Коля, могут, – ответил я, – выход был совершенно не такой, как вход, при входе, метров через двадцать была лужа, а на выходе ее не было, я точно помню.

Коля полез в катакомбы и вскорости возвратился:

- Да, вот он, лужа! На месте! Ты просто не заметил ее! Иди сам посмотри!

- Верю тебе, что есть лужа, верю, но когда мы выходили – ее не было, понимаешь – не было! Мы не вернулись назад! Пространство замкнули!

Доктор Архангельский молчал, что-то соображая:

- Нет, ошибиться я не мог. Мы шли правильно. Просто выхода больше нет. Кто-то знал, что я нашел выход.

- Да кто знал? – сказал Коля. – Кроме нас четверых никто не знал! Обсуждали это все в парке, на скамейке, рядом никого не было!

- Ты, что хочешь сказать, что кто-то из нас доложил доктору Вагнеру о наших планах? – сказал Валера.

- Да, ничего я не хочу сказать! – возмутился Коля.

- А, не хочешь ничего сказать – тогда молчи, не хватало нам еще между собой перегрызться в поисках врагов народа, – ответил я.

- Такое впечатление, – сказал Валера, – что этот Вагнер видит каждый наш шаг!

- Если это так, – ответил я, – то представляете, как он сейчас смеется.

Мы опустились на камни у входа, в состоянии отчаяния и опустошения. Нужно было принять какое-то решение, но ничего не приходило на ум. Покориться судьбе мы всегда успеем, нужно что-то придумать. Что делать? Броситься на танк с последней гранатой? Но этой последней гранаты у нас нет. Да и танка нет, – одна пустота, пустота перед нами, пустота в душе. Как в клинике для душевнобольных, в палате, оббитой ватой. Бесполезно в отчаянии бросаться на стены, даже биться головой об стену нельзя. Впрочем, мы и находимся в такой клинике.

Нас не воспринимают в качестве серьезного противника, с нами играют, как кошка с мышкой, которой просто не куда убежать. Как кошка подталкивает лапой измученную, полуживую мышь – «Беги!», так и нас побуждают к действию, давая надежду, и тут же отнимают ее. Остается только лечь и лежать. Нет, нельзя – съедят. Но ведь и бежать некуда, все равно съедят. Тогда остается только одно – развернуться и прыгнуть на врага, впиться в него зубами из последних сил. Но врага не видать, впереди только пустота и призраки, – больше ничего.

Военный совет

- Раз нет выхода, – сказал Валера, – то нужно найти этого доктора Вагнера, и заставить его открыть канал общения с внешним миром.

- Но как его найти? – отозвался доктор Архангельский. – Я обошел весь город, того задания, из которого я вышел после беседы с ним, просто не существует.

- Итак, – сказал я, – и Станислав Викторович, и я, и Коля – мы все, кроме капитана разведки Матвеева, побывали в клинике, где находится доктор Вагнер, но никто не может сказать, где эта клиника находится. Что же нам делать?

- Искать, – капитан многозначительно почесал затылок. – Мы знаем, что где-то существует клиника, в которой вся эта хренатень происходит. Когда происходят запланированные «несчастные случаи», приезжает «уазик», и увозит трупы. Куда?

- Видимо, в эту самую клинику.

- Вот именно, куда же еще? И, как заметил Сережа, трое из нас там уже побывали.

- Побывали, – Николай вздохнул, – но только никто ни хрена не помнит.

- Значит, попасть туда можно только в качестве трупа, – заключил я, – а это нам ничего не дает.

- Кое-что дает, – медленно, не спеша, произнес капитан, как говорят тогда, когда на ум приходит оригинальное, не стандартное решение. Он посмотрел куда-то вдаль, улыбнулся и сказал:

- А если не труп, а тот, кого они привезут в качестве трупа?

- Притвориться трупом?! – Николай возмутился. – Нет, это не реально! Это просто бред какой-то!

- А может, вовсе не бред? Вот послушайте, что я вам расскажу! Знаете, что такое пассивная стратегия выживания? Было это во время войны с Японией. Мой отец служил тогда в армейской разведке. Уже и салют победы отгремел, и парад на Красной площади состоялся, а эшелоны с войсками все еще на восток шли. Куда везли – не говорили, а когда Урал переехали, стало ясно – не для всех еще война закончилась. Высадились в Манчжурии, и вперед.

Еще непосредственного соприкосновения с противником не было, но уже первые потери ощутимы были. Свирепствовала дизентерия, да еще японские диверсанты. Возникали, как из-под земли. Боевое охранение и танки пропускали, а отставшие машины расстреливали, горючее уничтожали, продовольствие, дороги минировали. Исчезали так же внезапно, как и появлялись.

Наконец группу эту уничтожили. Действовали их же методом – устроили ловушку. Взяли тогда в плен одного самурая. На допросе он вел себя дерзко, на вопросы не отвечал, хотя, как выяснилось позже, прекрасно знал русский язык. Была война, и церемониться с ним не стали, начальник штаба приказал его расстрелять. Сам и привел приговор в исполнение. Вытащил пистолет и выстрелил в японца в упор.

Японец упал, тело казалось бездыханным. Мой отец присмотрелся к нему и сказал:

- Товарищ полковник, а ведь Вы в него не попали!

- Как не попал?! – полковник удивился, стрелял ведь в упор, японец раздет до пояса, а следа от пули на теле не видно.

Второй раз расстреливать не стали, в тыл отправили. После войны отец встретился с этим японцем, они даже друзьями стали. Японец рассказ отцу о стратегии пассивного выживания, обучил, как увернуться от пули, как притвориться мертвым, и прочим премудростям этой науки.

Увернуться от пули можно, нужно только следить за пальцем на спусковом крючке, и упасть на мгновение раньше выстрела. Притвориться мертвым сложнее, нужно не только затаить дыхание, а лежать с открытыми глазами, глядеть в одну точку, и не пошевелиться, если на тебя наступят или другим образом боль причинят. Йоги могут входить в такое состояние транса, но в отличие от йогов, стратегия пассивного выживания требует, чтоб вход в транс происходил мгновенно, а не в результате длительной медитации.

Отец обучил меня всему этому, он даже открыл школу для разведчиков по стратегии пассивного выживания.

Насколько я понимаю, сейчас моя очередь проходить тест, не знаю, что это будет, но постараюсь выжить и попасть туда, где осуществляют восстановление умерших.

- А как выйти? – спросил Николай.

- Главное туда попасть, а там посмотрим по обстоятельствам, как повезет.

- Если бы ты мог как-то дать знать о себе, – сказал я.

- В каждой комнате есть телефон, – сказал Станислав Викторович, – но я ни разу не слышал, чтобы он звонил. Списка абонентов нет. Куда с его помощью можно позвонить – непонятно. Зачем он нужен?

- А может, это просто подслушивающее устройство? – предположил я.

- Нет, – ответил Валера, – при современной технике незачем устанавливать телефон для прослушивания, существует множество спо-

собов подключить незаметный жучок. Зачем привлекать внимание таким устройством как телефон?

- Когда-то я смотрел фильм, – сказал Коля, – где разведчик, подсоединив к телефону ультразвуковой генератор, убивает собеседника, находящегося на другом конце провода.

- Глупости, – ответил Матвеев, – бредни сценариста, телефонный канал пропускает частоты в диапазоне от 0,3 до 5,6 килогерц, а ультразвук имеет частоту свыше шестнадцати килогерц.

- Но если телефон не является средством связи, – сказал доктор, – то для чего-то он все-таки нужен?

- Тогда пойдем в номер, и разберем телефон, может быть, что-то интересное и увидим, – сказал Валера.

Мы направились в гостиницу, мы шли спокойно, ни от кого не прячась, мы уже поняли, что нас никто не собирается ловить. Мы не представляем для противника никакой опасности в этом вольере. Кошка снова подтолкнула нас лапой – «Беги!», что ж, поиграем в эту игру.

Разборка телефона ничего не дала, это был обычный аппарат с кнопочным набором номера.

- Раз аппарат не вызывает никаких подозрений, – сказал Коля, – давай посмотрим трубку.

Микрофон в трубке был обычный, а вот сам телефон вызвал у нас недоумение. Собственно телефона на том месте, где он должен быть, вообще-то говоря, не было. Вместо него было какое-то устройство в виде монолитного блока, к которому шли два провода. Само звуковоспроизводящее устройство было миниатюрным, и располагалось рядом с тем блоком, который был на месте телефона.

- Что это еще за хреновина? – удивился Коля.

- А тебе ничего она не напоминает? – спросил Валера, – Например, кое-что из картинок на экране компьютера доктора Розенберга?

- Электромагнитный блокиратор сознания, – сообразил доктор Архангельский, – ЭМБС -25!

- Вот именно, – сказал капитан Матвеев, – все предельно просто! Не зачем ловить жертву, гоняться за ней по всему вольеру. Рано или поздно зверек вернется в свою клетку, и тогда один звонок по телефону, и сознание выключено, можно корректировать память, и все

такое прочее. Видимо, где-то существует аппаратная связи, с пульта которой включается блокиратор сознания. Скорее всего, эта аппаратная находится в клинике, ведь туда должны привести неподвижное тело для дальнейшей обработки.

- Гениально! – сказал Коля. – И что же теперь будем делать?

- Я попытаюсь проникнуть в клинику, – сказал Валера, – при этом желательно оказаться там живым, потом попробую выбраться. Мне нужно выяснить не только место расположения клиники, а и то, как туда проникнуть. Если я не вернусь через три-четыре дня, будете действовать по обстановке.

- Так, три или четыре? – спросил доктор Архангельский. – Нужно точно согласовать время и варианты действий.

- Пусть будет четыре, ждете четыре дня.

- И что значит «по обстановке»? – спросил я. – Если ты не вернешься, то никаких вариантов у нас нет.

- Вариант может быть только один – ждать звонка, снять трубку, не прикладывая ее к уху, ответить в микрофон. Потом, когда приедут забирать неподвижное тело, захватить бригаду, думаю, что их будет не более двух, и с их помощью попытаться проникнуть в клинику.

- Почему ты решил, что их будет двое? – спросил Коля.

- Одному не унести тело на носилках, а третий уже лишний. Нападения они не опасаются, так что, охрана не нужна.

- Но это в случае, так сказать, штатной ситуации, а если тебя схватят, то их действия могут быть другими, – возразил Станислав Викторович, – может просто явиться группа вооруженных людей, и арестовать нас.

- Нет, не думаю, – ответил Валера, – они не видят в нас серьезных противников, мы для них всего лишь звери в вольере зоопарка. Если они не поймут, что мы разгадали назначение телефона, то будет именно телефонный звонок.

- А если поймут? – спросил я.

- Даже если и поймут, звонка не будет, но и посылать вооруженный отряд нет смысла. Некуда вам деваться. Жизнь в городе не остановится, запланированные несчастные случаи будут происходить, и трупы будут увозить в клинику. Нужно захватить машину, другого

варианта я не вижу. Но это в том случае, если моя миссия окончится неудачей. Пока действуем так, как наметили.

Итак, мы решили ждать четыре дня после того, как Валера подвергнется тесту, но никто не знал, когда это произойдет, и произойдет ли вообще. А если и произойдет, то дадут ли нам эти четыре дня? Ведь сегодня утром доктор Розенберг обнаружит следы нашего ночного визита, и должен будет принять какие-то меры. Возможно, сразу подозрение на нас и ляжет, пока будут разбираться, у нас будет некоторое время. И Коля, и Валера все это время вели себя так, как и прежде, и лишь мое исчезновение могло навлечь подозрение на меня, но если бы меня искали, то уже бы нашли, но охрану у двери моего номера и номера доктора Архангельского сняли, значит, искать не будут, будут ждать наших действий. И пока мы бездействует, ничего против нас предпринимать не будут.

Живой труп

Мы разошлись. Все произошло следующим вечером. Валера шел по улице, просто брел в неопределенном направлении. Улица становилась все уже и темнее. В конце ее он заметил человека, который шел навстречу ему, не обращая на него внимания. Валерий насторожился. Прохожие на улице в этот час были редки. Не доходя до него несколько шагов, прохожий вдруг вытащил пистолет и направил его на Валерия. «Бандит!» – мелькнуло у него в голове. Он шарахнулся в сторону, бандит продолжал наступать. И когда стало ясно, что выстрела не избежать, Валерий замер глядя прямо на палец бандита, который он держал на спусковом крючке. Раздался выстрел, и Валерий упал, точнее, упал до выстрела. Бандит подошел, пнул тело ногой, и не спеша удалился. Вскоре приехал «уазик» с двумя людьми в униформе, тело погрузили и увезли.

Мы еще ничего не знали о том, что произошло, мы просто ждали. Так, наверное, ждут казни приговоренные к смерти. Казалось, время остановилось, минуты тянулись как часы, медленные, тягучие, липкие минуты. И тишина, гробовая тишина, как в могиле. Прошел день, никаких вестей от капитана Матвеева не поступало. И, наконец,

следующей ночью, он пришел. Что-то странное было в его облике, мы опешили, и мы вдруг поняли, что был … совершенно голый! И синий, как труп. Но главное, что он был живой, живой, целый и невредимый. Мы бросились его обнимать.

- Ну-ну, все в порядке, ребята, осторожнее, а то еще раздавите! Да, не тискай же меня так! Я ведь не баба и не голубой! У меня нормальная ориентация!

- Не голубой, но синий! – съехидничал Коля.

- Валерка, черт! Живой! Как тебе удалось выбраться?!

- Подождите, найдите же мне что-то из одежды, а то прохладно здесь, да и неудобно как-то в таком виде.

- Ничего, – ответил Коля, – женщин тут нет, сейчас, во что-нибудь оденем.

- Нет? А жаль!

Мы одели Валеру.

- Ну, теперь рассказывай!

- Ну так вот, – Валера рассказал о происшествии с нападением «бандита», и продолжал о том, что случилось после: – Принесли меня, положили на стол, раздели, одежду забрали куда-то, а тело унесли в подвал, в какое-то помещение, как я понял потом, в морг. Лежу я голый, только простынкой с головой прикрытый. Холодно. А вокруг такие же жмурики под простынками лежат. Жуть! Да еще и холод собачий, начало трясти меня, толи от страха, толи от холода, но понял я, что долго я так лежать не смогу, околею по-настоящему, нужно что-то предпринимать. Встал я, простынкой обернулся, чтобы совсем не окоченеть, и к двери. Да не тут-то было, двери-то заперты! А у меня ни гвоздя, ни проволочки, ничего нет! Попробовал дверь плечом, подналег – хрен там! Крепкие двери, только на кой черт такие двери в морге, да еще и на замке? Неужто боятся, чтобы жмурики не разбежались?

Начал я по комнате шарить, может, что острое попадется, а в морге этом темно, свет покойникам, вроде бы как не нужен. Ничего естественно не нашел. Устал, вернулся к своей кровати, присел, пощупал сетку. Сетка панцирная, старая, проволочку бы из нее выкрутить, да плоскогубцев нету, стал я руками по сетке шарить, и нашел! В

одном месте, где сетка совсем разлезлась, ее проволокой скрутили, проволока мягкая, медная, поддалась!

Взял я кусок проволоки, и опять к двери, возился минут двадцать, а может и больше, но мне они вечностью показались, руки окоченели, не слушаются. Наконец-то я с замком справился. Дверь открылась, вышел я в коридор. Под потолком тусклая лампочка горит, вокруг никого нет, только рядом дверь в комнату приоткрыта, и из щели свет пробивается. Бродить, как приведение, по коридору смысла нет, и я решил зайти в комнату. Когда я открыл дверь, то глазам предстала картина: в комнате, за столом, в белом халате сидит мужик и ест колбасу, на столе стоит чайник, бутылка и стакан. Как меня он увидел, чуть в обморок не упал, вилку из руки выронил, рот открыл, челюсть двигается, а сказать ничего не может.

- Ты кто? – спрашиваю.

- Патологоанатом, – отвечает, у самого голос дрожит, а меня смех разбирает.

- Что же ты за патологоанатом, если покойников боишься?

- Так, покойники, они всегда смирно лежат, а вот так, чтобы встал и пошел, да еще и сквозь запертую дверь – такого я еще в жизни своей не видел!

- А дверь-то я открыл! Да, не покойник я; живой я, живой!

- Какой же ты живой! Весь синий, голый, и номерочек на ноге!

- Конечно синий, холодно там у тебя, в мертвецкой!

- Так на то она и мертвецкая, чтобы холодно было, жмурикам как-то, знаешь, отопление ни к чему!

- У тебя одежды какой-нибудь нет? А то замерз я.

- Нету одежды никакой, вот только, разве что халат.

- Ну, давай халат!

Скинул я простынку, натянул на себя халат, немного теплее стало, а он и говорит:

- Хочешь согреться? Спиртик у меня есть, хороший, медицинский!

- Небось, этим спиртиком только что покойничков обмывал?

- Да, что ты! Бог с тобой! Сам вот употребляю!

- Ладно, черт с тобой, наливай!

Он налил мне, и себя тоже не забыл:

- Ну, твое здоровье! Первый раз с покойником за его здоровье пью!

- Да, ладно тебе, говорю же – живой я! Ну, вздрогнули!

Мы выпили, закусили колбасой и хлебом, стало теплее.

- Так, ты значит, покойников вскрываешь?

- Угу, что-то вроде этого, даю заключение о причине смерти.

- А потом?

- Что потом?

- Ну, потом, с покойниками что делают?

- А что с ними можно делать? Или на кладбище или в крематорий.

- И все?

- И все. А что еще?

- Ну, в смысле, ничего необычного с ними не происходит?

- Что может необычного с покойником произойти? Воскреснет он, что ли?

- Во-во, именно это я и имею в виду!

- Ты что совсем спятил? Где же это ты видел, чтобы покойники воскресали? Ты вот, первый такой попался, остальные все смирно лежат, как и положено.

- Ну, а какие-нибудь органы у трупов берут?

- На кой черт кому нужны эти органы!? Для пересадки они уже не годятся! Да и не занимаются тут никакой пересадкой органов.

- Ну а, к примеру, генетический материал для клонирования у них не берут?

- Да, какой там материал, к чертовой матери?! Ты, что парень, с луны свалился? Или впрямь, покойник воскресший? Какое там клонирование?! Труп – он и есть труп, ничего с него не возьмешь.

- Но, какие-то исследования производятся же в этой клинике?

- Вероятно, производятся. Какая-то секретная лаборатория есть на втором этаже, но нас туда не пускают, да и с сотрудниками ихними мы не общаемся. Я ничем таким не интересуюсь, да и тебе не советую, как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

- А может, стоит поинтересоваться? А то пока ты тут покойничков потрошишь, да спиртик попиваешь, там что-то такое происходит, отчего волосы дыбом станут на голове?

- Ну и пусть себе происходит, мне-то какое дело? Наше дело сторона, вскрыл тело, заключение о причине смерти написал, и дело с концом, а что там, наверху твориться – меня не касается!

- А не случалось ли такого, чтобы тебе один покойник дважды попадал? А?

Тут он вздрогнул, испугался, даже лицо побледнело.

- Откуда знаешь?

- Да, знаю вот! И ты, смотрю, тоже что-то знаешь, да делаешь вид, что тебя тут ничего не касается.

- Страшно мне здесь, если честно, страшно! Когда первый раз такое произошло, думал, ошибся, может, показалось с похмелья. Но нет, не показалось, да и не ошибаюсь я. Говорят, патологоанатом – единственный врач, который ставит верный диагноз. Я ведь не только лица запоминаю, а и тело, анатомические особенности, и прочее, что только людям моей профессии свойственно.

- И никого ни о чем не спрашивал?

- Нет, не спрашивал. Я здесь недавно, Прежний патологоанатом, говорят, как-то поинтересовался, а потом порезался случайно при вскрытии, заразился какой-то неизлечимой болезнью, и умер. Только покойнички, которых я вскрывал, не от болезней помирали – одни несчастные случаи. Так что, понял я, – лучше лишних вопросов не задавать.

- А если причина смерти известна, то зачем же нужно вскрытие, заключение, все эти процедуры, документы? Не проще ли сразу отправить на кладбище?

- Вот и я о том думал. Но не причина смерти их интересует, что-то другое им нужно знать. Они интересуются состоянием покойного перед несчастным случаем: содержанием адреналина в крови, тем, какие мышцы были напряжены, какие расслаблены, словно хотят точно знать, как реагировал покойник на опасность.

- И эти данные поступают в лабораторию на второй этаж? Ты сам документы относишь?

- Нет, за ними приходит дежурный врач со второго этажа, я же говорил, что меня туда не пускают. Охрана там серьезная.

- А на первом этаже охраны нет?

- Есть, но это биороботы, а там, на втором – настоящий спецназ!

- А почему ты решил, что здесь биороботы?

- Да, говорят так. И на людей они не похожи, как мумии, никакого выражения на лице.

- А что находится на первом этаже?

- Да, ничего особенного, только приемное отделение да узел связи.

- Узел связи? В клинике?

- Представь себе!

- И на нем что, круглосуточное дежурство?

- Да нет. Так, иногда приходят, открывают, что-то делают, а потом уходят.

- Ключи охране сдают?

- Да, в шкафчик на гвоздик вешают, в присутствии охраны, и в журнале расписываются.

- А кому охрана выдает ключи? Они пропуск предъявляют?

- Нет, как я понимаю, охрана определяет связистов по форме одежды, у нас тут только врачи и связисты. Врачам охрана ключи не даст, да и на кой черт врачам узел связи? Врачи в халатах, связисты в армейской форме, а больше никого нет.

- И покойнички?

- Ну да, и покойнички. Но они за ключами не ходят, – посмотрел он на меня, и усмехнулся. И тут возникла у меня идея.

Если охранники – роботы, то у них должна быть программа, которая определяет, кому можно выдавать ключи, кого куда пропускать. Она может быть построена по принципу либо кого пропускать, либо кого не пропускать, или кого-то пропускать, а кого-то – нет. Определить, кого пропускать, а кого нет, можно либо по паролю, либо по форме одежды персонала, либо по меткам на одежде. Никаких меток на одежде медиков я не заметил, пока исполнял роль трупа, лежа на носилках, пароль никто ни у кого не спрашивал, значит, скорее всего, права доступа определяются по форме одежды.

По каким бы принципам не была построена программа, в ней должны содержаться данные обо всех возможных формах одежды. Кроме медперсонала, здесь бывают связисты, охранники и, кроме того, приносят трупы.

Данных о «форме одежды» трупа не должно быть в программе, значит и никаких действий в отношении трупа не должно быть предусмотрено. Ни одному программисту, если он нормальный человек, не придет в голову описывать реакцию робота на движущийся труп. Программы, построенные на принципах искусственного интеллекта, предусматривают «обучение» – роботы, запоминают образы, связанные с ними ситуации, реакции на них и результаты. Самообучающаяся программа внесет в память данные об объекте, на котором нет одежды, то есть на труп. Охранники видят трупы, которые проносят мимо них. Но поскольку никаких конфликтов связанных с самостоятельными действиями трупа быть не могло, то и никакой реакции на самостоятельно передвигающийся труп сформироваться не может.

- Ладно, – говорю я патологоанатому, – ты меня подожди, я пойду, посмотрю, что к чему, там, на первом этаже.

- Э-э… – ты меня в свои дела не впутывай!

- Да, ладно тебе, я ведь мог и не заходить в твою комнату, если что – скажешь: «Не видел и знать не знаю».

- А халат?

- Да, забери свой халат, на кой черт он мне нужен!

Снял я халат, он мне действительно на данном этапе был не нужен, я хотел проверить свои мысли по поводу реакции охраны на труп. Так, совершенно голым, я вышел из подвала на первый этаж. Похоже, что охранники, действительно, были биороботами. Никто их них, а их было двое, не прореагировал никак на мое появление, один из них стоял у входа на второй этаж, дугой у шкафчика со стеклянной дверцей, в котором висели ключи. Они стояли спокойно, даже не посмотрев в мою сторону. Ну а реакцию живого человека на появление ходячего трупа я уже видел.

Я спокойно, ровным шагом подошел к шкафчику. Я чувствовал себя в положении кота, которому нужно пройти мимо собак. Хищники реагируют на движущуюся цель, или объект, изменяющий направление и темп движения. Если идти медленно, в постоянном темпе, собаки не бросятся. Хотя и реакции на живой труп не должно быть предусмотрено программой, но реакция на быстро движущийся объект может быть аналогична реакции хищника.

Шаг – никакой реакции, еще шаг – все спокойно, еще шаг – я уже возле самого шкафчика, дверца не заперта; не меняя темпа, я поднимаю руку и открываю шкаф. Какой ключ от узла связи? Вероятно тот, что посередине, под ним номер «5», тот же номер на двери комнаты связи. Главное не ошибиться, движения должны быть спокойными и уверенными. Снимаю ключ с гвоздика – все спокойно, теперь нужно взять журнал, сделать вид, что расписался, так всегда делали, к этому привыкли. Непривычные действия могут инициализировать программу обработки нестандартной ситуации. Открываю журнал, беру ручку, которая лежит тут, рядом. Все спокойно, делаю вид, что записываю что-то; закрываю журнал, кладу на место. Все, ключ у меня в руках!

Не меняя темпа, я подошел к комнате связи, открыл ее. Вошел, закрыл дверь. Все! Можно работать.

В комнате связи я обнаружил журнал, где был план включения блокиратора сознания. Твоя комната, – Валера обратился ко мне, – запланирована на завтра. О! – Валера посмотрел на часы, – да уже на сегодня! Так, что будем ждать звонка.

- А потом? Как ты выбрался оттуда? – спросил я.

- Потом, я закрыл комнату, в том же темпе возвратил ключ на место, «расписался» в журнале, и вернулся в подвал, в комнату патологоанатома.

- О! опять ты! – старикан удивился, будто я исчезнуть могу.

- А ты что, думал, я ушел и все? Куда же я денусь в таком виде? Помоги мне отсюда выбраться.

- Да что ты! – он даже руками замахал. – Я же говорил, не впутывай меня в свои дела! Не хватало мне еще в историю вляпаться!

- Хочешь ты того или нет, а в историю ты уже вляпался. Не чего было в эту клинику на работу устраиваться. Работал бы себе в районной больнице – и не было бы у тебя никаких проблем.

- А ты попробуй, проживи на ту зарплату, что им платят!

- Но живут же другие. А ты, если хочешь жить и дальше спокойно, вынужден будешь мне помочь, и так, чтобы о том, что у тебя в мертвецкой покойник ожил, ни одна живая душа не узнала.

- Ну откуда ты взялся на мою голову!

- Ладно, страдать после будешь, лучше думай, что делать, чтобы мне выбраться отсюда, желательно не замеченным.

- Думай, думай! Что тут придумаешь?! У покойника один путь на кладбище или в крематорий!

- Так это уже не один, а два пути! В каких случаях сжигают, а каких хоронят?

- Да нет особой разницы, в основном сжигают, хоронят реже, если крематорий не работает.

- И часто он не работает?

- Да один раз всего-то и было, когда какое-то оборудование там меняли.

- Как ты понимаешь, выход через дымоход отсюда меня не устраивает. Думай, что делать, чтобы меня на кладбище отвезли.

- Да тебя там так закопают, что не выберешься!

- А мне главное отсюда выбраться! В могилу ложиться я не собираюсь.

- А я тут при чем!? От меня вообще ничего не зависит! Я только могу заключение написать, а тебя не трогать! А больше ничего не могу!

- Ага! Значит все-таки, кое-что можешь!

- Когда ты должен подготовить заключение по моему поводу?

- К утру должно быть готово!

- Ну, так что же ты сидишь! Пиши!

- Что пиши?

- Как что? Заключение, говорю, пиши!

- Аааа?..

- Никаких ааа… Ты, что живого человека будешь вскрывать?

- Да нет же! Бог с тобой! У меня и мысли такой не было! Ну что же мне писать в акте? Я ведь даже не знаю от чего ты, это... ну … так сказать … в смысле …

- Ладно, пиши, я сам тебе все скажу.

Так написали мы совместными усилиями заключение о моей смерти, и я его спрашиваю:

- А где крематорий находится?

- Да тут же, во дворе, выход туда прямо из подвала.

- Охрана там есть?

- Нету никакой охраны, на кой черт крематорий охранять?!

- А когда обычно покойников хоронят?

- Обычно на следующую ночь после того, как сюда привозят. Утром заключение подам, а ночью хоронят.

- Всех вместе?

- Ну да, сжигают, то может и по одному, но забирают всех сразу.

- А почему этих еще не похоронили? Меня-то сегодня одного привезли?

- Искали они кого-то, – он даже на шепот перешел, – видно, что кого-то искали, нервничали, потом доктор Вагнер пришел и сказал: «Нет, не они, можете хоронить»

- Значит, все-таки искали.

- Чего-чего?

- Да, ничего. Получается, что сегодня ночью их всех сожгут?

- Получается так.

- А где кабель питания к крематорию проходит?

- Да я почем знаю? Я что электрик?

- Действительно, чего это я к тебе пристал, ну что, пойдем в крематорий?

- Никуда я не пойду! Сам иди, если тебе надо! Через подвал, вон та дверь, прямо в зал и попадешь.

- Ладно, без тебя обойдусь. Фонарик есть?

- Есть, бери, – и так пробурчал недовольно, ну жмот форменный.

Но фонарик я взял, прошел через дверь, которую он указал, и очутился в зале крематория. Включать свет не стал, фонариком воспользовался. В центре зала стояла платформа – что-то в виде лифта на тот свет. Гроб, видимо, ставили на платформу, потом включали рубильник, платформа уезжала вниз и подавала гроб с телом в печь, которая в подвале.

Напрашивалось два решения: испортить механизм подачи или повредить высоковольтный кабель питания. Как это сделать, я еще не представлял, но подумал, что если будет не исправен механизм подачи, то гроб могут отправить в печь и другим способом, а вот если не будет питания печи, то, скорее всего, трупы отвезут на кладбище, вряд ли ночью будут искать неисправность.

Рубильник, которым включалось питание печи, я нашел довольно быстро. Проще всего было бы разобрать его, и выбросить пластины ножей. Обычно, напряжение подается к губкам рубильника, а к ножам подключаются те цепи, питание которых включает рубильник, так что ножи можно демонтировать, не опасаясь оказаться под током. Да только голыми руками ничего не разберешь. Я вернулся в подвал, к патологоанатому:

- Слышь, дед, – я его спрашиваю, – инструменты у тебя есть?

- Хирургические.

- Да, понимаю, что других у тебя нет, покажи, может, что и сгодится.

- Да, вот: скальпель, пила, нож для ребер, распатор, молоток.

- Ну, давай, попробую ими что-то сделать.

- Нет! Ты чего? Инструменты не дам! Ты испортишь, а мне работать еще!

- Да, ладно, тебе! Ничего с твоими инструментами не случится, А клещи какие-нибудь у тебя есть?

- Да, есть вот стоматологический инструмент, кой-какой.

- Ты, что дед, еще и зубы лечишь жмурикам?

- Да нет, это так, с прошлых времен сохранилось.

- Ладно, давай все что есть, там разберемся.

Собрал я весь этот инструмент, и пошел опять в крематорий. С его помощью рубильник повредить удалось, так, что его непременно придется менять, а ночью, надеюсь, заниматься этим никто не будет. Им останется или той же ночью отвезти нас на кладбище, или отложить похороны на следующую ночь.

Я взял у деда одеяло, которым укутался под простыней, чтобы как-то дожить до следующей ночи в этой холоднющей мертвецкой и стал ждать. Ночью пришел дед-патологоанатом, забрал одеяло, и сказал, что выяснили уже – печь неисправна, и доктор Вагнер распорядился везти всех на кладбище, еще дед сообщил, что похоронная команда – не люди, биороботы низшей категории, еще тупее охранников.

Этим я и воспользовался. Везли нас в открытом грузовике, голыми, навалом, как дрова, безо всяких гробов. Как только выехали за

ворота клиники, я с машины спрыгнул, и к вам, вот в таком самом виде!

- Что-то не вяжется в твоем рассказе, – сказал доктор Архангельский, – если у мертвых не берут генетический материал, то каким образом производят на свет копии тел погибших, снабжая их при этом прежней душой?

- Да, что-то здесь не так, – ответил Валера, – может быть, я вообще не туда попал?

- Похоже, что попал ты именно туда, но не все происходит так, как мы себе представляем. Ну что ж, будем ждать звонка, другого выхода у нас пока нет. – Заключил доктор.

Штурм

Мы собрались все в моей комнате и, усевшись на кровать, молча ждали. Звонок прозвучал ночью, в два часа. Я взял трубку, отвел в сторону от головы телефон и произнес в микрофон: «Слушаю». Через мгновение раздались короткие гудки, я положил трубку.

- Все, – сказал я ребятам, – ждем гостей.

Минут через двадцать мы услышали, как кто-то поворачивает ключ в замке. Дверь отворилась, и в комнату вошли двое: доктор Розенберг и второй человек, по-видимому, санитар. Доктор держал в руках чемоданчик, а санитар сложенные носилки. Увидев нас, они остолбенели.

- Заходите, доктор, – сказал я, – не стесняйтесь! Что, ожидали увидеть несколько иную картину? Заходите, закрывайте дверь. А Вы, – обратился я к санитару, – поставьте носилки, они вам не понадобятся. Были уверенны, что обнаружите мое неподвижное тело? А тут четверо вполне здоровых мужиков! Какая досада, доктор! Не правда, ли?

Они вошли и закрыли за собой дверь. Доктор сделал шаг к телефону.

- Только без глупостей! – предупредил Валера. – Не то попробуете на себе, как действует эта штука, – он кинул в сторону телефона, – электромагнитный блокиратор сознания, ЭМБС-25?!

- ЭМБС-25МП, – уточнил доктор Розенберг, – модернизированный, портативный. Зря ехидничаете, ничего не получится, он включается только с пульта центральной аппаратной специальным кодом.

- Тогда мы может обезвредить Вас менее гуманным способом, – сказал Коля, – например, табуреткой по голове.

- Не вижу смысла, я оценил ваше численное превосходство, и не собираюсь вступать в борьбу.

- Вот это другой разговор, – сказал доктор Архангельский, – поговорим?

- Отчего бы нет, – ответил доктор Розенберг, усаживаясь на предложенный ему стул, – можно и поговорить.

- Здание, где находится лаборатория и кабинет доктора Вагнера, закрыто колпаком пространственной неоднородности? – спросил я.

- Ну, примерно так. Колпаком, в котором отсутствует метрическое вещество, так будет точнее.

- Что значит – «отсутствует метрическое вещество»? Это как? – спросил я.

- Долго объяснять, эффект основан на теории академика Вейника. Метрическое вещество придаем миру свойство пространственной меры, если объект окружить полем, где этого вещества нет, то он исчезнет для тех, кто находится снаружи, внутри – это свой мир. Для связи с внешним миром существует канал, который открывается изнутри.

- Таким полем окружен и весь город? – спросил доктор Архангельский.

- Вот именно. Это замкнутое пространство, выйти отсюда невозможно.

- Сейчас канал общения с лабораторией открыт? – спросил Валера.

- Да, сейчас открыт, но если мы не вернемся через полчаса, канал закроется автоматически.

- Значит, у нас есть полчаса, для того чтобы проникнуть в лабораторию! – заключил Валера.

- Да, полчаса у вас есть.

- Пароли, коды доступа, какие-то другие хитрости существуют?

- Если ехать на нашем «уазе», то нет. Вас пропустят. Если пешком, то, увидев посторонних, канал закроют.

- А внутри машины проверки не будет?

- Нет, опознается только машина. Здесь же клиника, а не зона боевых действий, на захват машины никто не рассчитывал.

- Что ж, разумно. Но, если Вы нас обманываете, мы вернемся и расправимся с Вами!

- Не вижу смысла, деваться вам все равно некуда. Если вы войдете в лабораторию, до дальше порога вас не пропустят. Там охрана. Лучше нам проехать туда всем вместе, вреда вам не причинят. Думаю, доктор Вагнер примет вас и выслушает.

- Ну уж нет! – сказал Валера. – Это мы будем выслушивать доктора, после того, как захватим его в заложники!

- Вы с ума сошли! Охрана вооружена, вас просто перестреляют при попытке прорваться силой.

- Это уж наши проблемы. Кто кого перестреляет, мы еще посмотрим! Дежурный у ворот есть?

- Да, у ворот двое дежурных, они находятся там, пока открыт канал. Увидев машину, они откроют ворота.

- Они вооружены?

- Да.

- Чем?

- Автомат Калашникова и штык нож, как в армии.

- А, зачем им автомат, если можно просто закрыть канал в случае опасности?

- Не знаю, это не мое дело. Такой порядок.

- Мы оставляем вас здесь, на всякий случай закроем дверь на замок. Давайте ключи от машины и от комнаты.

Доктор молча выложил ключи на стол.

- Ну, до встречи, не скучайте, – сказал Валера, телефонный аппарат мы заберем, так, на всякий случай.

- А может их связать? – спросил Коля.

- Зачем? Если они даже выйдут вслед за нами, то мы на машине доедем быстрее, чем они дойдут пешком, а остальное уже не имеет значения. Пошли!

Мы вышли, сели в «уазик», Валера за руль, Коля рядом, мы с доктором разместились в салоне. Машина тронулась.

- Опыт боевых действий есть только у меня и у Коли, – сказал Валера. – Вы с доктором, как я понимаю, стреляли только в тире?

- Да, – ответил я, – и очень давно.

- Тогда слушайте меня, сами никуда не лезьте, делайте, что скажу, главное не паникуйте, и не проявляйте инициативу, все только по моей команде.

Когда мы подъехали к зданию, где должна была находиться клиника, доктор Архангельский ахнул:

- Вот они, эти ворота! Из которых я выходил после беседы с Вагнером!

Когда машина подъехала к воротам и замедлила ход, ворота открылись. Слева от машины стоял один дежурный, справа – второй. Тот, что стоял слева, сделал шаг в сторону, пропуская автомобиль. Валера довернул руль влево, прижимая дежурного машиной к открытой створке ворот. Тот явно не был готов к такому ходу событий, и вместо того, чтобы воспользоваться оружием, он выставил руки вперед, упираясь в дверцу «уазика». Валера, высунув руку в окно, схватил за цевье автомат, и сдернул его с плеча дежурного. Продолжая вести машину, он перебросил автомат Коле:

- Возьми второго, справа!

Коля выскочил из машины, направил автомат на второго дежурного и крикнул:

- Бросай оружие!

Солдат беспрекословно снял автомат с плеча и положил перед собой на землю. Пока охрана не сообразила в чем дело, нам удалось разоружить еще двоих.

Мы ворвались в здание. Несмотря на то, что здесь не ожидали штурма, встретили нас достойно. Главное было прорваться на второй этаж. Первые два охранника пали тут же, на лестнице, под очередью Валеры, но появились новые, видимо рядом было дежурное подразделение. Нам не давали приблизиться к лестнице.

Первый раз мне довелось участвовать в настоящем бою. Пули свистели мимо меня, и от этого становилось жутко и холодно. Пуля с резким звуком вошла в стену рядом со мной, разворотив ее, Боже, что

же будет, если она попадет мне в голову?! Я действовал как в тумане, выполнял команды Валеры, куда-то стрелял, но не видел, попал или нет. Если бы не он, нас с доктором уже сто раз могли бы убить.

- Сережа, прикрой доктора! Цель слева вверху! – кричал Валера.

Я высунулся, прикрывая собой доктора, и дал короткую очередь влево и вверх, не целясь. «Не попасть бы в своих!» – мелькнула мысль. Оттуда раздалась очередь в ответ, и пули просвистели около моей головы, по крайней мере, мне так показалось, я дал еще очередь в сторону выстрела, потом прозвучала очередь прямо над ухом, и что-то горячее ударило мне в висок.

«Убит!» – мелькнула мысль, но я был жив, и ничего не случилось. Как оказалось, в меня попала гильза из автомата доктора, который решил мне помочь, и дал очередь, выдвинувшись вперед из-за моего плеча.

Наконец с боем мы добрались до кабинета, на котором была табличка «Доктор Вагнер».

Доктор Вагнер – выбор народа

В комнате горел свет. Где-то в глубине, за широким письменным столом сидел мужчина средних лет и что-то писал. Он никак не прореагировал на наше появление, не поднял головы, не оторвался от своей работы, он, казалось, не замечал нас. Мы подошли вплотную, и я спросил:

- Вы, доктор Вагнер?

Он поднял голову, посмотрел на нас спокойным взглядом, как будто мы были обычными посетителями, а не прорывались с боем сквозь два кольца охраны, и ответил:

- Да, это я. Садитесь, – указал он рукой на стулья, – кофе хотите?

Коля, разгоряченный боем, направил автомат на доктора и крикнул:

- Хватит комедию ломать! Сесть предлагаешь? Сейчас ты у меня сядешь! И не на стул, а в тюрягу! Вставай, падла, а то пристрелю тебя, как собаку!

- Успокойтесь, не стоит так нервничать, стрелять вы в меня не будете, я ведь нужен вам живым, без меня вы из этого города никуда не выйдите, даже если всех здесь перестреляете, как этих бедных охранников, честно выполнивших свой долг.

- Мы пришли арестовать вас! – сказал я, делая шаг к нему.

- Арестовать? Меня? – он, казалось, был искренне удивлен. – Молодой человек, да как Вам могло такое в голову прийти? Я – доктор, а не преступник, я не диктатор, которого вы хотели свергнуть, так героически сражаясь с охраной, я просто врач!

Мы были шокированы таким его поведением. Он знал, что мы прорываемся к нему, знал! Думаю, что знал о нас все, как только «уазик» подъехал к воротам, знал, но ничего не предпринял! Вести себя так может либо сумасшедший, либо святой. У нас в руках было оружие, но и это его не смущало.

- Да что вы стоите? Присаживайтесь, – повторил он свое приглашение. – Леночка, подайте кофе гостям, – крикнул он куда-то в темноту.

Он посмотрел на нас, и что-то произошло, взгляд его обладал какой-то непонятной, магической силой. Мы, как будто бы с разбега наткнулись на стеклянную стену, боевой пыл мгновенно угас, повеяло спокойствием и тишиной. Нам ничего не оставалось делать, как воспользоваться его приглашением.

Из двери, прячущейся где-то в полумраке огромного кабинета, вышла миловидная девушка с подносом. Она подошла, молча поставила на стол три чашечки с кофе, мило улыбнулась, и ушла. Улыбка ее вовсе не была похожа на казенную, заученную улыбку той, которая встретила меня в день прибытия. Так улыбаться могут лишь обворожительные девушки, уверенные в своем превосходстве, убежденные в том, что ни им, ни их шефу, и никому из окружающих, ровным счетом, ничего не угрожает.

- Ну-с, слушаю вас, молодые люди, за что же вы хотите меня арестовать?

- Нам известно, – начал я, – что в Вашей клинике проводятся эксперименты над людьми, Ваша деятельность противоречит Европейской конвенции о правах человека.

- Ну, известно это вам с только моих слов, так, Станислав Викторович?

- Не только, – ответил доктор Архангельский.

- Вы убиваете людей для производства их копий! Из людей Вы делаете биороботов, которых продаете за большие деньги! – воскликнул Коля.

- Мы никого не убиваем, это совершенно ни к чему. Материал для воспроизведения копии мы получаем, не прибегая к убийству, мы вообще не причиняем никому вреда. Прошедшие курс реабилитации возвращаются туда, откуда прибыли. А в остальном – все правда. Мы продаем продукцию, продаем то, что производим. Разве это запрещено?

- Вы убиваете людей! – возмущенно повторил Николай. – Вы производите над ними бесчеловечные эксперименты! Вы лишаете людей личности! Вы превращаете их в бездумных роботов, в машины. Это вам не гестапо! Вы за это ответите!

- Боже мой! Да что вы такое говорите, какое гестапо? Какие бесчеловечные эксперименты? И вас, молодой человек, и вас, – он показал на меня и на Николая, – уже убивали, но точнее будет сказать, что вы стали жертвой несчастного случая, вы не смогли уберечься в довольно простой жизненной ситуации, однако, вас восстановили, и чувствуете вы себя гораздо лучше, чем до смерти, это я вам как врач говорю!

Вот Вы, например, – доктор обратился ко мне, – пришли к нам со сломленной психикой, Вас мучила задача, которую вы не могли решить, вас преследовали кошмары, чувство вины перед погибшими съедало, уничтожало вас! Разве могли вы тогда считать себя личностью? Был только раздавленный обстоятельствами, больной, сломленный человек, обреченный на жалкое существование! Сейчас Вы полны сил и энергии, Вы уверенны в себе, Вы достигли совершенства в своей профессии! Разве не к этому Вы стремились? Вы справились с задачей, с которой не мог справиться никто, даже летчики-испытатели! И это вы называете бесчеловечными экспериментами? Вы что-то говорите о гестапо? Да побойтесь Бога, молодой человек!

- Вы зарабатываете на этом большие деньги! – сказал Валера. – Вы продаете людей! Чем, скажите, отличаетесь Вы от работорговца

древнего Рима? Или от тех, которые ловили негров в Африке, и продавали их в рабство, на плантации?

- Ну и что? – невозмутимо ответил доктор, – да, я зарабатываю деньги, и деньги немалые! Каждый зарабатывает, как умеет. Все эти современные методы стоят очень и очень дорого, но с вас же я денег за лечение не беру! А, потом, кто вам сказал, что я продаю людей в рабство? Ну, как я могу продавать людей? Подумайте только, какие глупости вы говорите! Вы с вашим работодателем заключаете договор по всем правилам. Вам гарантируют работу и приличную оплату вашего труда, в договоре указаны все ваши права и обязанности. Вы сами, сами подпишите этот договор! Вы можете оспаривать любой его пункт. Мне же фирма, которая предоставит вам работу, платит за то, что я нахожу для нее необходимых специалистов. Многие бюро по трудоустройству работают на такой основе! Я работаю вполне официально и не делаю из этого никаких тайн!

- Вы наживаетесь на людской беде! Этим людям, пережившим стрессовые ситуации, нужна квалифицированная помощь, а Вы используете их в качестве материала для биороботов!

- Вы не совсем правы. Люди, нуждающиеся в квалифицированной помощи, ее действительно получают. Мы лечим людей, для производства используется не более тридцати процентов тех, кто находится в клинике. Но эти тридцать процентов позволяют бесплатно лечить остальных. Вы видели «двух капитанов»? Не думаете же Вы, что я планирую сделать из них адмиралов будущих морских сражений? Это больные, несчастные люди, и я их лечу. И лечу, заметьте, совершенно бесплатно! Где Вы видели сейчас бесплатное лечение? Да в любой клинике такой курс лечения будет стоить бешеные деньги! А мы со своих пациентов денег не берем!

- Посмотрите, какое бескорыстие! Прямо таки, не клиника, а «Дом с ангелом»![20]

- Зря ехидничаете. О результатах лечения в нашей клинике самые положительные отзывы, на самом высоком уровне.

---

[20] «Дом с ангелом» — Центр реабилитации детей-инвалидов одесского областного фонда «Будущее».

- И все равно мы арестуем Вас! – сказал я. – Мы освободим людей от вашей тирании! Мы расскажем им правду о Вас! Вы лишаете людей личности. Да, вы предоставляете работу, но кому? Не людям, а роботам, в которых Вы их превратили!

- Вы? Освободите людей? – доктор рассмеялся. – А вы спросите у них, хотят ли они, чтобы вы их освобождали? Какую свободу вы можете им дать? Какую личность вы увидели в этих несчастных, убитых горем, потерявших разум людях? Свободная личность, которая собирает бутылки возле мусорных баков? Это ваш идеал? Да они все проклянут вас за такую свободу! Вы, борцы за народное счастье, даже не представляете в чем, собственно, счастье это состоит! Ну хорошо, допустим, вы освободите людей. Людей, которым нужны: работа, кров и еда – что сможете вы предложить им? Жалкое, нищенское существование? А ведь освобождая людей, вы несете за них ответственность! Вы хотите быть героями, освободить людей от тирании, а дальше? Что дальше? – спрашиваю я вас! Вы никогда не возьмете на себя ответственность за их дальнейшую судьбу, а я возьму! Я дам им работу, зарплату, жилье – все, что необходимо человеку для нормальной жизни. А что дадите им вы?

- Человек должен быть свободен, он сам должен строить свое счастье, – ответил я.

- Свобода, равенство, братство! Ах, какие красивые слова! Только свобода ваша без денег, без работы и без жилья – ничего не стоит. Это не свобода жить – это свобода умирать! А равенство и братство – это равенство и братство нищих на помойке, и не более того! Чтоб самому строить свое счастье, нужно для этого иметь средства. Дайте им деньги, работу, жилье – и они построят свое счастье, но что, что, можете вы им дать?

- Вы представляете себя таким борцом за благосостояние народа, – ответил ему я, – что спорить с Вами трудно. Но какими методами Вы обеспечиваете народу, о котором вроде бы так печетесь, это благосостояние? Сначала Вы уничтожаете личность человека, производите на свет множество его копий, снабдив каждую соответствующей легендой, а потом этим людям, которые являются уже мифами, а не людьми, не Божьим, а Вашим личным творением, Вы даете то, что называете благом – возможность не умереть с голоду. Лишая людей сво-

ей личности, Вы приобретаете право власти над ними. И делаете все это не для людей, а для насыщения своей алчности, которая не имеет границ.

- Да, Вы правильно сказали, я даю людям возможность не умереть с голоду. Да, я лишаю их личности, той личности, которая была раздавлена своим горем, той личности, страдания которой довели ее до безумия. Я даю им новую личность, свободную от страха и боли, свободную от сомнений, свободную от груза прежних ошибок и мук совести. Да и что Вы заладили: «Личность, личность»! Это все не более, как красивое слово! Человек должен работать, жрать и производить себе подобных, а все остальное – бред! Только избранные могут быть личностью, а остальные, простите меня за грубое слово, просто рабочий скот. И, поверьте мне, они не станут лучше, если вы дадите им свободу.

- Пусть люди сами решают, чего они хотят, – сказал я доктору, – мы арестуем Вас и предадим суду! Все эти речи, которые Вы говорили здесь, повторите там, присяжным и судьям!

- Ну что ж, как вам будет угодно, господа. Судите меня, если вам доставит это удовольствие, но ни один суд на этой планете не признает меня виновным! Вы только выставите себя на всеобщее посмешище, и не более.

- Поскольку в этом городе нет тюрем, – сказал Валерий, – мы закроем Вас здесь, в вашем кабинете. Надеюсь, у Вас тут есть все необходимое для того, чтобы провести время до тех пор, пока международный трибунал не поместит Вас в соответствующую камеру?

- Ах! Какие слова! «Международный трибунал!» Да, не смешите меня, ребята, кто вас там будет слушать, в международном трибунале? В лучшем случае, это будет какой-нибудь районный суд и не более! И не беспокойтесь! Все необходимое у меня есть. Тем более, не думаю, что мне долго придется сидеть под замком. И не переживайте, я не сбегу, уверен, что скоро вы сами выпустите меня.

Мы вышли из кабинета, заперев дверь на ключ. Валера и Коля остались охранять доктора, а мы со Станиславом Викторовичем, как два бродячих проповедника, пошли на улицы собирать людей.

Мы обошли все кафе и рестораны, все парки и скверы, мы убеждали их собраться на площади, обещали рассказать им правду обо

всем, что происходит в этом городе – и люди пришли. Я даже не надеялся, что они придут, слишком отрешенными и безразличными ко всему казались их лица, но они, все-таки, пришли. Сначала пришли только трое, потом еще пятеро, потом еще, еще – начала собираться толпа.

Мы вышли на балкон, народ ждал. Сейчас мы откроем им все правду, они узнают все. Узнают, как жестоко обманывают их те, кому доверили они свое здоровье и жизнь. И тогда посмотрим, доктор Вагнер, куда денется ваша пресловутая уверенность, ваше спокойствие, да толпа просто растерзает Вас!

Толпа внизу глухо роптала, я поднял руку – ропот стих. Я начал говорить. Я рассказал им все, я сообщил, что доктор схвачен и находится в наших руках. Я сказал, что от их решения теперь будет зависеть его судьба, и их судьбы. Я закончил свою речь, вложив в нее все свое ораторское искусство, все эмоции, все чувства которые переполняли меня. В конце своей пламенной речи я сказал, что доктор Вагнер арестован и ждет суда.

Внизу, в толпе, воцарилось тяжелое, мрачное молчание. Мне стало тревожно, липкий холодок пробежал по спине. Вдруг где-то в глубине толпы раздался одинокий голос: «Свободу доктору Вагнеру!». «Свободу доктору Вагнеру!» – подхватила толпа. Крик этот ширился, рос, набирал силу, звучал все громче, все уверенней, он плыл над пыльной площадью, над домами, над городом, надо всей землей. «Свободу доктору Вагнеру! Свободу доктору Вагнеру!» – скандировала толпа. Больше я не смог ничего сказать. Мы вынуждены были уйти с балкона под свист, рев и улюлюканье толпы. Но и внутри здания всюду: в коридорах, в кабинетах, на лестничных клетках звенело в ушах: «Свободу доктору Вагнеру!»

Кровь бешено стучала в висках, я задыхался от злости и отчаяния, люди не приняли нашу правду, да им вообще не нужна была правда. Правда страшна, она не щадит никого, она такая, какая есть, а им нужна ложь, которая дает им уверенность в своей правоте, сытость и покой. Они хотят свободы выбора, но довольствуются тем, что выбирают между одной и другой ложью, они готовы даже умереть за свою ложь, лишь бы не жить с правдой. И в реве толпы слышалось далекое, доносящееся из глубины веков: «Распни его, распни!»

Мы вернулись в кабинет доктора. Он все также сидел за столом и что-то писал. Он продолжал заниматься той же работой, которую прервало наше первое вторжение. Несмотря на то, что мы не потрудились отключить телефоны в его кабинете, он не принял никаких мер для своего освобождения. Он не стал никуда звонить, не стал бить тревогу. Он спокойно, с уверенностью праведника, продолжал свою работу.

- А, это вы, – сказал он, когда мы вошли в кабинет, – что-то вы быстро вернулись. Ну что, обратились к народу? И что сказал вам этот «народ»?

- Они сказали: «Отпусти нам Варавву!» – мрачно произнес я.

- Вы мне льстите! Я не Варавва, да и Вы не Христос!

- Толпа требует, чтобы мы освободили Вас, выйдите к ним, и скажите, что Вы свободны, иначе они не успокоятся, и до утра будут орать, там, на площади.

- Что, довольны? – издевательским тоном произнес доктор. – Где же ваш суд? Ваш международный трибунал?

Он вышел на балкон, мы последовали за ним. Доктор Вагнер поднял руки, и толпа успокоилась, она затихла в ожидание его слов. Он заявил, что справедливость восторжествовала, что он, наконец, снова свободен, и они могут расходиться. Толпа взорвалась ликующими криками. «Да здравствует доктор Вагнер! Ура доктору Вагнеру!» – неслось над толпой. Они ревели, опьяненные экстазом победы, они вопили от счастья, они выли, славя того, кто превращал их в рабов. Доктор Вагнер стоял над толпой, как мессия, упиваясь своей властью над ней. Он то поднимал руки к небесам, то протягивал их вниз, к толпе, выкрикивая: «Я с вами! Я с вами, мой народ! Я с вами до конца!» Наконец, эта комедия закончилась. Насладившись вдоволь своим величием, даже прослезившись от счастья единения со своим «народом», он приказал толпе разойтись. Они расходились медленно, не спеша, продолжая кричать и славить своего кумира. Площадь опустела.

Мы вернулись в кабинет доктора.

- Ну и что? – спросил он. – Чего вы добились? Вы предложили народу свободу, но он отверг ее, не нужна ему ваша свобода. Народ сделал свой выбор, и я надеюсь, что вы не сомневаетесь – выбор был

честен. Ведь я отсюда никак не мог влиять на их мнение. Я не спаивал людей водкой, не раздавал подарки, не прельщал пустыми обещаниями, как делают это политики перед выборами. Вы обещали им свободу, вы предложили им миф, но они выбрали меня! Они выбрали реальность. Плевать им на то, что я лишаю их личности! Я дам им работу и зарплату, еду и кров, и всем им наплевать, понимаете, наплевать, на то, что они перестанут быть людьми, в полном смысле этого слова!

Да и там, в «нормальном» мире, за пределами клиники, люди уже давно перестали быть людьми. Они – те же биороботы, они смотрят сериалы, и воспринимают мир не таким, каким он является, а таким, каким его показывают по телевизору! У них рождаются только те мысли, которые им внушают средства массовой информации, они верят только в те истины, которые вдалбливают в голову представители церкви и власти. Они разучились думать самостоятельно, они все хотят одного – жрать! Их высшая мечта – протиснуться к тому корыту, из которого жрут более удачливые их соплеменники! Это их вы хотели освободить?

Мы молчали, возразить было нечего, мы проиграли, народ предпочел его ложь, нашей правде, в ушах еще стоял гул и рев толпы, в душе царили отчаяние и пустота.

- А принеси-ка нам, Леночка, коньячку! – крикнул доктор.

Девушка принесла пять бокалов коньяка и какие-то закуски на подносе. Она, как и прежде, молча поставила все это на стол, мило улыбнулась, и ушла. Но улыбка ее была несколько иной, чем прежде. Она улыбнулась нам с чувством явного превосходства, как улыбается госпожа слугам, или королева лакеям.

- Ну, за ваше здоровье, – доктор поднял бокал.

Ни один из нас к своему бокалу не притронулся.

- Зря отказываетесь, – сказал он, – замечательный коньяк, больше нигде вам такого не попробовать, угощайтесь!

- Спасибо, доктор, – проворчал я, – я уже, как-то, попробовал ваше вино.

-А, а, а! – доктор рассмеялся. – Не бойтесь, на этот раз никакого подвоха, коньяк натуральный, безо всяких добавок. Ну, какой мне смысл травить проигравших кандидатов на роль спасителей человече-

ства?! Пейте, пейте, не побрезгуйте угощением бывшего вашего узника!

- А, черт с вами! – сказал Николай, и потянулся к бокалу. – Выпьем, каждый за свое!

Мы выпили, выпили залпом, не чокаясь, как пьют на похоронах.

- Ай, яй, яй! – воскликнул доктор, ехидно усмехаясь. – Бутылка этого коньяка стоит тысячу долларов, а вы пьете его, как самогонку, вы бы еще огурцом закусили! И эти люди борются за счастье человечества, а коньяк пить не умеют!

- Не ехидничайте, доктор, – сказал Валерий, – нет у нас повода наслаждаться прелестью коньяка.

- Да, это правда, повода для веселья у вас нет, – тон стал серьезным и жестким. – Вы проиграли, а говорил я вам, что не нужна людям ваша свобода! Сейчас вы были свидетелями истинной демократии, народ сам определил свою судьбу! Нет, я не преступник, как вы изволили выразиться, – я их благодетель, я их кумир, я – мессия! Я благороден и честен! Я не буду преследовать вас, побежденных нужно прощать. Вы свободны. Можете идти, сами устраивать свою судьбу. Правда, вы, – обратился он к Николаю и Валерию, – еще не полностью завершили курс реабилитации, но вижу, что это вам уже ни к чему. Если желаете, то можете оставаться, я обеспечу вас работой, за которую вы будете получать достойную плату, выше, чем те, остальные.

На Вас, – он посмотрел на меня, – уже есть заявка из НАТО, им нужен пилот тяжелого транспортного самолета для работы в Ираке и других горячих точках. И платить Вам будут хорошо, очень хорошо, так что подумайте, прежде чем отказываться. А вас, – он сделал жест рукой в сторону моих друзей, – ждут в ЦРУ. На нашей планете еще есть страны, которые не желают жить по понятиям американской демократии и свободы. Вот вы и будете нести народам истинные демократические ценности. Учтите, что США не жалеют денег на развитие демократии в мире! Вы станете обеспеченными, состоятельными людьми, ну что еще вам нужно? Возможно, и даже очень возможно, что вам придется возглавить правительства тех стран, которые нужно направить на истинный путь – путь демократии и свободы. Не станут же вас, специалистов такого масштаба, использовать как обыкновен-

ных террористов! Для этого хватает других, которые утратили себя, как личность. А вам свою личность удалось сохранить, и это достойно соответствующей должности и оплаты. А Вам, Станислав Викторович, – обратился Вагнер к доктору Архангельскому, – особое предложение. Я предлагаю Вам работать со мной в этой клинике.

- Да нет, – ответил Николай, – мы уж сами будем устраивать свою судьбу.

- Как хотите, дело ваше, но вы в любой момент можете вернуться, я от своих обещаний никогда не отказываюсь.

- Прощайте, доктор!

Игра

- Одну минуточку! – сказал доктор Вагнер. – Оставьте, пожалуйста, документы, которые вы распечатали. Они вам совершенно не нужны, вам никто не поверит, мало ли какой бред можно набрать на компьютере.

- Тогда чего Вы боитесь? Оставьте нам эти документы.

Доктор рассмеялся:

-Боюсь? Да, ничего я не боюсь! Это забота о вашей же безопасности. Если попробуете кому-то что-то доказывать, ссылаясь на эти документы, то вполне можете попасть в клинику для душевнобольных. Увы! Там у вас не будет таких приключений, как в этом городе. Никакой романтики: смирительная рубашка, грязная палата, да неизбежные процедуры – вот и все, чего вы сможете добиться.

- Вы хотите сказать, что отбираете у нас документы только потому, что так заботитесь о нашей дальнейшей судьбе? – спросил я. – Однажды Вы уже допустили утечку информации, и теперь опасаетесь ее повторения.

- Что Вы имеете в виду?

- Вы не стерли из моей памяти то, что я услышал в состоянии клинической смерти!

- Да ерунда, – засмеялся доктор, – конечно, нужно было стереть, мы поступаем так всегда, если пациент переживает состояние клинической смерти, убираем из памяти все, что с этим связано, так, на вся-

кий случай. Но тогда, доктор Розенфельд получил от меня такой нагоняй, что просто забыл это сделать. Перед выходом пациента во внешний мир мы тестируем память, когда Вы проходили медосмотр перед полетом, я понял – Вы помните все, что услышали из нашего разговора. Но стирать память было уже некогда, процедура эта довольно длительная, а мне не хотелось упускать такой случай, когда еще представится возможность проверить Вашу подготовку на практике?!

- Так это был случай? Только случай?

- И да и нет. Землетрясение произошло без моего участия, увы, эти силы мне не подвластны, полет на помощь пострадавшим, естественно, тоже был инициирован не мной. Но вот над тем, чтобы вместо командира, который должен был лететь, полетели Вы, пришлось поработать!

- А пожар двигателя на взлете – это случайность?

- Что там сказано по поводу случайности в вашей диалектике? Случайность – это неосознанная закономерность! Но только для того, кто этого не осознает!! А если бы Вы хорошо подумали над тем, что услышали в состоянии клинической смерти, то возможно, и смогли бы отличить закономерность от случайности!

- А если бы я не справился с задачей, если бы мне не удалось посадить самолет? Ведь опять бы погибли люди!

- Ну что ж, им бы просто не повезло, а Вас мы могли бы восстановить, если бы сочли целесообразным.

- Я понимаю, что ни судьбы, ни жизнь людей Вас не волнуют, но неужели этот тест был так важен для Вас, что Вы даже пренебрегли возможной утечкой информации?

- А знаете, мне просто было интересно посмотреть, сумеете ли Вы воспользоваться тем, что случайно узнали, я ведь по натуре игрок, только я никогда не проигрываю.

- И как Вы оцениваете результат?

- Молодцы! Хорошо все придумали. Только бумагу почти всю израсходовали, и не подумали пополнить лоток принтера. Да и вообще, наследили! Ошибки, непростительные для профессионального разведчика, – сказал он Валере.

- А мы не собирались возвращаться! – сказал я.

- Ах да! Вы же нашли выход из города!

- Да, нашли! Надо был сразу уходить!

- Что? Нашли выход? Нашли! – засмеялся доктор. – Да, нет выхода! Нет! И никогда не было! Я специально немного приподнял защитное поле, а потом, когда Вы, доктор, вернулись, снова опустил! Вот и все! Нет никакого выхода!

- Вы что следили за каждым нашим шагом? – спросил я. У Вас что, камеры наблюдения повсюду?

- Да нет, что вы! Зачем нам камеры наблюдения. Ведь из этого города нет выхода, к чему же тратиться на дорогую аппаратуру?

- А как Вы узнали, что я выходил из города? – спросил доктор Архангельский.

- Очень просто. Есть прибор, который контролирует общую биомассу города. Каждый живой организм излучает определенное количество энергии. Его можно измерить, поскольку пространство замкнуто, то количество этой энергии постоянно. При изменении биомассы, если кто-то вышел или вошел, прибор покажет эти изменения. Когда биомасса уменьшилась, я понял, что Вы вышли из города, а потом вернулись.

- Но я мог и не вернуться! – сказал доктор Архангельский.

- Нет, Вы бы обязательно вернулись, иначе я ничего не понимаю в человеческой психике. Вы не могли не вернуться. И Вы сами это прекрасно знаете, не нужно мне Вам это объяснять. Даже если бы Вы знали, что больше Вам не удастся воспользоваться этим выходом, Вы бы все равно вернулись! Вернулись бы?

- Да!

- Вот то-то, и не спорьте со мной! Я просчитал каждый ваш шаг, я играл с вами, как кошка с мышкой! И, надо сказать, игра эта доставляла мне удовольствие! Вы отлично справились со своей задачей!

- Значит, Вы все знали с самого начала, и не предприняли ничего, чтобы прекратить наши попытки помешать Вам?

- Да, знал! С того самого момента, когда Вы, доктор, закинули удочку моему помощнику относительно документов гестапо, которые попали в руки вашей контрразведки, я понял – Вы воспользовались тем, что Вам удалось случайно подслушать. Думаете, меня действительно интересуют эти документы? Я знаю обо всех документах, ко-

торые не успели вывезти. Все это давно устарело, и не представляет никакой ценности. Я просто решил Вам подыграть!

- Но зачем?

- Не забывайте, каких специалистов мы готовим! Играя в предложенную мной игру, которую Вы, кстати, сами затеяли, Вы совершенствовали свои способности. Вы великолепно справились с поставленной задачей. Это внесло разнообразие в нашу методику.

- Жаль, что Ваша работа пропала зря! – сказал Коля.

- Почему зря? Ничего зря не пропало!

- Но, Вы же нас отпускаете!

- Ну и что с того!? Информацию для ваших копий мы уже взяли. Для этого вовсе не обязательно брать у Вас какой-либо биологический материал. Нужна не клетка, а информация. А ее можно считать с Вашего мозга на расстоянии, и записать в памяти компьютера, что мы и сделали. Так что, ничего зря не пропало! Вы лично мне уже не нужны, мне нужна только информация, и она у меня есть. И если бы Вы, – он посмотрел на меня, – тогда не возвратились в клинику, я бы ничего не потерял, все, что нужно для производства биороботов, я уже от Вас получил.

У Вас было два варианта: остаться там, во внешнем мире, и либо воспользоваться тем, что Вам стало известно, либо навсегда об этом забыть, но уверен, что толком вы ничего не и поняли из наших с доктором слов, и если бы Вы случайно, действительно случайно, не встретились с доктором Архангельским, думаю, эта тема не имела бы продолжения; второй вариант – вернуться в клинику, и попытаться выяснить, что же стоит услышанным Вами разговором, что Вы и сделали.

- И Вы знали, что мы будем пытаться взять данные из компьютера?

- Конечно знал. Где же Вы еще сможете взять информацию, как не в компьютере? Мы даже немного облегчили Вам задачу. Мы несколько дней не меняли пароль, пока Вы не вошли в базу данных. Мы сделали подборку материалов, которые Вам наверняка заинтересуют. В этой игре я шел впереди вас на шаг, а вы просто следовали за мной.

Одно время я потерял контакт с вами, и нужно сказать, немного занервничал. Нет, не думайте, я знал, что из города вам не выйти, про-

сто начал беспокоиться, не случилось ли чего с вами, хотя и количество биомассы не изменилось, я понимал, что вы должны быть живы, но все же пришлось немного понервничать.

- А этот тест с бандитами? – спросил Валера, – Вы знали, что я жив?

- А Вы еще в этом сомневаетесь? Если бы Вас действительно убили, то количество биомассы уменьшилось бы, а раз оно не изменилось, то я понял, что Вам удалось обмануть стрелка. Вот это был шедевр! Это было великолепно! Но меня обыграть Вам не удалось! Это просто невозможно. Ведь это я ставлю задачу, я задаю граничные условия, а вы только решаете ее!

Мне было интересно, что Вы, Валерий Семенович, будете делать в морге, в который так стремились попасть, а потом, когда Вы вывели из строя рубильник в крематории, я просто посмеялся от души. Надо же додуматься – хирургическими инструментами разбирать электрический прибор!

- А если бы мне не удалось этого сделать, Вы бы сожгли меня живьем? Вы ведь знали, что я жив!

- А Вы что думаете? Мы с вами в детские игры играем? Сжег, непременно бы сжег, хотя и знал, что Вы живы! Игра серьезная, послаблений нет никому!

- Но блокиратором сознания, вмонтированным в телефонный аппарат, Вам, все же, воспользоваться не удалось!

- А Вы что, отставляли трубку от уха, когда ответили на звонок?

- Да, – с гордостью ответил я.

Доктор засмеялся:

- Да ведь мы не включали блокиратор сознания! Мы знали, что вы там все вчетвером ждете звонка! Если бы мы его включили, вы бы все там лежали на полу! Прибор действует в радиусе пяти метров! Ну, надо же, додумались! Трубку от уха убрать! – Доктор смеялся.

- Значит, Иван Семенович Розенберг все знал, когда ехал к нам?

- Ну конечно! А вы что думали? Да, ведь это игра, только игра, и не больше!

- А как же штурм? Ведь мы стреляли в охранников! Мы же их убивали!

- Ну убивали, ну и что? Ведь такая у них работа – рисковать жизнью, и гибель при исполнении своего долга – это естественный, закономерный конец карьеры. Вся наша жизнь – это только игра! Кошка играет с мышкой, собаки разрывают кошек, а кто-то отстреливает собак.

- И Вы знали, что мы можем стрелять в охрану, что мы можем их убить?

- Знал? Вы спрашиваете, знал ли я?! Да ведь я сам вложил вам в руки оружие! Вы справедливо задали доктору Розенбергу вопрос – зачем дежурным оружие, если они просто могут закрыть канал? Действительно, – не логично. А Вы, доктор, – обратился он к Станиславу Викторовичу, – обратили внимание, что на КПП, который Вы видели в парке, дежурная служба не была вооружена? И это канал связи с внешним миром! Зачем же вооружать дежурных на внутреннем кольце защиты? Оружие это предназначалось вам, да, именно вам!

- А охрана об этом знала?

- Ну что вы! Конечно же, нет. Это я играл с вами, а они выполняли свою работу, кстати, шансов погибнуть у вас было больше, чем у них, они с вами не шутили.

- А если бы мы использовали это оружие против Вас лично? Ведь мы же могли Вам просто убить!

- Убить меня? – Доктор снова засмеялся. – Да я тридцать лет занимаюсь психологией, психикой, как хотите, так и называйте эту науку, но если бы вы представляли опасность для меня лично, если бы Вы причинили мне хоть какой-то вред, я бы сказал, что это тридцать лет потрачены совершенно зря! Вы прекрасно знаете, что убив меня, вы ничего не измените. Нужно изменить концепцию управления миром, а для этого нужно, как минимум, переписать Библию. А это не удалось сделать даже Христу. Он хотел разрушить библейскую концепцию управления, за что и был распят. А потом, через четыреста лет, имя его использовали для укрепления этой концепции. Это был гениальный ход! Пока люди не поймут этого, они не смогут изменить мир, который состоит из элиты и толпы. Так было, так есть, и так будет всегда! Переделать мир невозможно, можно только одно – занять в этом мире достойное место. И я вам его предлагаю, еще раз. Так что? Идете или остаетесь?

- Нет, мы не остаемся, – ответил доктор Архангельский, – но можно один вопрос?

- Пожалуйста, сколько угодно!

- Скажите, каким образом Вы восстанавливаете погибший организм, если не берете у него генетический материал?

- А зачем брать материал у погибшего организма, когда можно взять у живого? Ведь для восстановления, точнее получения копии погибшего организма, нужно всего одна клетка. Нет нужды копаться во внутренностях трупа, достаточно анализа крови у живого, который сдают все при поступлении в клинику. Вот и ответ! Все просто, а Вы, доктор, до этого не додумались?!

Известная методика клонирования заключается в том, что у клонируемого организма берется клетка, извлекается ядро, которое потом внедряется в лишенную ядра яйцеклетку. Но развивающийся зародыш нужно выносить в течение положенного времени, потом родится ребенок, который пройдет все стадии роста и развития обыкновенного человека. Нас это не устраивает. Мы наши способ ускорить эти процессы. Первые шаги в этом направлении были сделаны Вашим отцом, Станислав Викторович. Но мы ушли далеко вперед.

Организм развивается не в утробе матери, а в специальном контейнере, экранированном от внешней среды, синхронизация времени развития и роста организма задается специальным генератором. За несколько часов можно получить взрослую особь любого вида. В том числе и человека. Но… существует но. Дело в том, что вырастить таким образом можно только тело, это организм, но еще не человек. Доктор, Вы знакомы с устройством компьютера?

- В общих чертах.

- Так вот, человек устроен примерно также. У компьютера есть техническое обеспечение, то, что называют «железо», и информационное, которое, собственно, и обеспечивает работу компьютера. Оно имеет несколько уровней: так называемый БИОС, который управляет работой устройств; операционная система, управляющая работой программ; сами программы, наконец, которые решают поставленные нами задачи; ну и, конечно же, информация, необходимая для решения этих задач.

Человек тоже состоит из «технической» или «материальной» части, что представляет собой тело, и информационной, которую называют душой. Информационное обеспечение человека тоже многоуровневое: управление работой отдельных органов, поддержание жизнеспособности организма; управление поведением организма на физическом уровне; и наконец, сама душа, то что делает человека человеком.

Если просто вырастить тело в искусственных условиях, то оно не будет жизнеспособно, на генном уровне можно передать информацию, обеспечивающую поддержание жизнедеятельности, но человеком такое тело не будет – это будет животное, и не более. Нужна душа. В Библии сказано, что Бог сначала сотворил человека, а потом вдохнул в него душу живую, мы делаем примерно то же самое. Мы внедряем душу погибшего в новое тело, душа привязана к телу, даже к мертвому, покинув свою оболочку, она не отдаляется от нее некоторое время, обычно три дня, потому и хоронят покойника только на третий день, чтобы не травмировать душу. Мы же предоставляем душе новое тело, и поскольку оно ничем не отличается от прежнего, душа опознает и принимает его.

- В компьютерах я разбираюсь, – сказал Валера, – но знаю и то, что информация без носителя существовать не может, когда компьютер выходит из строя, информация теряется, так что, не вяжется что-то в вашей теории.

- А если информация записана на лазерном диске? В автономной флеш-памяти? В сохранившейся микросхеме, наконец? Установите носитель с информацией в новый компьютер, и он ничем не будет отличаться от прежнего! Информация, которая определяется как душа, записана не в теле, а торсионных полях, которые могут существовать независимо от тела. Еще древние маги умели переселять душу из одного тела в другое, даже в тело погибшего человека. Первоначально, наши предшественники тоже пользовались услугами магов, но потом была отработана научная методика внедрения души в новое тело.

- Хорошо, – сказал доктор Архангельский, – допустим все так, но каким образом Вы обеспечиваете выращенное искусственно взрослое тело программами низшего уровня? Для того чтобы, например, ребенок научился ходить, он должен сначала ползать на четвереньках,

и потом, с помощью взрослых сможет встать на ноги. Известно, что дети, попадавшие в животное окружение, могли научиться лишь тому, что умели животные, то есть бегать на четырех лапах. Каким же образом ваш «голем» сможет стоять, ходить и так далее?

- Все происходит на генном уровне. Знаете ли Вы, что у человека и у дождевого червя одинаковое количество генов? Все дело в том, что сами гены не несут непосредственно информацию, а являются ключами доступа в общее информационное поле, где каждому виду отводится своя область памяти. Поэтому из дождевого червя никогда нельзя получить нечто другое. Так, в глобальной базе данных вы можете иметь доступ только к той информации, ключ которой совпадает с вашим ключом. При клонировании, а точнее восстановлении организма мы имеем его гены, с помощью которых получаем доступ к тем разделам общемировой базы данных, к которой имел доступ покойный, причем на всех уровнях. Так, что наш, как вы выразились, «голем», будет не только ходить, а еще и в точности повторять походку прежнего, погибшего тела!

- А как же с теми копиями, которые Вы размножаете и продаете? Ведь душа то одна!

- Да, душа одна. Но это информация, а информацию можно копировать, просто переписать на другой носитель. Но информация души представляет собой сложную многоуровневую структуру, которая определяет и то, что называют интеллектом, склонности, привычки, а также еще и Божье предназначение. Бог возлагает на каждого определенную роль в этой жизни. Так вот эту информацию мы копировать не умеем! И неверное, не сумеем никогда.

Да я и не беру на себя функции Бога. Но без этой информации полноценного человека получить нельзя, можно создать только биоробот, но не более. Нас это вполне устраивает. Правда, не всегда биоробот обладает требуемыми качествами, присущими оригиналу, только одни из десяти экземпляров пригоден к дальнейшей работе. Поэтому вся продукция подвергается жестким процедурам отбора.

- Каким же образом Вы отбираете годные экземпляры?

- Пока ничего лучшего не придумали, как первоначальный тест реакции на смертельную опасность.

- Тот, которым подвергали и нас?

- Да, именно: трамвай, автомобиль, внезапное нападение и тому подобное. Иногда, если позволяют условия, проводим коллективное тестирование, собираем несколько экземпляров и тестируем вместе с исходным материалом. Так дешевле.

- Какой исходный материал?

- Какой? Да, это же вы, дорогие мои, вы и есть тот исходный материал, на основе которого мы производим биороботов!

- И что же с теми, которые не проходят тест?

- Да ничего, крематорий работает исправно, пока кроме вас никто рубильники не ломал. – Доктор засмеялся.

Теперь я понял, почему она, та женщина, второй раз на остановке была одна! Остальные были только экземплярами биороботов, которые не прошли первичное тестирование, а для них тест не повторяют.

- Но это же чудовищно, доктор! Вы создаете человека, наделяете его душой, пусть даже не полноценной, а потом убиваете!

- Естественный отбор существует даже в природе, по Божьей воле, ну а нам уж тем более без этого не обойтись. Учтите еще и то, что если отсутствует Божье предназначение, то это уже не творение Бога, а наш продукт, и никакие конвенции о правах человека на него не распространяются!

- Вот, смотрю я на Вас, доктор, и думаю, а есть ли Божье предназначение у Вас? Или Вы служите дьяволу?

- Ну Вы даете! – доктор расхохотался. – Вы что думаете, что я сатанист? Все эти ритуалы, черепа, росписи кровью, младенцы, принесенные в жертву? Все это забавы для людей толпы. Толпе не позволено знать истину, ей можно только выбирать между одной и другой ложью, в этом и заключается свобода выбора. Как там у вас, в марксистско-ленинской диалектике? Основной вопрос философии? Что первично? Материя или сознание? Все это чушь! Ложно и то и другое! Вся ваша философия такая же чушь, как и демократия!

При демократии вам разрешено выбирать одну из партий, не нравятся одни – выбирайте других, не нравятся другие – выбирайте третьих. Выбирайте кого угодно – демократов, социалистов, коммунистов – все равно ничего не изменится! Все они действуют в рамках

одной конституции, одной концепции, служат одной цели, предоставляя толпе различные варианты лжи!

- По-вашему, только элите позволено знать истину?

- Элите?! Да кто такая элита?! Это та же толпа, представителям которой разрешено есть вместо черного хлеба красную икру! Вот и вся разница между элитой и толпой!

- А кто же тогда знает истину?

- Те, кто управляет миром, они не ездят в дорогих автомобилях, не ходят с охраной в сортир, не мелькают на телевидении, не выступают перед публикой, но ни войны, ни кризисы, ни революции не происходят без их ведома.

- Но кто же это?

- А вот этого не знает никто. Я чувствую опосредованно их влияние, они не дают руководящих указаний, они осуществляют бесструктурное управление. Тот, кто знает это, понимает, что мир переделать нельзя, можно только занять достойное место в нем! Сергей Николаевич, подумайте. Я ведь предлагаю Вам работу достойную ваших способностей. Поверьте, Вы займете очень достойное место в этом мире. Впрочем, есть варианты. Ведь следствие по Вашему делу не закончено, оно лишь приостановлено, и может быть возобновлено в любой момент.

- Даже так?!

- А как Вы хотели? Вас никто не заставлял садиться за штурвал самолета. Вам предложили – Вы согласились, а могли и отказаться. И не говорите, что Вы это сделали из сострадания к потерпевшим бедствие. Вам очень хотелось доказать самому себе, что Вы еще на многое способны. Вот Вы и полетели. Вы сами взяли на себя ответственность, и никто ее с Вас не снимает. Хотя, нет. Не буду я Вас преследовать. Я ведь не такой мстительный злодей, каким Вы меня представляете. Мне не доставит удовольствия мысль, что остаток своих дней Вы проведете в тюрьме. Вы для меня не просто пациент, Вы – мое творение, и поверьте, я отношусь к Вам просто по-отечески. Но…

- Что Вы имеете ввиду? Что значит «но…»?

- Думаю, Вы и сами понимаете, что это значит. Надеюсь, что это «но…» поможет уберечь Вас и ваших друзей от необдуманных поступков. Знаете, кого вы все мне напоминаете? Героев Дюма.

Д'Артаньян и три мушкетера. «Один за всех, и все за одного!». Думаете, в этом ваша сила? Нет, в этом ваша слабость. Никто из вас не сможет предать друга ради истины.

Ну все, идите, пока я не передумал! Я не буду заставлять вас лазать по катакомбам, канал открыт в центре парка, там, где Вы, доктор, видели КПП.

- Одна просьба, доктор, – сказал Станислав Викторович, – отпустите с нами профессора Невельского.

- А, этого старика, который сидит на скамейке? – засмеялся доктор. – Да ради Бога! Забирайте его, если хотите, мне он не нужен. Это был удачный эксперимент времен третьего Рейха, но сейчас этот экземпляр не представляет никакой ценности. Думаю, вам он тоже ни к чему. Но если хотите – забирайте.

Дневник военврача Архангельского

Мы ушли. Настроение было подавленное. Весь мир обречен. Борьба бесполезна. Что толку биться за счастье народа, когда народ этого не желает. Это была просто игра, игра кошки с мышкой, исход которой определен.

Старик, который когда-то был профессором Невельским, все так же сидел на скамейке и безучастно смотрел в пространство.

- Здравствуйте, Александр Степанович, – обратился доктор Архангельский к старику.

- Здравствуйте, ребята, ну как дела? Чем завершились ваши поиски?

- Мы проиграли. Доктор Вагнер знал каждый наш шаг, он просто играл с нами, как кошка с мышкой.

- А что ж вы хотели? Вы вступили в борьбу не с доктором Вагнером, вы решили бороться с мировым злом, потому и проиграли.

- Да, нас слишком мало, чтобы выступать против мирового зла, люди не поддержали нас.

- И правильно сделали. Если бы они поддержали вас, то обрекли бы на гибель и вас, и себя. Вы не представляли опасности для доктора, вот он вас и отпустил, а если бы за вами пошли другие, и вы обладали

бы реальной силой, то вас бы просто уничтожили. Бороться с мировым злом, вооружившись автоматом Калашникова – это безумие.

- А с каким же оружием можно выступать против мирового зла? – спросил Коля.

- Никакое военное оружие не способно победить мировое зло, как и любая вооруженная борьба. Это самый низший уровень управления. Никакие восстания, перевороты, революции не могут изменить мир. Потому, что они не меняют концепции. Я много читал, много думал, и многое понял. Вся беда в том, что нынешняя концепция управления разделяет общество на элиту и толпу. Революции ничего не изменяют по сути, они лишь меняют местами элиту и толпу, помните?: «Кто был никем – тот станет всем»; соответственно – тот, кто был всем, становится никем. А суть концепции остается прежней.

Потому-то, и разрушился Советский Союз; после свержения прежней элиты, в семнадцатом году, сразу же возникла новая – так называемая, партийная номенклатура, она то и стала «всем», а народ никем так и остался.

- Концепция управления? – спросил я. – Доктор Вагнер что-то говорил про концепцию управления: «Разрушить библейскую концепция управления не удалось даже Христу»; причем здесь Христос, Библия? Христос пришел, чтобы спасти человечество, он ничего не говорил против Библии.

- Это, если верить тому христианству, которое было основано через четыреста лет после жизни Христа, заметьте, не его апостолами, а по инициативе императора Константина! Есть материалы, которые говорят о другом. Доктор Вагнер знает об этом, знали это и идеологи третьего рейха, именно они организовали экспедицию в Гималаи в поисках Шамбалы.

- Что же они искали?

- Тайны управления миром, которые знали древние арии.

- А что означает «библейская концепция» управления?

- Концепция управления миром заключена в Библии, в Ветхом завете, она разделяет людей на господ и рабов, она определяет основы кредитно-финансовой системы мира, и нам говорят, что она дана людям Богом, и что другой не существует, другой просто не может быть, если она дана Богом.

- А если не Богом, то кем? Дьяволом?

- Нет, людьми. Жрецами, которые скрыли древние знания от людей. Христос хотел донести правду до народа, но народ не был готов воспринять ее.

- Значит, существует и другая концепция управления миром?

- Да, существует. Следы ее теряются в глубине веков, они уводят в в дохристианские и добиблейские времена. Библия написана всего три тысячи лет назад, не так уж и много в масштабах вечности. Древние знания не потеряны, они скрыты.

- Где же искать эти знания?

- Немцы искали в Гималаях Шамбалу, по преданиям, древние тайны скрыты именно там, но возможно, что искать надо в другом месте, где, точно никто не знает. Но знания эти никогда не будут открыты тем, кто хочет использовать их для получения безграничной власти над людьми.

- Я что-то читал об экспедиции немцев, но кажется, ничего там они не нашли, – ответил доктор Архангельский.

- Да нет, что-то они все-таки нашли. Экспедиция была не одна, их было несколько, точнее известно только о четырех экспедициях. Первая экспедиция направилась в Гималаи еще в 1931 году, до прихода нацистов к власти, руководил ей доктор Гуго Вейгольд, и участвовал ученый-эсэсовец Эрнст Шеффер, который сделал ряд научных открытий. Вторую экспедицию Шеффер предпринял в 1935 году. За эти две экспедиции Гиммлер присвоил ему звание оберштурмфюрера СС. А в 1939 году Шеффер добрался до Лхасы, столицы Тибета, и установил радиосвязь с Берлином. Но самой загадочной была экспедиция 1942 года. Возглавлял ее Петер Ауфшнайтер, доверенное лицо Гиммлера, и австрийский альпинист Генрих Харрер. Гиммлер был убежден, что в Тибете находится ось мира, и, найдя ее, можно изменить время, вернуться в 1939 год, чтобы исправить ошибки, допущенные Гитлером. Но дело в том, что ни Ауфшнайтер, ни Харрер не были специалистами по проблемам времени, не обладали они и магическими способностями, они были просто альпинистами. Видимо, это была только операция прикрытия. Настоящая экспедиция, которая искала ось мира, была направлена в том же году, но совершенно в другое место. И руководил ей Петер Клаус, он работал в лаборатории доктора Вагне-

ра. Это был действительно специалист по проблемам времени. Нынешние успехи в восстановлении погибших организмов стали возможны только благодаря его работам. Твой отец работал в его группе. Что стало с этой экспедицией – никому неизвестно.

- Но для чего понадобилась такая операция прикрытия? – спросил доктор Архангельский.

- Дело в том, что Шамбалой, и всем, что связано с ней, интересовались не только немцы. Попытки проникнуть в Тибет предпринимала и советская, и британская, и американская разведки. Группу Харрера сразу же арестовали британцы, но ему и Ауфшнайтеру удалось бежать.

- Советская разведка? – удивился я.

- Да, советская разведка. Экспедиция была организована ОГПУ. Тайные знания, дающие власть над миром интересовали всех.

- Но нам всегда говорили, что это все бред, мистика, никакой оси мира не существует! Наша идеология была основана на материализме, и не признавала никаких оккультных наук!

- Это нам так говорили. Но те, кто серьезно занимались вопросами управления миром, знали, что все это не мистика и не бред. Результаты, которых добилась лаборатория доктора Вагнера, получены на грани мистики и науки, а в основе всего лежит управление временем.

- Одно дело ускорить процессы, происходящие в организме, – сказал я, – но вернуться в прошлое… Неужели это возможно?

- Это возможно, хотя на первый взгляд противоречит логике. Но логика отражает лишь взаимосвязи внутреннего мира, во внешнем мире действует другая логика. Видимо предыдущие экспедиции СС дали результаты, был установлен контакт с буддийскими монахами, и они указали место, где следует искать Шамбалу. Поэтому и были организованы две экспедиции: одна отправилась в Тибет, другая… Куда ушла другая экспедиция, не знает никто. Мы с твоим отцом знали о ней только потому, что работали с Петером Клаусом, под его руководством. Из обрывков разговоров Клауса с Вагнером, которые нам удалось случайно услышать, стало понятно, что готовится очень серьезная экспедиция. Потом Клаус исчез, и больше его никто не видел.

У меня остались дневники твоего отца, вот, возьми, – он протянул доктору Архангельскому толстую тетрадь. – Думаю, здесь ты найдешь много интересного. Он писал свои дневники в надежде, что это когда-нибудь пригодится. Там есть очень важные сведения.

- Александр Степанович, мы уходим из города, идемте с нами, доктор Вагнер отпускает Вас.

- Идите, я никуда не пойду, мне просто некуда идти. Меня больше не существует, я пропал без вести в сорок первом году.

- Идемте, профессор, мы всем расскажем, кто Вы, и что с Вами произошло, Вы должны пойти с нами!

- Нет-нет, я уже давно ничего никому не должен. Вам никто не поверит, когда вы приведете сумасшедшего старика. У меня уже давно нет ни друзей, ни родных, ни кого, кто бы меня знал. Я чужой в этом мире. Я говорил вам, что я уже не человек, у меня нет ни чувств, ни желаний, у меня нет ни боли, ни радости. У меня нет души, осталось только тело, которое умирает очень медленно. Пройдут века, умрут те, кто живут сегодня, родятся новые люди, а я все так же буду сидеть на этой скамейке и ждать, ждать смерти.

- Ну что ж, прощайте, профессор, мы уходим.

- Прощайте, удачи вам, ребята, – тихо ответил старик, – и помните, Бог ничего не меняет в мире, пока люди не изменят сами себя. Нельзя насильно загнать людей в счастье, они должны этого захотеть.

- И все-таки, почему же он нас отпустил?

- А как вы сами думаете? Благородство победителя? Акт милосердия? Нет, не то. Сейчас вы убеждены, что весь мир обречен, и борьба бесполезна. Это состояние ваших душ. Хотите вы того или нет, а состояние это будет передаваться другим, всем, с кем вы будете общаться, даже если никому ничего не расскажите. Именно это ему и надо. Всех, кто еще не упал до уровня безликой толпы, кто не стал еще призраком, не потерял человеческое достоинство, не разучился думать, нужно убедить в том, что мир устроен только так, а не иначе, что всякая борьба бессмысленна, выхода нет. Противник, в котором сломлена воля к победе, уже побежден. В этом и состоит задача тех, кто управляет миром. Превратить народ в стадо баранов, которых заманив морковкой, ведут на убой. И сломить волю тех, кого не удастся превратить в стадо. Только поэтому он вас и отпустил.

Но не впадайте в отчаянье. Я уже не человек, у меня нет души. А вы – люди, и никогда не забывайте об этом. Божье предназначение людей не в том, чтобы они превратились в толпу. Когда каждый поймет это – мир изменится.

Попрощавшись с профессором, мы уши. КПП был на том же месте, где увидел его доктор, когда искал выход. Нас никто не задерживал. Мы вышли из города. Шли молча. Вот и тот ресторан, в котором Станислав Викторович «проговорился» о секретных материалах в беседе с подполковником. Как наивно было строить из себя Штирлица!

- А может, зайдем, посидим? – предложил Коля. – Отметим, так сказать, наше освобождение? Деньги-то хоть есть у кого-нибудь? Тут не дурдом, бесплатно не наливают.

- У меня есть, – ответил доктор Архангельский. – Пошли.

Мы вошли, заказали немного выпить и закусить.

- Ну, что, ребята, – спросил Коля. – Куда теперь?

- Поеду по авиационным компаниям, – ответил я, – может, где-то летную работу найду.

- А я домой, – ответил Валерий, – хватит, навоевался уже, надо как-то мирную жизнь устраивать.

- А, может, президентом в какой-нибудь Гондурас? – предложил Коля. Мы рассмеялись.

- Нет, – ответил Валера, – Гондурас Америку сейчас не интересует, она на страны бывшего Союза зубы точит. Да, и лучше, буду я сапожником, чем президентом, оно спокойнее, да и безопаснее.

- А я к родителям подамся, – Коля вздохнул, – давно отца с матерью не видел.

Станислав Викторович, не притронувшись к еде, внимательно изучал дневник своего отца.

- Подумать только! – воскликнул он. – Ведь этот Клаус проводил эксперименты не только над заключенными, но и над членами СС! Выводил новую породу людей! Из официальных источников известно, что задачу чистоты арийской крови гитлеровцы решали методом селекции. Для воспроизведения потомства отбирались мужчины и женщины с соответствующими параметрами. Но то, что написано здесь... Волосы дыбом поднимаются!

Оказывается, из Тибета немцы привезли не только результаты антропологических исследований, буддийские монахи передали им генетический материал, костный мозг представителей древнейшей расы, обладавшей сверхчеловеческими способностями. Останки эти хранились в пещере, в вечной мерзлоте. Врачи клиники пересаживали этот костный мозг специально отобранным членам СС, которые добровольно соглашались на операцию. Петер Клаус с помощью разработанной им методики управления временем возвращал образцы генетического материала в то время, когда организмы эти были живы. Потом они пересаживались пациентам. Причем операции проводились без наркоза. Объясняют это тем, что наркоз мог привести к рассогласованию временного соответствия организма пациента и пересаживаемого материала. Более девяноста процентов подопытных погибали. Выживших из клиники забирали, что было с ними – неизвестно.

- Вот это да! – воскликнул Коля. – Не может быть, чтобы эсесовцы добровольно соглашались на такую операцию!

- Очень даже может быть, – ответил доктор. – В любом течении находятся фанатики, готовые на муки только для того, чтобы обрести способности сверхчеловека. Немцы считали себя потомками древних ариев, хотя ими вполне справедливо могут считать себя и славяне. По преданиям, где-то в районе северного полюса находилась цветущая страна, Гиперборея, называемая иначе Ария или Даария. Упоминания о ней встречаются у Платона. Там существовала цивилизация, уровень развития которой намного превышал наш. Есть легенда об острове Туле, входившем в гиперборейский архипелаг. Впервые о нем писал знаменитый путешественник Пифий из Массилии, однако данные эти ничем и никем не подтверждались. По его словам, там жили высокие, светловолосые люди, обладавшие сверхчеловеческими способностями. Считалось, что на этом острове находилась столица Гипербореи. В результате начавшегося оледенения цивилизация погибла. Арии мигрировали на юг, прошли территории германцев, скандинавов, славян и направилась в Индию, повсюду оставляя легенды и обычаи. Арии утратили свои способности, смешались с местными племенами. Возможно наша, русская Тула основана ариями, выходцами с острова Туле.

В 1918 году немецким оккультистом Рудольфом фон Зеботтендорфом было организовано общество Туле, получившее статус масонской ложи. Именно оттуда пошла идея германского расового превосходства, оттуда же и свастика – солнечный символ древних ариев. Позднее на его основе было создано тайное общество «Аненербе» – наследие предков. Возглавил его Гиммлер. Лаборатория доктора Вагнера принадлежала этому обществу.

В дневнике отца некоторые отрывочные сведения о работе этого общества. Похоже, они вели серьезные научные исследования в разных областях на основе неких знаний, полученных из тайных источников.

Есть, например, записи о испытаниях некого дискообразного летательного аппарата, Фау-7, который набирал высоту со скоростью 800 метров в секунду, и разгонялся до 2200 километров в час. Разработки велись где-то в Антарктике, в подземных лабораториях.

Сведения отрывочные, не систематизированные. Отец записывал обрывки случайно услышанных разговоров между сотрудниками. С дневником нужно еще поработать. Но тут у него есть обращение ко мне. Странно, я родился в тридцать восьмом году, а в сорок первом отец ушел на фронт. Мне было три года, я и помню его только по фотографиям, а он, вот пишет мне. Надеялся, что я когда-нибудь прочту его записки. Он просит узнать, куда отправилась экспедиция Петера Клауса, пишет, что это очень важно. Видимо, он знал, что экспедиция не вернулась.

- Как же это можно узнать? – спросил я.

- Пока я еще служу, и у меня есть первая форма допуска к секретным документам, попробую покопаться в архивах.

- Ничего из этого не выйдет, – ответил Валера. – Вас допустят только к тем документам, которые относятся к вашей непосредственной работе. Как Вы докажете, что для ваших медицинских исследований необходимы именно архивы «Аненербе»? Я говорил уже, есть у меня свой человек в ГРУ, попробую с ним связаться, может, что и получится.

Прежде чем расстаться, мы решили обменяться адресами. Мы не знали. Куда забросит нас судьба в самое ближайшее время, и только доктор Архангельский имел определенную стабильность в этой

жизни, пока служил в Вооруженных силах, и мы решили связываться друг с другом через него.

И никто из нас не мог даже предположить, где сведет нас судьба в самое ближайшее время.

Часть вторая. Настоящая работа для смелых мужчин

Все виды транспорта возникли на основе экономических потребностей человечества, и только авиация родилась из мечты.

Николай Иванович

Табличка на двери кабинета указывала на то, что именно здесь и находится директор авиакомпании. Я постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. За ней не оказалось ни приемной, ни секретарши, обычных для директоров даже не очень крупных компаний. Прямо передо мной сидел мужчина средних лет в авиационной форме. Рядом с ним я увидел человека в летной куртке, о чем-то беседовавшего с директором.

- Разрешите? – спросил я.

- Заходите, садитесь, – ответил директор.

Я вошел и сел.

- Слушаю Вас, какие проблемы?

- Александр Петрович, я по поводу работы, я летчик, летал в военно-транспортной авиации на Ил-76. Мне посоветовали обратиться к Вам, сказали, что в Вашей компании есть «семьдесят шестые».

- Да, мы летаем на Ил-76, самолеты есть, а вот с работой помочь ничем не могу. Я так понимаю, Вы интересуетесь летной работой?

- Вот именно.

- Летной работы нет. У меня всего 3 машины, все экипажи укомплектованы. Могу предложить наземную работу, зарплата хорошая и платят вовремя.

- Я летчик, и хочу летать, понимаете?

- Летать он хочет! Не налетался еще за свою жизнь? У меня друг, с которым вместе летали, сейчас диспетчером работает. Так вот сын его закончил в прошлом году летное училище, с отличием между прочим. И знаешь, где он сейчас? Вкалывает грузчиком на базаре! А ты говоришь. Ну где я тебе летную работу найду? Я тоже летчик, а вот сейчас уже не летаю, в этом кресле сижу. Всю жизнь летать не будешь, не воробей.

- Но я пилот первого класса, летал на различных типах самолетов. Я на все согласен, хоть на Ан-2 сяду!

- Ну что ж, садись на Ан-2! Вон они на дальней стоянке стоят. Вороны уже и перкаль с крыльев склевали. Нет у нас сейчас работы для Ан-2. Угробили малую авиацию, да и от большой мало чего осталось. Ладно, подожди, я сейчас с товарищем закончу, запишу твои данные, если что появится, позвоню.

Непривычно прозвучало слово «товарищ», сейчас стало в моде обращение «господин». «Господин безработный». Звучит. Хотя трудно чувствовать себя господином в моем положении. Я вздохнул. «Запишу данные», «позвоню позже» – все это варианты вежливого отказа, это все равно, что сказать: «Да не пошел бы ты …», – но это уже было, и было не раз.

- Ну, что ты хочешь, Николай Иванович? – обратился он к человеку в кожаной куртке. – Ну где я тебе возьму ЗИП[21] для приводной радиостанции? Это же хозяйство аэропорта, обратись к ним.

- А они говорят, что нет у них ЗИПа. Вот я к тебе и пришел. Мы уже второй месяц без приводной летаем, ну помоги по старой дружбе!

- Да откуда у меня ЗИП для приводной?

- Но знаю ведь, что у тебя есть, не может быть, чтобы у тебя, и не было.

- Ну чего ты решил, что у меня он есть? У меня его в принципе быть не должно!

- Не должно, конечно, но есть, я ведь тебя давно знаю. Чтобы ты не припас чего с тех времен, когда объединенный авиаотряд разваливался? Да быть такого не может! Ведь до развала был на складе ЗИП, а сейчас нет. Куда он делся? Неужели мимо тебя прошел?

- Вот пройдоха! Все он знает! Да тебе не за штурвалом сидеть, а в налоговой работать! Ну есть у меня ЗИП, есть. Бери, черт с тобой! Сейчас записку Семенычу напишу, чтоб выдал, и иди, получай свой ЗИП!

- Ну, спасибо, Александр Петрович, выручил! Уж не знаю, как тебя благодарить. Что я тебе должен?

- Ты посмотри! – директор обратился ко мне. – Что он мне должен? Да ты должен мне как колхозная земля самолету Ан-2! Мы с тобой пуд соли съели! А ты спрашиваешь, что ты мне должен! Неужели

---

[21] ЗИП – запасные инструменты и приборы.

я с тебя деньги брать буду? ЗИП этот все равно неучтенный, и для реализации не предназначался, так, для себя берег, может, когда и пригодиться.

- Ну вот видишь, пригодился.

- Ладно, ладно, давай, иди. Когда летишь?

- Сейчас.

- Ну привет там ребятам от меня.

Николай Иванович ушел.

- А теперь давай с тобой разберемся. Запишу твои данные. Но особенно не надейся, так, на всякий случай. А то, может, на наземную работу пойдешь? Мы новый класс предполетной подготовки оборудуем, компьютеры ставим. Работы хватает. Или ко мне замом по хозяйственной части, а?

- Да нет, я на летную работу хочу.

- Вот заладил: «На летную работу, на летную работу». На земле уже работать пора! А небо надо молодым уступать.

- Да и я, вроде бы, еще не стар.

- Ну, это тебе кажется. Все мы стареть не хотим, все хорохоримся, а время идет, и никуда от этого не денешься.

Я вышел из кабинета. Домой идти не хотелось, зашел в кафе, что возле самого аэропорта, и заказал двойную порцию пельменей. Вскоре ко мне подошел Николай Иванович, которого я застал в кабинете директора.

- Не возражаете, если присяду рядом с Вами?

- Садитесь. Места не бронированы, – буркнул я. Настроение было ужасное, говорить ни с кем не хотелось.

- Как пельмени?

- Съедобные.

- Ну тогда и я себе пельменей закажу. Ищите летную работу?

- Как видите.

- И на Ан-2 согласны?

- Согласен не согласен – не летают уже Ан-2.

- Ну почему же? Это у них не летают, а у нас летают. Пойдешь ко мне пилотом на Ан-2? – он неожиданно перешел на «ты», хотя мы были едва знакомы.

- Это серьезно?

- Куда более чем серьезно. Есть работа. Настоящая работа для смелых мужчин. Полеты в сложных условиях, посадки на неподготовленные площадки и тому подобное. Работаем и за границей, причем пребывание там иногда бывает не совсем законно.

- Что, контрабанда? Наркотики? Оружие? Если так, то я с криминалом не связываюсь!

- Бог с тобой! О чем Ты говоришь! Никакого криминала. Мы обслуживаем экспедиции, которые занимаются исследованием аномальных явлений.

- Летающие тарелки, что ли?

- Ну летающих тарелок пока не видели, но есть на Земле так называемые «гиблые места». Что происходит там – одному Богу известно. Лететь приходится в такие дебри, по сравнению с которыми бермудский треугольник – просто райский уголок!

- И много таких мест на нашей планете?

- Хватает. Есть разные теории по этому поводу, но об этом потом. Работа как у летчиков-испытателей, но если там хоть знаешь, чего можно ожидать, то тут совершенно неизвестно с чем придется столкнуться. Отрабатываем с учеными различные теории и гипотезы, вникаем в суть проблемы, но все предусмотреть нельзя. Всякое бывает.

- Ну что ж, я, пожалуй, соглашусь. А когда лететь?

- Да вот доедим пельмени, и полетим. Сколько тебе времени нужно, чтобы домашние дела уладить?

- Нисколько, с некоторых пор живу один. Да и квартиры нет, живу в общежитии.

- Раз так, то полетели. Лететь нужно на остров в океане. Он в 50 километров от материка, но на той стороне залива. Можно, конечно, вдоль берега идти, но горючего не хватит, да и напрямик, через море, на пределе дальности Ан-2.

- А приводная на острове есть?

- Есть, но не работает. Вот ЗИП для нее везем, спасибо Петровичу, выручил.

- И как же лететь, над океаном без радионавигационных средств? Как я понимаю, на Ан-2 радиосистемы ближней навигации нет.

- Нет конечно! Тебе еще и РСБН[22] подавай! Компас, карта, глаза и уши – вот все средства навигации!

- Не густо, а на воде ведь ориентиров нет! Чуть ветер изменится – и унесет к чертовой матери, в неизвестном направлении!

- Ну к чему такой пессимизм. Пару радиомаяков[23] на берегу есть, дальность не велика, но определиться со сносом сможем.

- А если потом ветер измениться?

- Возьмем поправку. Да не переживай, дойдем, не первый раз.

Я посмотрел в окно. Небо было ясным, ни одна тучка не проплывала над выжженной июльским солнцем землей. Пирамидальный тополь тянулся ветвями ввысь, листва не шевелилась, был полный штиль. Впереди меня ждало что-то новое, необычное. С точки зрения здравого рассудка, предложение, неизвестно откуда взявшегося Николая Ивановича, было полнейшей авантюрой. Времена героических полетов в никуда на допотопных машинах, без средств радионавигации, давно закончились. Сейчас ни один экипаж не вылетит без соответствующего обеспечения маршрута. Но в далеком детстве, зачитываясь книгами о перелетах Чкалова, Экзюпери, я не мечтал об автопилоте и радионавигационном оборудовании, я не грезил командами авиадиспетчеров, отслеживающих каждый мой шаг. Воображение мое рисовало те далекие времена, когда успех полета зависел только от мастерства пилота и его интуиции, когда ему не на кого было надеяться, кроме самого себя, когда каждый полет был шагом в неизведанное. Думал ли я, что буду дремать под мерный гул моторов, пока автопилот ведет машину по маршруту, и, услышав команду диспетчера об изменении эшелона[24], послушно снижаться или набирать высоту? Но сейчас я был лишен и этого, я уже почти смирился с тем, что с

---

[22] РСБН – радиотехническая система ближней навигации, позволяет определить направление на радиомаяк и расстояние до него, действует до 400 километров.

[23] Обычный радиомаяк отличается от РСБН тем, что по нему можно определить лишь направление, и действует на значительно меньшем удалении от него.

[24] Для предотвращения столкновения воздушных судов существует эшелонирование по высотам, в зависимости от направления полета.

летной работой придется навсегда распрощаться, я чисто автоматически обходил авиакомпании, более по привычке, чем в надежде получить летную работу.

Летная жизнь коротка, многие из моих друзей, с кем я начинал летать, уже на земле. Чаще всего, случается это неожиданно. Какой-нибудь доктор, старикашка с бородкой, похожий на Мефистофеля или злого волшебника из сказки, вдруг напишет заключение о непригодности к летной работе, и все – прощай небо. Я уже один раз пережил такое, когда меня списали с истребительной авиации. Пришлось пересесть на транспортные самолеты. С тех пор я перевез тысячи тонн военных и коммерческих грузов, и мог бы летать еще, если бы не сокращение армии, последовавшее после развала Советского Союза. Мы, офицеры давшие присягу Родине, теперь оказались этой Родине не нужны, да и само государство, то которое своей Родиной мы считали, рассыпалось, как карточный домик, на множество удельных княжеств, в некоторых из них нас стали просто называть «оккупантами».

Многие пилоты моложе меня также бродили по компаниям гражданской авиации, надеясь получить работу. Конечно, можно было найти работу на земле, но тот, кто однажды прикоснулся к небу, уже не может обрести покой. Романтика живет в пилотах до седых волос. Казалось бы, авиация лишь один из видов транспорта, но отличие ее в том, что все виды транспорта возникли из экономических потребностей человечества, и лишь авиация родилась из мечты, из вечной мечты о полетах. Когда первые «этажерки» поднялись в воздух, никто не думал, что придет время, и воздушные лайнеры будут перевозить десятки тонн груза с огромной скоростью на большие расстояния.

Я вспомнил аэроклуб, выгоревшее до белизны летнее небо, запах степной травы, смешенный с запахом масла и бензина, зеленые «яки» на стоянке и старенький Ан-2, краска которого у двери была потерта вытяжными фалами парашютов. Что-то защемило в груди, как это все было давно, как давно. Может быть, несбывшиеся мечты юности возникли в образе Николая Ивановича с его безумным предложением, возможно, стоит закрыть глаза и броситься с головой в авантюру юношеской романтики? Да, конечно, по натуре я романтик, мечтающий о необычной работе, – романтик, но не сумасшедший!

Сейчас я скажу ему все, что я об этом думаю, потом пойду домой, возьму самого дешевого портвейна, который мы пили в те давние времена, напьюсь до поросячьего визга, а утром, когда протрезвею, пойду в ЖЭК наниматься дворником. Может быть, служебную квартиру дадут.

Николай Иванович смотрел на меня и спокойно жевал пельмени, как будто ему предстояло не лететь над океаном к черту на рога, а ехать в гости на другой конец города.

- Ну что, надумал? – спросил он меня. – Летим?

- Да о чем Вы говорите! – я вздохнул, и неожиданно для самого себя ответил. – Конечно, летим!

- На Ан-2-то, летать приходилось, или так сказал, с горя?

- Приходилось, но очень давно, еще в аэроклубе, я тогда инструктором на Як-18 работал, а по ходу дела на Ан-2 парашютистов бросал. А потом в военно-летное училище поступил, хотел стать истребителем.

- А почему именно истребителем?

- Да так, хотелось летать, как говорили когда-то, выше всех и быстрее всех.

- А… Ну да, – промычал Николай Иванович. – А Ил-76, как до такой жизни дошел?

- Пришлось однажды катапультироваться, да не совсем удачно получилось. Сначала госпиталь, а потом военно-транспортная авиация, хорошо, хоть совсем с летной работы не убрали.

- И на чем летал в ВТА[25]?

- Сначала на Ан-26, Ан-12, потом на Ил-76. Был во Вьетнаме, в Афганистане, в Сирии, в Анголе, на Кубе, ну Германию и Венгрию, я уже не считаю. В Афгане на взлете со «стингера» двигатель подожгли, еле сел тогда, а в Анголе чуть в плен не попали, противник наш аэродром захватил, взлетали под обстрелом, еле ушли. Так что, и в переделках побывал, и мир повидал.

- Что ж, богатая летная биография. А я вот всю жизнь на Ан-2.

- А почему в большую авиацию не пошли?

---

[25] ВТА – военно-транспортная авиация.

Мы, пилоты большой авиации, считали неудачниками тех, кто так и остался на местных авиалиниях, в малой авиации, до седых волос. Переход с легкомоторных самолетов на тяжелые авиалайнеры – естественный профессиональный рост пилота. Если летчик всю жизнь пролетал на Ан-2, значит, что-то здесь не так, либо оказался не перспективным, либо с начальством заелся, либо просто хронически не везло.

Но Николай Иванович усмехнулся, и ответил:

- Не хотел.

- Как? – недоуменно спросил я, что заключалось в этой фразе: «Не хотел»? Нежелание учиться, осваивать новую технику, нежелание ломать привычную жизнь?

- Не люблю я большую авиацию, там за облаками земли не видно. Человек не для того в небо поднялся, чтоб в заоблачном пространстве витать, а чтобы с высоты землю-матушку видеть. Там, на девяти тысячах не ощущаешь той красоты, которая открывается тебе с тысячи метров. Там полета не чувствуешь. Конечно, большие высоты, скорости, трансконтинентальные перелеты – все это звучит заманчиво, но на деле – обычная будничная работа, в которой землю видишь только на взлете, и при посадке, а так, ничего особенного.

Ну взлетел, включил автопилот, и спи, пока по эшелону идешь, потом проснулся, снизился, опять-таки на автопилоте, он же тебя и на посадку заведет, на высоте принятия решения выключил автомат, добрал штурвал на себя, и спи дальше, вот тебе и все романтика большой авиации! А на Ан-2 автопилота нет, тут работать надо, и не только руками, но и головой! Да на авиалайнерах скоро и штурвала не будет, вот «аэробусы» все на автомате, нажал кнопку и лети, разве это самолет, без штурвала?

- Ну не все так просто в большой авиации. И головой там нужно работать не меньше чем на Ан-2, пилотировать тяжелую машину не так-то просто, исправить ошибку гораздо сложнее, да и цена ошибки может быть слишком велика. Зато, взлетел в Москве – сел во Владивостоке: «Широка страна моя родная»!

- Широту просторов нашей Родины, я и на Ан-2 успел ощутить. Летал на Севере.

- А где?

- Да везде: от Мурманска до Магадана. Бывал в полярных экспедициях, на самом полюсе несколько раз побывал. Даже один год в Антарктиде работал.

- Да, у Вас тоже летная биография не бедная!

Мнение о Николае Ивановиче менялось. Ан-2 как Ан-2, но неперспективных пилотов в полярные экспедиции не берут.

- В общем, мир успел повидать, но самолету не изменял.

- А жене? – брякнул я невпопад и тут же пожалел о своем ехидстве, заметив, как изменился в лице Николай Иванович.

- А вот, жениться как-то не пришлось, как в песне поется: «На земле не успели жениться, а на небе жены не найдешь».

- Опять-таки, преимущество большой авиации, там такие симпатичные стюардессы летают, женись и летай в семейном экипаже!

- Был у меня роман с одной стюардессой, даже собирались создать семью, она на международных авиалиниях летала, все звала меня в большую авиацию. Но я тогда по северам мотался, а север, это такая страна, к ней душой прикипаешь. Приглашал ее к себе, но куда? На Ан-2 стюардесс нет, а сидеть без работы в маленьком поселке, слушать, как вьюга воет, и ждать мужа из бесконечных командировок – не слишком-то радостная перспектива. Вот так и не сложилось. Долго переписывались, потом расстались. Встречал ее потом, чрез много лет, замуж так и не вышла. Ну а ты почему один?

- Был женат, да разошлись. Пришлось ей со мной по гарнизонам помотаться, пока дочка была маленькая, еще ничего, а подросла – учиться нужно, она все мечтала актрисой стать. А тут меня в Анголу направили, семьи не брали: война там была. Пришлось нам временно пожить отдельно, жена уехала с дочерью в Ленинград, к родителям, там дочка в театральный институт поступила. Думал, удастся перевестись в Питер, начальство обещало. Возможно, так бы оно и было, если бы не развал СССР. Когда уволился из армии, поехал к ней, думал: там работу найду, но потом мой отец тяжело заболел, а у нее родители тоже в возрасте, и тоже здоровьем не отличаются. Короче говоря, она осталась со своими родителями, а я уехал к своим. Через год отца похоронили: рак у него был.

Потом приехала сестра с мужем, муж ее был капитаном, в Азербайджане служил. После развала Союза, пришлось им все бросить к

чертовой матери и уехать оттуда. Так оставил я им родительскую квартиру, а сам решил летную работу искать, но, как видите, безуспешно. Жена к тому времени уже нашла себе кого-то, семь лет все-таки врозь живем.

Что-то защемило в душе, заныло. Неудержимая тоска разлилась по всему телу. Я вспомнил свою дочурку, маленькую, еще совсем маленькую, как брал ее на колени, как рассказывал ей сказку про Змея-Горыныча.

- Папа, а Змей-Горыныч бывает?

- Бывает, доченька, еще как бывает!

- А ты на Змее-Горыныче летал?

- Нет, не летал, а вот, дядя Вася летал.

Змеем-Горынычем мы называли самолет Ту-114, почему так его назвали, уже никто не помнит, возможно, за вой пропеллеров, расположенных по два на одной оси, хотя за характерный звук он получил еще и другое прозвище – «пилорама».

- Хочешь, я тебе его фотографию покажу?

- Кого, дяди Васи?

- Нет, Змея-Горыныча, самого настоящего. Я показал ей фотографию Ту-114.

- Красивый! И совсем, совсем не страшный!

Прервав воспоминания, я снова обратился к Николаю Ивановичу:

- А какие машины у Вас в отряде? Одни Ан-2?

- Нет, есть еще Як-12, Як-18Т, и даже Ли-2.

- Ли-2? Откуда? Ведь они давно уже свой срок отслужили!

- Да есть у нас один раритетный экземпляр. Именно с него наш отряд и начинался.

Авиаотряд особого назначения

Николай Иванович посмотрел на часы:

- Время у нас еще есть, расскажу тебе историю нашего отряда. Когда-то, на Севере летал у нас командиром Ли-2 Олег Лактионов. Потом получили новые машины, Ли-2 порезали на металлолом, а один

самолет поставили в качестве памятника у ворот аэропорта. Олег все ворчал, что рано, мол, Ли-2 списали. За границей «дугласы» до сих пор летают, а Ли-2 – его лицензионная копия, только с большим запасом прочности.

- Почему с большим запасом? – спросил я. – Ведь его по чертежам «дугласа» делали.

- Да, но когда переводили документацию из дюймовой системы в метрическую, все округляли в большую сторону. Следовательно, несущие элементы конструкции получились чуть больше, значит прочнее.

- Но и тяжелее.

- Машина тяжелее, а моторы слабее, чем у «дугласа». Но если поставить моторы, на которых летал Ил-14, то получится самолет лучше «дугласа» по всем показателям. Кстати, такой вариант был, но в серию не пошел. Вот Олег и бредил идеей восстановить Ли-2, но поставить более мощные движки.

- Слышал я, что еще в советские времена был восстановлен один Ли-2, и использовали его в качестве летающей лаборатории.

- Да, и Олег об этом знал. Потому понимал, что идею можно реализовать. Но никто из руководства не был в этом заинтересован. А когда начал Союз разваливаться, тот Ли-2, что у ворот аэропорта стоял, решили продать на металлолом. Тогда Олег и выкупил его. Не сам конечно. Был у него друг, инженер-нефтяник, Жора Комаров. Когда началась повальная приватизация, Жора оказался в правлении частной нефтяной компании. Олег уговорил его профинансировать восстановление Ли-2.

- Но, как я понимаю, никакой прибыли нефтяной компании это не дало.

- Прибыли никакой, одни расходы. Но реклама: «Нефтяная компания содействует восстановлению раритетной авиационной техники!». Компания называлась «Эир Оил», и занималась производством авиационных горюче-смазочных материалов. Так появился у нас Ли-2, который развивал скорость до 400 км/ч и имел потолок восемь с половиной тысяч метров. Но что с ним делать никто не знал.

А тут в Тулузе, на аэродроме Франказол, проходила выставка раритетной авиационной техники. Профинансировала участие в вы-

ставке все та же нефтяная компания. Я занимался организационными вопросами, и полетел в качестве штурмана на этом самом Ли-2.

- Ну и как? Произвел впечатление на выставке ваш Ли-2?

- Если сказать честно, то не особенно. Впечатление произвел, но раритетным не выглядел. Французы представили «латекоэр» времен Экзюпери, а одесский авиаремонтный завод по старым чертежам воссоздал самолет «анатра», который строили на этом заводе еще до первой мировой. Конечно, на их фоне наш Ли-2 выглядел вполне современно. Были и другие оригинальные экспонаты.

Выставка прошла интересно, а в конце всех ее участников пригласили на научную конференцию, посвященную малоизученным атмосферным явлениям и различным аномалиям, плоть до НЛО. Доклад делал профессор Ветлицкий, от французской академии наук. Сам он русский, потомок наших эмигрантов семнадцатого года. Разработал теорию, которая дает возможность прогнозировать некоторые малоизученные атмосферные явления. Помнишь, в 1980 году в Алма-Ате упал Ту-154?

- Кажется, обвинили экипаж, рано начали уборку закрылок?

- В том-то и дело, что экипаж оказался ни при чем. Закрылки убирали как и положено, и загрузка не превышала нормы, и погода была идеальной, а самолет, почему-то упал. На расследование приехал сам генеральный конструктор сто пятьдесят четвертого, Шенгард. Пытались все списать на человеческий фактор, но оказалось, что никаких отступлений от руководства по летной эксплуатации самолета не было. Потом специалисты ЦАГИ[26] определили – виноваты малоизученные атмосферные явления. На самолет обрушился мощный нисходящий поток. С подобными явлениями сталкивались неоднократно. Профессор Ветлицкий представил карту мест, в которых подобные явления наблюдались. И самое интересное, что она практически совпадала с картой аномальных зон профессора Мальцева. Именно в аномальных зонах, называемых «гиблыми местами», и происходят подобные явления.

- Но какое отношение могла иметь выставка раритетной авиатехники к этой конференции? Для чего вас туда пригласили?

---

[26] ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт СССР.

- Оказывается, пригласили неспроста. Надеялись, что среди энтузиастов авиации найдутся люди, согласные поддержать проект исследования аномальных зон. Для начала нужен был самолет, на который установят аппаратуру, регистрирующую подобные явления, и экипаж, согласный лететь к черту на рога.

- И как? Много было желающих?

- Как ни странно, но желающие участвовать в проекте нашлись. Но более всего для этих целей подходил наш Ли-2. Грузоподъемность, скорость и потолок вполне годились для подобных исследований. Прямо с выставки мы и отправились в первую экспедицию. Это был район Сахары, который обходили все воздушные трассы. Когда-то через этот район пролегал маршрут почтовых авиалиний времен Экзюпери. Многочисленные аварии и катастрофы тогда объясняли несовершенством техники. Но когда непонятные вещи стали происходить и с современными самолетами, этот район стали просто обходить.

Программу исследований разрабатывал профессор Ветлицкий, а руководил экспедицией Ефим Семенович Мальцев. Когда-то он работал с академиком Вейником, Альбертом Иозефовичем, под его руководством. Занимались исследованием аномальных явлений, были получены интересные результаты. Но неожиданно академик Вейник все исследования прекратил, объявив аномальные явления происками дьявола, ударился в религию, а после погиб при довольно странных обстоятельствах. Направляясь из дому в церковь в день своего рождения, он попал под автомобиль.

- Возможно, он вмешался в те области, к которым человеку доступ закрыт? И погиб по воле высших сил?

- Но ведь от исследований он отказался. Принял православие, крестился, для чего высшим силам лишать его жизни? Думаю тут другое. Видимо, он подобрался к тайнам, которые контролируют спецслужбы некоторых государств.

- Неопознанными летающими объектами интересовался наш КГБ. Однажды, когда летал еще на Су-11, видел нечто подобное, приблизился к объекту настолько, что различал даже заклепки на обшивке. Потом объект резко увеличил скорость и исчез. Доложил о том, что видел, а на земле меня уже ждал офицер госбезопасности. Попро-

сил подробно изложить в письменной форме все, что я видел, и взял с меня подписку о неразглашении.

- Когда академик погиб, уже произошел развал Союза, и госбезопасность больше не интересовали НЛО. КГБ здесь ни при чем, а вот ЦРУ могло приложить усилия к тому, чтобы прикрыть подобные исследования и заставить навсегда замолчать тех, кто приблизился к тайнам НЛО.

- Но ведь профессор Мальцев продолжил эти исследования?

- Его исследования имеют несколько иное направление. Это аномальные зоны, они не касаются НЛО. Профессор Мальцев организовал Международное сообщество исследования аномальных явлений. Центр его находится в Москве. После удачной экспедиции в Сахаре, был создан авиационный отряд особого назначения, который входит в это сообщество. Первым самолетом отряда и стал наш Ли-2. Аэродром базирования выбрали исходя из направлений дальнейших исследований. Есть у нас еще и Ан-30, но он в Москве находится, у него другие задачи.

- Почему же тогда на Ли-2 сюда не прилетели? Было бы спокойнее, чем на Ан-2 на пределе топать.

- Ли-2 сейчас далеко, в экспедиции. Остров ищет в океане.

- Что, разве есть еще неоткрытые острова?

- Похоже, что есть. Когда-то давно, еще в начале 50-х годов, когда начала бурно развиваться гражданская авиация, пилоты начали сообщать о каком-то острове в океане, которого нет на картах, причем, корабли, посещавшие этот район, никого острова не видели. Позже, когда появились реактивные самолеты, и полеты стали выполняться на больших высотах, сообщать об этом острове перестали. Может быть, об этом бы и вовсе забыли, но недавно один «боинг», по техническим причинам, не помню точно почему, вынужден был идти над этим районом на относительно малой высоте, то ли две, то ли три тысячи метров. Так вот, экипаж его не только увидел остров, но и сфотографировал, фотография, правда, получилась не очень качественной, из-за рваной облачности, но четко видно, что это кусочек суши. Научно-исследовательское судно, посланное специально в этот район, острова, который видели пилоты, не обнаружило. Не подтвердили наличие острова и фотографии со спутника. Никакого объясне-

ния этому явлению не нашли, летали в этот район самолеты американских ВВС, ходили, примерно, на тех же высотах, но острова не видели. Можно, конечно, было списать все на галлюцинации, но фотография все же была.

- Так, что же это за остров? Чертовщина какая-то!

- Долго не было, ни то что бы ответа на этот вопрос, но маломальски разумной гипотезы. Но потом гипотеза появилась. Академик Вейник создал новую теорию, которую изложил в своей работе «Термодинамика реальных процессов». Он утверждает, что в мире существует пространственное вещество, называемое метрическим и временное, называемое хрональным. Пустоты, как таковой, не существует нигде, даже в космосе, все заполнено метрическим и хрональным веществом. Объект, в составе которого метрического вещества нет, присутствует одновременно во всех точках пространства. А при отсутствии хронального вещества, он находится одновременно, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Все это не оставляет камня на камне от теории относительности Эйнштейна.

Так вот, если накрыть некоторый объект «колпаком», не содержащим метрического вещества, то он перестанет существовать для нашего мира, хотя внутри этого «колпака» будет такой же мир, как и наш. Профессор Мальцев, ученик академика Вейника, обосновал возможность формирования такого «колпака». Он предположил, что метрическое вещество может находиться в турбулентном состоянии, эта турбулентность изолирует окруженный ею объект от внешнего мира. Возможно, на определенной высоте существует разрыв турбулентности, образующий вход в параллельный мир. У многих народов существуют древние предания о вратах, ведущих в иные миры. Сейчас Ли-2 сканирует по высотам предполагаемый район от 1000 до 8000 метров, производя измерения геомагнитных полей и аэрофотосъемку. К сожалению, профессор Мальцев не смог в этом участвовать, год назад он ушел с экспедицией и пропал.

Я был слегка ошарашен рассказом Николая Ивановича, то, с чем мне придется столкнуться, представлялось гораздо страшнее, чем полеты по неподготовленным маршрутам, предстояло прикоснуться к тайнам мироздания. Читать об этом в научно-популярной и фантастической литературе – это одно, а лезть к черту на рога, не зная, смо-

жешь ли вернуться обратно в наш мир, – это уже совсем другое. Даже отчаянные храбрецы панически боялись общения с нечистой силой. Мы, воспитанные в духе материализма, считали, что никакой нечистой силы не существует, И вот на тебе! Оказывается, и параллельные миры существуют, и что там твориться, никому не ведомо, все это интересно, но чтоб самому лезть туда? Ну, влетишь ты на самолете в эти «врата», а обратно?

Я вспомнил город, из которого не было выхода, город призраков, мне стало жутко, что-то сжалось в душе, защемило. Вспомнилась катастрофа, и та женщина, в красном, что смотрела на меня из мрака темной осенней ночи.

- А стоит ли вообще туда лезть? – я посмотрел на Николая Ивановича тревожным взглядом. Он сидел как ни в чем не бывало, как будто все это касалось чего-то далекого и отвлеченного.

- Вообще то, – сказал он, – сам академик считал, что не стоит. Как я уже говорил, исследования прекратил, и утверждал, что духи, являющиеся к нам из параллельных миров, нечистые, общаясь с ними можно и душу загубить.

- Тогда зачем же этим заниматься, других, что ли, дел мало?

- Это все любопытство человеческое! Ребенок ломает любимую игрушку, чтоб посмотреть, а что там внутри? Его детский ум еще не может познать содержимое игрушки, постичь принцип действия, но игрушка уже сломана и восстановлению не подлежит, ему покупают новую, но он ломает и эту, потом родители дают ему по рукам, и говорят: «Нельзя!». Ребенок плачет, прячется от родителей, но упорно продолжает ломать игрушки. Так уж устроен человек, и ничего поделать с этим невозможно. Дойдя до края, он всегда пытается за него заглянуть, даже если это грозит падением.

- Так что же, будем ждать, пока нам дадут по рукам и скажут: «Нельзя»?

- Так ведь не раз уже давали! Не помогает. Но если бы не это свойство любопытства, присущее человечеству, то не летали бы мы с тобой сейчас на самолетах, а в лучшем случае, ездили бы на телеге.

Я представил себе такую картину:

Вот я, в авиационной форме, лихо сдвинув набекрень фуражку с эмблемой гражданской авиации, сижу на облучке, придерживая во-

жжи. «Режим взлетный, кнут держать!» И бортинженер, замахиваясь кнутом над спинами лошадей, кричит в ответ: «Режим взлетный, параметры в норме, кнут держу!» Кнут со свистом сделал петлю, и тройка гнедых лошадей рванула, как три движка «сто пятьдесят четвертого» на взлете, оглашая пространство храпом и топотом копыт, и штурман, у меня за спиной, на полу, на не струганных досках телеги, подпрыгивая и клацая зубами на каждом ухабе, стараясь перекричать конский топот и храп, бодро докладывает: «Скорость растет!». И понеслась тройка по пыльной, ухабистой дороге, как лайнер по взлетной полосе.

Картина пронеслась перед глазами, вызвав улыбку.

- Чему улыбаешься? – спросил Николай Иванович.

- Да, вот представил себя на облучке с кнутом в роли кучера.

- Что, даже смешно стало? А ведь это более естественно для человека, чем управлять огнедышащим драконом. Не дал Бог человеку крылья. А человек хотел летать. Вот привязал к себе два самодельных крыла, прыгнул с колокольни, и разбился. Так и бились, пока не взлетели, да и сейчас бьются, но все равно летают.

Доводы Николая Ивановича несколько убедили меня, но отнюдь не успокоили. Нужно, наверное, рассказать о себе все то, что я никогда ни кому не рассказывал, в своих попытках найти летную работу. И я решил.

- Дело в том, – начал я, не зная как приступить к рассказу. – Произошел со мной один случай, который, возможно, кому-то покажется бредом сумасшедшего, а поскольку Вы имеете дело с эээ … не совсем нормальными явлениями, то есть шанс, что Вы меня хотя бы выслушаете.

Так вот, однажды пришлось мне вывозить семьи военнослужащих из наших бывших территорий, о том, как уходили, что пришлось пережить, говорить не буду. Аэродром был в горах, в долине взлетная полоса заканчивается озером, взлет-посадка только в одном направлении, низкая облачность, дождь. На взлете загорается двигатель, обратным курсом не сядешь, со стороны озера никаких радиосредств, пришлось заходить по кругу, потушить пожар не удалось, времени на заход не хватило. Отвалилась плоскость вместе с движками на четвертом развороте. Из всего экипажа и пассажиров, я один чудом уцелел.

Комиссия признала мои действия правильными. Моделировали потом ситуацию на тренажерах, никто справиться не смог. Но чувство вины не давало мне покоя, я видел во сне всех погибших, я разговаривал с ними, чувствовал, что схожу с ума. Так я оказался в сумасшедшем доме, хотя он назывался клиникой психологической реабилитации. Интересно то, что выхода из города не было. Куда бы ни пошел, всегда возвращаешься туда, откуда вышел.

Я рассказал Николаю Ивановичу все о своем пребывании к клинике доктора Вагнера, о попытках найти выход, и о странном полете, в котором мне удалось посадить горящий самолет, и том, что дело, заведенное на меня, приостановлено, но не закрыто.

- Интересно, очень интересно, – ответил Николай Иванович. – Похоже, не только академик Вейник знал о наличии пространственного вещества, и кому-то он мешал, очень мешал.

- Значит, та возможность пространственной аномалии, которая скрывала город от внешнего мира, была обоснована академиком Вейником? Но кто-то независимо от него изобрел средства управления подобными аномалиями?

- Вот именно. Теория академика Вейника обнажила то, что долгое время держалось в секрете. Жаль, что наши спецслужбы не уделили должного внимания его работам, если бы эти исследования вовремя засекретили, возможно, он сегодня был бы жив.

- Значит, доктор Вагнер и здесь идет на шаг впереди, и я у него на крючке.

- Не переживай, Сергей Николаевич, следствие по твоему делу – просто блеф. Все это хорошо разыгранный спектакль, иначе тебя бы никто не допустил к полету без заключения медкомиссии и соответствующей подготовки.

Я внутренне содрогнулся. Он назвал меня по имени отчеству! А ведь мы не представлялись друг другу, и никто нас не представлял! Откуда знает он мое имя? Он мог, конечно, видеть документы у Александра Петровича, но я же оставил их после того, как Николай Иванович ушел! Кто он, этот свалившийся на мою голову авантюрист? Может сам сатана, скупающий души, «нечто» из параллельного мира, о чем предупреждал академик Вейник? Мне стало жутко и холодно, холодно не смотря на то, что за окнами стояла июльская жара. Захоте-

лось прочесть какую-нибудь молитву, перекреститься, но ни одной молитвы я вспомнить не мог, руки не шевелились. Николай Иванович, видимо заметив мое состояние, тихо усмехнулся и сказал:

- Я к Петровичу после тебя еще раз заходил, видел твои документы, сказал ему, что беру тебя. И вот же гнусность натуры человеческой! Не собирался тебя Петрович брать, совсем не собирался, а как сказал я, что к себе тебя приглашу, так он тут же вспомнил, что у него второй пилот с Ту-134 через месяц уходить собирается, и о тебе подумал, «возьму, – говорит, – этого пилота, больно уж настырный, думаю, хорошо будет летать»! Так что, выбор у тебя есть: либо со мной на Ан-2 и к черту на рога, либо вторым на «сто тридцать четвертый», на международные линии. Девочки-стюардессы, красавицы, кофе на эшелоне, рюмочка коньку после полета. Ну как? Только про дурдом Петровичу не рассказывай, материалист он жуткий, в чертовщину не верит.

И тут я понял, что решение я уже принял, принял сразу, и ни на какой Ту-134-й вторым пилотом я уже не пойду, да где гарантия, что через месяц Петрович не передумает?

- Я с Вами.

- Ну тогда собирайся, пошли.

- Николай Иванович, – спросил я, – вот Вы сказали, что Александр Петрович «материалист жуткий», это в каком смысле?

- Да во всех. В том смысле, что материальные блага в его жизни занимают далеко не последнее место. Петрович еще тот жук! Своего не упустит, но, правда, на чужое не зарится, но если это чужое пока ничье, то считай, что уже его. Хотя слово держит, если что сказал, то уж сделает обязательно, за это его ребята и уважают. Мы с ним еще на Севере на Ан-2 начинали, хороший летчик был, потом ушел в большую авиацию карьеру делать, а вот теперь свою авиакомпанию организовал, и неплохо, надо сказать, у него получается. И еще в том смысле, что ни в Бога ни в черта не верит. Когда-то ребята, еще на Ту-104, НЛО видели. Летел такой себе объект прямо по курсу самолета, и высвечивал крест, потом исчез. Так Петрович сказал им, что пить меньше надо, с похмелья, мол, и не то еще покажется.

- А Вы сами верите в Бога?

- Да как тебе сказать. Все мы воспитывались в духе атеизма, сейчас многие в религию ударились, но больше как дань моде, а не по велению души. Я это не приветствую, но при нашей работе, когда постоянно сталкиваешься с чертовщиной, то поневоле в потусторонние силы поверишь. К христианству я отношусь скептически, все эти попы напоминают мне наших политработников, говорят одно, а делают другое. Говорят о высоких материях, о душе, а денежку берут, чтоб над покойником кадилом помахать, и не гнушаются, даже если деньги эти ворованные. Когда олигарх на краденые деньги церковь строит – это они приветствуют. Готовы и бандиту «многие лета» петь, лишь бы деньги платили. Да ну их! Мне, так, больше язычество по душе, все-таки вера наших предков. Христос, как я понимаю, от авиации был далек, а вот у язычников есть Сварог – Бог неба, а значит наш Бог, авиационный! Да и Перуна неплохо попросить, чтоб грозы маршрут стороной обошли.

Полет в никуда

Мы вышли из кафе и направились через летное поле к Ан-2, стоявшему на дальней стоянке, за ангарами. Я смотрел на аэродромные строения, самолеты на стоянках, видел движение тягачей, заправщиков, подъезжающих к самолетам трапов. Знакомые, давно забытые запахи и звуки охватили меня. Я чувствовал себя вновь причастным к чему-то большому, значимому, столь необходимому измученной душе, к той жизни, которая, казалось, давно была в прошлом.

Недалеко от нас выруливал на старт Ту-154-й, и горячий воздух от двигателей размывал отдаленный пейзаж. Казалось, что и лес, и поле, и выгоревшая трава – нарисованы на тонкой прозрачной ткани, которая развевалась на ветру, трепетала, плыла.

Мы подошли к самолету. Это был Ан-2 в поблекшей аэрофлотовской раскраске. Сейчас развелось огромное множество авиакомпаний, и каждая красит самолеты в свои цвета. Часто эти раскраски смотрятся весьма грубо и аляповато, мне же всегда нравились простые строгие линии аэрофлота, они подчеркивали красоту машины, а не уродовали ее, но, впрочем, говорят, что о вкусах не спорят.

Николай Иванович поздоровался с техником. Они поговорили о том о сем, вспомнили общих знакомых, кому-то техник передавал привет – создавалось впечатление, что Николай Иванович здесь знает всех.

- Ну проходи, – сказал он мне, открывая дверь.

Я уже было занес ногу на стремянку, но вдруг спохватился:

- Ой! Нужно мне к Александру Петровичу зайти, у него же моя летная книжка осталась!

Николай Иванович рассмеялся:

- Да вот она, твоя летная книжка, у меня, я тебя уже и в полетный лист вписал, а иначе как бы тебя через проходную на летное поле пустили?

- А если бы я не согласился? – изумленно ответил я.

- Но ведь согласился же!

Возразить было нечего, и я вошел в самолет. Фюзеляж внутри был выкрашен голубой краской, вдоль бортов стояли приставные сидения. Это был транспортный вариант Ан-2. Я прошел в пилотскую кабину, нацеливаясь в правое кресло.

- Э нет! – сказал Николай Иванович. – Садись туда, – он показал рукой на левое кресло, – сам будешь пилотировать, а я пока за штурмана поработаю. Не разучился еще на Ан-2 летать?

- Надеюсь, что нет.

- Ну тогда запускай движок, помнишь как?

Мотор Ан-2 запускается весьма оригинальным способом, стартер вначале раскручивает маховик, и только потом, после подсоединения маховика к двигателю, за счет его инерции, раскручивается сам мотор. Если же мощности аккумулятора не хватает для раскрутки маховика, в самолете имеется ручка, как у полуторки, да впрочем, Ан-2 и есть полуторка, он поднимает в воздух полторы тонны груза.

«От винта!» – подал я давно забытую команду. «Есть от винта!» – ответил техник и отошел в сторону так, чтоб я мог его видеть. Маховик начал вращение, низкий гул становился все выше и выше. Я включил сцепление маховика с двигателем, звук сразу же сделался низким, тяжелым. Движок, несколько раз чихнув, выплюнул синее облачко дыма и уверенно заработал на малых оборотах. Руки сами включали нужные автоматы защиты сети (АЗС) в нужной последова-

тельности. Казалось, я уже давно забыл Ан-2, но руки помнили и делали все сами, автоматически. Николай Иванович настроил радиооборудование, связался с диспетчером руления и запросил разрешение занять предварительный старт[27].

- Режимы, скорости помнишь? – спросил он.

- Помню, – ответил я.

- Ну тогда выруливай на предварительный.

- Надо бы движок прогреть.

- Давай выруливай, пока рулить будем, прогреется, нечего горючее зря жечь.

Я увеличил газ, и самолет плавно тронулся с места. Действуя педалями и тормозами, я вывел Ан-2 на нужную рулежную дорожку. Когда мы выбрались на взлетную полосу и заняли исполнительный старт, двигатель, действительно, успел прогреться до нужной температуры.

- Ну взлетай, – сказал Николай Иванович.

Мотор взревел, предупреждая всех о серьезности своих намерений, полный готовности разогнать машину, и унести ее от грешной земли в родную стихию. Я отпустил тормоза, и самолет начал разбег. Вскоре шум колес на стыках бетонных плит прекратился, остались только гул двигателя и винта, да свист ветра в подкосах и расчалках крыльев, самолет прочно лег всеми четырьмя плоскостями на тугой поток воздуха и поплыл над землей, поднимаясь все выше и выше во владения древнего славянского Бога, Сварога, которому доверили мы свою судьбу.

- Набирай 500 метров и бери курс 210, – сказал Николай Иванович.

Я молча кивнул. Набрав высоту, я установил режим работы двигателя, соответствующий максимальной дальности полета. Вот уплыл под крыло берег, покрытый зеленью прибрежных дач, скрылись стоящие на рейде суда, и впереди, по курсу, расстилалась необъятная ширь океана, ни одного ориентира, только водная синь, до боли режущая глаза в лучах полуденного солнца.

---

[27] Предварительный старт – Положение самолет перед взлетно-посадочной полосой.

Настроение было приподнятое, я снова сидел в кабине самолета, снова держал в руках штурвал, я снова жил той жизнью, с которой, казалось, навсегда уже придется расстаться. Еще час назад я хотел напиться от отчаянья и навсегда забыть о летной работе, еще совсем недавно я с робкой надеждой смотрел в глаза тем, от которых зависело решение безответного гамлетовского вопроса: «Быть или не быть?». И вот, вопрос решен. Быть! И я снова был тем, кем и раньше, и жизнь моя снова зависит от метеоданных, высоты и скорости полета, остатка топлива и много другого, которое отличает тех, кто ходит по земле от тех, кто избрал своим уделом воздушную стихию.

Николай Иванович настаивал радиокомпас на частоты приводных радиостанций и радиомаяков, уточнял курс и давал мне соответствующие поправки. Стрелка индикатора уровня радиосигнала постепенно клонилась к нулю, сейчас она замрет на нулевой отметке, и все, мы останемся одни, одни над океаном, без средств радионавигации, и никто уже не сможет придти на помощь, если случиться беда. Кода указатель топлива достиг середины шкалы, я про себя отметил, что мы прошли точку возврата, и вернуться назад уже не сможем, что бы ни случилось. Оставалось только одно – найти остров в океане и благополучно приземлиться.

При любых полетах, на любых типах летательных аппаратов необходим навигационный запас горючего, позволяющий принимать решение об изменении маршрута при непредвиденных обстоятельствах, либо для восстановления ориентировки, в случае ее потери. У нас этого запаса не было. В нормальных условиях никто бы никогда не выпустил самолет без навигационного запаса, но теперь о «нормальных» условиях придется забыть навсегда, ввязавшись в эту немыслимую авантюру. Чем ближе к нулю клонилась стрелка топливомера, тем более мрачные мысли лезли в голову.

Вспомнился последний полет Амелии Эрхарт, которая тоже искала остров в океане, – искала, но не нашла. Поиски пропавшего самолета не дали никаких результатов, до сих пор о последних минутах жизни Амелии и ее штурмана никто ничего не знает, и не узнает уже никогда. Да мало ли было таких полетов – полетов «в никуда», которые не закончились посадкой? Руал Амундсен на своем «Латаме», Ле-

ваневский на ДБ-А, – всех их искали. Искали, но не нашли, а нас, если что, и искать никто не будет.

Николай Иванович сидел с полузакрытыми глазами, и казалось, дремал. «Ну вот, – подумал я, – сейчас этот «Сусанин» заснет, и никто уже не поможет, даже интуиция не спасет, моя интуиция, похоже, молчит, а его – просто дремлет, а других средств навигации, кроме интуиции, у нас нет».

Тут Николай Иванович открыл один глаз, посмотрел на приборы и сказал:

- Доверни пять градусов левее.

Я выполнил указание и уставился на него полным недоумения взглядом. «Ему что, дух Ивана Сусанина сквозь сон курс указывает?»

- Ветер усилился, – ответил он на мой вопрошающий взгляд, – вон на волнах барашки появились, да не сплю я, я вниз, на волны смотрю.

- А почему пять, а не два или семь? – удивился я.

- Ну это с опытом приходит, тебе ведь не доводилось еще определять скорость и направление ветра по земным ориентирам, в большой авиации это ни к чему, а здесь полетаешь – научишься.

Время шло, горючее было на исходе, а острова все не было видно. Вот сейчас загорится красная лампочка остатка топлива, потом мотор, выработав последние литры горючего, умолкнет навсегда, и все. Посадка на воду на самолете, явно для этого не приспособленном, – и на дно к рыбам. И никто уже не принесет на могилку цветы, не выпьет рюмочку, поминая заблудшие души, потому что не будет наших могил на этой земле, только волны сомкнутся над фюзеляжем, и наступит вечная тьма. «И зачем только я ввязался в это авантюру? Пожалуй, лучше было бы ездить на телеге». Передо мной возникла картина:

Хмурая бескрайняя степь, надвигаются сумерки, моросит мелкий холодный дождь. Голодные, изможденные лошади по колена в грязи уже не в силах тащить по бездорожью отяжелевшую от налипшей грязи телегу. Бортинженер, орудуя кнутом, и кроя матом ни в чем не повинных животных, пытается заставить их сдвинутся с места. Штурман, чьим основным методом ориентировки является опрос местных жителей, по причине полного отсутствия таковых, ничего вра-

зумительного сказать не может. Не видно ни огня, ни жилья, и негде укрыться от холодного, моросящего дождя. Промозглая сырость пробирает до костей, проникает в душу, наполняя ее холодом и унынием. Темнеет.

«Нет, – подумал я, – хоть на самолете, хоть не телеге, потеря ориентировки ни к чему хорошему не приводит».

Вот мигнула лампочка остатка топлива левого бака, затем правого, мигнула и погасла, потом снова мигнула. Бензин кончается, а острова все не видно. «Все. Прилетели к черту на рога», – подумал я и сказал:

- А в океане небось акулы голодные!

- Да нет там никаких акул, – ответил Николай Иванович, – но все равно, в случае посадки на воду, из самолета выбраться не успеем.

«Вот спасибо, успокоил, а я уж думал: акулы съедят, оказывается, нет, целехонькими лежать под водой будем, пока крабы в кабину не заберутся!». Но Николай Иванович связался по радио с островом и доложил, что мы на подходе и будем садиться через двадцать минут. «Ну да, через двадцать минут у нас горючее кончится, и куда это мы, интересно, сядем?» Я хотел уже было съехидничать, что, мол, остров ваш тоже, видимо, накрыт колпаком из турбулентности метрического вещества, как заметил впереди, слева по курсу, легкое облачко. Облака в открытом океане образуются над островами, вследствие различного нагрева воды и суши.

Я довернул самолет в сторону облака, и Николай Иванович сказал:

- Вот-вот, так и держи. Сейчас и остров покажется.

Когда моряки после долгих скитаний в океане вдруг увидели землю, когда радостные крики: «Земля!» разнеслись по палубе истрепанного ветрами парусника, когда люди плакали от счастья при виде жалкого клочка суши посреди бескрайних водных пространств, они, наверное, не испытывали тех чувств, которые испытал я, увидев этот маленький остров. Еще бы, ведь у них просто кончалась еда, у нас же кончалось горючее. Если есть Бог на свете, как бы он не назывался: Сварог, Христос, Аллах или Будда, – пилотам он жизнь отмеряет не годами, часами и минутами, а литрами оставшегося топлива и метрами высоты.

Ты можешь быть богат, красив, сыт, любим, твоего здоровья может хватить еще лет на сто, но не это определяет срок твоей жизни. Сколько тебе осталось жить, показывает маленькая стрелочка прибора, вот сейчас она замкнет на нуле свой путь, и жизнь твоя оборвется, если до этого ты не сможешь найти свой аэродром.

Когда остров, словно материализовавшись из некой туманности, обрел реальные черты, обе лампочки остатка топлива левого и правого бака уже устойчиво горели тревожным красным цветом.

- Разворачивай вправо под девяносто, – сказал Николай Иванович, – на траверзе долины влево, на посадочный курс 140, и начинай снижаться.

Из глубины океана поднимались две горы, образуя остров. Посадочная полоса находилась где-то в долине между горами. Когда Николай Иванович перевел рычаг управления винтом[28] вперед и выпустил закрылки, я понял – мы находимся на посадочном курсе, но ничего, хоть отдаленно напоминавшее посадочную полосу, я не увидел. Передо мной была долина, центр которой рассекал надвое небольшой, извилистый овраг. Капот самолета был нацелен прямо на этот овраг. «И куда же мы будем садиться?» – подумал я и услышал ответ:

- Тут заход хитрый, полоса находится правее, за скалой, как пройдешь скалу, доворачивай вправо, увидишь полосу, и тогда влево, и мы на посадочном. Немного неудобный заход, но ничего, привыкнешь.

«Привыкну», – подумал я, как говорил мой бывший начальник: «Человек и к каторге привыкает». Позже Николай Иванович объяснил мне, почему именно так была оборудована взлетно-посадочная полоса. Когда в горах шли дожди или сходили весной снега, в центре долины образовывался бурный поток, который и вымыл этот овраг, поэтому центр долины был непригоден для взлета и посадки. Перенос полосы вправо вызывал, конечно, некоторое неудобство при заходе, но зато надежно защищал полосу от ветра.

---

[28] Винт перед посадкой переводится на «малый шаг», чтобы при необходимости ухода на второй круг двигатель мог набрать максимальную мощность.

Скала справа от самолета проплывала у самой консоли крыла, и машина, казалось, вот-вот зацепится за нее. Не дай Бог заходить здесь с боковым ветром, да еще с порывами, но боковых ветров здесь не бывает. Долина между горами образовывала некую аэродинамическую трубу, и куда бы ни дул ветер, попадая в долину, становился либо встречным, либо попутным, когда ветер менял направление, соответственно, меняли и старт.

Полоса открылась внезапно, будто отодвинули занавес, и перед глазами возник пейзаж аэродрома со своими строениями, стоянками, небольшим городком и, конечно же, взлетно-посадочной полосой. Полоса была грунтовой, и обозначалась полотнищами и флажками, да следами колес самолетов на выгоревшей траве.

Николай Иванович выпустил закрылки на 30 градусов. Посадил я самолет аккуратно, притер на три точки, будто и не было у меня длительного перерыва в полетах на Ан-2. Когда мы зарулили на стоянку и выключили двигатель, я понял вдруг, как устал, нервное напряжение от полета на пределе остатка топлива вконец вымотало меня.

Ветераны отряда

- Интересно, сколько бензина осталось, зажигалку заправить хватит? – спросил я, вспомнив, что во время войны иногда возвращались с задания так, что бензина в баке едва хватало на зажигалку.

- Хватит, и не только на зажигалку, еще и Як-12 заправить можно!

Я недоуменно смотрел на Николая Ивановича – он тихо смеялся.

- У нас в фюзеляже два дополнительных бака от Як-18Т, по 90 литров каждый!

- Так это же более часа полета!!!

- А ты что думал, мы без навигационного запаса горючего летели? Или я, по-твоему, на сумасшедшего похож? Да Петрович нас бы ни в жизнь не выпустил!

- Так что же Вы тогда!.. Так какого же!.. – больше слов у меня не было.

- Да, это я твою нервную систему испытывал, а ты молодец, хорошо держался!

Теперь я понял, почему так спокоен был Николай Иванович, если бы мы и прошли мимо этого клочка суши, то непременно уткнулись бы в берег, где по береговой линии могли бы восстановить ориентировку и вернуться на остров.

- Ты не обижайся, Сергей Николаевич, но предстоят еще полеты на пределе. Если запаниковал, растерялся – пропал. А сохранил спокойствие – сможешь найти выход. Так что, считай, первый экзамен на должность пилота отряда особого назначения ты выдержал. Идем, познакомишься с личным составом.

Мы вышли из самолета. Выгоревшая, примятая колесами шасси трава, три зачехленных Ан-2, два Як-12, один Як-18Т, несколько низких аэродромных строений – вот и весь пейзаж полевого аэродрома.

- А у вас что, все самолеты с дополнительным запасом топлива? – спросил я.

- Нет, не все. Мысль о дополнительных баках возникла, когда потребовалось в отдаленные места экспедиции доставлять. Такие работы обычно выполнял Ли-2, но он единственный. Наш инженер, Рудольф Иванович, предложил установить в фюзеляже баки от Як-18Т. Вначале перекачивали горючее из дополнительных баков в основные прямо в полете, с помощью электронасосов, но потом он разработал автоматическое устройство, которое включало подачу топлива из дополнительных баков, как только срабатывали датчики остатка топлива в основных. Возможно и ручное переключение, и перекачка топлива в основные баки.

- Рудольф Иванович? Немецкое имя, русское отчество? Что-то мне это напоминает. Кто он?

- Вообще-то он немец, но из русских немцев, что поселились в России с незапамятных времен. Настоящее отчество его – Иоганнович, но мы его на русский манер Ивановичем зовем, фамилия – Шмидт, но все называют его Дизелем, настоящей фамилии никто уже и не помнит. Дизелем прозвали его потому, что изобретателя попу-

лярного двигателя также звали Рудольфом, да и внешность у него соответствующая. А вот он и сам, вон, к нам направляется.

К самолету шел высокий, мощный мужик. Почти квадратная голова, словно вырубленная из гранита, с массивным подбородком крепко сидела на широких плечах.

- Здравствуйте, Николай Иванович! Как полет? Как машина? – прогудел он низким густым басом, так что более подходящего прозвища, чем Дизель, подобрать было трудно.

- Все нормально, Рудольф Иванович, вот, знакомься. Новый пилот нашего отряда.

Мы обменялись рукопожатиями, и моя рука утонула в огромном мощном кулаке инженера. Но у него не было глупой привычки неандертальца сжимать до хруста протянутую ему руку, рукопожатие его было мягким и спокойным.

- Мы с Рудольфом еще с Арктики знакомы, – сказал Николай Иванович. – Потом он помогал Олегу Ли-2 восстанавливать, и на выставку во Францию с нами полетел бортинженером.

К нашей стоянке не торопясь двигался человек неопределенного возраста, по поводу которого можно было с уверенностью сказать лишь то, что ему было, несомненно, больше шестидесяти, и вероятно, меньше ста лет. Он шел твердой, уверенной походкой, остановившись, он поздоровался со всеми за руку, первым протягивая руку всем, в том числе и Николаю Ивановичу. По всему чувствовалось, что он пользуется особым уважением и влиянием в отряде. Я принял его за начальника, старшего Николая Ивановича по должности. Но каково же было мое удивление, когда Николай Иванович сказал:

- Вот, знакомься – наш аэродромный сторож, Василий Петрович.

Хотя охранять аэродром было не от кого, на острове не существовало никаких других поселений, работу он себе находил. По вечерам опечатывал стоянки, следил за порядком, помогал техникам в обслуживании самолетов, при этом иногда, давал очень дельные советы, из чего следовало, что в авиации он был человеком не случайным.

Кем он был раньше и откуда взялся, никто толком не знал, рассказывать о себе Василий Петрович не любил. Без него трудно было представить себе наш авиаотряд, за советом к нему обращались все: и

пилоты, и техники. Создавалось впечатление, что нет ничего такого, касающегося авиации, чего он бы не знал. За глаза его назвали «профессором». Его уважали и даже слегка побаивались, прежде чем что-либо сделать думали: «А как на это Петрович посмотрит?». Он никогда не повышал голос, от него не слышали ругани, но осуждающего взгляда или замечания, сказанного тихо, но твердо, было достаточно.

Поселили меня в одном домике с Жан Полем. Домиком наше жилище можно было назвать лишь относительно: он представлял собой деревянный ящик от фюзеляжа Ан-2, в котором были проделаны окна и дверь. Для меня это было не в новинку, на полевых аэродромах часто применяются такие ящики для подсобных помещений.

- Ну вот, – сказал Николай Иванович, представляя нас друг другу. Это Жан Поль Бенуа, настоящий француз, ветеран нашего отряда. Бросил свой Париж, и отправился с нами к черту на рога. Знакомьтесь, обживайтесь, а я пошел.

Николай Иванович ушел, и мы остались вдвоем.

- Скажите, Жан, – спросил я, – а Вы и в самом деле француз? Вы из Парижа? Вы безупречно говорите по-русски!

- Дело в том, что француз я только наполовину. Мой отец воевал в России, в эскадрильи «Нормандия», там женился на русской, и вернулся во Францию. У нас в семье говорили на двух языках: на французском и русском. Да и в Париже я был-то всего два раза, родился и вырос в Тулузе. Отец после войны пробрел авиаремонтные мастерские. Но занимался не только ремонтом, сам строил легкую авиатехнику. Получился небольшой авиазавод. Я окончил летное училище, и работал у отца на заводе, испытателем.

- И что производит Ваш завод?

- Планера, дельтапланы, легкомоторные самолеты.

- А как Вы попали сюда, если не секрет?

- У меня предложение: давай на «ты». Мне так проще, думаю тебе тоже.

- Возражений нет. Так, как же ты сюда попал?

- Все началось с Экзюпери, точнее с самолета его времени. Отец купил еще одну мастерскую, и начал ее переоборудовать. Когда очищали ангары от всякого хлама, я увидел старый самолет «Латекоэр-28», вернее то, что от него осталось. Представляешь, может быть, сам

Экзюпери на нем летал?! Возникла мысль отреставрировать его, и попробовать в воздухе.

- Так это ты представил на выставку «латекоэр» о котором мне Николай Иванович говорил?

- Ну да. Мы с отцом его отремонтировали и представили на выставку. Восстановить его было не так-то просто. Нужны были чертежи. Пока их искали, перезнакомились со многими людьми, фанатами раритетной авиатехники. Тогда и возникла идея организовать выставку. Сперва просили выделить салон раритетной техники на выставке в Париже, в Ля Бурже. Но желающих представить свои экспонаты со всего мира набралось так много! Разместиться в Ля Бурже было не реально. Отец предложил организовать выставку в Тулузе, на аэродроме Франказол. Идею поддержали, и выставка состоялась. Там я и познакомился с Николаем Ивановичем. Но никогда не думал, что придется вместе летать.

После того как мой «латекоэр» поднялся в воздух, возникла вторая бредовая идея. Я решил повторить полет по маршруту, описанному в романе Экзюпери «Южный почтовый». Отец был против. Да и вообще, немногие одобрили эту идею. Но нашлись и энтузиасты, достали старые полетные карты, уточнили маршрут. Об этом полете писали все газеты, меня воспринимали, чуть ли ни как героя. Но какой к черту героизм! Всего-навсего повторить то, что когда-то делали другие. И героями они себя не считали, ведь это была их работа! Но полет был непростой, очень непростой!

Чего только стоило перелететь Пиренеи. На «латекоэре» набрать три тысячи – это что-то значит! Мотор греется, не тянет. Пришлось три площадки[29] делать, пока на высоту забрался. Облака старался обходить, но когда попадешь в облако – приятного мало. Авиагоризонта[30] нет, только указатель поворота и скольжения[31]. Опреде-

---

[29] Площадка – переход в горизонтальный полет при наборе высоты или снижении, в частности, для приведения к норме температурных параметров.

[30] Авиагоризонт – прибор, показывающий положение самолета в пространстве.

лить положение машины в пространстве не так-то просто. Средств радионавигации в те времена вообще не было. Только компас, карта и глаза. Иногда казалось – вообще непонятно, куда лечу. Когда уже увидел отроги Иберийских гор, стало на душе спокойнее. Снизился, легче дышать стало, а там и береговая линия Средиземного моря видна.

Когда в Аликанте приземлился, уже пожалел, что ввязался в эту авантюру. Но, представляешь, какими были те пилоты начала эры авиации! То, что для меня казалось авантюрой, для них было работой! Каждый раз по этому маршруту, через горы, сквозь облака, в болтанку, и летом и зимой!

А теперь что? В белой рубашечке, в теплой кабине «аэробуса», с полным комплектом радионавигации, с автопилотом – разве это полет? Да, мельчают люди. Сейчас от Тулузы до Аликанте слетать, что в булочную за хлебом сходить, а когда-то… И никто не знает, сколько разбитых машин на этом маршруте, сколько могил.

- Другое время, другая авиация, другая работа.

- Нет. Время другое, авиация другая. А работа все та же – настоящая работа для смелых мужчин. Здесь ты это почувствуешь. Придется летать там, где еще никто никогда не летал. На наших маршрутах нет радиомаяков, иногда и карт толковых нет. Конечно, на рожон никто не лезет, пытаемся предусмотреть все, что только возможно. Но что можно предвидеть, когда сталкиваешься с неизведанным?

Но и это еще не все. Иногда ощущается сопротивление спецслужб некоторых государств нашей работе.

- И в чем оно проявляется?

- Необоснованная задержка виз, запреты полетов именно в те районы, которые нас интересуют, и прочие мелкие пакости. Серьезных угроз пока не было, но думаю, за этим дело не станет, если подберемся к чему-то интересному не только для нас.

- Николай Иванович предупреждал, что иногда пребывание за границей бывает не совсем законным.

---

[31] Указатель поворота и скольжения для выполнения координированного разворота. Состоит из шарика и стрелки, стрелка показывает крен, шарик – скольжение (движение самолета под углом к набегающему потоку).

- Да, он прав. Бывает. Когда заведомо знаем, что район, в который отправляется экспедиция, нам зарубят, указываем другой, а сами летим туда, куда надо. Там, где мы бываем, радиолокационного контроля воздушного пространства нет. «Гиблые места» все трассы обходят.

- Выходит, аномальные зоны интересуют не только ученых?

- Мне кажется, что некоторые аномальные зоны возникают в результате работы каких-то секретных лабораторий. Их-то и прикрывают спецслужбы.

- Значит, ходим по краю, между Богом и дьяволом?

- Именно так. Не знаешь, с чем придется столкнуться: с потусторонними силами или с агентами ЦРУ. И все же я не жалею, что попал сюда.

- Так как же ты все-таки оказался в этом отряде?

- После Аликанте следующим пунктом маршрута был Агадир. А там я увидел на стоянке знакомый Ли-2. Отыскал Николая Ивановича и Олега, и узнал, что они участвуют в экспедиции, которую давно готовил профессор Ветлицкий. Николай Иванович мне сразу предложил присоединиться к ним. Я согласился, только надо было маршрут закончить.

Но не повезло мне, а может и повезло. Только взлетел, лег на курс, начал набирать высоту, как возникли перебои в моторе. Пришлось возвращаться. Еле до Агадира дотянул. Движок на моем «латекоэре» был родной, «Испано-Сюиза», восстановили мы его на заводе отца, а вот отремонтировать в Агадире никакой возможности не было. Пришлось оставить самолет в качестве памятника пилотам былых времен. Вот с тех пор и летаю под началом Николая Ивановича.

То взлет, то посадка

Остров, на котором был расположен аэродром, образовывали поднявшиеся со дна океана горы. Между двумя вершинами, которые не имели своих имен, и назывались соответственно «Восточной» и «Западной», находилась долина, где и была оборудована посадочная

полоса. Из-за не совсем обычного расположения полосы, посадочную прямую пилоты называли «посадочной кривой».

Приводная радиостанция была одна, смонтированная на автомобиле, она перемещалась в зависимости от направления взлета и посадки. Это был и не дальний и не ближний привод, устанавливалась она там, где нужно было довернуть в сторону посадочной полосы, таким образом, срабатывание маркера приводной радиостанции означало, что пора выполнять маневр, обеспечивающий выход на посадочный курс. Если в этой точке полоса не просматривалась, то посадка самолета была запрещена, это был минимум видимости, характерный для данного аэродрома.

Западная гора поднималась на триста метров над уровнем океана, и обрывалась острыми, высокими скалами, круто спускающимися к воде. Восточная была не высока, на 80 метров возвышалась она над долиной, и на 120 метров над уровнем океана, плавно сбегая к воде двумя отрогами, образующими небольшую, тихую бухту, удобную для стоянки судов. Был на острове и свой флот, состоящий из одной самоходной баржи, прозванной за неказистый вид «лаптем», двух моторных баркасов и трех весельных шлюпок.

При выполнении взлета и посадки с курсом 140 градусов применялся левый круг полета, а с курсом 320 – правый, так, чтобы маршрут полета проходил над более низкими, Восточными горами.

После изучения наставления по производству полетов с данного аэродрома и восстановления в памяти руководства по летной эксплуатации Ан-2, я приступил к учебно-тренировочным полетам. То, что я так лихо посадил Ан-2 в первом полете, еще ничего не значило, мне приходилось заново осваивать этот самолет. Обычно пилоты переходят от легких самолетов к тяжелым, у меня же получилось наоборот. Нужно было восстановить забытые навыки, да и многому еще научиться.

Полеты начинались с раннего утра. Лишь только первые лучи солнца касались вершины Западной горы, аэродром оживал. Первым взлетал Николай Иванович на Як-12, на разведку погоды. К учебным полетам привлекались все, кто не был занят в экспедициях и на плановых работах. Кроме обслуживания экспедиций, самолеты нашего

отряда доставляли почту, продовольствие и прочие грузы на метеостанцию и в отдаленные селения, расположенные в глубине гор.

Все пилоты, независимо от того, на каких самолетах они летали, обязаны были выполнять пилотаж на Як-18Т. Владение техникой высшего пилотажа дает летчику уверенность в том, что он сможет справиться с управлением в самой сложной ситуации, а не будет растерянно хлопать глазами, видя, что горизонт находится не в том месте, где он привык видеть его обычно.

Николай Иванович был моим инструктором на Ан-2. Полеты по кругу выполняли по десять полетов подряд, взлет сразу после посадки, без заруливания на стоянку, потом небольшой отдых, замечания и наставления, и снова все с начала, так с раннего утра до самого позднего вечера.

Работа инструктора в авиации отличается высоким нервным напряжением. Ошибки обучаемого могут стоить жизни обоим, поэтому часто инструкторы, делая замечания курсанту в полете, прибегают к так называемой ненормативной лексике, а проще говоря, обкладывают трехэтажным матом вспотевшего ото лба до самых пяток, провинившегося ученика. При этом курсант, услышав о себе что-то новое, вконец обалдевший, и потерявший способность соображать, может отмочить такое, что заставит инструктора грубо вмешаться в управление. Убедившись в своей полной неспособности к пилотированию, ученик с облегчением отдает управление инструктору, тот же, исправив ошибку курсанта, считает, что ученик продолжает вести самолет, пока не выясняется, наконец, что вот уже несколько минут самолетом вообще никто не управляет.

Николай Иванович никогда не позволял себе грубости по отношению к обучаемому, замечания делал корректно, спокойно, в управление не вмешивался, я сам порой удивлялся его выдержке и самообладанию.

Привычка к тяжелым самолетам сказывалась в моем пилотировании Ан-2, основной ошибкой моей было высокое выравнивание. Хоть и понимал, что лечу на легкой машине, и землю видел[32], но руки сами добирали штурвал раньше чем нужно, усилием воли я задержи-

---

[32] Видеть землю – чувствовать расстояние от колес шасси до земли.

вал их, посадка получалась хоть и не очень грубой, но весьма корявой. Боясь высокого выравнивания, я стал заходить на посадку на повышенной скорости, это давало возможность плавно подвести самолет к земле и притереть аккуратно на три точки, но посадочная дистанция при этом значительно увеличивалась. После того, как мы зарулили на стоянку, Николай Иванович покачал головой и сказал:

- Нет, на ограниченную площадку ты так не сядешь. Ведь ты же в первый раз нормально посадил Ан-2, что с тобой происходит? О чем ты думаешь во время посадки? Ты уже заранее настраиваешь себя на ошибку, зачем ты заходишь на повышенной скорости? Сам себе не доверяешь? Короче так: я пойду, прогуляюсь, а ты сиди и думай, думай крепко! А когда надумаешь, скажешь.

И действительно, что происходит? Почему в первый раз я так лихо посадил самолет, несмотря на многолетний перерыв в полетах на этой машине? Я старался восстановить в памяти тот полет, нервное напряжение было на пределе, ведь я думал, что в любой момент может закончиться горючее, потом этот необычный заход, совершенно незнакомый аэродром, нужно было точно выйти на полосу, пугающая близость скал справа, казалось еще чуть и зацеплюсь крылом за скалу. О самой посадке я не думал вообще, ни одной мысли о том, когда начинать выравнивание, на какой скорости заходить, все происходило автоматически, как будто невидимый автопилот работал внутри меня.

Все навыки и привычки, выработанные нами в течение жизни, никуда не уходят. Они живут где-то в глубине подсознания, и когда разум не мешает, они срабатывают, глаза видят приборы и землю, руки сами добирают штурвал на нужной высоте. Главное не мешать подсознанию, не пытаться логикой мысли пересилить то, что всплывает само собой из прошлого, казалось давно забытого и потерянного. Атмосфера прошлого, которую воссоздают забытые запахи, обстановка в кабине, вид приборной доски, звук мотора, сама поднимает из глубины подсознания те навыки и привычки, которые были выработаны много лет назад.

Я вспомнил аэроклуб, я работал тогда инструктором на Як-18А. Командир парашютного звена, который летал на Ан-2, уходил на пенсию, на его место планировался опытный парашютист, которому на самолетах летать не приходилось. Мне предложили переучиться на

Ан-2 и совмещать сразу две должности: пилота парашютного звена и инструктора на Як-18.

Парашютные прыжки начинались ранним утром, когда еще не поднялся ветер, к семи часам они заканчивались, и начинались полеты на «яках». Вставать приходилось рано, в четыре часа, но это меня не пугало. Дело в том, что наша палатка, а на летних сборах с весны до самой осени все: и пилоты, и парашютисты жили на аэродроме в палатках, чтобы не тратить время на дорогу к аэродрому и обратно, была разбита у самой стоянки Ан-2. Рано утром, когда еще тьма окутывала землю, и крепкий сладостный предутренний сон блаженством разливался по всему телу, вдруг раздавалось недовольное ворчание мотора, перерастающего в глухой вой. Полчаса Ан-2 над самым ухом прогревал двигатель, потом ворчание стихало, самолет выруливал на старт, но сон был уже окончательно испорчен, не успеешь закрыть глаза, как звучит команда: «Подъем!», прыжки закончились, нужно вставать, разбивать старт, готовиться к полетам.

Мне нравились парашютные прыжки, когда в небе над аэродромом расцветают, как загадочные небесные цветы, купола парашютов, плавно плывут они над землей и не спеша опускаются, отцветая и превращаясь в пятна разноцветной материи, которую парашютисты тут же собирают в бутоны, связывая стропы бесконечной петлей.

Мне и самому приходилось прыгать, нам, пилотам, положено было каждый год выполнять по одному прыжку, чтоб в критической ситуации быть готовым доверить свою жизнь куполу парашюта, тщательно уложенному в ранец на котором, собственно, и сидит пилот.

Я вспомнил свой первый прыжок. Как стоял я у обреза двери, готовясь сделать шаг в неведомое. Может быть, кто-нибудь расскажет вам, что собирал он волю в кулак, преодолевая страх перед первым прыжком, что решал извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?», что напрягая нервы и сжимая зубы он… Врут, все врут! Ничего этого не было. Ни предельного напряжения нервов, ни сцепленных зубов, ни собранной в кулак воли. Просто стоишь, поставив ногу на край, слышишь свист ветра за бортом, и ни одной мысли не проносится в голове, стоишь и ждешь команды, и по команде: «Пошел!» нога сама отталкивается от обреза двери. Рев ветра охватывает тебя, и начинаешь считать: «Сто двадцать один, сто двадцать два, сто двадцать

три», и все – три секунды, если за это время парашют не раскроется, нужно открывать запасной. За три секунды полета при принудительном способе раскрытия парашюта (купол вытаскивает вытяжной фал, закрепленный за трос внутри самолета) тело еще не успевает набрать большую скорость падения, и ты не ощущаешь того динамического рывка, который характерен для затяжных прыжков. Ремни плавно подтягивают тебя вверх, и, поняв голову, видишь, как расцветает над тобой белый цветок купола парашюта. И тогда вдруг тебя охватывает ни с чем несравнимый восторг, тот восторг первого прыжка, который ни за что не ощутит тот, кто никогда в жизни не сделал шаг в небо, отделившись от борта самолета.

Перед тем как сделать этот свой первый шаг, ты проходишь длительные тренировки на земле, прыжки с высоты двух метров, с макета самолета, с тренажера, развороты в подвесной системе, отработка действий в особых случаях и так далее. Потом, там, в самолете, на высоте 800 метров, все происходит, как бы, само собой, ты выполняешь движения, которые много раз повторял на земле.

Вопрос: «Быть или не быть?» в самолете никто не решает, тот, кто поднялся на борт самолета с одним парашютом за спиной и другим, запасным, на животе, уже все для себя решил. Если человек прыгнет, то он сделает это по команде «Пошел!», не раздумывая и не рассуждая, не преодолевая сомнения. Самолет летит со скоростью сто шестьдесят километров в час, и каждый миг отдаляет тебя от того места, где рассчитано твое приземление, думать некогда! Если, услышав команду, человек не сделает этот шаг, то он уже не сделает его никогда, по крайней мере, в этом полете, и не помогут ни воля, собранная в кулак, ни сжатые до предела нервы, ни сцепленные до боли зубы. Он просто отойдет в сторону, уступив дорогу другим, и никто, никогда не станет пинками выталкивать его из самолета!

Любое решение достойно уважения, никто тебя силой не заставлял идти в аэроклуб, никто и не будет принимать решение за тебя. Если ты, вдохновленный романтикой неба, пришел сюда, но твои романтические бредни рассыпались в прах, когда ты столкнулся с реальной трудной работой – значит это не твое, и никто тебя за это не осудит. Инструктор, выпускающий парашютистов в первый прыжок, полностью несет ответственность за их жизнь и здоровье, и если он

насильно выбросит курсанта из самолета, и с ним случится несчастье – инструктор сядет в тюрьму. А этого никому не хочется. Все инструкции и наставления запрещают насильно принуждать человека к прыжку. В жизни, конечно, бывает всякое, но это исключение из правил.

Так, сидя в кабине Ан-2, я углубился в воспоминания далекой молодости, вспомнил все до мельчайших подробностей, вспомнил не умом, нет, душа перенеслась в те времена, мне слышались прежние звуки, прежние чувства переполняли меня, прежнее состояние души возродилось, и вело меня по той далекой загадочной стране, которую называем мы юностью.

Ведь будучи в том возрасте, когда детство уже ушло, а зрелость еще не наступила, мы хотим повзрослеть, мы завидуем пилотам, налетавшим тысячи часов, в то время, когда у нас едва наскребается сотня, не думая о том, как они завидуют нам. Но если мы, едва оперившиеся юнцы, еще станем такими как они, то они, уже не будут такими как мы, никогда.

Мы стареем, мы безбожно врем, убеждая себя, что душой мы молоды как и прежде, но время не обманешь, нет-нет да заноет сердце, и седой доктор на медкомиссии, рассматривая твою кардиограмму и покачивая головой, недовольно проворчит: «Пора бы Вам подумать о смене профессии, молодой человек!». И все, потом останутся одни воспоминания, и реплики в адрес молодых: «Да что вы, вот мы в ваши годы!». Я что мы? Мы были такими же, как они.

Я позвал Николая Ивановича и доложил, что к полету готов. Мы взлетели. Я больше не метался между Ан-2 и Ил-76-тым, я не думал о том, как и когда я буду выравнивать самолет, я ЗНАЛ, что я летаю на Ан-2 лучше, чем любой летавший на нем до меня пилот! Я начал выравнивание на положенных шести метрах и притер машину на три точки, мягко и точно.

- Вот это другое дело! – сказал Николай Иванович, – вот так и надо сажать этот самолет, а то телом ты на Ан-2, а душой на Ил-76.

Высокое выравнивание больше не повторялось. Так проходили дни, недели, обычные будни аэродромной жизни, взлеты, посадки, разговоры, воспоминания. Я втягивался в этот ритм, снова чувствовал себя приобщенным к большой, настоящей, трудной работе, и время

поисков и скитаний отодвинулось куда-то вдаль, растворилось в синеве прошлого, и дай Бог, чтобы не вернулось оно уже никогда.

В то утро я проснулся как обычно и посмотрел в окно. Погода не радовала. Шел дождь, ветер хлестал по стеклу мокрыми ветвями деревьев, низкие, тяжелые тучи проплывали над аэродромом. На глаз прикинул видимость, оценивая расстояние до ближайшего различимого объекта, «меньше минимума», – подумал я, потянулся и вернулся в еще не успевшую остыть постель.

- Ты, что, на полеты не собираешься? – спросил Жан Поль.

- Какие могут быть полеты в такую погоду! Можно хоть раз выспаться, – ответил я сладко зевая.

- Ну-ну, недооцениваешь ты Николая Ивановича, смотри, устроит он тебе выволочку!

- Не устроит, сам небось спит еще.

Но не успел я снова уснуть, как понял, к своему глубокому разочарованию, что жестоко ошибся в оценке ситуации, Николай Иванович ворвался в домик как ураган.

- Ты что спишь? А ну быстро на полеты! Техники уже машины готовят, а он дрыхнет себе, как котяра! Совсем мышей не ловишь!

- Так погода же! – попытался я неуклюже оправдаться.

- Погода, погода, – проворчал недовольно Николай Иванович, – будет тебе погода, веник в руки, и на гору облака разгонять!

Я вскочил с постели, натянул на себя одежду, плеснул в лицо водой из умывальника, и, умывшись одной рукой, как кот, пряча шею под воротник куртки, поплелся на стоянку.

Мы вырулили на исполнительный старт. Полоса терялась вдали за пеленой дождя, видимость была явно ниже минимума для Ан-2.

«Взлетай!» – скомандовал Николай Иванович. Самолет разогнался и оторвался от земли, и все сразу будто провалилось куда-то, скрывшись в тумане. Летать в условиях ограниченной видимости мне не впервой, но без соответствующих средств обеспечения слепой посадки, летать в такую погоду – это верх глупости.

Я был зол на себя, на Николая Ивановича, на погоду, на то, что согласился на эту авантюру, короче, зол на весь мир. Земля просматривалась прямо под самолетом и чуть в сторону, дальше – сплошной туман. Капли дождя били о стекло, расползаясь по нему тонкими ни-

тями, усиленно работали «дворники», убирая пелену с глаз. «Буду заходить по приводной, – решил я, – хорошо хоть приводная радиостанция работает». Не успел я это подумать, как стрелка радиокомпаса, потеряв направление, стала беспомощно метаться по циферблату, уровень сигнала упал до нуля.

- Приводная не работает! – доложил я своему командиру.

- А она тебе нужна? – пожал он плечами. – Заходи визуально.

- Ничего себе, визуально! Не видно же ни черта!

- Не болтай, следи за приборами и землей!

Злость переполняла меня. Летать при видимости, которая ниже минимума для данного летательного аппарата может только окончательно выживший из ума. Чего он добивается? Что он хочет мне доказать? Что он самый лучший в мире пилот? Что это? Мальчишество! Бахвальство! Полный идиотизм! Хочет угробить себя и машину, пускай! На здоровье! Но я-то здесь при чем? Пусть бы сам себе летел в такую погоду! Какого черта меня с собой потащил! Дай нам Бог благополучно приземлиться, я уж тогда скажу ему все, что об этом думаю!

С горем пополам вышли мы на посадочную прямую, и когда дошли до точки, где нужно доворачивать вправо, я увидел, полосу, которая с трудом просматривалась за пеленой дождя. Мы сели. Когда шасси коснулись земли, я уже открыл было рот, чтобы высказать Николаю Ивановичу все, что я о нем думаю, но он передвинул рычаг управления двигателем вперед и скомандовал: «Взлетаем!».

В этот момент я готов был его убить. Но мотор уже взревел, набирая взлетную мощность, и деваться было некуда, пришлось взлетать. Отменять решение командира, каким бы безумным оно ни казалось, нельзя. Не согласованные действия экипажа всегда приводят к беде. Пока мы будем туда-сюда дергать рычаги управления, самолет выкатится за пределы полосы.

Так прошли обычные десять взлетов и посадок, и когда мы зарулили на стоянку, я был вымотан до предела, никаких сил ругаться с Николаем Ивановичем у меня уже не было. Вместо возмущенной речи, которую я приготовил, получилось лишь нечто невразумительное о том, что при видимости ниже минимума летать не стоит. На что он мне ответил:

- Не внимательно ты изучал руководство по летной эксплуатации. Это минимум для рейсовых полетов, а при выполнении поисково-спасательных работ, минимум в два раза ниже. Учти, что в хорошую погоду люди, как правило, не теряются!

- Так ведь это же на равнине, а мы в горах летаем! – слабо попытался я возразить.

- Ну, горной местностью эту можно считать с очень большой натяжкой, хотя, конечно, равнинной ее тоже не назовешь, но ведь аэродром свой, родной, а при поисково-спасательных операциях придется садиться на неразведанные площадки, так что готовым нужно быть ко всему!

- А что с приводной радиостанцией случилось? Опять не работает.

- Да работает, ничего с ней не случилось. Это я приказал выключить ее, когда мы в воздухе будем.

- А это еще зачем?

- Там, где будем летать, приводных не будет, так что привыкай.

Впоследствии я часто с благодарностью вспоминал эти уроки Николая Ивановича, которые не раз спасали мне жизнь. На тренировочные полеты он не жалел ни сил, ни времени, ни горючего. Нельзя сказать, что раньше я неуважительно думал о малой авиации, скорее всего, я не думал о ней вообще. Распрощавшись с аэроклубовским Ан-2, я не мог себе даже представить, что когда-то вновь придется возвратиться к этой машине. Большая авиация жила по своим законам, поглощая полностью собой все мои мысли, и я совершенно не задумывался о том, что где-то над полями порхает этот маленький трудяга, Ан-2. Мне-то что до него?

События последнего времени, изменившие мою жизнь, заставили меня вновь переосмыслить свое отношение к тем машинам, которым не ведомы большие высоты и скорости, которые изо дня в день выполняют нелегкую будничную работу, и требуют от пилотов мастерства ничуть не меньшего, а то и большего, чем тяжелые авиалайнеры.

Нелетная погода

К вечеру погода испортилась окончательно, и стало ясно, что полетов завтра не предвидится. В домик я вернулся измученный и уставший.

- Ну, что, – спросил Жан Поль, – замучил тебя Николай Иванович?

- Ой, не говори! – слабо отмахнулся я.

- Это еще что, скоро он погонит тебя на подбор площадок в горах при минимуме погоды, там по-настоящему попотеть придется!

- Рискованное мероприятие!

- Да нет, риск минимален, все эти площадки давно разведаны, но тебе они неизвестны, придется работать. Чаю не хочешь?

- Да я бы с удовольствием чего по крепче выпил, устал так, что и уснуть не смогу.

- Это можно, у меня есть бутылочка коньяка, как говорят у вас, в России, хряпнем по рюмашке, все равно завтра полетов не будет.

- Коньяк французский?

- Нет, русский, но неплохой.

- Я в коньяках не особенно силен, это вы, французы, специалисты по этой части.

- Да я, честно говоря, тоже в коньяках не большой специалист, почему-то принято считать, что все французы в коньяках разбираются, на самом деле, далеко не все.

- Ну ладно, наливай.

Он налил нам по рюмке коньяка, я достал из холодильника колбасу.

- Хоть водка, хоть коньяк, без закуски пить не могу.

Мы выпили, тепло благородного напитка блаженством разлилось по всему телу, глаза сами начали закрываться, я лег на кровать и уснул. Жан что-то еще рассказывал, но я уже не слышал, я провалился в сон.

Утром я проснулся оттого, что дождь барабанил по крыше, я встал, подошел к окну, за окном висела непроглядная пелена, видимость – ноль. Жан Поль еще спал, он приоткрыл один глаз и сказал:

- Можешь спать дальше, сегодня никто тебя не потревожит.

Но не успел я улечься обратно в постель, как в комнату ввалился Рудольф Иванович с бутылкой спирта.

- Спите, работяги, отсыпаетесь! Забыли, что сегодня у профессора Мальцева день рождения!

Жан Поль открыл оба глаза, приподнялся в кровати и сказал:

- Кто это забыл? Я все помню, но не с раннего утра же водку пить!

- А что еще делать?! – прогудел Рудольф, – погода такая, что ни полетами ни матчастью[33] не займешься.

Жан Поль сел на край кровати, и натягивая рубаху, проворчал:

- И что вам не спится в такую рань. Дурной пример подаешь, инженер!

- А я уж грешным делом думал, что у вас тут вообще сухой закон, – вставил я.

- Закон-то сухой, – ответил Рудольф, – да погода мокрая!

- В летные дни мы не употребляем, в выходные тоже, – ответил он, – а тут погода на неделю дожди зарядила, так что по пять капель принять не грех, у нас то и запасов выпивки не водится, вот из личных резервов выделил.

- Что я слышу, ребята! – воскликнул Жан. – У нас, оказывается, выходные дни есть?

- Ну, я имел в виду дни матчасти.

- А, понял, а то я уже на рыбалку собрался.

- А что, иди, – сказал Рудольф, – говорят, в дождь рыба хорошо клюет.

- Сам иди в такую погоду, и знаешь куда? Можешь даже лодку взять и в море выйти, а мы потом спасать тебя полетим, когда дождь кончится! Веревку брошу тебе с Як-12-го, будешь хвататься за нее как Джеймс Бонд.

- Не знаю, как так Джеймс Бонд, – сказал Рудольф Иванович, – а рассказывали мне ребята, как одна девица верхом на Як-12 каталась.

- Это еще каким образом? – спросил я.

---

[33] Материальная часть – это собственно сам самолет, дни матчасти планируются для обслуживания техники.

- А дело было так. Работали на химии[34], поля колхозные опыляли, стоит Як-12, химикатами заправляется, девушка, заправщица, сидит на фюзеляже со шлангом. Пилот в кабине, мотор работает. Дали ему отмашку, что заправка закончена, он и взлетел, а девушка слезть не успела. Когда ему по рации передали, что у него пассажир верхом на фюзеляже сидит, он аккуратненько круг сделал и сел. Девица в порядке, но страху натерпелась!

- Врут, – сказал Жан, – все врут, не может такого быть, не могла она удержаться, слетела бы к чертовой матери.

- Может и врут, – сказал Рудольф Иванович, – а может и нет, какая разница? Красиво приврать – это тоже искусство.

Из холодильника достали закуску, и на скорую руку накрыли стол, Жан Поль достал уже начатую бутылку коньяка.

- У! Да у тебя коньячок водится! – прогудел Рудольф. – Ну, наливайте, кто во что верует.

Рудольф Иванович налил себе спирт.

- Ты хотя бы разбавил, – сказал Жан.

- Ни к чему это. Разбавлять – только портить продукт.

- Ну что, ребята, – Рудольф Иванович поднял рюмку, – за профессора Мальцева, за его скорейшее возвращение!

- Пейте скорее, – сказал Жан Поль, а то придет сейчас Николай Иванович, получим все, мало не покажется!

Мы выпили.

- А что, собственно, с экспедицией случилось? - спросил я.

Рудольф крякнул, закусив неразбавленный спирт селедкой, и сказал:

- Я с Ефимом Семеновичем Мальцевым еще с Севера знаком, он тогда занимался исследованием геомагнитных полей, а я помог ему один приборчик соорудить, институт я заканчивал по специальности прибориста. Потом вместе работали, хороший мужик, толковый.

- Послушай, Рудольф, – сказал Жан, – у тебя руки, как у боксера в перчатках, и как это ты этими руками такие тонкие вещи делаешь?

- Главное, – ответил Рудольф, – ни какого размера руки, а откуда они растут!

---

[34] Так называют обработку с помощью авиации колхозных полей.

Рудольф Иванович, окончивший институт по специальности инженер-приборист, разбирался во всех системах самолета не хуже любого специалиста, и своими руками мог сделать практически все. Когда я слышу о немецкой аккуратности, то представляю себе Рудольфа, что бы он ни делал, он делал так, что лучше уже, пожалуй, сделать никто не сможет.

- Мы с Николаем Ивановичем, с Олегом и с Жаном, – продолжал он, – высаживали эту экспедицию на Ли-2. Жуткое место! Называют его Долиной смерти. Когда-то давно там исчез целый народ, исчез в одну ночь, будто бы его и не было. Они называли себя свангами, потомками птиц.

Это были высокие, красивые, светловолосые люди, на представителей местных племен совсем не похожи. Кто они, и откуда пришли – никто не знает, но в долине жили с незапамятных времен. Мирно жили со всеми соседями. Земледелием занимались, скотоводством, охотой, рыбу ловили. В общем, жили как жили. Так продолжалось до тех пор, пока колонизаторы не добрались до них. Англичане на селение напали, всех уничтожили: и женщин, и стариков, и детей. У колонизаторов ружья и пушки, а у свангов только луки и стрелы, да мечи. Отступили сванги.

Но праздновать победу англичанам не пришлось, в ту же ночь сванги напали на лагерь, часовых сняли, так, что и пикнуть никто не успел, и вырезали весь отряд к чертовой матери, потом исчезли, будто растворились во мраке ночи. Но на смену этому отряду пришли новые войска. Несколько лет продолжалась эта война, а потом вдруг, в одну ночь, сванги куда-то исчезли, исчезли все.

А когда англичане в долину вошли, тут странные, непонятные вещи начались. Стали люди пропадать. Однажды в долине пропала целая рота. Трое в живых остались, но и те рассудка лишились. От страха тряслись, и ничего вразумительного сказать не могли. Тогда войска долину оставили, назвали ее Долиной смерти, и больше никогда никто туда не входил. Если кто и забредал в долину, то оттуда уже не возвращался. Потом англичане совсем ушли, пришли французы, но и они не решились в Долину смерти войти.

- Что же может происходить в этом гиблом месте? И куда же мог подеваться целый народ? – спросил я.

- Профессор Мальцев считал, что таинственное исчезновение свангов как-то связано с теорией академика Вейника, и решил исследовать явления, которые в этой долине происходят. Казалось, мы все предусмотрели, и ежедневная радиосвязь, и полеты сопровождения, но через три дня связь с экспедицией прекратилась, и поиски ни к чему не привели.

- А может, это повествование о племени свангов всего лишь легенда? – спросил я.

- Нет, не похоже, – ответил Рудольф, – живет в долине одна женщина, старуха Изель, из этого племени. Она называет по именам всех вождей и жрецов, рассказывает о событиях того времени так, если бы сама была их свидетелем. Она и утверждает, что видела все сама. Если верить ее рассказам, то ей должно быть уже более двухсот лет.

- Но ведь такого быть не может, – возразил я.

- Кто его знает, всякое может быть, тем более, что теория академика Вейника допускает такие феномены. Старуха эта знает гораздо больше, чем говорит. Когда пропала экспедиция, она сказала, что они вернутся, она верит в то, что и сванги однажды должны вернуться, сказала, что не умрет до тех пор, пока сама не увидит возвращение свангов.

- Вот и мы верим, – сказал Рудольф, – что Мальцев вернется. Центр готовит поисковую группу, вот возвратится Олег на Ли-2, и снова на поиски полетим. Старуха Изель говорила о неких вратах, через которые ушли сванги, сейчас в Центре разрабатывают приборы, фиксирующие изменение всех возможных полей. Может удасться обнаружить эти самые врата. Если такие врата действительно существуют, то они должны представлять собой некоторую пространственно-временную аномалию.

Прервав наш разговор, в комнату вошел Николай Иванович

- Ага! – сказал он, посмотрев строгим взглядом на все это безобразие,– Вот вы где! Решили, значит, по поводу нелетной погоды наркотики употребить?

- Да какие наркотики, командир, бог с тобой, это же чистый спирт!

- Вот и я говорю, наркотик, спирт является наркотическим веществом! Во время войны его в качестве анестезии применяли. Вам что, лекцию о вреде алкоголя прочесть? Сколько раз можно вам говорить одно и то же? Вот видишь, – обратился он ко мне, – борюсь с этими охламонами, и все без толку! До чего же сильны в подсознании вредные привычки.

- Что делать, – обреченно произнес Жан Поль, – русская традиция.

- Что? Русская традиция? Только посмотрите на них! Один немец, другой француз – спаивают русского, утверждая, что пьянство – это его национальная традиция! Вот так вот византийские греки Русь и споили! До принятия христианства Русь алкоголя не знала! Что по-вашему могли пить на Руси? Виноград на севере и в средней полосе не растет, самогон еще не придумали. Не пили они ничего, наши предки!

- Несмотря на это, водка – русский напиток, – попытался возразить я.

- Да, водка – это истинно русский напиток! А вы, хоть знаете, что наши предки называли водкой? Это чистая родниковая вода, настоянная на целебных травах, и ни капли алкоголя! Вот что такое водка! Так что убирайте всю эту гадость со стола, и ставьте чайник, а ты, Рудольф Иванович, представишь мне полный отчет об использовании спирта.

Вечерело. Хмель давно выветрился из головы, а мы все сидели за столом, обсуждая предания о племени свангов, проблемы исчезнувшей экспедиции и другие вопросы нашей жизни и работы.

Гроза

Непогода кончилась на третий день. Летнее солнце быстро высушило раскисшую полосу, и снова начались полеты. Жан Поль ушел на Як-12 на метеостанцию. Метеостанция находилась в горах, и мы периодически доставляли туда почту и продовольствие. С метеостанции сообщили, что Жан Поль взлетел. Связи с ним еще не было, она появится тогда, когда он пройдет горы. УКВ радиостанция самолета

имеет ограниченную дальность связи, которая зависит от высоты полета и рельефа местности. Мы сидели под крылом самолета, возле СПК[35] и ждали. Рядом с нами на траве блаженно растянулся аэродромный кот Васька. Рудольф почесывал его под шейкой, и кот громко и вдохновенно мурчал.

Неизвестно откуда прибившийся к нам, кот был большим специалистом по части мышей. Он ловил их и в поле, и на продовольственном складе, за что был зачислен на должность начальника отдела по борьбе с грызунами и поставлен на довольствие в столовой. На завтрак, обед и ужин он являлся вовремя и получал свой кусочек мяса. Паек свой он отрабатывал добросовестно, мыши с его появлением больше не хозяйничали на складе, не портили продукты и не грызли мешки.

Вдруг кот вскочил, тревожно понюхал воздух, громко сказал: «Мяу!» и бросился прочь со стоянки к домикам.

- Куда это он так подорвал? – спросил я.

- Наверное, мышь учуял, – ответил Рудольф.

- Да нет, не похоже, что-то здесь не так.

Мы продолжали лежать на траве, болтая о том о сем, как вдруг заметили тяжелую, темную, грозовую тучу, надвигающуюся на остров. Возникла она неожиданно, посреди ясного, безоблачного неба. Туча была страшной, внутри нее все клокотало, клубилось, небо озарялось вспышками молний. Казалось, сказочные, мифические чудовища вели жестокую, безжалостную борьбу, пожирая друг друга и порождая новых, еще более страшных чудищ. Николай Иванович высунулся из окна СКП.

- Срочно заруливать всем на стоянку, крепить самолеты! – крикнул он.

Легкие самолеты обязательно должны крепиться во время непогоды к земле, иначе ветер может их запросто перевернуть. В землю ввинчиваются штопора, к которым крепко привязывают самолет в двух или трех точках. Есть даже такой старый авиационный анекдот на эту тему:

---

[35] СКП – стартовый командный пункт.

Сидят в кабаке пилот и техник, и усиленно охмуряют симпатичную соседку, пилот говорит: «Вот кручу я штопор!». Изрядно подвыпивший техник, кивнув, продолжает: «А земля то мерзлая, а я кручу, кручу…».

- Эх! Ваську зря не послушали, предупреждал он нас, – сказал я, – коты, они нутром беду чуют!

Мы еле успели закрепить самолеты до начала грозы. Тяжелая, темная туча накрыла остров, наступила тьма. Поднялся ветер, он дико ревел в проводах антенн, гнул и ломал деревья, выл в плоскостях самолетов, стараясь оторвать их от земли и унести с собой в черную, клубящуюся темноту. Самолеты подпрыгивали, покачивались и дрожали под напором взбесившегося ветра. Дождь барабанил по крыльям, по остеклению кабины; и свист ветра, и шум дождя сливались в один сплошной рев, сквозь который доносились тяжелые раскаты грома.

Мы старались связаться с Жан Полем, и сообщить ему о грозе, чтоб он немедленно вернулся на метеостанцию, но связи не было. И тут я увидел ЭТО. Такого я раньше нигде, никогда не видел. Это была застывшая молния. Молния неподвижно повисла между небом и океаном, несколько секунд она висела, разрывая своим светом окутавшую остров тьму, потом, рассыпавшись на мелкие куски, медленно сползла в черные волны.

- Видел? – крикнул я Рудольфу.

- Что это было? – спросил он.

- Не знаю.

Молнию видели все. Все, кроме радиста, который пытался по коротковолновой рации связаться с метеостанцией, чтобы передать Жан Полю информацию о грозе, если у них еще была связь с самолетом.

Метеостанция не отвечала. Кроме треска разрядов грозы, в эфире ничего не было слышно. И вдруг мы услышали слабый, далекий голос: «Я Альтаир, я Альтаир, с нами все в порядке, все живы, мы находимся в долине, но в другом…», грозовой разряд оборвал следующую фразу, больше сообщение не повторялось. «Альтаир» – это был позывной профессора Мальцева. Гроза кончалась так же внезап-

но, как и началась, небо вновь сияло голубизной, ярко светило солнце, парила умытая дождем земля, где-то в вышине пели птицы.

Короткие волны, несмотря на то, что они распространяются по прямой, могут, многократно отражаясь от ионосферы и от земной поверхности, достигнуть любой точки планеты. Все зависит от условий прохождения радиоволн. Видимо, гроза создала необходимые условия, и мы получили эту радиограмму. Теперь мы точно знали, что все члены экспедиции живы, но что означала фраза «в другом…»? В другом измерении, в другом пространстве, в другом мире? Оставалось только гадать.

Руководитель полетов продолжал вызывать на связь Жан Поля. Жан Поль молчал. Прошло уже сорок минут после того, как он должен был приземлиться.

- Все, сказал Николай Иванович, – вызывать бесполезно, у него уже кончилось горючее.

Фраза прозвучала как удар хлыста. Кончилось горючее. Значит все, ждать больше нечего. Еще оставалась надежда на то, что он приземлился где-то на площадке в горах. Если нет, – то самолет упал в океан.

- Надо организовать поиски, – сказал Николай Иванович, – готовьте Ан-2 и Як-12, будем искать над морем и в горах.

- Если упал в воду, то вряд ли что-то увидим, – возразил я.

- А если он сел на воду, и успел выбраться из самолета? На всякий случай просмотрим все на его маршруте.

Пока готовили машины к полету, рассматривая карту, составляли план поисков, прошло еще полчаса. И вдруг мы услышали в небе звук мотора, это был мотор Як-12-го. Вскоре показался и сам самолет. Несомненно, это был Жан Поль, он запросил разрешение на посадку. Его спокойный, ровный голос звучал в динамике, выведенном в наружу, внутри СКП никого не было. Все стояли в оцепенении и заворожено смотрели на самолет.

- Да, ответьте же, кто-нибудь! – крикнул Николай Иванович. Все бросились на командный пункт. Посадку разрешили. Когда Жан Поль зарулил на стоянку, его окружила толпа, и все стали наперебой расспрашивать, что случилось. Обалдевший Жан Поль ничего не понимал.

- Да, ничего со мной не случилось! Все как обычно, – отвечал он нам.

- Ты грозу видел, где она тебя застала?

- Не видел я никакой грозы! Погода отличная, все нормально, что вы пристали!

- Где ты был три часа двадцать минут? У тебя уже давно должно было горючее кончиться!

- Вы что, какие три часа двадцать минут? Час сорок минут полета! Час и сорок минут от взлета до посадки! Еще литров тридцать горючего осталось, больше чем на час.

- Сколько на твоих часах?

Жан Поль посмотрел на свои наручные часы:

- Десять минут третьего, то есть четырнадцать часов и десять минут.

- А по нашим часам уже пятнадцать часов и пятьдесят минут! А твои часы в самолете?

Часы в самолете показывали то же время, что и наручные часы Жан Поля.

- Но не могли же одновременно отстать и самолетные и наручные часы, притом на одно и то же время, – проворчал Жан.

- Давай, снимай свой «черный ящик», – распорядился Николай Иванович.

«Черным ящиком» на самолете называют устройство, регистрирующее параметры работы различных систем и переговоры экипажа. На Як-12 такого устройства нет, единственным прибором, фиксирующим параметры полета, является барограф, висящий на пружинных растяжках в задней части фюзеляжа, за пассажирскими сидениями, его-то и назвал в шутку Николай Иванович «черным ящиком». Барограф представляет собой анероидную коробку с самописцем, и барабан с часовым механизмом. Он рисует график профиля полета по времени и высоте. Сняв барограмму, мы определили, что продолжительность полета, согласно вычерченному графику, составляла один час сорок минут. Все три прибора зафиксировали одинаковое время в пределах точности их показаний.

- Что же это получается, – сказал я, – что в самолете время шло быстрее чем здесь, на аэродроме?

- Получается, что так, – ответил Николай Иванович.

- Быть такого не может! – сказал Рудольф.

Все бурно обсуждали это непонятное явление, только один Жан Поль вертел головой во все стороны, ничего не понимая.

- А вы помните грозу, – сказал я, – эта застывшая молния вам ни о чем не говорит? Это можно объяснить только тем, что время замедлилось!

- Если бы наше время замедлилось, – ответил Рудольф, – то наши часы бы отстали от часов самолета, а они, наоборот, ушли вперед на час сорок!

- Час сорок! – воскликнул Николай Иванович, – ведь это же полетное время Жан Поля! Он летел час сорок от метеостанции к аэродрому, и его часы отстали от наших тоже на час сорок! Значит, относительно аэродрома самолетное время сжалось до нуля!

- Что-то ты путаешь, Николай Иванович, – сказал Рудольф, – если бы его время сжалось до нуля, он бы прилетел как раз к началу грозы!

- Погоди, пока Жан Поль летел к нам час и сорок минут, у нас прошло уже три часа и двадцать минут, так?

- Так, но это значит, что наше время текло в два раза быстрее.

- Или его в два раза медленнее, – вставил я.

- Послушай, Жан, ты грозу видел? – спросил Рудольф.

- Да, спрашивали уже! Не видел я никакой грозы! Не было грозы на моем маршруте!

- А кто видел, куда ушла гроза? – спросил я. – В сторону берега или в океан?

Но оказалось, что никто не заметил, в какую сторону ушла эта гроза, она будто бы никуда и не уходила, просто исчезла, растаяла, она и появилась-то ниоткуда.

Я вспомнил неожиданную реакцию кота Васьки, который вдруг, ни с того ни с сего, убежал со стоянки. Если бы гроза подходила к острову, он бы заранее начал проявлять беспокойство, и только потом, когда в воздухе запахло дождем, убежал бы. А он среагировал так, если бы опасность возникла внезапно, вдруг.

Грозовые явления так неожиданно не возникают! Какая-то не та это была гроза, не из нашего мира. Возможно, явилась она из параллельного мира, туда же и ушла, как НЛО.

Мы запросили метеостанцию, наблюдали ли они грозу. Они ответили, что грозовая деятельность не прогнозировалась, и никакими приборами, ни визуально зафиксирована не была. Потом Николай Иванович связался по радио с Александром Петровичем и попросил его собрать информацию ото всех бортов, что летали сегодня в этом районе о том, наблюдали ли они грозы на локаторе. Оказалось, что в этот день ни один борт на своем локаторе гроз не наблюдал.

Мы долго еще обсуждали происшедшее, считали, строили предположения, но так ни к чему и не пришли.

- Составим подробный отчет, и пошлем в центр, – решил Николай Иванович, – пусть там научные работники разбираются.

Мы составили подробный отчет обо всем: о грозе, взявшейся неведомо откуда и неизвестно куда исчезнувшей, о застывшей молнии, о временном парадоксе, и, конечно же, о полученной от профессора Мальцева радиограмме. Прочитав внимательно отчет, Николай Иванович нахмурился и погрустнел.

- А что, если это не та радиограмма? – сказал он.

- Что значит не та? – спросил я.

- Если произошли такие парадоксы со временем, то и радиограмма могла быть отправлена еще год назад.

- Почему это год назад? – спросил Рудольф, – ведь время сдвинулось всего на час сорок минут!

Николай Иванович тяжело вздохнул.

- Все может быть, даже то, чего никогда быть не может, – философски заключил он, и медленно побрел со стоянки.

Через несколько дней из центра пришел ответ. Нам сообщали, что подготовка к поискам пропавшей экспедиции близится к завершению, полученная нами радиограмма подтвердила целесообразность проведения поисковых работ. Нас просили уже сейчас вылететь в район поисков, произвести аэрофотосъемку с одновременным измерением геомагнитных и электрических полей прибором Рудольфа.

- Что это за прибор? – спросил я.

- Да тот, что я делал для профессора, еще когда мы с ним на Севере работали, – ответил Рудольф Иванович.

- На чем пойдем? – спросил Жан Николая Ивановича, – Ли-2 еще не скоро вернется.

- Пойдем на Ан-2, сделаем пару лишних посадок, возьмем тридцать вторую машину, там дополнительные баки установлены.

В привычный, размеренный ритм жизни отряда вплелись хлопоты подготовки, наполняющие повседневность некоторой торжественностью и тревогой, все было подчинено той минуте, когда самолет с экспедицией вырулит на взлетную полосу и, покидая привычную, знакомую до мелочей обстановку, взлетит в неизвестность. И каждый шаг, ведущий к этой неизвестности, продумывался, взвешивался, расписывался до мелочей.

Нами было получено строгое указание из центра, ни в коем случае не производить посадки в долине, все измерения делать с воздуха. После проведения всех предусмотренных программой работ мы должны были подготовить площадку для приема самолета Ан-30 с поисковой группой, и встретить их. И уж совсем невыполнимая задача была поставлена перед нами, обеспечить посадочную площадку приводной радиостанцией. Николай Иванович негодовал:

- Ну, где я им приводную найду?! Совсем они там обалдели! Что они думают, у нас тут техники пруд пруди?! Или я нашу приводную туда повезу, вместе с автомобилем? Вот погрузим ЗИЛ-131 в Ан-2, и повезем! Визуально, видите ли, они не смогут на площадку зайти, приводную им подавай! Передай им, – обратился он к радисту, – что приводной на площадке не будет! Все, на что они могут рассчитывать, это УКВ радиостанция на нашем Ан-2, и больше ни х… ничего больше не будет!

Николай Иванович нервничал, я еще не видел его в таком возбужденном состоянии, ни в полете, ни на земле. Он очень переживал пропажу экспедиции профессора Мальцева, и теперь, когда появилась надежда, все напряжение вылилось наружу.

- Ни кипятись, Николай Иванович, – сказал Жан Поль, – что-нибудь придумаем. Приводная им не для захода нужна, зайдут и визуально, а вот обнаружить место нашего базирования визуально не так просто, они же там никогда не бывали.

Николай Иванович успокоился, выплеснув эмоции в пространство, и, тяжело вздохнув, произнес:

- Да что, что ты придумаешь?! Они не бывали, а мы бывали, когда на Ли-2 экспедицию вывозили?! Вообще летели к черту на рога, и ничего, долетели, и площадку нашли, и никто нам ее не готовил! Без Ефима Семеновича в этом Центре вообще полный бардак творится!

- Аппаратуру можно и за границей закупить, у них есть довольно компактная техника, я по своим каналам свяжусь, попрошу своих в Тулузе, чтоб организовали покупку где-то поближе к нашему маршруту, и доставили на последний аэродром посадки.

- Ага, это если твои родичи не пошлют тебя куда подальше, отец твой и так не с восторгом воспринял то, что бросил ты бизнес и ввязался в нашу авантюру.

- Не пошлют. А на счет бизнеса, так брат мой только рад такому обороту дела, теперь ему все в наследство достанется.

Почти две недели ушло на то, чтобы подготовиться к полету в неизведанное. Жан Поль успел связаться с Тулузой, и ему пообещали, что малогабаритная приводная радиостанция будет приобретена и доставлена в аэропорт Дегира, небольшого провинциального городка, расположенного в двухстах километрах от того загадочного, проклятого людьми места, которое называли Долиной смерти.

При прокладке маршрута Николай Иванович категорически отказался идти через международный аэропорт, по той причине, что цены за обеспечение полета и стоянки в этом аэропорту были заоблачные. Поэтому решили лететь через горы, с посадкой в аэропорту Тангар, так было дешевле и ближе, кроме всего прочего, мы экономили еще на одной посадке. Каждая посадка – это деньги за проводку, посадку, руление, стоянку и прочее.

Высота гор, которые нам нужно было преодолеть, доходила до пяти тысяч метров, а потолок у Ан-2 всего четыре тысячи, потому маршрут проходил над долинами, через перевалы, огибая вершины гор. Главное, чтобы погода не подвела, при хорошей видимости пройти этим маршрутом не сложно, но упаси Бог, застанет непогода в горах!

Мы сидели над синоптическими картами, анализировали долгосрочные и краткосрочные прогнозы, определяя дату и время вылета.

По всем прогнозам и расчетам вылетать нужно было через три дня, когда висящий над горами циклон сместится на юг, и его место займут холодные массы воздуха, идущие с севера, с устойчивой, ясной погодой. Таким образом, у нас оставалось еще три дня для того, чтоб еще раз все проверить, продумать, просчитать и, конечно же, отдохнуть после напряженной работы по подготовке к полету.

Василий Петрович

Провожать друзей в трудный и опасный путь, на край бездны, – событие тревожное и торжественное, вот и решили устроить небольшой банкет, хотя Николай Иванович и запретил употребление алкоголя, ребята упросили его разрешить выпить по сто грамм хотя бы тем, кто не принимает участие в экспедиции.

- Ну, что за дурацкие привычки, отравлять себя алкогольным ядом по случаю каких либо событий? – возмущался Николай Иванович. – Пора менять стереотипы, ну до каких же пор человек будет рабом этого зелья?

Первый тост на таких мероприятиях всегда произносил самый старший из нас, Василий Петрович.

- Давайте, ребята, выпьем за вас, за вашу молодость! – произнес он.

- Да какая молодость! – возразил Николай Иванович, – уже и седина и лысина пробивается.

- Рано, Коля, ты себя в старики записал! Пока руки держат штурвал – ты молодой, а спишут с летной работы, так сразу, считай – старик, даже если и сорока нет. Молодость и старость – это не возраст, это состояние души, а какое может быть состояние души, когда летной работы лишили, – душа, она в небо просится.

Звон бокалов, как звон колоколов разнесся в комнате, сразу стало тепло и уютно, обстановка располагала к разговорам и размышлениям.

- Как пойдете? – спросил Василий Петрович. – Через международный аэропорт, как в прошлый раз?

- Нееет, – ответил Николай Иванович, дожевывая бутерброд, – цены там дикие, прошлый раз нас как липку ободрали, сервис, правда, тоже на уровне, но нам на Ан-2 много не надо. Пойдем через Тангар, так и ближе и дешевле.

- Ой, ребятки, там горы, если погода прижмет, вы на своем Ан-2 там не выкрутитесь.

- А мы в плохую погоду лететь не будем, – сказал Жан Поль, – мы прогноз проанализировали, все рассчитали.

- Прогноз прогнозом, – возразил Петрович, – а может быть всякое, в горах погода быстро меняется, иной раз и не сообразишь, откуда что берется.

- Так к горам нам не привыкать, – сказал Николай Иванович, – горы, вот они, рядом.

- Это горы свои, родные, тут вы каждый бугорок знаете, а там – чужие, неведомые. Каждые горы свой характер имеют.

- Ничего, дойдем.

- В Тангре аэропорт высокогорный, 1500 над уровнем моря, – продолжал Петрович, – заход сложный. Километров за пятьдесят до Тангара – два маяка, один работает на частоте 320, второй – 705, пойдете с курсом 180, выйдите в створ этих двух маяков, потом, когда первый маяк пройдете, настраивайте второй канал на частоту 418, увидите его слева. Если вдруг стрелка вправо уйдет, не обращайте внимания, это отраженный сигнал от гор, вправо не ходите, там горы, когда этот маяк будет под 30 градусов слева, разворачивайтесь влево, и идете на него, курсом 150. Освободившийся канал настройте на 360, когда пройдете маяк, разворачивайтесь вправо, опять курс 180 на маяк, после прохода этого маяка курс 220, на дальний привод полосы, частота 695, и вы на посадочном.

Николай Иванович встал, взял портфель с картами и схемами захода, посмотрел, ворча что-то себе под нос, и, наконец, объявил:

- Все точно! И частоты и курсы! И откуда, Петрович, Вы все это знаете, и все на память, без шпаргалки?

- Так я же не всегда дедом Василием, аэродромным сторожем был, я и на международных трассах летал. В Тангаре садились в облаках, при минимуме погоды, там один раз пройдешь, на всю жизнь запомнишь.

- Насколько я помню, – сказал Николай Иванович, – наш аэрофлот в этот район никогда не летал.

- А я не в аэрофлоте тогда летал, – ответил Василий Петрович, – в одной американской авиакомпании. Два раза пришлось мне там побывать, первый раз на «дугласе», второй раз уже на «боинге».

- Вот это да! – воскликнул Рудольф. – Когда же Вы успели, Василий Петрович?

- А, – отмахнулся Петрович, – долго рассказывать.

- Расскажите, расскажите! – накинулись все на старика. Жан Поль налил рюмку, и незаметным движением подвинул ее к Петровичу.

- Ну, ты хитрец, Жан, – покачал головой Петрович. Он поднял рюмку, – давай, давай, и остальным наливай! От, француз, от, хитрая бестия, думаешь – я сейчас выпью, раздобрею и на рассказы потянет? Да, если я начну рассказывать, то и ночи не хватит, о моей жизни романы можно писать!

- Ну хоть коротко, самую суть, Петрович, ну все же вас просят!

- Ладно, – ответил Василий Петрович, – расскажу, в общих чертах, а подробно, как-нибудь потом. Если, конечно, вам интересно будет. Он выпил, закусил основательно, и начал свой рассказ.

До войны был я летчиком-испытателем, а когда началась война, попросился на фронт. Воевал неплохо, но на все имел свое мнение, и высказывал его где надо и где не надо.

Когда один летчик таранил бомбардировщик, в нашей части провели партсобрание, посвященное его подвигу. Многие выступали, что-то говорили, но я молчал. Нет, думал, не буду на рожон лезть со своим особым мнением. Но последняя фраза замполита меня просто добила, закончил он свою речь словами Горького: «Безумству храбрых поем мы песню!». Наступила тишина, а я тут и пробурчал себе под нос: «Безумству храбрых поем мы реквием». В полной тишине голос мой прозвучал как раскат грома, все замерли.

- Что, что ты там говоришь? – сказал замполит, – а ну, иди сюда, на трибуну, и всем расскажи, что ты по этому поводу думаешь!

Делать нечего, вышел я на трибуну, да и сказал, что безумство – плохой помощник в бою, воевать с умом надо. Сказал, что преклоняюсь перед мужеством героя, но ничего хорошего не могу сказать о его

летном мастерстве. Выйти один на один с бомбардировщиком, с полным боекомплектом, расстрелять все в белый свет, как в копеечку, и потом пойти на таран? Разве этому мы должны учить наших летчиков? Конечно, «хейнкель» – крепкий орешек, задняя полусфера защищена хорошо, и сверху и снизу, завалить его не просто, а кто говорил вам, что будет легко? Воюем с сильным, опытным, матерым противником, тут одной храбрости мало, необходимо мастерство, точный расчет и безукоризненная техника пилотирования. А если летчик, идя в атаку, думает только о том, как бы в штопор не свалиться, о какой победе может идти речь? И если будем платить самолетом за самолет, то скоро и летать будет не на чем.

Крепко мне досталось за это выступление, заработал я выговор по партийной линии, а это уже не шутки. Да еще и особисты заинтересовались моей личностью, пригласили на беседу. «Ты, говорят, в Германии был перед войной с нашей делегацией?». «Ну, был, – говорю, – еще на «мессершмитте» полетал, немцы не стеснялись, показывали, чем нас бить будут!» «Так, вот, – говорит, – генералов, с которыми ты в Германию ездил, расстреляли уже, как врагов народа, а тебя почему не тронули?». «Видно, не за что», – отвечаю. «Было бы кого расстреливать, а за что – всегда найдется». Так он мне ответил и отпустил, пока, особенно на слове «пока» ударение сделал.

Может быть, на этом бы все и закончилось, но подвел случай. Появился на нашем участке фронта один немецкий ас, Генрих Дитмар, тоже из испытателей, только я сам на фронт попросился, а его за неблагопристойное высказывание в адрес политики рейха на восточный фронт сослали. Правда, ничего такого он не сказал, повторил лишь слова Бисмарка, который говорил, что Россию можно победить в сражении, но нельзя победить в войне. После Сталинграда это было. Сказал в кругу близких друзей, но кто-то донес, другого расстреляли бы за сомнения в победе, но его, как одного из лучших асов рейха, просто отправили на фронт.

Я все хотел с ним в бою один на один встретиться, да как-то не приходилось. А тут раз, возвращаемся мы с задания, а правее шестерка фоккеров идет, шли мимо, в бой не ввязывались, у нас численное преимущество было, да и нам было не до них. Услышал я разговор немцев, а нужно сказать, что немецким, английским и французским

владею я в совершенстве. Еще в бытность работы испытателем приходилось с технической документацией на иностранных языках разбираться, а поскольку я привык все делать основательно, то поступил в институт иностранных языков, на заочное отделение. Так вот, слушаю я, о чем немцы в эфире болтают, и вдруг слышу позывные Генриха, аса этого. Тут я не выдержал, бросил ему вызов по рации, сказал, что не может он считаться асом, пока со мной один на один не встретится. Мой позывной немцам тоже был известен. Вызов он принял, вышел из строя, стал разворачиваться, я тоже. Командир группы запретил мне принимать бой, но куда там! Сам ведь вызвал немца на поединок, как теперь отказаться?

Сошлись мы на встречных курсах, думал в лоб его взять, но от лобовой он ушел, грамотно ушел, упреждающим разворотом, меня заманивал. Но я эти штучки знаю, вправо за ним не пошел, ушел влево, и снова поймал его на встречном курсе. Немец опять не принял лобовой, перешли мы на вертикали. Крутились как черти, никак не мог я его подловить, от перегрузки в глазах темнеет, а он уходит. Потом я его потерял, исчез немец, будто растворился в воздухе. Каким-то звериным чутьем я почувствовал, что он сзади, ниже меня, нужно было решать мгновенно, думать он мне не даст. Уходить поздно, я газ убрал, и ввел машину в скольжение, быстро потерял скорость, немец не ожидал этого, и проскочил подо мной, скорость он сбросил, но поздно, повис впереди, в нескольких метрах. У меня позиции для стрельбы нет, пушки в сторону смотрят, да и близко слишком, и скоростенка маловата. Нужно было бы уйти, набрать скорость, но второй такой возможности он мне не даст. Довернул я влево, дал полный газ и засадил очередь по нему в упор, по крылу, около центроплана. Крыло у фоккера отвалилось, прямо надо мной прошло, и тут я почувствовал удар по фюзеляжу. Думал, столкнулся, слишком малая дистанция была, но нет, фоккер вниз ушел, беспорядочным падением к земле. Видимо, обломки обшивки по фюзеляжу ударили. Попробовал я рули, самолет управляется, мотор работает, значит нужно идти домой. Сделал я вираж над падающим фоккером, и увидел, что немец успел парашютом воспользоваться. При таком положении самолета выпрыгнуть из него очень не просто, хорошую тренировку нужно иметь, чтоб покинуть самолет, который бешено вращается, и тебя швыряет по

всей кабине, и прижимает к бортам. Ну да бог с ним, развернулся я и пошел домой.

Тут вижу, температура масла начала расти, видимо, обломки обшивки забили маслорадиатор, мотор вот-вот заклинит. Выбрал я полянку в лесу, и решил садиться. Сяду, посмотрю, может, удастся устранить повреждение и взлететь. Но до полянки не дотянул, мотор стал, плюхнулся я прямо в лес, а на полянку уже на одном фюзеляже выскочил. Почертыхался я, поматерился, да делать нечего, нужно к своим пробиваться, развернул карту, сориентировался, до линии фронта далеко, да и пробиться не реально, сразу к немцам в лапы попадешь. И решил я тогда идти к партизанам. В этом районе действовало крупное партизанское соединение, недалеко был и их аэродром. Я сам туда летал несколько раз на Ще-2. Был такой самолет, про него говорили: «Моторы У-2, хвост Пе-2, а летает едва». Но зря, хороший самолетик был, легкая транспортная машина. Взял я, значит, направление, и пошел. Немцев встретить не опасался, они в этом районе редко появлялись, крепко боялись партизан, крупное соединение – это вам не отряд, шороху наводили в тылах у немцев, дай боже!

Не прошел я и нескольких километров, как увидел в лесу парашют, и немца моего. Он, когда самолет покидал, ногу повредил, стабилизатором ударило. Встать он на ногу не мог, даже парашют не отстегнул. Пристрелить его у меня тогда рука не поднялась. В бою врага я не щадил, но чтобы вот так расстрелять беспомощно лежащего на земле – не смог. Бросить его тут помирать – тоже как-то не по-людски получается. Ничего лучше не придумал, как сказать, что беру его в плен и гарантирую жизнь. Взял и потащил на себе к партизанам. Красиво! Благородно! Но глупо и нереально! Я знал – партизаны пленных не берут. Все равно немца расстреляют. Но раз слово дал, нужно держать, даже если врагу ты дал слово.

В отряде меня встретили как родного, командира отряда я лично знал. Приказали меня отогреть, накормить, а немца, естественно, расстрелять. Но тут я за немца вступился, как же так, ведь я слово дал! Сцепились мы с командиром не на шутку, я даже пистолет вытащил, сказал, что пристрелю, если только он немца тронет. Не знаю, чем бы закончилась наша стычка, если бы командир соединения не вмешался. Решил он наш спор полюбовно, приказал вызвать самолет, и отпра-

вить меня вместе с немцем на большую землю. Перед командиром отряда я, конечно же, извинился, сказал, что погорячился, выпили мы с ним мировую, на том бы все и кончилось, да не тут-то было. В каждом партизанском соединении имелся свой особист. Он-то и настрочил на меня донесение, и отправил радиограмму по своим каналам. На аэродроме нас уже ждали. Немца отправили в лагерь для военнопленных, а меня под белы ручки, и в трибунал. Вспомнили все мои грехи, и то, что не расстреляли тогда, вместе с репрессированными генералами, и решили ошибку эту исправить. Но потом спохватились, ведь мой командир полка на меня представление написал на звание героя Советского Союза. Короче говоря, представление отозвали, а мне расстрел заменили двадцатью годами лагерей. Так попал я с фронта прямо на Колыму.

- Да, многие пострадали от сталинских репрессий, – сказал кто-то из ребят.

- Ты имя товарища Сталина не хули, – ответил Василий Петрович. – С именем этим на смерть шли, именем его победу добыли. А что до репрессий, так время такое было, и врагов было немало, и среди особистов разные люди были. Били честные, справедливые, были и карьеристы, которые готовы были и честного человека под расстрел подвести, лишь бы дело закрыть. А были среди них и враги. Так что, всякое было, а на советскую власть, и на товарища Сталина я не в обиде, так по своей глупости, да по воле обстоятельств очутился я на Колыме.

Через Колыму тогда перегоняли «аэрокобры» из Америки, нас, нескольких авиационных специалистов, отобрали для подготовки аэродрома. Вручили лопаты, снег разгребать, да катки, полосу укатывать, после каждого взлета и посадки. К самолетам, понятное дело, близко не подпускали. Смотрел я с тоской как садятся и взлетают истребители и думал, что никогда уже больше не сесть мне за штурвал самолета. Но случилось то, что случается иногда в авиации. Как-то раз, при сильном боковом ветре и ограниченной видимости, летчик при посадке подломил шасси.

Ремонтировать самолет было некому, да и нечем. Вызвали они с Аляски американских специалистов. Прилетел легкомоторный самолетик с пилотом и тремя технарями, запчасти необходимые привез-

ли. Никто из американцев по-русски не понимал, а наши по-английски не могли и двух слов связать, вот и прикрепили меня к ним в качестве переводчика. Разговорились мы с американским пилотом, звали его, Джон Браун. Был он истребителем, воевал с японцами, был сбит, и проболтался несколько суток в океане на надувном жилете, пока не подобрали его моряки. После госпиталя направили его на Аляску, это его первый вылет был. Я ему о своей доле поведал.

Раз стоим мы, курим с ним возле барака, как вдруг перестрелка началась. Это зеки разоружили караул и подняли восстание, а мы оказались как раз на линии огня. Схватил я Джона, и побежали мы за барак, да только Джон добежать не успел, пуля попала ему в голову. Оттащил я его в безопасное место и говорю: «Потерпи, Джон, я врача вызову». Да он отказался, «Все равно, – говорит, – не жилец я на этом свете, а ты, как помру, одевай мой комбинезон, бери документы, и лети вместо меня на Аляску, другой возможности выбраться отсюда у тебя не будет!». «А фотография на документах? – говорю, – да и технари меня не признают». «Фотографию водой размыло, пока я в океане болтался, – ответил он, – документы заменить еще не успели, а технари меня впервые в этом полете видели, да и полярная ночь, мороз, все лица до глаз закутаны, а если и признают, не выдадут, по крайней мере шанс есть, другого не будет». Сказал он это и умер, умер прямо у меня на руках.

Подумал я, делать нечего, восстание скоро все равно подавят, разбираться не станут, расстреляют всех к чертовой матери. А у меня еще мертвый американец на руках, как докажешь, что это не я его застрелил? Да и доказывать ничего никому не придется, просто выведут за барак, и расстреляют.

Так стал я Джоном Брауном. Технари подмены не заметили, или сделали вид. По прибытию на аэродром, я сразу же попросился в действующую часть. Выдали мне новые документы и отправили воевать с японцами. Летал на «корсарах», воевал в Тихом океане, награды американские заслужил, в боях отличился. А когда кончилась война, уволился я из ВВС, и устроился пилотом в одной авиакомпании, летал на «дугласах», потом на Боинг-707 пересел. Все мечтал домой, в Россию вернуться, но как, да и куда?

- А что, Петрович, вам в Америке было плохо? – спросил кто-то из ребят, – сейчас, вот, многие в Америку подались, за лучшей жизнью!

- Не знаю, что чувствует эмигрант, который за лучшей жизнью подался, – ответил Василий Петрович, – если он нашел то, что искал, то, возможно, он и счастлив. Не могу сказать, что ощущает разведчик, который живет в чужой стране под чужим именем, наверное, он чувствует связь с Родиной, понимает, что его работы зависит безопасность страны. А что мог чувствовать я? Как листок, оторванный от родной ветки, заброшенный судьбой за океан, я был чужим на той земле, под чужим именем, с чужой судьбой, один без роду, без племени. Для всех, кто знал меня в России, я считался погибшим, да еще и с клеймом врага народа. Там, в Америке, я не мог близко сойтись ни с кем, ни дай Бог, кто-нибудь мог вспомнить настоящего Джона Брауна. Разведчики работают под прикрытием, с тщательно разработанной легендой, я же не знал о Джоне Брауне ничего. Всем, кто спрашивал, я говорил, что помню только войну, а что было до этого, как-то стерлось из памяти, затушевалось, как незначительное. Говорил, что все друзья и близкие погибли в Перл Харборе, это срабатывало, трагедия Перл Харбора производила сильное впечатление на американцев. Я ни с кем не разговаривал ни о чем, кроме работы, я не мог ни с кем быть в дружеских отношениях. Я не позволял себе ни капли спиртного, был всегда в напряжении, даже когда оставался один. Я готов был отдать все, только бы вернуться в Россию. Казалось, я был один в целом мире. Один раз даже пришлось приземлиться на советском аэродроме, здесь недалеко, в Южногорске. Если бы я мог тогда остаться!

- Как же это случилось?

- Выполнялся в сорок девятом году один коммерческий рейс через Дегир и Тангар. Летал я тогда на «дугласе», С-47. Посадка в Южногорске не планировалась, да в левом моторе вдруг давление масла упало, трубка маслопровода потекла, как потом выяснилось. Пришлось садиться на одном моторе в Южногорске. Провинциальный городишко, грунтовая полоса. Словом, глушь российская, а так за сердце взяло, хоть плачь. Ему повезло с этой посадкой, остался, а я не мог.

- Кому повезло? Кто остался?

- Да один русский солдат в Дегире, как он там оказался, черт его знает. Одно слово твердит по-английски: «Война, война», толком ничего рассказать не сумел. Ну а я по-русски, понятное дело, не мог с ним говорить. Попросился вывезти его куда поближе к России. Не должен был я брать его на борт, но отказать не смог. А тут вынужденная в Южногорске – повезло солдату.

- А как же Вы вернулись на родину?

- Тогда я еще не знал, что есть в этом мире тот, кто станет мне единственным другом, тот, кто все это время искал меня, и не верил в мою смерть. Это был мой бывший враг, немецкий ас Генрих Дитмар. Мне довелось встретиться с ним вновь в аэропорту Франкфурта. После войны Генрих оказался в ГДР, летал на Ил-18, часто бывал в России, разыскал моего бывшего командира полка. Он искал мои следы на Колыме, и не верил в то, что я погиб. Он рассказал мне, что многое на Родине моей изменилось, что я реабилитирован посмертно, он то и помог мне вернуться домой, но это уже другая история.

- А Вы поддерживаете с ним связь? – спросил Николай Иванович.

- Конечно! Мы переписываемся, я бывал у него в гостях, он неоднократно приезжал ко мне. Мой командир, полковник Иванов, уже умер, все мои родные погибли в ту войну, и единственным близким мне человеком на этой земле остался Генрих. Вот, такая-то, ребята, история.

В поисках заблудших душ

Из-за вершины восточной горы медленно поднималось солнце, рождая новый день. Он вставал над миром, чтоб сверкнуть искрой в бесконечной суете бытия и навеки кануть во тьму. Мы отправлялись в неведомое, туда, где бесследно пропала экспедиция профессора Мальцева, в те места, одно упоминание о которых наводило ужас на местных жителей, туда, где простиралась таинственная земля, которую называли Долиной смерти.

Нас провожали, как провожают обычно в дальний и трудный путь, и никто из нас, ни мы, ни наши друзья не знали, вернемся ли мы

обратно. Мы уходили, чтоб заглянуть за грань бытия, за грань реальности, туда, откуда никто еще не возвращался.

Руководителем группы и штурманом нашего лайнера был Николай Иванович, мне же была доверена роль командира воздушного судна, Ан-2, называемого в народе «кукурузником». Вторым пилотом был назначен Жан Поль, а в качестве бортинженера, как всегда в сложных и дальних командировках, с нами летел Рудольф Иванович. На него же возлагалась и вся основная работа по производству аэрофотосъемки и измерений геомагнитных и электрических полей.

- Вам горючего там хватит для выполнения работ? – спросил Василий Петрович.

- Хватит, – ответил Жан Поль, – в долине есть бочки с горючим, мы их еще прошлый раз, на Ли-2 завозили.

- Думаете, они там еще есть? – спросил кто-то из ребят.

- А куда они денутся? – сказал Николай Иванович. – К этой долине никто и приблизиться не посмеет, да и сторож у нас там имеется.

- Это кто, старуха Изель? – спросил я. Все засмеялись.

- Зря ржете, – сказал Николай Иванович, – старуха-то не простая, да и собачка при ней серьезная, чужих не подпустит.

Зверь, которого старуха Изель называла своей собачкой, был матерым серым волком. Как он прибился к старухе, и почему был так верен ей, никто не знал. Видимо, Изель имела особый дар общения с животным миром. Зверь не только охранял ее, но и кормил. По ночам он ходил на охоту, и если удавалось добыть косулю или зайца, он всегда делился своей добычей со старухой, так что она всегда имела к столу свежее мясо. Волк привык к членам экспедиции и пилотам, и относился к ним вполне дружелюбно, но ни дай Бог кому чужому забрести в эти места.

Кроме всего необходимого для выполнения работ, мы погрузили в самолет разнообразную утварь для старухи, весьма нужную в хозяйстве, одежду, матрацы, одеяла, продукты и, конечно же, корм для ее «собачки».

Нам пожелали ни пуха ни пера, удачи, погоды, здоровья, надежной работы мотора, и всего, чего обычно желают тем, кто отправляется дальний путь. А Василий Петрович сказал только одно слово: «Возвращайтесь». И в слове этом было все, что можно пожелать нам.

Взревел мотор, приветствуя новый день, и самолет, отбрасывая винтом пространство, понес нас над древней планетой в неведомые края. Сделав разворот над островом, и качнув крылом на прощание, я лег на курс. Вот проплыли под крыльями скалы Западной горы, круто ниспадающие к воде, и осталась только синь океана да голубизна небес, соединенная с водой размытой полосой горизонта. Вскоре показались вершины гор, обозначая берег, мы приближались к нему под косым углом, чтоб обойти горный массив, пересечь долину, и приземлиться в аэропорту Южногорска, маленького горного селения, последнего на территории нашей страны. Дальше начинались другие горы, чужие, неизведанные.

Уже на подходе к аэропорту стало ясно, что наши прогнозы и расчеты по поводу погоды не оправдались, погода не улучшалась. Низкая рваная облачность висела над горами, циклон, который должен был сместиться на юг, еще по-прежнему швырял на землю потоки дождя и мокрого снега, низкими облаками закрывал вершины гор, вылизывая ветрами скалы и раскачивая деревья. Холодный воздух боролся с теплым, и никто не мог победить, погода то улучшалась, то опять портилась, где-то вдалеке сверкали отблески уходящей грозы. Оставалось только ждать.

Мы с Николаем Ивановичем оформляли документы у дежурного по аэропорту, договаривались о местах в гостинице, которая была забита туристами и альпинистами, так же как и мы, ожидавшими улучшения погоды, чтобы отправиться на штурм сияющих снегами вершин. К нам подошел молодой человек в штормовке, и обратился к дежурному:

- Выручайте, братцы! У меня группа альпинистов в горах потерялась! Сейчас получили радиограмму, группа ушла на штурм вершины, но погода резко испортилась, и они потеряли друг друга из виду, двое вернулись в лагерь, а где еще двое – неизвестно.

- Чем же тебе помочь? – развел руками дежурный. – У меня сейчас ни одного вертолета нет. Два Ми восьмых с геологами работают, а Ми-26 я за топливом для тракторов на нефтебазу отправил, не вовремя твои альпинисты потерялись.

- Так, беда, она всегда не вовремя приходит, – сказал Николай Иванович.

- А, может быть, ребята на Ан-2 поищут? – сказал дежурный, обращаясь к молодому человеку и к нам.

- А сесть там где-нибудь можно? – спросил я.

- В принципе можно, – ответил дежурный, – возле базового лагеря есть площадка, на Ми-8 мы там садились, если хорошо постараться, то и на Ан-2 примоститься можно.

- А с погодой что? – спросил Николай Иванович.

- Хреново с погодой, сами видите, а что в горах делается – не знаю, здесь дождь, а там снежные заряды, наверняка.

- Если сесть не сможете, то может, удастся их с воздуха увидеть, а мы потом группу пошлем, – сказал молодой человек, который оказался руководителем отряда горноспасательной службы, звали его Сашей.

- Если нет погоды, то ничего мы там не увидим, – ответил я.

- Ну что, ребята, попробуем? – спросил нас Николай Иванович.

День клонился к закату, еще пару часов, и начнутся сумерки, а в горах станет совсем темно. Мы устали от долгого перелета, хотелось только есть и спать, и не было никакого желания лететь в такую погоду и заниматься поисками в горах.

- Сколько их? – спросил я.

- Четверо альпинистов и нас трое, спасателей.

- Значит, всего семеро, а на какой высоте расположен ваш базовый лагерь?

- Тысяча двести метров.

Горючего у нас осталось на два часа полета, больше нам не потребуется, в горах через час уже начнет темнеть, и лишнее горючее брать не имеет смысла.

- Ну что, – обратился я к Николаю Ивановичу, – будем снимать все оборудование и груз?

- Давай, разгружаемся, и полетим, – ответил он, и, обращаясь к руководителю группы спасателей, спросил: – С разгрузкой поможете?

- Да о чем вы говорите, естественно!

- С тобой вдвоем полетим, а Жан с Рудольфом нас здесь подождут, да заодно и с гостиницей определятся, – сказал Николай Иванович.

И снова взревел мотор, и мы, уже настроившиеся на ужин и отдых, опять поднимались в неприветливое, хмурое небо, чтобы выполнить ту работу, ради которой мы и жили на этой земле. Хоть и не была эта работа предусмотрена в нашем рейсе, но бывают случаи, когда приходится наперекор всем планам и погоде отклоняться от маршрута и идти на выручку совершенно незнакомых нам людей. Когда радист на судне принимает SOS, капитан не ссылается на то, что у него срочный груз или другие важные причины, он меняет курс и идет к тем, кто оказался в беде. И пока существует такой порядок на море, в воздухе и на земле, никто не останется один со своей бедой, и если с нами случится несчастье, кто-то тоже изменит маршрут, чтобы придти к нам на помощь.

Мы прошли над тем местом, где должен был быть базовый лагерь альпинистов, но не увидели никого. Только сорванная ветром палатка болталась на одном колышке, как флаг.

- Давай площадку посмотрим, – сказал мне Николай Иванович.

Мы прошли над площадкой на высоте сто метром в одну, потом в другую сторону, Николай Иванович по секундомеру засек время пролета в прямом и обратном направлении. Вычислили длину площадки, скорость и направление ветра, вернее его встречной составляющей, палатка для нас сыграла роль флюгера, и Николай Иванович рассчитал боковую составляющую ветра – она на один метр в секунду превышала допустимую величину.

- Думаю, сесть сможем, – заключил он, – теперь давай людей искать, пока еще что-то видно.

Мы кружили и кружили над районом поисков, но никого так и не заметили.

- Двое должны быть здесь, в лагере, – сказал Саша.

Мы прошли еще несколько раз над площадкой, и Николай Иванович обратил внимание на то, что на самом краю площадки, возле скалы с подветренной стороны поднимался то ли дымок, то ли пар.

- Саша, смотри, – сказал он, – похоже, там кто-то в снегу берлогу оборудовал.

- Да, похоже, но самолет-то они должны слышать, почему никто не высовывается?

- Ты говорил, у них рация есть?

- Есть, они же мне радиограмму прислали.

- Попробуй с ними связаться.

- Уже пробовал, не отвечает никто!

- Ладно, сядем – посмотрим, но где же остальные? Или они все там, в берлоге зарылись?

- А вот к той вершине нельзя поближе подойти? Они туда должны были направляться.

Вершина, о которой говорил Саша, была окутана облаками, нижняя кромка то опускалась, то поднималась, ветер проносил облака над горами, и иногда, на очень короткое время вершина открывалась полностью. Подходить близко под самой кромкой облаков к ней рискованно, можно внезапно оказаться в сплошной облачности в непосредственной близости от горы.

- Рискнем? – спросил я Николая Ивановича.

- Давай попробуем, – ответил он, – только очень близко не подходи, если в облачность войдем, разворачивайся влево, на обратный курс, за высотой следи.

Прибор, который показывает высоту над уровнем моря, нам не поможет, ориентироваться нужно только по радиовысотомеру. Выбрав момент, когда появился просвет между облаками, я повел самолет в направлении вершины, острым пиком пронизавшей небеса. Николай Иванович и Саша смотрели во все глаза, я пилотировал самолет, мне некогда было отвлекаться на поиск. Первый заход ничего не дал, второй раз я решил подойти как можно ближе, готовясь ввести машину в разворот при первых же признаках опасности. И тут Саша увидел черную точку, мелькнувшую на белом снегу. Он увидел ее тогда, когда машина уже ложилась в левый разворот, и крен ограничивал обзор вправо.

- Нужно по-другому зайти! – крикнул он, – так мы не рассмотрим ничего!

Я и сам понимал, что нужно зайти по-другому, надо обойти эту вершину правым бортом, но для такого захода придется почти вплотную прижаться к скалам. При ограниченной видимости и порывистом ветре недолго и крылом скалу зацепить, и тогда уже искать придется нас. Зато ориентир будет хороший – горящие обломки самолета на белом снегу, да что толку, все равно искать будет некому, ведь у них ни

одного вертолета нет, а Ан-24 здесь делать нечего. Я прижал машину к самой скале и начал заходить, оставляя вершину справа. Только бы облака не опустились. Только бы снежный заряд не закрыл и без того ограниченную видимость. Ближе, ближе, еще ближе, радиовысотомер показывает пятьдесят метров, двадцать пять, двадцать – все, ближе нельзя! И Саша, и Николай Иванович увидели его одновременно. Человек шел по снегу к вершине горы. Он был один, он не повернул головы, не посмотрел в сторону самолета, пролетавшего над ним, он упрямо, несмотря ни на что, шел к вершине.

Я уже начал разворачиваться влево, как Саша заметил второго альпиниста. Двигался он под девяносто градусов к направлению на вершину, путь его лежал… прямо в пропасть. Видимо он, потеряв ориентировку, считал, что возвращается в лагерь, но до лагеря этим путем дойти ему не удастся.

- Николай, Иванович, дай ракету! – сказал я.

Красная ракета взвилась в воздух, но альпинист на нее никак не прореагировал. Не прореагировал он и на самолет, когда мы прошли над самой его головой. Он упорно продолжал идти к пропасти.

- Они что там, оглохли и ослепли? – сказал Николай Иванович, – пройди над ним еще раз.

Я прошел рядом с ним в нескольких метрах над плато, по которому двигался альпинист, так чтобы можно было хорошо рассмотреть его с правого борта. И тогда мы поняли все, на нем не было солнцезащитных очков! Потеряв очки, он ослеп от режущей глаза белизны снега и льда. Но почему никто из них никак не реагировал на звук мотора? Рев двигателя низко летящего самолета они непременно должны были услышать! Услышать, и хотя бы повернуть голову в сторону самолета! Потом мы поняли, почему никто из них ничего не слышал.

В самом начале подъема погода резко ухудшилась, видимость упала почти до нуля, рядом с ними, метрах в трех, в скалу ударила молния, и они все оглохли, резкое изменение давления повредило барабанные перепонки. Потеряв визуальный контакт друг с другом, не слыша ничего вокруг, находясь в состоянии стресса, они разбрелись в разные стороны. Двое их них, которые еще держались вместе, решили вернуться на базу. У них еще хватило сил дать радиограмму, не слы-

ша собственного голоса, и вырыть укрытие в снегу, с подветренной стороны скалы.

Человек шел к пропасти, не пройдет и десяти минут, как он сорвется вниз, и мы ничем, ничем не сможем ему помочь.

- Зайди со стороны пропасти, – сказал Николай Иванович, – навстречу ему, включи посадочные фары!

Может быть, свет посадочных фар, направленный прямо в лицо и поток воздуха от винта приведут его в чувство, и до него дойдет, что самолет прошел над ним, что его ищут. Зайдя со стороны пропасти, я вел самолет прямо в скалу, чтоб потом на последних метрах взять штурвал на себя, и пройти над самой головой альпиниста. Но когда я включил посадочные фары, ужас охватил меня, я не видел ничего перед собой! Свет фар, отражаясь от летящего снега, создавал перед глазами белый экран. Я перенес взгляд влево вперед, стараясь разглядеть в белой мгле то место, где начиналась пропасть. Я все же вовремя потянул штурвал на себя. Пройдя над альпинистом, я выключил фары и развернулся.

Я понял, что наш маневр достиг цели, альпинист остановился, он больше не двигался, он стоял на месте и вертел головой по сторонам. Нужно было садиться и забирать их, но погода ухудшилась. Хорошо, что разведку площадки мы провели сразу, теперь это сделать уже бы не удалось. При первом заходе на площадку мы не попали. На четвертом развороте, после которого мы должны были выйти на посадочную прямую, мы не увидели намеченных нами заранее ориентиров. Пошел снег, белой пеленой застилая глаза. Снежные заряды проносились один за другим, не давая нам времени для захода. Второй, третий круг – все напрасно.

Неужели нам так и не удастся приземлиться? Если у нас ничего не получится, то спасательная группа сможет выйти только завтра с рассветом, и пока она доберется до лагеря, спасать, вероятно, уже будет некого. Начинались сумерки, погода не улучшалась, а мы все кружили и кружили над площадкой. Долго ли будет стоять на месте тот, который шел к пропасти, а если двинется, то в какую сторону? Далеко ли успеет уйти тот первый, который шел к вершине, если он доберется до ледника, то… Нет, надо сесть, во что бы ни стало сесть, другого выхода у нас нет.

- Зайди пониже, – сказал Николай Иванович, – пониже, метрах на пятидесяти, и поближе к площадке, так чтоб совместить третий и четвертый разворот. Вперед не смотри, там все равно ничего не увидишь, смотри вдоль крыла, держи машину по положению крыла относительно земли.

Николай Иванович учил меня таким полетам. Он умел пилотировать самолет, не глядя ни вперед, ни на приборы, а только на крыло. По положению крыла он определял и крены, и углы тангажа[36], и скорость – самолет шел как по ниточке. Это был особый шик в пилотировании Ан-2, и владели им не многие из пилотов. Мне, конечно, было еще далеко до такого мастерства, но кое-чему я уже научился.

Теперь, глядя вдоль крыла, я не терял площадку из виду и, выполняя разворот перед посадочной прямой, уже прочно «зацепился глазами» за ориентиры. И все же вышел не точно, площадка была левее, высота на пределе. Я довернул влево и со скольжением вышел на посадочный курс.

Все, мы сели! Я развернул самолет и, вырулив к месту старта, выключил двигатель. Руки и ноги дрожали, по спине ручьями струился пот, я потянулся в карман за сигаретой. Мы свое дело сделали, мы нашли альпинистов, мы сели, дальше – это уже работа спасателей, а мы покурим пока. Но не успел я вытащить сигарету, как Саша обратился к нам:

- Ребята, не поможете? Нас всего трое, а нам на три группы разделиться надо, иначе не успеем всех собрать.

Как не хотелось выходить из кабины и окунаться в круговерть летящего снега и пронизывающего ветра, как не хотелось расставаться с теплом! Но мы все: и пилоты, и спасатели делали одну работу, которую нужно было выполнить до конца. Если нам не удастся собрать группу до темноты, то все, что сделали мы сейчас, будет напрасным. Меньше чем за секунду пронеслись эти мысли в голове, неуловимое мгновение потребовалось для того, чтобы расставшись с теплом, подняться и выйти из самолета, работа продолжалась, нужно было идти.

---

[36] Углы тангажа – углы пикирования или кабрирования (набора высоты)

Мы с Сашей отправились за тем, который шел к вершине. Мы шли, заслоняясь от ветра рукой, стараясь не потерять направление, тяжело ступая по снегу, шаг за шагом мы продвигались вперед. Только бы он не успел добраться до ледника, только бы не успел! Вскоре мы его увидели, мы кричали ему, но он не слышал, упрямо двигался вперед. Когда мы, наконец, догнали альпиниста, и Саша взял его за плечо, он обернулся, и тогда я увидел его глаза. Они горели безумным огнем, они смотрели на нас, но не видели. Он был в отрешенном состоянии, поглощенный лишь одной целью – дойти до вершины.

- Вперед, – прохрипел он, – вперед!

Повернулся и снова пошел.

- Виктор, стой, стой! – закричал Саша ему в самое ухо. – Где твоя группа, ты потерял их! Это же я, Саша, из горноспасательной службы, мы пришли за вами! Стой, тебе говорят!

Он остановился, повернулся к нам, взгляд его начал приобретать осмысленное выражение, он стал приходить в себя. Когда к нему вернулась способность соображать, он понял наконец, что произошло. Он шел к вершине, считая, что остальные члены группы следуют за ним. Он разговаривал с ними, отдавал команды, подбадривал, не зная, что был один, и никто его не слышал, никто, кроме свистящего ветра.

Когда мы вернулись к самолету, там уже были все, и те двое, что укрылись в снежной берлоге, и тот, ослепший альпинист, который шел к пропасти. Казалось, что все закончено, но нет, не все, нужно было еще взлететь. Взлететь в экстремальных условиях.

Западня

Площадка заканчивалась обрывом, за которым возвышалась отвесная скала. Нужно было оторваться от земли, успеть набрать скорость, убрать закрылки и развернуться, не врезавшись в скалу. Начинать разворот слишком рано нельзя, самолет, не успеет набрать скорость и может свалиться на крыло, опоздание с разворотом грозит столкновением со скалой. Край площадки едва просматривался сквозь летящий снег. Я двинул рычаг управления двигателем вперед, удерживая самолет тормозами пока мотор не наберет максимальную мощ-

ность. Самолет начал скользить по мокрому снегу, тормоза уже не держали, я отпустил их и начал разбег. Площадка заканчивалась, а самолет все еще бежал и бежал, колеса шасси вязли в мокром снегу. Скорость растет. Еще, еще немного, и мы взлетим.

Вдруг Николай Иванович резко убрал газ, и заорал не своим голосом:

- Тормози, тормози! Взлет прекращаем! Тормози же, черт! Тормози!

Я короткими импульсам нажимал на тормоза, чтобы не заблокировать колеса на мокром снегу, и не скапотировать[37]. Наконец самолет остановился. Впереди, перед глазами висела снежная пелена.

- Что случилось? – мне не видно было, что творится справа, со стороны вершины, я смотрел только влево – вперед, как положено при взлете и посадке. Я не мог видеть того, что увидел справа Николай Иванович. Разбуженный ревом мотора на взлетном режиме, снег оторвался от склона горы, сошла лавина. Еще несколько метров, и она накрыла бы нас, уволокла бы в пропасть. Вот тебе и взлет в экстремальных условиях!

Снег еще клубился, белыми облаками, медленно оседая на площадку. Когда все успокоилось, мы вышли из самолета и увидели, что площадка, с которой мы собирались взлетать, сократилась на треть. О взлете теперь нечего было даже и думать.

- Вот черт! – вырвалось у меня. – Половину площадки завалило, а у нас с собой даже лопаты нет!

- Какая лопата?! – сказал Николай Иванович. – Тут и бульдозером за месяц не управиться!

- Ну да, конечно, но у нас даже и лопаты нет. Что делать будем, Николай Иванович? – спросил я голосом, полным пессимизма.

- Иди в самолет, свяжись с аэропортом, без посторонней помощи нам отсюда не выбраться!

Сквозь свист помех, треск разрядов уходящей грозы мне все-таки удалось расслышать голос диспетчера аэропорта. Я описал ему наше бедственное положение, и узнал, что вертолет вернется в аэро-

---

[37] Скапотировать – перевернуться через капот.

порт только через наделю, и раньше рассчитывать на помощь нам нечего.

- Николай Иванович! Представляете, в какую западню мы попали! Раньше, чем через наделю, нам отсюда не выбраться! Спешили на помощь, и сами попали в эту чертову мышеловку! Ну что делать будем?! Это ж надо, как нам не повезло!

- Ну, во-первых, задачу свою мы выполнили, людей спасли, во-вторых, что значить «не повезло»? Повезло! Чертовски повезло нам, Сережа! Если бы не повезло, то не здесь бы мы сейчас разговаривали, а лежали под обломками самолета, засыпанные снегом, как говорят, без признаков жизни. А в-третьих, подождем неделю, ничего страшного. Самолет цел, мы живы, придет помощь, расчистят площадку, и взлетим.

Но Виктор, который возглавлял попавшую в беду группу, уже пришел в себя и высказал свое мнение:

- Какого черта мы будем ждать здесь целую неделю? Учтите, продуктов у нас всего на четверых, на три дня, а нас девять, вместе с пилотами, и жить здесь еще семь дней, как минимум! Да и окоченеем мы ночью в этой железяке, – он стукнул рукой по фюзеляжу, – спальника то всего четыре! Нечего нам здесь сидеть! Спускаться нужно!

- Ты соображаешь, что говоришь? – ответил Саша, руководитель группы спасателей. – Как ты себе мыслишь спускаться? Степан вон, поражен снежной слепотой и почти ничего не слышит, как ты его будешь спускать? Пилоты вообще навыков альпинизма не имеют, а спускаться не по тропинке придется, а по скалам, с крючьями. Короче, группа к спуску не готова, нужно оставаться и ждать помощи.

- Что ждать, что ждать? Пока передохнем с голоду и перемерзнем тут? И Степана спустим! И раненых, и мертвых с гор спускали, спустим и его. И с пилотами разберемся, булинь[38] на груди свяжи, держись за веревку, и топай по скалам вниз, не велика премудрость, с верхней страховкой спустим!

---

[38] Булинь – морской «беседочный» узел, применяется альпинистами при страховке.

- Не слишком ли много оптимизма, герой? Сам чуть группу не загубил, а теперь умничаешь?! Смотри, погода какая! Да и ночь надвигается! Совсем, что ли сдурел?

- Вы, как хотите, а я спускаюсь! Кто со мной?!

Николай Иванович, который до сих пор молчал, слушая перебранку двух альпинистов, сказал спокойно, но категорично:

- Никто никуда спускаться не будет. Я руководитель экспедиции. И я принимаю решение. Что значит дисциплина в горах, вы, надеюсь, понимаете. А насчет навыков альпинизма, вы ошибаетесь, я не только летал, а и по горам ходил в свое время, имею первый разряд по горному туризму, и как булинь связать знаю, и как дюльфером[39] спускаться. Саша прав, группа к спуску не готова.

Помню, случай был в шестидесятых годах. Зимой группа туристов из Молдавии поднималась на Говерлу. Сложности там никакой, на тракторе можно на вершину заехать. Но началась пурга, им бы организовать стоянку, переждать непогоду, но руководитель принял решение идти. Группа растянулась, люди выбились из сил, и замерзли поодиночке. Руководитель, поняв всю трагичность ситуации, бросился в пропасть. Так и погибли все пятнадцать человек. Причина – самонадеянность руководителя и отсутствие дисциплины в группе. Вот так-то.

А с голоду не помрем. В блокадном Ленинграде люди девятьсот дней и ночей жили, а тут всего неделю продержаться на блокадном пайке. Да и не замерзнем, система отопления у Ан-2 хорошая, запустим мотор на малых оборотах и погреемся, естественно экономя бензин, чтобы на обратный путь хватило. Я ведь не просто летчик, а полярный летчик, приходилось зимовать на льдине в гораздо худших условиях.

Николай Иванович знал, что самое страшное в зимовке – это не голод и холод, да и продукты питания были в самолете, так что нормы блокадного Ленинграда нам не грозили, самое страшное – это вынужденное безделье. От безделья люди звереют и сходят с ума. Нико-

---

[39] Дюльфер – скоростной спуск по крутым и отвесным склонам с помощью страховочной веревки, закрепленной в верхней точке, назван по имени немецкого альпиниста, Ганса Дюльфера.

лай Иванович нашел работу всем: дежурство на радиостанции, ведение дневника погоды, расчистка площадки подручными средствами и подготовка ее для приема вертолета, оборудование посадочных знаков из материала палатки, дежурство по кухне и прочее. Несмотря на мои опасения, на отсутствие работы никто не жаловался. В центре площадки выложили посадочное «Т», сшили из остатков палатки конус для определения с воздуха силы и направления ветра, называемый в авиации «колдуном».

По вечерам, перед сном, прогревали салон, запустив двигатель на малых оборотах. Хотя и пустой дюралевый фюзеляж быстро остывал, из спальных мешков и самолетных чехлов соорудили «постель», которая все-таки сохраняла тепло до утра.

Проходили дни за днями, а вертолета все не было. Вечерами, перед сном, прогревали фюзеляж все меньше и меньше, экономя бензин, и однажды Николай Иванович сказал:

- Мы не можем больше запускать двигатель и жечь бензин, нам нужно еще взлететь и вернуться в аэропорт. Придется больше двигаться и меньше спать.

И тут Саша, руководитель группы спасателей, вдруг вспомнил:

- Ребята! Так ведь на западном склоне горы есть пещера, совсем недалеко отсюда, можем ночевать там!

- Не думаю, что в пещере теплее, – сказал я, – вспомнив холод и сырость катакомб, по которым мы пытались выбраться из «города призраков».

- Да нет же, нет! Там, если спуститься метров на десять, есть зал с поземным озером, образованным теплым источником!

- Что же ты раньше не вспомнил?! – спросил Николай Иванович. – Мы бы бензин не тратили зря!

- Да с освещением проблемы, на всех один карманный фонарик, да и у того батарейка на пределе, на одну или две ночевки хватит, не больше.

- Да есть у нас фонарь! – сказал я. – Довольно мощный аккумуляторный фонарь, мы их для подсветки полосы ночью на площадках припасли, а когда выгружали оборудование перед полетом сюда, один оставили в самолете, так, на всякий случай.

Вечерело, надвигались сумерки, низкие, тяжелые облака плыли над самой площадкой, укрывая вершину горы своим серым, влажным покрывалом. Борьба холодного и теплого воздуха привела к образованию фронта окклюзии, который запер циклон в горах. Даже если вертолет вернется в Южногорск, он не сможет вылететь к нам на помощь, пока не установится погода. Нам остается только осваивать новое жилище и ждать.

Саша вел нас по тропе над самым обрывом, к пещере, на западный склон горы. У Степана, который потерял солнцезащитные очки во время восхождения и был поражен снежной слепотой, зрение постепенно восстанавливалось, и он уже мог передвигаться самостоятельно. Хотя путь к пещере занял не более тридцати минут, к концу перехода мы были утомлены, сказывался недостаток кислорода, напряжение мышц и нервов при движении по скользкой тропе над самым обрывом. Войдя в пещеру, мы с облегчением вздохнули, Николай Иванович включил фонарь.

- Ну вот, – сказал Саша, – сейчас спустимся вниз, к подземному озеру, и можно располагаться на ночлег.

Через несколько минут мы оказались в довольно обширном зале, увенчанном куполом, с которого спускались сталактиты, посреди зала в свете фонаря блестело озеро.

- Вот мы и пришли, располагайтесь, – сказал Саша, опустив на пол рюкзак.

Расстелив спальные мешки, и чехлы, мы растянулись на полу пещеры, наслаждаясь теплом и покоем. Когда усталость и нервное напряжение немного улеглись, мы начали исследовать наше жилище, освещая стены мощным лучом фонаря. Вдруг Саша воскликнул:

- Смотрите! Там что-то есть! – кричал он, показывая рукой в дальний угол зала пещеры, и эхо, отражаясь от каменных сводов вторило ему.

Там, в глубине, блеснула плита, выделявшаяся на фоне серых бесформенных стен своей ровной, обработанной поверхностью.

- Похоже на склеп, – сказал я.

- Да, похоже, – подтвердил Николай Иванович, – но почему Вы не видели ее раньше? Ведь Вы же бывали в этой пещере, и не раз?!

- Не знаю, – удивился Саша, – здесь раньше пыль была, камни. А сейчас, будто расчистил кто.

Плита была плотно подогнана к нише, которую она закрывала, и приподнять ее оказалось не так уж просто, но использую ножи, ледорубы и веревки, мы, наконец, приподняли плиту и обомлели. Нет, это был не склеп, не захоронение, в нише лежали свитки неизвестного нам материала, покрытого знаками, которые напоминали иероглифы или буквы древних манускриптов.

Николай Иванович взял в руки один свиток, осмотрел его внимательно и сказал:

- Похоже на выделанные тюленьи шкуры, я видел такое на Севере. Считалось, что северные народы не имели письменности, но иногда мы находили выделанные тюленьи шкуры с нанесенными на них знаками, сами местные жители ничего нам объяснить не могли. Передавали эти находки в Академию наук, но и оттуда ответа не было.

- Но откуда здесь, в горах могут взяться тюленьи шкуры? – спросил я.

- Не знаю, – ответил Николай Иванович, – не знаю, но очень похоже.

Осторожно, чтобы не повредить древние рукописи, мы с интересом рассматривали свитки. Внимание привлек один, на котором было изображение, напоминавшее карту.

- Николай Иванович, смотрите, да это же карта! – воскликнул я, удивленный находкой. – Но что это может быть? Не похоже ни на один континент!

- Возможно, это не та проекция, – сказал Саша, – мы привыкли к проекции Меркатора, но до нее существовало множество других. Помните историю с картой турецкого адмирала Пири Рейса? Ученые долго не могли понять, что на ней изображено, но когда изменили проекцию, то поняли, что на ней изображена Антарктида и южный берег Африки. Но самое интересное то, что на древней карте Антарктида не была покрыта льдом! Сама карта датируется 1513 годом, и это за 300 лет до открытия Антарктиды! Геологи установили, что такой вид этот материк мог иметь четыре тысячи лет до нашей эры! Причем

подробности карты таковы, что она могла быть составлена только на основании снимков их космоса!

- Вот это да! – воскликнул я. – А кто же мог начертить эти карты?

- На этот вопрос до сих пор нет ответа, возможно пришельцы с других миров, посещавшие нашу планету в давние времена, а возможно на Земле существовала когда-то древняя цивилизация, достигшая высокого уровня, но по каким-то причинам прекратившая свое существование еще до нашей эры.

Николай Иванович, внимательно осматривавший древнюю карту, сказал:

- Да, Меркатор, именно Меркатор! Это очень похоже на карту, составленную Герардом Меркатором в шестнадцатом веке, здесь изображена Арктика.

- Арктика? – спросил я. – Но ведь в Арктике нет материка! Это, скорее всего, мифы или заблуждения древних картографов.

- Нет, это не мифы, и не заблуждения, все указывает на то, что когда-то здесь был материк!

- Может и был, но не в шестнадцатом веке!

- Дело в том, что Меркатор рисовал свою карту на основании каких-то древних источников, которые сейчас утрачены. При христианизации Руси все древние документы, относящиеся к более раннему периоду, были варварски уничтожены, поэтому найти первоисточник карты Меркатора уже невозможно.

- А что же это за карта? Может это и есть первоисточник?

- Возможно, по крайней мере, один из них, думаю, что первоисточников было несколько. Вот видите, здесь, – Николай Иванович показал рукой на материк, изображенный на карте, – это хребет Ломоносова, это хребет Менделеева, сейчас они под водой, видимо, когда-то они были сушей. По всей вероятности, на этой карте изображена та самая Гиперборея, о которой писали древние греки.

Предполагают, что в Арктике, которая когда-то была цветущим материком, существовала древняя цивилизация высокой культуры, народ, который называли ариями. Затем, в результате глобальных климатических изменений на планете, наступило оледенение материка, и потом он ушел под воду. Народы, населявшие эту территорию,

кочевали на юг, пройдя через Европу и Азию, дошли до Индии. Они образовали славянские, скифские и индийские племена, оставив этим народам часть своей культуры и веры. Возможно, что Гиперборея – это и есть ушедшая под воду Атлантида, упоминаемая Платоном.

- Предполагают, что полюса Земли были когда-то в другом месте, и земная ось не имела наклона, а в результате грандиозной космической катастрофы, вероятно столкновения с кометой, сместилась земная ось, и наступило резкое похолодание.

- Я не особенно доверяю этой теории, – сказал Николай Иванович, – вы все прекрасно знаете, как работает гирокомпас, авиагоризонт – гироскоп сохраняет неизменным направление оси вращения, при изменении положения самолета в пространстве. Земля – это гигантский гироскоп, и если под воздействием внешней силы земная ось изменит свое положение, то после прекращения действия этой силы она займет свое прежние место. Это закон физики. Так что, если земная ось и изменила свое положение, то для этого должны быть какие-то другие причины, но никак не столкновение с космическим телом.

- А оледенение? Почему тогда возникло оледенение полярных материков?

- Для начала оледенения достаточно понижения средней температуры планеты всего на три-четыре градуса. Это может быть обусловлено изменением концентрации углекислоты в атмосфере, слой которой играет роль теплового экрана Земли.

- Но ведь затонули же материки!

- Да, но на планете постоянно идут процессы горообразования, материки сходятся и расходятся, поднимаются и опускаются в результате движения тектонических плит. Я не исключаю вероятности космической катастрофы, но теперь уже установлено, что процессы оледенения и глобального потепления на нашей планете имеют циклический характер.

- Но если существовала достаточно развитая цивилизация, если они могли даже делать снимки их космоса, то должна же была эта цивилизация как-то защитить себя от глобального похолодания!

- Ты думаешь, сейчас мы сможем как-то защититься от глобальных климатических изменений? Единственное, что люди могут придумать, так это войны за обладание теми территориями планеты, на

которых еще можно будет как-то выжить. И этим окончательно уничтожат себя.

- Я вижу, Николай Иванович, что Вы по натуре оптимист, – съехидничал я, но он оставил мое замечание без ответа.

- Скорее всего, именно здесь пролегал путь древних ариев из Гипербореи в Индию, наверное, в этой пещере был древний храм, капище, словом место свершения обрядов. Думаю, эти документы многое прояснят в истории народов, да и в истории нашей Земли.

- Надо эти документы передать в Академию наук, – сказал Саша. – Давайте перенесем их в самолет.

- Думаю, что вот этого, как раз делать не стоит, – возразил Николай Иванович, – документы хранятся здесь веками при постоянной температуре и влажности, изменение условий хранения может привести к порче, а то и к утрате реликвий, мы ведь не специалисты в археологии, можем вреда принести больше чем пользы. Нужно сфотографировать несколько документов, и передать ученым фотографии. У нас есть цифровой фотоаппарат, света фонаря хватит для того, чтобы им воспользоваться. Потом сложим все на место и закроем плиту.

Осторожно, разворачивая свиток за свитком, мы фотографировали текст, один документ поразил нас сходством знаков с древним славянским алфавитом.

- Что же здесь написано, Николай Иванович?

- Аз Боги Веде, – прочел он.

- Что это значит?

- Я ведаю богов! Вот, что это значит! Это Веды, ребята, Веды! Существуют индейские и славяно-арийские веды, иранские веды, под названием Авеста. Но все они записаны со слов древних мудрецов, единого первоисточника не существует, точнее не существовало! Думаю, это и есть первоисточник! Вы даже не представляете, что мы с вами нашли!

Освобождение

Через два дня погода улучшилась, в разрывах облаков показалось голубое небо, циклон, висящий над горами, смещался к югу и

распадался, унося за собой рваные клочья облаков. Вертолет вернулся в Южногорск, и готов был вылететь нам на помощь, но потом оказалось, что это был Ми-8, а он не может поднять на внешней подвеске шестнадцатитонный бульдозер, а тяжелый транспортный вертолет Ми-26, был занят на строительстве газопровода.

- Ну вот, – сказал я, – всегда у нас что-то не так, и погода установилась, и вертолет вернулся, да не тот. Теперь остается или ждать, пока освободится Ми-26, или пока снег сам растает.

- Не ворчи, – сказал Николай Иванович, – не оставят нас здесь до весны зимовать, что-то придумают.

Николай Иванович оказался прав, в тот же день Ми-26, не заходя в аэропорт, взял бульдозер на внешнюю подвеску, и прямо со строительной площадки направился к нам. Командир вертолета связался с нами на подходе, и сообщил, что прибудет через двадцать минут.

Я взглянул на небо – у самой вершины горы появилось легкое белое облачко, оно росло, превращаясь в тяжелую серую массу, которая ползла в нашу сторону. «Только бы он успел сесть, – подумал я, – опять портится погода».

Мы с нетерпением вглядывались в небо, стараясь разглядеть силуэт машины или хотя бы точку на фоне горы, и вдруг Саша крикнул: «Летит! Летит!» Где-то вдалеке слышался тихий звук винта, потом он стих, видимо гора затенила звук, потом появился с новой силой.

Но вертолета мы не увидели, серое, грязное облако, оставшееся от уходящего циклона, повисло над самой площадкой.

- Вот, черт! – вырвалось у меня, – Только этого нам не хватало!

Я понимал, что вертолет не сможет сесть в таких условиях, и кружить над площадкой в ожидании погоды ему тоже не имеет смысла, облако еще не скоро покинет нас, и он вынужден будет уйти. Николай Иванович запретил командиру вертолета посадку, и рекомендовал возвращаться в аэропорт. Я понимал, что это единственно правильное решение, но разозлился на него: «Чего он лезет! Пусть пилот сам решение принимает!».

Но вертолетчик так просто сдаваться не хотел:

- Работайте постоянно на передачу, я выйду на вас по радиокомпасу, какая высота нижней кромки над площадкой?

- Не больше пятидесяти метров, – ответил Николай Иванович, на глаз прикинув высоту облачности.

- Нормально, сядем, – сказал командир вертолета.

- А какой минимум у вертолета? – спросил я Николай Иванович.

- Сто пятьдесят при визуальном заходе, и шестьдесят при посадке по приборам.

- Так как же он сядет, да еще с грузом на внешней подвеске?

- Раз сказал, значит сядет.

- Заходим с запада, от вершины Кемаль-Бурун, я ее вижу над облаками, если увидите нас раньше, чем мы землю, корректируйте заход визуально.

Мы вглядывались до боли в глазах в серую муть облаков, в направлении, которое указал нам командир вертолета. И вдруг мы увидели… нет, не вертолет, прямо на нас над самой кромкой облаков летел бульдозер, вертолет еще скрывали облака, и Николай Иванович крикнул в микрофон:

- Вижу вас, вижу! Командир, возьми левее, ты слишком близко к скале! Левее! Левее!

- Понял, понял, спасибо.

Трактор на мгновение завис, потом продолжал снижение, смещаясь влево и уходя от скалы. Вскоре мы увидели и сам вертолет.

- Посадочные знаки вижу, сажусь, все нормально!

Пилот аккуратно опустил на землю бульдозер, со звоном упал отцепленный трос, и вертолет, освободившись от груза, приземлился. Когда умолкли двигатели и остановились винты, из вертолета вышли спасатели.

- Привет ребята! Давно загораете? О, сколько навалило снега! Хватит работы!

Покурив, они направились к трактору, на ходу обсуждая план борьбы со стихией, преградившей нам путь в небо, запершей нас на этой маленькой площадке среди гор. Мерный гул голосов, неторопливые действия людей, безусловно знающих свое дело, внушали спокойствие и уверенность в том, что эта неодолимая снежная стена бу-

дет, наконец, убрана с нашего пути, и старый, верный Ан-2 продолжит свой путь к тайнам исчезнувших цивилизаций.

Вскоре мы увидели и экипаж вертолета. В неторопливой, уверенной походке командира ощущалось что-то знакомое: движения, жесты, лицо. И тут я узнал его – это был Коля Клименко, тот, с которым мы расстались в клинике доктора Вагнера.

- Коля, ты? Не может быть! – воскликнул я, кидаясь ему навстречу.

- Серега! Вот это да! Вот уж никогда не мог подумать, что именно здесь, в горах встречу тебя! Глазам своим не верю! Ты, и на «кукурузнике»! Невероятно! Ни хрена себе!!

Мы обнялись. Тискали друг друга в объятиях, хлопали по плечам, словно проверяя, не снится ли нам эта встреча, неужели это все наяву?! Уж никогда не думали, что снова доведется свидеться.

- Ты как сюда попал? – Спросил я Николая.

- После того, как выбрались мы из дурдома, вернулся я домой, да не смог долго высидеть, снова в небо потянуло. А тут в газете прочел объявление, что требуются пилоты вертолета с большим опытом работы для строительства газопровода. Это же надо! Сразу после контрреволюции безработных пилотов было хоть пруд пруди, а сейчас вдруг требуются! Отослал свое резюме, написал, где летал, что делал, особо конечно, не надеялся. Времени до хрена уже прошло, думал не выйдет ни черта с этого роя, на фиг я кому нужен?! И тут, представляешь, вызов пришел из Южногорска! Только вот, медкомиссии боялся. Ведь меня по ранению списали. А тут, представляешь, на медкомиссии никакого следа ранения не обнаружили. Ну а ты как оказался в этих забытых богом и чертом горах?

Я рассказал ему свою историю.

- Да, сказал Коля, – когда-то, в детстве, жили мы в военном городке, на Севере, был у нас во дворе сарай, так мама часто мне повторяла: «Не ходи в сарай, там сквозняк». Что такое сквозняк, я тогда не знал, и думал, что в сарае живет ужасный дикий зверь, было страшно, но до жути интересно: что же это за сквозняк такой, – и я все равно каждый день в сарай лазил. Любопытство у нас сильнее страха.

- Это не простое любопытство, Коля, стремление заглянуть за край бездны всегда было свойственно человеку. Что заставляло Ко-

лумба, Магеллана и других плыть к черту на рога? Жажда славы? Денег? Необходимость расширения владений своих королей? Нет, все тоже желание – заглянуть за край бездны.

- Все это хорошо, когда сидишь в теплой комнате, в мягком кресле перед телевизором, и сморишь передачи про тайны мироздания, но что бы самому, по доброй воле лезть в пекло, нет, мне хватило уже приключений в жизни, один дуром доктора Вагнера чего стоит!

Напоминание о клинике доктора Вагнера вызвало у меня ощущение тоски и безысходности. Неужели мир движется к своему концу? Но ведь есть же и другая концепция развития мира, о которой упоминал профессор Невельский. Может быть, те рукописи, которые мы нашли в пещере, имеют отношение к тому, о чем он говорил?

- Ты ничего не знаешь о ребятах? Где теперь Валера, доктор Архангельский?

- Нет, – вздохнул Коля, – с тех пор, как расстались мы тогда, ни о ком я больше ничего не слышал. Да и то, что тебя здесь встречу, тоже никогда и подумать не мог!

- А ты знаешь, что мы здесь нашли, здесь на плато, в пещере? – сказал я понизив голос почти до шепота, будто опасаясь, что кто-то может услышать наш разговор. – Кажется, мы нашли то, чего не могла найти секретная экспедиция СС.

- Неужели вы наши Шамбалу?!

- Не знаю, существует ли Шамбала, или это только легенда, не знаю, ее ли искала экспедиция СС, но похоже, что мы нашли записи знаний древнего, исчезнувшего народа, который дал начало белой Расе. Мы нашли Веды.

- Но ведь Веды известны с древних времен?!

- Известно лишь то, что было записано позже, на основе устных преданий, похоже на то, что мы нашли первоисточник. Я рассказал Николаю о нашей находке.

- Если бы представители высокоразвитой цивилизации, которой, как ты говоришь, была Атлантида, хотели оставить потомкам знания, вряд ли они стали бы писать на тюленьих шкурах, у них должны бы были существовать более совершенные носители информации, типа лазерных дисков, и тому подобной технотронной ерунды, – возразил Коля.

- Вот именно, что ерунды. Если бы мы нашли подобные носители данных, вряд ли когда-нибудь ученые смогли бы найти способ прочесть информацию. Принцип записи и кодирования мог быть совершенно другим, в корне отличным от того, которым пользуются сейчас. Кроме того, может быть и такие источники тоже существуют. А может быть, люди задумали оставить систематизированные записи знаний уже после того, как природные катаклизмы уничтожили все технические средства хранения информации.

- Что бы ты мне ни говорил, не могу никак представить себе высокоразвитую цивилизацию, при которой люди пишут на тюленьих шкурах! У меня сын, балбес, в восьмом классе учится, а без калькулятора два и два сложить не может, пишет рукой так, что эти каракули прочесть не возможно! Зато компьютер знает в совершенстве! На клавиатуре работает, как машинистка, в Интернете лазит, как у себя дома! А ты говоришь – оставить систематизированные знания на тюленьих шкурах, когда технические средства были утрачены! Да нынешняя молодежь без компьютера и мыслить не умеет!

- Вот именно – мыслить! Мы думаем, что высокоразвитая цивилизация обязательно должна быть техногенной. Мы мыслим стереотипами, свойственными нашей цивилизации. А что, если древним не требовались никакие технические средства для передачи информации?

- Это как?

- А так, что-то вроде передачи мыслей на расстояние. Возможно, они имели доступ в базе данных вселенной без помощи каких-либо технических средств. Развитие не обязательно должно идти техногенным путем, вполне возможно, что они силой мысли умели творить то, что мы не умеем делать с помощью техники. Техника превращает нас в рабов, мы уже не можем без нее обходиться, а они, видимо, могли. А когда поняли, что знания, накопленные веками, могут быть потеряны навсегда, стали записывать их на тюленьих шкурах. Возможно, есть и другие источники информации, но мы о них просто не знаем.

- Как бы то ни было, все это только твои рассуждения, еще неизвестно, что вы там нашли, нужно еще прочесть эти записи, может

все гораздо прозаичнее? Какие-то обрывочные сведения, зарисовки быта, а не целостная система знаний древнего народа.

- Может быть ты и прав, пока мы еще ничего не знаем о том, что же мы на самом деле нашли, все это выяснится потом, и уже не нами.

День догорал. Низкие размытые облака над площадкой окрасились тяжелым багровым заревом, будто кто-то пролил красное вино на серую скатерть неба, и оно разлилось по нитям небесной ткани, стекая на землю. Работы по расчистке площадки были остановлены с наступлением сумерек. Умолк рев бульдозера, затихли голоса людей, и наступила первозданная тишина, пронизанная ветром, что выл в антеннах, плоскостях Ан-2 и лопастях винта вертолета.

Спасатели установили большую армейскую палатку, оборудованную печкой, и мы все, вместе с ними с удовольствием разместились на ночь в этом простом брезентовом уюте походной жизни. Я уснул, впервые за все время нашего заточения на плато, я уснул спокойным глубоким сном. Мне снился профессор Невельский, доктор Архангельский, Валера Матвеев, и доктор Вагнер. Доктор Вагнер смотрел на меня и смеялся, он говорил, что люди глупы, они никогда не узнают, кто на самом деле управляет миром. Потом доктор Вагнер превратился в египетского жреца, который держал найденные нами рукописи и говорил, что мы никогда не сможем прочесть то, что там написано, и бросил рукописи в огонь. Потом египетский жрец превратился в библейского Моисея, сначала он шел по пустыне во главе колонны людей, а после вколачивал гвозди в ладони и ступни Иисуса Христа.

Проснулся я в полном замешательстве и недоумении. Сон оставил какое-то непонятное впечатление, впечатление реальности событий, хотя я и понимал, что это не более чем бред. Дневные заботы, рабочая суета притупили впечатления сна, но осталось какое-то неуловимое, тонкое чувство, которое невозможно объяснить разумом, но которое оставляет неизгладимый след в душе. И потом, через много лет, услышишь ли дуновение ветерка, ощутишь ли знакомый запах или случайно брошенное слово коснется какой-то струны, и прежнее чувство всколыхнется с новой силой, волнуя и бередя что-то давно забытое, пережитое, возможно и не нами.

Наконец, работы по расчистке площадки закончены, можно взлетать. Спасатели убрали палатку, погрузили в вертолет оборудование, бульдозер подготовили к транспортировке. Мы с Николаем Ивановичем, его тезкой, и командиром бригады стояли возле вертолета.

- Спасибо вам, ребята, – сказал Николай Иванович Коле и бригадиру команды спасателей, – уж не знаю, как вас благодарить.

- Не стоит благодарности, – ответил бригадир, – все друг другу помогают в беде, на том и стоит земля русская.

- Ну что, Серега, до встречи, – сказал Коля, – не знаю, когда еще свидеться придется, мы в аэропорт не заходим, сразу на площадку, работы по горло.

- Возвращаться будем через Южногорск. Я найду тебя, – ответил я. – По рации вызову на подходе, а если не будешь в полете в тот момент, свяжусь через диспетчера. Ну бывай, Коля, счастливо тебе!

- И вам, ребята удачи! И главное, счастливого возвращения.

Вертолет ушел, унося трактор на внешней подвеске. Мы смотрели вслед, на уменьшающийся силуэт машины, пока он не скрылся за вершиной горы.

- Пошли, ребята, пора, будем к взлету готовиться, – сказал Николай Иванович. Но запустить мотор сразу не удалось. Прогревы двигателя на малых оборотах, работа на радиостанции – привели к тому, что аккумулятор сел, и уже не мог раскрутить маховик для запуска мотора. Сделав пол оборота, стартер умолк. Теперь запустить двигатель можно было только с аэродромным питанием, которого, естественно, на площадке не было. Ни один самолет в таком случае не смог бы запустить двигатели, ни один, кроме Ан-2. Самолет, предназначенный для работы вне аэродрома, пожалуй, единственный из всех летательных аппаратов имел простое, но весьма эффективное средство запуска двигателя – обыкновенную рукоятку, «кривой стартер», как на старых автомобилях. С ее помощью можно было раскрутить маховик до нужных оборотов и, включив сцепление с двигателем, осуществить запуск даже с севшим аккумулятором. Крутили ручку по очереди, всем экипажем, недаром называют ее «ручкой дружбы».

Когда звук мотора ворвался в первозданную тишину гор, на душе стало уютнее и теплее, хотя условия взлета были не так просты. Короткая площадка, скала за обрывом, от которой нужно вовремя от-

вернуть. Мотор взревел на взлетном режиме, разрывая винтом холодный, влажный воздух, и самолет начал разбег. Край площадки стремительно приближался. Взгляд мой скользил по площадке, на мгновения возвращаясь к приборной доске, как шутят пилоты: «Один глаз в направлении взлета, другой – на указатель скорости». Медленно, очень медленно растет скорость. «Ну что же ты, давай, давай, родной», – мысленно шептал я самолету, а он все бежал и бежал по площадке.

Наконец он качнулся и стал осторожно, по метру, набирать высоту. Скорость росла, закрылки убраны, теперь пора выполнять разворот. Я начал его плавно, с небольшим креном, поскольку скорость все еще была мала. Скалы я не видел из-за крена машины, и это нервировало, я не мог определить, успеваем ли мы развернуться. Николай Иванович смотрел вперед - вправо ему со своей стороны скала должна быть видна.

- Увеличь крен, еще чуть, еще, – командовал он. Мы проскочили. Мы успели развернуться перед самой скалой.

В аэропорту, в маленькой гостинице нас уже ждала теплая, хотя и тесная комната и сытный ужин.

- Ну как там? – спросил Жан Поль.

- Нормально, – ответил я, – все живы.

Путь к Долине смерти

Погода менялась. Циклон, висящий над горами, уходил на юг, небо очистилось, ветер стих, и теплое, ласковое солнце согрело своими лучами уставшую от непогоды землю. Группы альпинистов потянулись в горы, чтобы пройти свой путь к вершине, путь, который не раз был пройден другими до них, но у каждого в этой жизни свой путь и своя вершина. Пусть уже побывали на ней многие, и именами тех, кто сегодня уходит в горы, не назовут пики и перевалы, но для каждого, кто прошел этот путь – эта вершина его. Это он, а ни кто другой, обдирая ладони о скалы, пробивался вверх, это он, ступив на ледник, вложил в свой каждый шаг всю волю и мужество, это он, опьяненный

победой, стоял на вершине, и потому, – это его вершина, только его. У нас свой путь, своя вершина. У каждого дороги свои, дороги, которые мы выбираем.

Наш маршрут не был отмечен на карте прямыми линиями отрезков пути и кружками поворотных пунктов, змеей вился он по долинам рек, обходя высокие горные хребты и вершины, через перевалы, над ущельями, каньонами и горными озерами с прозрачной, голубой водой.

Через три часа полета мы подошли к самому высокому перевалу, который нам предстояло преодолеть. Высота его была две тысячи семьсот метров, потолок у Ан-2 четыре тысячи, мы шли на высоте три тысячи двести метров, что вполне достаточно для безопасного полета. Долина сужалась, горы, покрытые зелеными лесами, уходили вниз, и самолет все плотнее обступали суровые скалы, безжизненные и неприступные, как часовые, охраняющие вход в свое царство. Седло перевала, которое маячило вдали, было единственным местом, сквозь которое можно было вырваться из сжимающегося кольца гор.

Легкое, прозрачное, словно невесомое облачко возникло над перевалом. Казалось, оно никак не могло помешать нам, но зная как быстро меняется погода в горах, я насторожился. Облако росло и развивалось прямо на глазах, из легкого перышка оно превращалось в мощное кучевое образование, белоснежные башенки тянулись ввысь, напоминая горные вершины, такие же суровые и неприступные. Чем ближе мы подходили к перевалу, тем мощнее становилась эта, родившаяся из легкого перышка, туча. Входить туда на легком Ан-2 опасно. Кроме бешеных потоков, грозящих разрушить самолет, могло возникнуть обледенение. На Ан-2 никаких средств против обледенения нет, и тогда затрещит перкаль на крыльях под тяжестью льда, со звоном лопнут растяжки между верхним и нижним крылом, и обломки конструкции, которая еще несколько минут назад называлась самолетом, рухнут из облака прямо на перевал. И какой-нибудь член комиссии, которая будет расследовать летное происшествие, почесав затылок, тихо проворчит, что только полный идиот мог влезть на Ан-2 в грозовое облако.

Хотя облако это еще и не стало грозовым, но и полным идиотом я себя не считал. Прибрав газ, я стал снижаться, чтоб пройти под са-

мой нижней кромкой. Просвет между облаком и перевалом был небольшим, всего метров триста, но и этого вполне достаточно. При подходе к перевалу началась болтанка, самолет швыряло, раскачивая по крену и тангажу, потом нас резко потянуло вниз. Мы попали в мощный нисходящий поток. Вероятно, это был поток обтекания, встречный ветер, уткнувшись в перевал, поднимался вверх, создавая восходящий поток, но, поскольку пустоты природа не терпит, сразу же за перевалом он устремился вниз, все больше и больше прижимая нас к земле. Тянуть штурвал на себя бессмысленно – упадет скорость, а чем меньше скорость, чем дольше мы будем находиться в этом потоке, тем сильнее прижмет нас к земле. Нужно было проскочить его на скорости, ведь там, над перевалом, обязательно должен быть восходящий поток, да и облако уже родило свои потоки, и должно обязательно подтянуть нас вверх, оторвать от этого перевала.

Я уже видел точку на земле, в которую врежется самолет, перевал приближался, а восходящего потока все не было. Мы попали в мышеловку, как глупая мышь лезет за кусочком сыра в поставленный на ребро монеты стакан, так и мы полезли в эту, сужающуюся к перевалу, долину. Монетка упала, все, мышеловка захлопнулась, нам уже не развернуться в узком ущелье. А ведь предупреждал нас Василий Петрович! Решили сэкономить на одной посадке? Отказались от дорогих услуг международного аэропорта? Может быть, наши похороны обойдутся и дешевле, но теперь это почему-то не утешало. Чужие горы, неведомые! Вот и показали они свой характер, в своих горах мы бы не попались, мы знали свои горы, а эти – нет. Можно вспомнить многие из народных мудростей по этому поводу, но теперь они нам уже не помогут.

Двигатель ревел на взлетном режиме, пытаясь вырвать нас из смертельных объятий стихии, но земля неумолимо приближалась. Сто метров, восемьдесят, семьдесят, пятьдесят, вот уже видно как качается под ветром чахлый кустарник, и вдруг – подъем! Наконец-то долгожданный восходящий поток подхватил нас под крылья и понес вверх, от серых, суровых скал к темно-синему облаку, висящему над нами, закрывшему собою весь мир. Перевал уплыл под крыло, облако осталось позади, мир снова сиял синевой и чистотой, радостно светило

солнце, зеленые холмы лежали внизу, мы были живы, и жизнь эта снова была прекрасна.

- Иногда, все-таки, прощает Бог дураков! – проворчал Николай Иванович.

Время шло, мы приближались к Тангару, вот уже вошли в створ двух маяков, вот уже повернули на третий, пора запрашивать разрешение на посадку. Мы связались с диспетчером круга Тангара, я назвал тип нашего воздушного судна, бортовой номер, и запросил посадку. Последовало некоторое замешательство со стороны диспетчера, и наконец, обозвав нас: «Антонов-два два», он объявил, что аэропорт, в принципе, может принять наш самолет, но в том случае, если наш посадочный вес не превышает ста пятидесяти тонн, но не может обеспечить необходимый коэффициент сцепления колес с бетоном, так что возможно выкатывание за пределы полосы.

Мы обалдели. Какие сто пятьдесят тонн? Плевать нам на коэффициент сцепления! Даже скользя по чистому льду мы никак не выкатимся за пределы полосы длиной два с половиной километра! Я еще раз повторил, что наш самолет называется «Антонов-два», и его посадка ничем не угрожает покрытию полосы, но диспетчер упрямо твердил свое – «Антонов-два, два», двойкой больше, двойкой меньше, видимо для него не имело значения. Он рекомендовал нам, если позволяет остаток топлива, идти в международный аэропорт, полоса которого рассчитана на прием тяжелых транспортных самолетов.

Вот это да! На кой черт перлись мы через горы, рискуя гробануться на этом проклятом перевале, чтоб опять делать крюк и идти в международный аэропорт? И это все из-за возникшего недоразумения с диспетчером? Да и горючего нам не хватит. Жан Поль нервничал, мы находились уже на посадочной прямой, а посадку нам все не разрешали, хотя и не запрещали. Они принимали наш легкий Ан-2 за тяжелый транспортный самолет Ан-22.

- Нас явно с «Антеем» путают, – сказал Николай Иванович, – переубеждать бесполезно, похоже, что у них весьма скудные познания о самолетах Антонова – темнота! Заграница! Скажи им, что идем на одном моторе, иначе хрен они нам посадку разрешат!

Никакого обмана здесь не было, у Ан-2 действительно всего один мотор. Придав своему голосу, насколько мог, выражение, которое должно было непременно вызвать сочувствие, я произнес:

- Остаток горючего двести килограмм, иду на одном моторе! Срочно разрешите посадку!

Войдя в наше «бедственное» положение посадку, наконец, разрешили, но едва шасси коснулись полосы, как диспетчер диким голосом завопил:

- Биплан! Откуда Вы взялись! Срочно освободите полосу, за Вами аварийно садится «антонов»!

Напрасно я пытался успокоить диспетчера, убедить его в том, что наш, свалившийся на их головы биплан, и есть тот самый «антонов», диспетчер продолжал лихорадочно орать в эфир, вызывая на связь «Антонов-два, два», таинственным образом исчезнувший с экрана его локатора.

Когда недоразумение, наконец, разрешилось, посмотреть на нашего «Антошку» сбежался весь аэропорт. Русские самолеты еще ни разу до сей поры не садились в этом, затерянном в горах, порту, и все познания о самолетах Антонова у местных специалистов ограничивались только тем, что они читали или когда-либо слышали о Ан-22, «Антее» и Ан-124, «Руслане». Осознание того, что к ним заходит на посадку один из самых больших самолетов в мире, привело всех диспетчеров в шок, они даже не смогли толком решить, что им делать, разрешать посадку или нет. С одной стороны, очень уж хотелось посмотреть на уникальный русский самолет, а с другой – они опасались, что двухсоттонная махина может повредить покрытие полосы, даже про коэффициент сцепления соврали – он был в норме (значение коэффициента они так и не назвали). И любопытство их было удовлетворено – они, действительно, увидели уникальный русский самолет, Ан-2.

От Тангара до Дегира полет проходил спокойно, остались позади горы, доставившие нам немало неприятных минут, и под крыльями самолета расстилалась необъятная равнина, порытая лесами и степями. Отдав управление Жан Полю, я задремал под равномерный гул мотора.

И тут я снова увидел ее, она была одета в красное платье с отложным воротником, она смотрела на меня долгим, туманным взором, в печальных глазах ее застыла то ли слезинка, то ли капелька дождя. И я понял, что-то должно было случиться, она всегда появлялась тогда, когда мне грозила смертельная опасность, я знал, что сейчас она уйдет, растает во мгле, и я никак не смогу удержать ее.

- Кто ты? – тихо спросил я, не надеясь, что она ответит.

- А разве ты не понял еще? – неожиданно ответила она, она впервые заговорила со мной, – я – твоя судьба, твой ангел-хранитель! Ты не должен лететь туда, возвращайся назад, два раза я спасала тебя, на третий у меня может не получиться.

- И тогда я умру?

- Не знаю, но есть то, что бывает хуже смерти! А если ты умрешь, то умру и я, возвращайся, вернись, пока не поздно!

- Но я не могу вернуться, мы летим, чтоб спасти пропавшую экспедицию, они ждут нашей помощи, как же я могу вернуться назад?

- Ты никого не должен спасать, спасают тех, кто попал в беду.

Сказав это она повернулась и ушла, растаяла, растворилась, не объяснив ничего.

Я проснулся, оттого что изменился равномерный, убаюкивающий голос мотора, мы снижались для захода на посадку в аэропорту Дегира. Жан Поль посмотрел на меня, предлагая взять управление, но я еще не мог прийти в себя и сказал, чтобы он сам сажал самолет. В Дегире наш Ан-2 не вызвал ни у кого удивления, здесь, в этом забытом Богом краю приземлялись лишь легкомоторные самолеты.

Было уже поздно, все службы аэропорта были закрыты, и мы не смогли выяснить ничего по поводу радиомаяка, который должны были закупить друзья Жан Поля. Нас приютила маленькая, грязная гостиница аэропорта. Обшарпанные, с облупившейся краской стены и потрескавшиеся потолки с тоской и унынием взирали на нас.

- Да ребята, – сказал Николай Иванович, – это вам не пятизвездочный отель международного аэропорта!

Я все думал, рассказать ли о том, что пригрезилось мне пока я спал, а может, это был вовсе не сон? И я решил, что рассказать все-таки надо, при нашей работе мы серьезно относились ко всему, что в обычной жизни просто сочли бы бредом, чертовщиной и суеверием. И

я предложил взять по чашечке кофе в баре, через который проходил наш путь на второй этаж в свой номер. Предложение было принято.

Бар был таким же грязным и неуютным, как и сама гостиница, ободранные стены были расписаны неприличными надписями на самых разных языках, к большому моему удивлению, я нашел здесь и русские слова, употребление которых в обществе считается, по крайней мере, непристойным. Вокруг нас крутились две девицы, весьма сомнительного свойства, пытаясь как-то завязать знакомство. Какой-то местный ханыга, изрядно выпивший, что-то выкрикивал в наш адрес, явно нарываясь на драку, разговор не клеился. Рудольф выразительно посмотрел на ханыгу, и тот притих, сосредоточившись на созерцании содержимого своего стакана.

- Давайте, возьмем кофе, и пойдем в номер, – сказал Николай Иванович, – не хватало нам еще драки с местными алкашами.

Мы взяли кофе и направились к выходу, ханыга увязался было за нами, что-то бормоча нам вслед, но, зацепившись за столик, упал, и растянулся на полу.

В номере было спокойно, шум из бара почти не доносился. Я рассказал обо всем, что увидел во сне, и о том, что это было уже не впервые, и чем все это заканчивалось. Ребята задумались.

- Похоже, что нас предупреждают, – сказал Николай Иванович, задумчиво глядя в темное окно, – но о чем?

- Потусторонние силы, если и предупреждают, – ответил Жан Поль, – то никогда не говорят, чего следует опасаться.

Рудольф был настроем более оптимистично:

- Мы летим в неведомое. Возможно, нас ждет какая-то опасность, каждый из нас об этом думает. У Сережи эти мысли оформились в виде сна, и не более. Скорее всего, это только наши собственные сомнения.

Остальные, в том числе и я, оптимизма Рудольфа не разделяли.

- Что означают слова, – спросил Жан Поль, – о том, что спасать нужно тех, кто попал в беду? Что экспедиции профессора ничего не угрожает? Но если им ничего не угрожает, то что тогда может угрожать нам?

- Это в том случае, если мы найдем экспедицию, – сказал Николай Иванович, – ведь мы о них, практически, ничего не знаем, мы даже радиограмму получили не полностью.

- Прошлые разы, – сказал я, – опасность была связана с отказами техники.

- Никаких отказов техники быть не должно! – категорически заявил Рудольф.

- Быть не должно, и быть не может – понятия разные, – философски рассудил Жан Поль.

- Думаю, что отказ техники – это не самое страшное, что может нас ожидать, – сказал Николай Иванович, – то, что происходит в этой долине, не укладывается в рамки обычной логики, наших знаний о мире недостаточно, поэтому нам и не могут сказать, что следует опасаться. Наши предки, язычники, знали о потусторонних силах больше нас, и могли обезопасить себя при общении с ними. Наш рационализм не дает нам никаких средств защиты, когда мы сталкиваемся с иррациональным.

Беседа наша не смога прояснить ситуацию, и ни к чему не придя, мы улеглись спать. Я еще надеялся, что увижу во сне что-то, что смогло бы как-то помочь в понимании происходящего, но ничего не увидел. Я словно провалился в темноту, и уснул мертвецким сном.

Утром, когда лучи восходящего солнца проникли сквозь грязные окна гостиницы, наше будущее уже не казалось нам таким мрачным и безысходным как вчера. Мы узнали, что ханыга, не проявлял к нам агрессивности, он просто хотел, чтоб мы угостили его настоящей русской водкой, а девушки, крутившиеся возле нас, которых мы приняли за проституток, предлагали нам за небольшие деньги экскурсию по местным достопримечательностям. Да и сама гостиница с утра показалась нам не такой уж мрачной.

Мы занялись подготовкой к полету. Жан Поль выяснил, что обещанный радиомаяк закуплен и ожидает нас на складе. Подписав необходимые документы, Жан Поль радостно сообщил, что можно приступать к погрузке оборудования.

Радиомаяк, общим весом в двести пятьдесят килограмм, был упакован в пяти ящиках, документация, согласно ведомости комплектации, находилась в ящике номер один. Разыскать грузчиков нам не

удалось, и мы решили сами тащить ящики к самолету. Николай Иванович работал в паре с Жан Полем, а я – с Рудольфом. Рудольфу ящик в пятьдесят килограмм – что пушинка, я же обливался потом в три ручья. На нашем острове уже давно наступила осень, а здесь, в Дегире, стояла невыносимая жара.

Николай Иванович, явно делая комплимент соотечественникам нашего француза, говорил:

- Вот, молодцы! Ведь могут же сделать компактный радиомаяк! А у нас компактным считается тот, что монтируется в кузове автомобиля, и может перевозиться на Ан-12, а тут, пожалуйста, и на Ан-2 можно доставить!

Я молчал и только пыхтел, как паровоз на подъеме. Когда, наконец, все ящики были доставлены к самолету, я сказал, вытирая пот со лба:

- У меня такое впечатление, что эта упаковка тяжелее самой аппаратуры, вы только посмотрите, какие добротные деревянные ящики! Ну прямо как у нас! И где это твои французы научились такие ящики делать?

- Не знаю, – ответил Жан Поль, – я раньше такой упаковки не видел, может, специальная поставка для стран с особым климатом?

- Ладно, грузите, потом разберемся, – распорядился Николай Иванович.

Погрузив оборудование, мы отправились оформлять полетные документы. Местный начальник, седой, пожилой француз, узнав, куда мы летим, сочувственно покачал головой:

- Гиблое это место, ребята! Полгода назад двое американцев и один наш пилот на Цессне хотели полетать над долиной, пилот не соглашался, но ему обещали большие деньги, и он полетел. Больше, с той поры, их никто не видел. Других искателей приключений не находилось.

- Мы не искатели приключений, – ответил Жан Поль, – это наша работа.

- Лучше быть безработным, чем иметь работу, связанную с нечистой силой!

- А вы уверены, что в долине обитает нечистая сила? – спросил Николай Иванович.

- А что же еще?!

Попрощавшись, и пообещав непременно вернуться, мы взлетели. Через час полета показалась долина и окружающие ее горы. Посадочная площадка была отмечена пустыми бочками из-под горючего, полные бочки были аккуратно сложены в стороне. На месте был и домик, сооруженный год назад, недалеко от него стояла хижина старухи Изель. Когда мы приземлились, старуха уже встречала нас у самолета, как ребенок радовалась она подаркам, которые мы привезли.

- А я вас еще неделю назад ждала, – сказала она.

- Мы так и рассчитывали, – ответил Жан Поль, – да погода подвела.

- А откуда ты знала, что мы должны прилететь? – удивился Николай Иванович.

- А вот, знала! – ответила старуха Изель.

Огромный серый волк, которого старуха называла собачкой, узнав пилотов, подошел к нам, по-собачьи виляя хвостом. Николай Иванович присел, и зверь положил ему морду на колени, уткнувшись мокрым носом в теплые руки. Рудольф вынес из самолета пакет с приготовленной для волка едой, угощал зверя, тот брал корм прямо с рук.

- Хорошая у вас собачка, – сказал я, – ласковая.

- Это она со своими ласковая, – ответила старуха, – чужих в клочья порвет. Зверь знает, кто с добром приходит, а кто со злом, он не человек, его не обманешь!

Поговорив со старухой, и пообщавшись с ее собачкой, мы приступили к разгрузке. Первым делом решили проверить радиомаяк. Рудольф с Жан Полем вскрыли ящик с документацией. Они вдвоем разбирались со сборкой, установкой и настройкой радиомаяка. Вдруг Рудольф громко и удивленно воскликнул:

- Да, это же наш, русский радиомаяк! РМ-200МК, научно-производственного объединения «Авианавигатор»! Только документация на французском!

- Это же надо! – сказал Николай Иванович. – В бывшей французской колонии купить русский радиомаяк! Оказывается и наши компактные станции делать умеют!

- Теперь мне понятно, почему такая упаковка, – проворчал я, – а ящики хорошие, добротные, пригодятся в хозяйстве.

- Ну, Жан Поль, разбирайся, – сказал Николай Иванович.

- Да черта с два разберешься! – ответил Жан. – Документация-то по-французски написана!

- Не понял? – удивленно ответил наш командир. – А ты ж у нас кто, француз? Или ты в России по-французски и читать разучился?

- Да лучше бы они по-русски написали! – воскликнул Жан. – Не понимаю я того французского, на котором эта документация написана! Пока речь идет о том, в каких выставках принимали участие, какие сертификаты получили – все понятно, но как только до технической терминологии дело доходит – так полный бред! Ну нет у нас таких терминов в радиотехнике! В каких словарях они эту терминологию отыскали? Вот, перевожу дословно: «Для того, чтоб собрать блоки в стойку, необходимо расплавить контактные группировки». Кто из вас мне объяснит, что такое «контактные группировки» и как можно их «расплавить»? Или вот – настройка. Фраза построена так, что совершенно не понятно, нужно ли установить частоту перед включением блока, или включить блок перед установкой частоты, а главное, написано, что все операции необходимо производить только в указанной последовательности, иначе станция работать не будет!

- Ничего, – заявил Рудольф, – разберемся, я хоть и немец, но родился и вырос в России, и методом научного тыка владею не хуже русского студента!

- Эй, вы, экспериментаторы, – сказал Николай Иванович, – смотрите, радиомаяк не спалите!

- Ну, Николай Иванович! – сказал Жан Поль.

- Обижаешь, командир! – добавил Рудольф.

- Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы с Сережей пойдем, пока хозяйством займемся.

Пока мы с Николаем Ивановичем занимались хозяйственными вопросами, ребята уже собрали и настроили радиомаяк. Я сел в кабину самолета, включил радиокомпас, и настроил на указанную частоту, стрелка индикатора показала наличие сигнала, радиокомпас указывал направление на маяк.

- Все, работает! – крикнул я, – выключайте, а то опять аккумулятор посадите!

Пропавшая экспедиция

Первый день наших исследований прошел спокойно. Мы летали над долиной, проводя аэрофотосъемку, измерения геомагнитных полей, ведя наблюдение за местностью. В первый день с нами ничего не случилось, так же прошел и второй, и третий день, и мы постепенно успокоились, чувство неведомой опасности, которое преследовало нас, притупилось, оно уже не вызывало нервозности и постоянного напряжения. Мы выполняли свою работу в обычном, будничном режиме. Однако вечером третьего дня произошло то, что заставило нас вновь подумать, что предостережение было не случайно.

Старуха Изель подошла к нам, и тихо сказала:

- Вам больше нельзя летать в долину.

- Почему? – спросили мы.

- Вчера в лесу волчица страшно выла, а ночью в горах Красная женщина родилась!

- Но что это значит, Изель?

Она ничего нам не ответила, молча повернулась, ушла, решив видимо, что и так сказала слишком много.

Мы были в недоумении, как и мой ангел-хранитель, старуха вновь предупредила нас об опасности, но она была более категорична, она сказала: «Нельзя!» Что же делать? Неужели, мы должны прекратить все исследования, даже не попытавшись выяснить, какая именно опасность нам угрожает? Мы уже не обсуждали слова старухи, бесполезно, все равно ничего не придумаем. Оставив решение до утра, мы улеглись спать.

Я долго не мог уснуть, самые невероятные мысли путались в голове, я представлял себе различные критические ситуации, которые могли возникнуть в полете, но ни одна их них не могла объяснить странной фразы старухи о волчице и Красной женщине. Потом все померкло, кануло во тьму, и я забылся тяжелым, тревожным сном.

Мне вновь привиделась она, мой ангел-хранитель, одетая в красное платье с отложным воротником, она медленно и бесшумно вошла в дом. «Идем со мной, – тихо сказала она, – идем». Она повела меня к двери, и тут я с ужасом понял, что это не та, это совершенно другая женщина, хоть и удивительно похожа на нее! У той был груст-

ный, печальный взгляд, а у этой во взгляде этой горел какой-то неистовый, дьявольский огонь. Панический страх и ужас сковал меня, я понимал, что не должен идти с ней, но уже не мог владеть своим телом. Она открыла дверь, и я отшатнулся назад, сразу же за дверью, передо мной зияла бездонная пропасть. Красная женщина схватила меня за руку, пытаясь вытолкнуть за дверь, я сопротивлялся. Это странное существо обладало огромной силой, она стиснула мое горло, и я стал задыхаться, сантиметр за сантиметром мы приближались к пропасти, еще секунда, и я упаду туда, куда она меня тянула. Я выпрямил правую руку, и уперся ею в косяк двери, собрав последние силы, я сбросил с горла ее пальцы левой рукой, и оттолкнул ее прочь, за дверь. Красная женщина исчезла, растаяла в темноте, все прекратилось. Проснулся я в холодном поту, лежа поперек кровати. Предрассветные сумерки уже бродили по дому, мои товарищи спали крепким, безмятежным сном, в тишине раздавался мощный храп Рудольфа.

Я сел на кровать. Это был сон, только сон, глупый странный бред, но при попытке пошевелиться, я с ужасом осознал, что все это случилось не во сне. Ныла правая рука, ушибленная о косяк двери, шея болела в том месте, где ее сдавила железная рука ночного чудовища, ощущалось растяжение связок в кисти левой руки. Нет, все-таки это был не сон! Я осторожно приоткрыл дверь, никакой пропасти за ней не было, все как обычно: зеленая трава у порога, силуэты деревьев, проступающие сквозь сумерки, и тихо дремлющий на стоянке Ан-2.

Возможно, я просто схожу с ума? Мечась в горячечном бреду по кровати, я сам себе причинил все эти травмы, обычный бред сумасшедшего, просто бред, бред и больше ничего? Да нет, не похоже. Уснуть я больше не смог. Утром, когда все проснулись, я рассказал о том, что случилось со мной ночью. Никто никакого разумного объяснения происшествию дать не мог. Исследовав синяки на моем теле, ребята пришли к выводу, что я не мог сам себе причинить эти травмы. На шее четко просматривались следы от пальцев, сдавливавшей горло руки. Поскольку Красная женщина, явившаяся ночью ко мне, цели своей все же не достигла, появилась надежда, что мы сможем справиться с той неведомой опасностью, которая нам угрожала, и мы решили продолжать исследования.

Когда мы уже готовились к вылету, к нам вновь подошла старуха Изель, и сказала:

- Все-таки, вы решили лететь!

- Это наша работа, – ответил Николай Иванович, – мы обязаны выполнить ее.

- Что ж, летите, но берегитесь того, чего нельзя увидеть глазами.

Старуха повернулась и ушла, медленно ступая босыми ногами по утренней росе, ушла, не объяснив ничего из сказанного.

Как можно остерегаться того, чего нельзя увидеть? Возможно, приборы Рудольфа сумеют зафиксировать ЭТО, то, чего следует опасаться?

Мы взлетели и, развернувшись над площадкой, взяли курс к долине. Сегодня нам предстояло углубиться дальше в горы. Высота тысяча двести метров, курс 210, полет по прямой, левый разворот под девяносто, опять прямая, опять разворот.

- Одна минута – параметры в норме, две минуты – параметры в норме, три минуты – параметры в норме, – докладывал Рудольф.

То, что произошло потом, я до сих пор не могу описать словами. Мысли исчезли, наступило небытие, сознание было размазано по пространству, все стрелки приборов замерли на нулевых отметках, самолет трясло. Я не узнавал никого из членов нашего экипажа, время остановилось, секундная стрелка часов замерла, было ощущение падения в бездну, кто-то что-то говорил, но я не понимал слов, слышал голоса, но не узнавал их, не понимал, о чем говорят. Ни одна мысль не могла сформироваться в мозгу, способность воспринимать информацию, анализировать и принимать решения была утрачена.

Кончилось все внезапно, так же, как и началось. Вновь слышал я спокойный, ровный гул мотора, стрелки приборов заняли свои места, часы вновь отсчитывали секунды, та же высота, тот же курс, те же самые горы под крылом.

- Четыре минуты – параметры в норме, – доложил Рудольф глухим, чужим голосом. В показаниях приборов никаких изменений не было, мы все же ощутили то, чего нельзя было увидеть глазами, но что с нами произошло, никто понять не мог. Мы продолжали полет по намеченной заранее схеме, ничего иного придумать мы не могли. Ко-

гда очередной этап работы был выполнен, и пора было возвращаться, я лег на обратный курс, и начал снижаться.

- Сережа, правее доверни! – сказал Николай Иванович, – еще правее, снижайся! Там, внизу, какие-то люди!

Теперь и я увидел людей, раньше, сколько бы ни летали над долиной, никогда еще никого не видели, долина была мертва, и тут вдруг, люди! С высоты было трудно их рассмотреть, но то, что они не были членами пропавшей экспедиции, было понятно и так. Их было трое, они стояли на склоне холма, и смотрели на самолет.

- Что будем делать, ребята? – спросил я.

- Снижайся, будем садиться, – ответил Николай Иванович, – там левее, есть площадка, куда мы в прошлом году экспедицию высаживали, видишь?

- Вижу, – ответил я.

- Тогда заходи на посадку!

Посадка в долине не была предусмотрена программой исследований. Но, во-первых, никто не рассчитывал на то, что мы можем увидеть людей, а во-вторых, то, что могло произойти с нами в этом полете, вероятно, уже произошло. Посадка и контакт с людьми, возможно, смогут прояснить ситуацию, а возможно, это будет последняя глупость в нашей жизни. Мы сели.

Люди спокойно, не спеша приближались к нам, когда они подошли поближе, мы увидели, что они вооружены, у каждого на боку висел тяжелый меч. Это были рослые, светловолосые, бородатые мужчины. Головы их были не покрыты, одежда состояла их рубашек, расшитых узорами, и полотняных штанов. Если их намерения были враждебны, то мы не могли ничего им противопоставить, оружия у нас не было. Но шли они спокойно, уверенно, не прикасаясь к рукояткам мечей, и мы надеялись, что все еще может закончиться для нас благополучно.

Подойдя совсем близко к нам, они поклонились самолету, вероятно принимая его за некое божество, затем тот, который казался старше всех, поднял руку, и произнес:

- Светлоокие сванги, потомки птиц, приветствуют вас, пришедшие с небес!

Он говорил на языке старухи Изель. Николай Иванович, знакомый с обычаями свангов по ее рассказам, выступил вперед, и ответил:

- Привет и вам, светлоокие сванги, потомки птиц, с добром и миром пришли мы на вашу землю.

Сванг подошел к нам вплотную, развязал, висевшую у пояса торбу, и достал оттуда хлеб, он отломил кусок, положил его в рот, и протянул нам остальное. Николай Иванович, тоже отломил кусок хлеба и съел его, отдав остальное нам. Мы проделали то же самое, и вернули оставшийся хлеб свангу.

- Разделивший со свангами еду становится братом нашему народу! Идемте с нами, братья, сегодня у свангов праздник, они чествуют Богов неба! Вас, братьев, пришедших с небес, приглашаем мы на праздник Богов!

У нас просто не было другого выхода, как последовать за ними. Я оглянулся на самолет. Старший сванг посмотрел на меня, и сказал:

- Не беспокойтесь о железной птице, Боги будут охранять ее.

Мне казалось странным то, что люди, не видевшие, вероятно, никогда ранее самолета, не были удивлены его появлению. Позже выяснилось, что сванги, называющие себя потомками птиц, с уважением относились ко всем летательным аппаратам, считая их своими предками, а людей, прилетевших в них, братьями. Не каждому первому встречному предложат эти гордые, свободные люди разделить с ними еду!

- Люди, прилетевшие на железной птице, не могут принести свангам зла, – говорили они.

Я с грустью подумал о том, что они не знали, и не могли знать о тех железных птицах, которые несут зло и беды народам в своих бомболюках, которые сжигают, разрушают села и города, сея повсюду горе и смерть. Дай Бог, чтобы они никогда этого не узнали.

Когда мы, в сопровождении свангов, прибыли в селение, праздник был в полном разгаре. На огромном вертеле, на догорающих углях костра жарилась туша большого жертвенного быка. Люди, крутившиеся вокруг, поливали мясо маслом, посыпая различными пряностями. Жрец, по-видимому, старший их троих жрецов, одетый в плащ голубого цвета, воздымал руки к небу, обращаясь с молитвой к Богам. Девушки и юноши пели песни, водили хороводы и прыгали через ко-

стры, разведенные здесь же, поблизости. Везде царило веселье, и радость была написана на лицах людей.

Когда приготовление пищи было закончено, старший жрец подошел к туше, отсек мечом поджаристый, аппетитный кусок мяса, и протянул нам. Первыми отведать угощение должны были гости. Николай Иванович, принимая мясо, потянулся к жрецу, порываясь что-то сказать, но тот сделал ему знак, чтобы он молчал. Мы ели мясо, закусывая его теплым хлебом и запивая сурьей, напитком, приготовленным на основе меда и трав. Общее веселье и праздничное чувство охватило и нас. Мы включились в хоровод, плясали, пели, подпевая людям, чувство опасности, преследовавшее нас ранее, растаяло как дым костра.

Когда день догорел, и солнце скрылось за высокой горой, веселье было закончено. Старший жрец, отдавая дань уважения гостям, пригласил нас на ночлег в свое жилище – деревянный дом, напоминающий древние русские избы.

Тайны Третьего рейха

Не успела дверь гостеприимного дома захлопнуться за нами, как Николай Иванович, Жан Поль и Рудольф бросились в объятья жреца, радостно приветствую друг друга. Я растерянно стоял посреди комнаты, и недоуменно смотрел на них, обо мне словно все забыли. Наконец, Жан Поль, обернувшись ко мне, радостно воскликнул:

- Да это же, профессор Мальцев! Руководитель пропавшей экспедиции!

Нас представили друг другу.

- А где же остальные, – спросил Николай Иванович профессора, – что с ними?

- Не беспокойся, Николай Иванович, все в порядке, все живы, сейчас я их приглашу.

Когда остальные члены экспедиции вошли в дом, я ахнул от удивления, окончательно потеряв ощущение реальности – среди членов экспедиции были: доктор Архангельский и Валера Матвеев.

- Ребята! Да неужели это вы? Или я снова в клинике доктора Вагнера? Где мы вообще находимся, и что происходит? Откуда вы здесь?!

Они были удивлены не меньше, никто из них не ожидал меня встретить именно здесь.

- Мы-то, понятно, – ответил Валера, – а ты каким образом здесь очутился?

- Это Вам понятно, а я лично ничего не понимаю! Я, летчик, искал летную работу, и вот нашел приключений на свою голову, а вы-то тут как оказались?

- Помнишь, – сказал доктор Архангельский, – когда мы уходили из клиники доктора Вагнера, профессор Невельский передал мне дневники отца? Они-то и привели меня сюда. Валера помог получить доступ к архивам «Аненербе»[40]. Удалось расшифровать записи, связанные с экспедицией Петера Клауса. Она направлялась именно сюда, в эту долину. Здесь находятся врата времени, здесь, в глубине веков, сокрыты тайны управления миром. Именно здесь искали немцы ту самую «ось мира», с помощью которой хотели вернуть мир в прошлое.

В 1942 году, после поражения гитлеровских войск под Сталинградом, Петер Клаус разработал подробный доклад Гиммлеру. Он обосновал возможность поворота времени вспять, в 1939 год, чтобы Гитлер мог исправить ошибки внешней политики Рейха. В своей разработке он использовал данные, полученные в первых Тибетских экспедициях. Буддийские монахи указали место, где находится «ось мира», и дали ключи – коды входа и выхода. Гиммлеру удалось убедить Гитлера в возможности и целесообразности такой экспедиции.

Еще в 1939 году Эрнст Шеффер добрался до столицы Тибета, Лхасы, куда европейцам в то время дорога была заказана. Ему удалось войти в доверие к тибетскому регенту Квотухту, который передал Гитлеру письмо следующего содержания:

---

[40] «Аненербе» – наследие предков, тайное общество, возглавляемое Гиммлером, после войны большая часть архивов была вывезена в СССР. До настоящего времени архивы не рассекречены.

«Глубокоуважаемый господин король Гитлер, правитель Германии . Да прибудет с Вами здоровье, радость Покоя и Добродетели! Сейчас вы трудитесь над созданием обширного государства на расовой основе. Поэтому прибывший ныне руководитель немецкой экспедиции сахиб Шеффер не имел никаких трудностей в пути по Тибету. Примите, Ваша Светлость, король Гитлер, наши заверения в дальнейшей дружбе !

Написано 18 числа первого тибетского месяца, года Земляного зайца(1939).»

Но это еще не все. Между Лхасой и Берлином была установлена радиосвязь. На имя Гиммлера отправлена шифрованная радиограмма, содержащая подробные инструкции о том, где следует искать «ось мира», как туда войти, и как выйти. Видимо эти сведения и легли в основу доклада Клауса Гиммлеру.

- Странно, – сказал Николай Иванович. – Как могли представители восточных религий приветствовать расизм?

- Возможно у них разные понятия о «государстве на расовой основе». Что под этим понимали тибетцы, в чем их убеждал Шеффер, мы, скорее всего, уже никогда не узнаем. Никаких записей их беседы не велось. Сейчас в Тибете преобладает буддизм, а в то время основной религией была Бон-по, в переводе это означает «Черный путь». О ней мало что известно, но возможно, что основные задачи этой религии и совпадали с задачами Гитлера.

Как бы там ни было, но между Германией и Тибетом установились доверительные отношения. Канал радиосвязи действовал до 1943 года. Видимо Петер Клаус получил достаточно информации.

Никто из членов этой экспедиции назад не вернулся. Но в аэропорту Дегира старики помнят, как во время войны сюда прилетал немецкий «Юнкерс-52». Он вылетел в Долину смерти, имея на борту членов экспедиции, и не вернулся. Больше ни о самолете, ни о людях, отправившихся в долину, в Дегире никто ничего не слышал.

- Ефим Семенович, можно один вопрос, – обратился Николай Иванович к профессору Мальцеву.

- Да, слушаю.

- Когда Вы уходили в эту долину, то знали, что можете попасть в прошлое?

- Не только знали, но и рассчитывали, что попадем туда, куда стремилась экспедиция Петера Клауса.

- Но почему же Вы нам ничего об этом не сказали?

- Не обижайся, Николай Иванович. Тут дело такое. О том, куда мы идем и зачем, никто не должен был знать. Официальная цель экспедиции – загадка исчезновения народа свангов. Официальная, но не основная. Основная – та же, что и у Петера Клауса: найти Шамбалу и «ось мира». Но задача несколько другая: предотвратить всякую возможность использовать тайны управления миром в личных, корыстных интересах маньяков и прочих претендентов на мировое господство. Теперь Вы понимаете, почему такая секретность? Те люди, которые помогли нам организовать эту экспедицию просили строжайше соблюдать режим секретности.

- Кто эти люди? КГБ, разведка?

- Нет. Когда-то они служили в разведке, в госбезопасности, но теперь они не у дел. У них есть богатый опыт и знания, это настоящие патриоты России. Но, к сожалению, в нынешнее время, у них нет оснований доверять своему правительству.

- Нежели все так серьезно?

- Очень серьезно, гораздо серьезнее, чем Вы можете себе представить. Речь идет о судьбе человечества. Здесь хранятся такие знания, обладая которыми один маньяк может уничтожить весь мир!

- Неужели и сейчас может найтись маньяк, вроде Гитлера?

- Думаете, Гитлер был маньяком? А если он выполнял чей-то заказ? Если он не по своей воле начал эту войну, а действовал по указанию того, кто им руководил?

- Почему Вы думаете, что Гитлер выполнял чей-то заказ? Разве идеи завоевать весь мир одолевали только Гитлера? А Александр Македонский? А Юлий Цезарь? А Наполеон?

- И что, все они были маньяками? Ну, скажи, зачем Гитлеру завоевывать весь мир, когда рядом находится маленькая Швейцария, которая не участвовала ни в одной войне, не имеет армии, но в которой сосредоточен весь мировой капитал? Овладей Швейцарией, ее банками – и ты будешь владеть всем миром! Так, почему же Гитлер

этого не сделал? Кто вложил в его голову мысли о мировом господстве, кто приказал ему развязать вторую мировую войну? Ведь Гитлер – внучатый племянник Ротшильда.

- Но Ротшильд – еврей! А Гитлер уничтожал евреев!

- Но Гитлер и сам еврей!

- Наполовину.

- Нет, не наполовину! У него мать еврейка, а у евреев национальность определяется по матери, а не по отцу, значит – он чистокровный еврей! А как его фамилия по отцу?

- Шикльгрубуер.

- Отец Гитлера – Алоиз Шикльгрубер, но дело в том, что фамилия его деда звучала как Шекельгрубер, что по-еврейски означает должность сборщика налогов, так что и с этой стороны у него «правильная родословная».

- Почему же он тогда уничтожал евреев?

- А ведь именно Гитлер выступил с инициативой создания Израиля! Уничтожая одних евреев, он создавал государство для других. Вспомните Библию, историю о потопе и Ноевом ковчеге. Бог на определенном этапе уничтожает всех людей, читай евреев, поскольку Ветхий завет – это история не создания мира, а история еврейского народа. Так вот, он уничтожает всех, сохранив Ноя с сыновьями, очищая таким образом еврейскую нацию.

Потом Моисей устраивает еврейский погром в наказание за то, что люди сделали золотого идола и стали молиться ему, нарушив заповедь: «Не сотвори себе кумира». Он разбивает скрижали со словами Бога, даже не пытаясь вразумить народ словом. А ведь именно словом должен был убеждать людей пророк. Нет, он убеждает мечом. Призвав левитов, своеобразное еврейское гестапо, он приказывает им убивать всех подряд, без разбора: и женщин, и стариков, и детей, чтобы очистить народ.

Через несколько тысяч лет то же самое проделывает Гитлер. Он очищает еврейскую нацию. Концентрационные лагеря, гетто, печи крематориев выполняют ту же миссию, что и воды потопа в доисторические времена, ту же, что и Моисей, призывая левитов к погрому!

А Роммель в это время сражается в Африке, отвоевывая у Британии землю обетованную для создания государства Израиль.

- Считается, что задачей Роммеля был выход и Ирану, чтобы обеспечить Германию нефтью, – возразил Николай Иванович.

- Ну это спорный вопрос, – ответил профессор. – Если бы Гитлер перебросил армию Роммеля на Кавказ, у него был бы реальный шанс обеспечить Германию Бакинской нефтью. Да и путь в Иран через Кавказ ближе, чем через Палестину. А потом, как собирался Гитлер доставлять нефть из Ирана в Германию? Морем? Под ударами британской авиации? Нет, нефть тут ни при чем. Еще в 1941 году Адольф Эйхман, начальник отдела гестапо, отвечавшего за решение еврейского вопроса, ездил в Палестину, налаживал связи с сионистами. Так что, «окончательное решение еврейского вопроса» заключалось не в уничтожении всех евреев, что даже теоретически невозможно, а в создании еврейского государства. А уничтожение трети еврейского населения ради очищения нации – это не первая акция в истории еврейского народа.

- У вас получается, как в старом анекдоте, во всем виноваты евреи, – сказал Жан Поль. – Сионисты использовали Гитлера для достижения своих целей, а он, бедняга, об этом и не догадывался. И вместо того, чтобы оккупировать Швейцарию, не понеся потерь, бросил армию в кровавую мясорубку второй мировой войны.

- Да нет, – ответил Валера. – Гитлер прекрасно понимал, кто какие цели преследует. Идея завоевания жизненного пространства для немцев принадлежит Карлу Хаусхоферу, основателю геополитики. Правда, первоначально он видел будущее Германии в союзе с Россией, союз континентальных держав против морских. Он предлагал создать ось Берлин-Москва-Токио против Британии, Франции и США. Но потом он изменил свое мнение, и начал разрабатывать идею оси Берлин-Рим-Токио. Именно это изменение направления геополитики Германии обеспечило Гитлеру поддержку мировых банкиров, именно под эту идею Британия позволила Германии вооружаться, именно под эту идею в Мюнхене сдали Гитлеру Чехословакию. Почему он не оккупировал Швейцарию? Тогда он этого сделать не мог. Но прекрасно понимал все, и в свое время подмял бы и Швейцарию. Он говорил: «Швейцария – это прыщ на теле Европы, но придет время, и мы раздавим его».

- Наше поколение, – сказал я, – еще помнит войну, хотя и не воевало. А все последующие все меньше и меньше представляют себе, что было бы с миром, если бы советский народ не остановил Гитлера.

- Мы тоже не представляли себе в полной мере той катастрофы, на грани которой стоял мир, пока не познакомились с архивами «Аненербе», – сказал доктор Архангельский. – Гитлер постоянно говорил о неком сверхоружии, которое внесет перелом в ход войны. Считалось, что понимая неизбежность поражения, Гитлер выдавал желаемое за действительное. Ученые третьего рейха занимались созданием атомного оружия, но как считается, успехов не достигли.

Но архивы «Аненербе» говорят о том, что ядерное оружие у Гитлера к концу войны было! Раньше, чем у США! Причем, это была не атомная бомба, а водородная, которая в США и СССР была создана гораздо позже! Были у него и средства доставки. Уже в 1943 году прошли испытания двухступенчатой баллистической ракеты Фау-3.

- Почему же он не применил его? – спросил я. – Ведь он был готов на все!

- Промышленность не успела произвести нужное количество боеприпасов. Сейчас многие говорят: «Для чего такие жертвы понес наш народ, можно было бы обойтись меньшей кровью». Говорят даже, что нужно было сдать Москву и Ленинград, отойти до Урала, а потом… Но дело в том, что «потом» уже бы не было. Если бы война затянулась еще на год, или даже на полгода, мир был бы ввергнут в ядерную катастрофу. Германия успела бы произвести достаточное количество ядерных боеприпасов.

А тогда, в сорок пятом, применение даже десятка ядерных зарядов, хоть и привело бы к огромным потерям наших войск, но уже не могло изменить ход войны. Важнее было сохранить научный и производственный потенциал, ведь нацисты собирались взять реванш.

- О каком потенциале может идти речь, – возразил Рудольф, – когда все заводы Германии были разрушены, а многие ученые перекочевали в США? Даже подземные заводы были взорваны нацистами при отступлении!

- Гитлер был далеко не дурак. Еще в сорок втором, после Сталинграда, он понял, что исход войны предрешен. Он потерял стратегическую инициативу. Знал он и то, что создать сверхоружие на тер-

ритории Европы ему не дадут. Тогда он перенес научную и производственную базу в Антарктиду, на землю Королевы Мод. Там были обнаружены пещеры с теплым воздухом, и построены поземные города и заводы. В документах «Аненербе» эта база значится под номером 211.

Американцы знали об этом, в 1946 году отправили в Антарктиду эскадру под командованием адмирала Ричарда Берда. Операция называлась «Высокий прыжок», в составе эскадры был авианосец, тринадцать кораблей различного класса, танкеры и подводные лодки. Третьего марта сорок седьмого года эскадра подошла вплотную к земле Королевы Мод. Ричард Берд управлял всей операцией с борта самолета корректировщика. Но только он отдал команду к штурму, как в воздухе появились странные летательные аппараты в форме дисков, и атаковали корабли. Взлетали эти диски из-под воды, летали, совершенно не издавая никаких звуков, и поражали противника лучами, очень напоминающими современное лазерное оружие. За считанные минуты они сбили самолеты, которым удалось взлететь, уничтожили все десантные группы, потопли эсминец и несколько вспомогательных кораблей. Зенитная артиллерия была бессильна против «летающих тарелок». Самолет Берда они вынудили приземлиться на небольшом аэродроме.

С адмиралом беседовали три немецких офицера, предупредив его, что если атаки не прекратятся, они применят ядерное оружие против США. В Вашингтоне докладу адмирала Берда придали очень серьезное внимание. Все материалы по данному вопросу были засекречены. Неизвестно, какие действия предприняли американцы в отношении немецкой базы. Вполне возможно, что они нашли общий язык с нацистами, и те пошли на сотрудничество с США.

Николай Иванович хмыкнул:

- Читал я об этом. Насколько мне известно, это происшествие не воспринималось всерьез, его сочли бредом больного воображения, репортеры поиздевались над бедным адмиралом, и вскоре все об этом забыли.

- То есть достигли того, чего хотели? – спросил Валера. – В глазах общественности все это представили полным бредом, обыватель посмеялся над адмиралом вместе с репортерами, и успокоился. Как

поступят спецслужбы, чтобы скрыть информацию, которая уже стала достоянием прессы? Убрать незаметно свидетелей происшествия невозможно – в экспедиции принимали участие четыре тысячи человек. Если правду невозможно скрыть, ее можно представить ложью.

А потом Америка высказала претензии на право владения землями Антарктиды. Но резкая реакция Сталина не позволила Штатам осуществить свои притязания. Антарктика открыта русскими мореплавателями, и Америка тут ни при чем. Сталин предложил объявить Антарктиду международной зоной научных исследований. Мировое сообщество его поддержало. Но видимо, американцы все же подключились к исследованиям, которые велись на базе 211.

А все позднейшие сообщения об НЛО и инопланетянах, «зеленых человечках» были лишь дезинформацией, прикрывающей разработки и испытания новейших летательных аппаратов.

- Но ведь сегодня невозможно длительное время скрывать разработку новейшего оружия, – возразил я. – В Советском Союзе наверняка велись бы параллельные разработки летательных аппаратов подобного типа.

- А кто вам сказал, что такие разработки не велись? Вся информация об НЛО в советские времена отслеживалась КГБ. Данные о различных аномальных явлениях были засекречены. Возможно, этим прикрывались параллельные разработки СССР в этой области. Только после развала Союза материалы об НЛО волной хлынули в печать. Пошумели и затихли, так ничего и не прояснив. Не исключено, что научно-производственная база нацистов и сейчас находится на земле Королевы Мод, и сотрудничает с США.

- Но в этом районе побывали уже многие международные антарктические экспедиции, и никаких следов секретных баз обнаружено не было, – возразил я.

- База может находиться в другом измерении, или в другом времени. В арктических широтах, так же, как и в этой долине существуют каналы времени. Об этом свидетельствовали не раз участники арктических и антарктических экспедиций. С таким явлением, как изменение времени, столкнулась экспедиция российского исследователя, Владимира Чукова во время похода к Северному полюсу. Американские физики запускали аэростат в районе Южного полюса. Аппарату-

ра, установленная на нем зафиксировала, что аэростат провалился на тридцать девять лет назад.

- Я читал немало материалов об НЛО, – сказал Николай Иванович. – Очевидцы описывают совершенно иные, неподвластные известным законам физики принципы движения этих объектов. Мгновенное изменение скорости и направления полета. А перегрузки? Какие же тайны были известны ученым третьего рейха?

- В архивах «Аненербе» есть описание летательного аппарата Фау-7, называемого диском Белонце. Было несколько вариантов конструкций дисковых летательных аппаратов, их разработками занимались: Циммерман, Белонце, Шривер, Хаббермоль, Курт Танк. Двигатели разрабатывались Виктором Шаубергом. Диск Белонце развивал скорость до 2200 км в час и мог набирать высоту со скоростью 800 метров в секунду. Разработки эти были начаты еще до войны, в тридцать девятом году, но первые аппараты не обладали такими характеристиками. Они имели проблемы с устойчивостью. Когда же удалось построить устойчивый аппарат, скорость его не превышала двухсот километров в час. И лишь к сорок пятому году смогли создать дисколет, который мог не только летать в воздухе, а и выходить в околоземное космическое пространство.

Некоторые записи позволяют предположить, что Шаубергер сумел построить двигатель, работающий на принципах антигравитации. Видимо этим объясняются особенности динамики НЛО. Ведь если отсутствует гравитационное поле, то не будет и перегрузок.

- Но как же немцам удалось настолько опередить свое время? – спросил я. – Неужели разработки велись на стыке магии и науки?

- Скорее всего, – сказал доктор Архангельский, – они получили эти знания из древних тибетских манускриптов. Видимо, цивилизация, обладавшая высокими знаниями, все же существовала.

- Вы меня простите, – сказал я, – но не вяжутся как-то высокие технические достижения древних цивилизаций с манускриптами на тюленьих шкурах, на бересте и письменами, высеченными на камне. Не могу я поверить в то, что на каменных плитах, каменным резцом древний мудрец высекал технологию получения ядерной энергии.

Владимир Семенов, который до этого не участвовал в разговоре, а занимался приготовлением ужина, отложил свое занятие, несомненно более важное, чем околонаучная дискуссия, и сказал:

- Послушайте, ребята. Я не специалист в технике, но выскажу свое мнение с точки зрения своей специализации. Я занимаюсь паранормальными явлениями человеческой психики, хотя трудно сказать, где нормальное, а где паранормальное, но суть не в этом. Если существовала некая древняя цивилизация, обладающая технологиями, превосходящими современные, то знания ее не утрачены. Записаны они, естественно, не на тюленьих шкурах, не на козлином пергаменте, и не на каменных скрижалях. Все знания сохраняются в едином информационном поле вселенной. В древних манускриптах могут быть лишь упоминания о том, что технологии такие были. Если знаешь что искать и где, то можно найти. С помощью ритуальных действий, магических заклинаний можно войти в информационное поле планеты и считать нужную информацию.

- Не исключено, – сказал профессор, – что знания, применяемые немецкими специалистами при разработке этих аппаратов, были получены в тибетских экспедициях. Тибетские монахи знали о существовании древней цивилизации, и возможно имели доступ к области общего информационного поля, где хранятся ее знания. Но самые важные тайны, которые могут действительно изменить мир, находятся именно здесь, в этой долине, сокрытые в глубине веков.

Затерянные в глубине веков

О профессоре я уже слышал много лестных слов от Николая Ивановича, с доктором Архангельским и Валерой Матвеевым нас связывали испытания, выпавшие на нашу долю в «городе призраков», а вот другой участник экспедиции, Владимир Семенов, был мне не знаком.

Семенов был уже не молод, невысок, худощав, имел ничем не примечательную внешность, но обладал, при этом, уникальными экстрасенсорными способностями.

Посвятив свою жизнь науке, он в свои пятьдесят лет не имел ученой степени, считая защиту диссертаций не таким уж важным делом. Да и разработанные им теории официальная наука не признавала. Многие с такими способностями занимались лечением людей, получая от этого занятия весьма значительный доход. Владимир, имея диплом врача, считал применение не достаточно хорошо проверенных методов для лечения, занятием, граничившим с шарлатанством.

Теорию Фрейда о подсознательном, которая вновь приобретала популярность, он называл полным бредом. Семенов утверждал, что никакого подсознания не существует, есть лишь словарная и непосредственная формы мышления, причем словарную форму он и мышлением не считал, а называл ее процессом кодирования мысли с помощью языка. Он говорил, что языковая форма мышления – это кандалы мозга. Мозг человека способен решать задачи быстрее самого мощного компьютера, и обладает неограниченной памятью. Процесс кодирования мыслей тормозит работу нашего мыслительного аппарата, низкий коэффициент использования возможностей мозга он объяснял тем, что в процессе мышления основная нагрузка ложится на те участки, которые занимаются непосредственно кодированием, а остальные простаивают. Таким образом, считал он, если отключить словарное мышление, можно решать задачи мгновенно, охватывая мыслью необозримые объемы информации.

Владимир демонстрировал следующее: он листал книгу, не останавливаясь ни на одной странице, а лишь скользя взглядом по ним. Он не мог передать содержание книги, потому, что он ее не читал, он просто считывал информацию, но даже по прошествии долгого времени, он мог процитировать любую фразу, на любой из страниц.

Семенов пришел к выводу, что сам мозг имеет лишь оперативную память, которая, хоть и превосходит во много раз оперативную память компьютера, но все же ограничена, а основная, долговременная память, находится вне мозга, в информационном поле планеты, которое является частью информационного поля вселенной. Мозг содержит коды доступа к этим участкам памяти. Эти коды не являются набором цифр, как в компьютере, а представляют собой ассоциативные образы, которые трансформируются с течением времени.

Например, вы были в Париже, посещали Лувр, восторгались картинами великих мастеров, вы с восхищением рассказывали об этих шедеврах своим знакомым, друзьям, образы эти еще ярки и свежи. Но проходит время, образы тускнеют и стираются из памяти, вы помните, что были в Лувре и видели картины великих мастеров, но уже не можете вспомнить детали этих картин. Проходит пять, десять лет, и вы помните лишь то, что когда-то были в Париже. Но вот, случайно услышав французскую мелодию, уловив еле ощутимый запах, услышав знакомое имя, вы вновь погружаетесь в атмосферу давно ушедших лет, и картина великого Леонардо Да Винчи встает перед вашими глазами, так, как будто вы видели ее только вчера. Это ваш мозг, использовав ассоциативные коды, извлек из внешнего информационного поля, казалось бы, давно забытый образ.

Коллеги скептически относились к исследованиям Семенова, считая их бредом воспаленного воображения, и всячески препятствовали представлению его работ на серьезных научных конференциях. Но однажды, ему все-таки удалось выступить с докладом. Он пытался убедить ученую братию в том, что при непосредственном способе мышления возможна передача информации от мозга к мозгу, без каких бы то ни было технических средств. Он рисовал графики, диаграммы, оперировал с напряженностью электромагнитных полей, излучаемых мозгом, рассуждал о частотах и кодах, позволяющих определить адресата, и тому подобное. В общем, доклад получился на хорошем научном уровне, но оппоненты разбили его в пух и прах, сказав, что данная тема хороша только для научной фантастики, но никак не для науки.

Тогда он решил показать на практике результаты своих исследований. Он заставлял всех присутствующих на конференции вставать и садиться в течение нескольких минут. Люди выполняли его команды, не понимая, что происходит, они вставали и садились, и снова вставали, и снова садились, но ничего поделать с собой не могли. Решив, что он достаточно поиздевался над аудиторией, Владимир прекратил свой эксперимент, и стал его комментировать. Он сказал, что мозг, который постоянно занят кодированием мыслей, то есть мыслит на словарном уровне, не способен отличить свой управляющий сигнал от постороннего, если посторонний сигнал послан на уровне непо-

средственного мышления. Таким образом, заключил он, и происходят все процессы кодирования, зомбирования и прочие способы влияния на людей, вызывающих эффект массового психоза.

Результат эксперимента был ошеломляющий, но совершенно не тот, какого он ожидал. Его сначала отстранили от преподавания, а после и вообще выгнали из университета под предлогом сокращения штатов.

После этого к нему с соответствующим предложением обратились сотрудники органов государственной безопасности, но Семенов отказал им, сославшись на то, что есть много других, которые проделывают все это лучше него. «Я могу все, – сказал им Владимир, – все то, что делают другие, я могу и то, что может Кашпировский, но я не могу, как он, работать через телевидение с миллионами зрителей, в этом плане он гораздо сильнее меня, да и многие остальные экстрасенсы и колдуны сильнее меня. Разница в том, что они никогда вам не объяснят, как они это делают, они этого не знают, а я знаю. Вам же нужен результат, а не объяснение, вот и обращайтесь к ним».

Влача жалкое существование на пособие по безработице, он продолжал свои исследования. Когда он остался без работы, жена долго уговаривала его открыть частную практику и зарабатывать хорошие деньги, как делают это другие, одаренные неординарными способностями, но он отказался, заявив, что не желает заниматься шарлатанством и профанацией науки. Тогда жена, обозвав его придурком и старым идиотом, собрала вещи и ушла.

Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы не предложение профессора Мальцева поработать над изучением аномальных явлений.

Профессор Мальцев, о котором я уже много слышал от ребят, произвел на меня весьма приятное впечатление. Человек среднего роста, седой, лысеющий, он был полон энергии и оптимизма. Говорил тихо, спокойно, но очень убедительно.

- Каким образом вы оказались здесь? – спросил профессор.

- Мы получили вашу радиограмму, – ответил Николай Иванович, – получили, и отправились на поиски.

- Но, мы же предупреждали, чтоб вы ни в коем случае не вздумали нас искать!

- Мы получили радиограмму не полностью, она обрывалась на полуслове, о вашем предупреждении мы ничего не знали.

- Да, хоть понимаете вы, куда попали? Вы прошли через врата времени, и провалились в прошлое, на четыре тысячи лет назад! Это просто чудо, что мы встретились, вы свободно могли промахнуть пару тысячелетий, и оказаться в совершенно чужом, враждебном вам мире! Вам повезло, что вы увидели людей, и приземлились! Если бы вы вернулись на базу, то не застали бы там ни старухи Изель, ни посадочной площадки, ни бочек с горючим. Вы бы просто погибли в глубине веков, так и не поняв, что с вами произошло.

Теперь до нас дошло все, о чем нас пытались предупредить. И та женщина в красном, мой ангел-хранитель, и старуха Изель. Мы не смогли уберечься от того, что невозможно увидеть глазами, врата времени невидимы для людей, и никакие приборы не смогут зафиксировать приближение к ним. Все процессы, которые регистрируются приборами, протекают во времени, там, где нет времени, приборы бессильны.

- Что же представляют собой эти врата времени? – спросил Николай Иванович профессора.

- Точного ответа я дать не могу, – ответил он, – очень много непонятного, вряд ли мы сможем когда-либо узнать все тайны. Все это связано с хрональным веществом. Свойство времени, присущее всем процессам, обусловлено наличием в нашем мире, в каждом материальном объекте хронального вещества. Объект, в котором вещество это отсутствует, будет находиться одновременно и в прошлом, и в будущем, и в настоящем, т.е. будет вездесущим во времени. Все это изложено в теории академика Вейника, в его работе «Термодинамика реальных процессов», он доказал, что временем можно управлять. Так вот, эти врата времени, а я думаю, что они не единственны на нашей планете, обладают неким каналом, в котором отсутствует хрональное вещество. Объект, попавший в этот канал, просто теряет свойства времени. При выходе из канала объект вновь приобретает привычные пространственно-временные свойства, но оказывается отброшенным на тысячи лет назад.

- Почему именно назад? – спросил я.

- Это связано с направлением потока, природа которого пока остается загадкой. Именно этот поток и перемещает объект в прошлое.

- И где окажется объект после выхода из канала, будет зависеть от того, сколько времени объект будет находиться в канале? – спросил Николай Иванович.

- Нет, нет, – ответил профессор, – времени в канале вообще не существует! Ведь там отсутствует хрональное вещество. Величина перемещения определяется мощностью потока, если это величина постоянная, то перемещение будет осуществляться на постоянное количество лет, если величина меняется, то вы можете оказаться, наверное, в любом периоде прошлого времени.

- А как можно определить мощность этого потока, – спросил Рудольф.

- Практически, да пожалуй, и теоретически, – ответил Мальцев, – никак. Прибора, который может измерить мощность потока, не существует, да и существовать не может, любой прибор регистрирует процессы, происходящие во времени, а в канале время вообще отсутствует. Так, что я не могу утверждать, случайно ли вы попали именно в наше, да, теперь уже наше, время, или это закономерность.

Николай Иванович задумался, вспоминая что-то, и сказал, обращаясь к нам и к профессору:

- Помните, нам говорили, что полгода назад в долину летела «цессна» с местным пилотом и двумя американцами, если мощность потока постоянна, то они должны были попасть к вам.

- Да, – отозвался Семенов, – помню, видели мы самолет! Он действительно пролетал над нами полгода назад, но он не приземлялся, развернувшись, он ушел в сторону Дегира.

Я представил себе ужас пилота и пассажиров этого самолета. Вернувшись в Дегир, они не увидели ни города, ни аэродрома, только дикая, безлюдная местность. Решив, что заблудились, они, вероятно, долго еще кружили, пытаясь восстановить ориентировку. Но все напрасно, ведь они не знали и никогда уже не узнают, что заблудились они не в пространстве, они заблудились во времени. Кончилось горючее, и они сели, возможно, они разбились при посадке в дикой местности, если так, то им еще повезло. Если же они остались живы, то положение их было ужасно, ужасно и безвыходно.

- Сванги знали о существовании этих врат, – продолжал профессор, – и когда силы их были истощены в нравной борьбе с колонизаторами, они ушли, ушли на тысячи лет назад, в тот мир, где не было еще жестоких завоевателей, вооруженных ружьями и пушками, в мир, где они снова смогли жить своей первобытной, привычной жизнью.

- А если сейчас войти в эти врата, – спросил я, – то можно попасть в еще более древний мир?

- Вероятно, да, но пока еще никто этого не пробовал.

Долина, где кончается всё

- Когда мы высадили Вас в этой долине, вы знали о существовании врат времени? – спросил Николай Иванович.

- Да, знали, – ответил профессор, – знали и место расположения. Потому и просили вас высадить экспедицию подальше от них, чтобы самолет случайно не попал в эти врата.

- Но почему? Ведь при наличии самолета, у вас было бы больше возможностей. Мы могли бы взять те бочки с горючим, которые оставили возле хижины старухи Изель.

- Но мы не имели права подвергать вас такой опасности. Мы ведь не знали, что нас ожидает по ту сторону этих врат, и сможем ли мы вернуться обратно. Честно говоря, мы этого до сих пор не знаем. Потому и предупреждали вас в радиограмме, чтобы вы не искали нас, и не выполняли полетов над долиной.

- Вы узнали о вратах времени из дневников Вашего отца? – спросил я доктора Архангельского.

- Нет, отец мой не мог знать об этом. Он знал только о том, что экспедиция ушла, и что возглавлял ее Питер Клаус. Знал, что задача экспедиции связана с тайнами времени, именно этими проблемами и занимался Клаус. Но больше он ничего не знал.

- Станислав Викторович уже говорил, что нам удалось получить доступ к архивам «Аненербе», – сказал Валера. – Мы нашли там сведения об экспедиции Питера Клауса. Она должна была пройти врата времени, только так можно добраться до «оси мира». Где-то в прошлых веках должна находиться и Шамбала. О Шамбале вообще точ-

ных данных нет нигде. Тибетские монахи говорили, что она находится в другом мире, добраться туда можно, но далеко не все смогут вернуться обратно.

Так вот, в архивах «Аненербе» есть координаты двух точек: врат времени и оси мира. Только координаты были привязаны к карте, выполненной не в привычной нам проекции Меркатора, а в совершенно иной. В документах эта карта была указана, как «Карта Зет». Обнаружить ее было непросто. Но все же мы ее нашли. И когда перенесли координаты на обычную карту, то оказалось, что обе точки находятся в той самой долине, Долине смерти, где бесследно исчез народ сванговъ.

- Но узнали мы об этом только тогда, кода познакомились с Ефимом Семеновичем, – сказал доктор Архангельский.

- Как же вы познакомились? – спросил я.

- Как ни странно, – ответил профессор, – я тоже интересовался архивами «Аненербе». Меня интересовала связь аномальных зон с исследованиями, проводимыми этим обществом. Мы создали карту аномальных зон Земли. Зоны эти располагаются в узлах решетки правильной геометрической формы. Но некоторые из них в эту структуру не вписываются. Мы предположили, что эти зоны созданы искусственно, и связаны с исследованиями, проводимыми в интересах военных. Несколько подобных зон располагались там, где когда-то находились секретные лаборатории Третьего рейха. С этой точки зрения Долина смерти представляет особый интерес. Так и возникла идея организовать такую экспедицию, но об истинной ее цели знали только мы.

- Вам удалось что-либо обнаружить? – спросил Николай Иванович.

- И да и нет, – сказал Мальцев. – Сванги ничего не знали о людях, пришедших из другого мира. И самолет они не видели. Никакой гарантии нет, что мы попали именно в то время, в которое отправилась экспедиция Питера Клауса. Но те искатели приключений, которые вылетели из Дегира на «Цессне», пройдя врата, попали именно в этот мир. Самолет видели и мы, и сванги. Но «юнкерс» не видел никто. Хотя немцы отправились сюда почти шестьдесят лет назад, в памяти народа должны были бы сохраниться предания о «железной пти-

це», если бы самолет кто-то видел. Сванги, потомки птиц, не могли бы не обратить внимания на подобное событие. Мы опросили множество людей соответствующего возраста, но все напрасно. Хотя потом мы убедились, что сванги не такой уж простой народ, каким кажутся при первом знакомстве. Они не любят делиться своими тайнами с чужими людьми, как бы хорошо к ним они не относились.

Нужно было войти в полное доверие к этому народу. Мы стали обучать свангов основам геометрии, астрономии, биологии, и другим наукам, имеющим прикладное значение. И вот что удивило нас. Когда мы объясняли расположение звезд на небе, называли звезды и созвездия, то сванги вдруг вспомнили, что этими именами называли звезды и созвездия кочевники из племени Серой лошади! Это уже было что-то. Нужно было непременно встретиться с представителями этого племени. И когда сванги повезли товар людям Серой лошади, мы отправились с ними.

Представляете, каково было наше удивление, когда выяснилось, что кочевники, стоящие на значительно низшем уровне развития, чем сванги, знали то, от чего сванги были еще так далеки! Мы решили остаться на некоторое время среди этого племени, но сванги не хотели нас оставлять. Они говорили, что это дикий народ, и от них можно ждать чего угодно. Вполне возможно, что опасения свангов имели под собой основания. Оставаться одним среди кочевников было небезопасно. Да и чем мы могли мотивировать свое желание остаться?

- Но вождь кочевников пожаловался, что у него серьезно больна жена, – сказал доктор Архангельский. – Я осмотрел ее, и пришел к выводу, что лечение возможно. Предложил вождю свою помощь. Тот согласился. Так я остался в пламени Серой лошади. Лечение мое имело определенный успех, и вскоре здоровье женщины пошло на поправку. Кочевники стали доверять мне, и я узнал много интересного. Они просто поразили меня своими познаниями в естественных науках. Но откуда? От кого получили они эти знания?

Они рассказывали предание о Боге, который умер, воскрес и вознесся на небо. Якобы, именно он и передал им эти знания. Сначала я думал, что они пересказывают историю Иисуса Христа, но потом понял, что он здесь ни при чем. Вот, что оставил им «бог», покидая племя Серой лошади.

Доктор протянул нам рисунок с изображением свастики с закругленными концами и двух молний посередине.

- Что это? – спросил я.

- Этим знаком награждались эсэсовцы за спортивные достижения, – ответил Станислав Викторович. – Вождь кочевников показал мне его, даже дал подержать. Я зарисовал по памяти. Тот, кого они называли «богом», видимо был членом экспедиции Питера Клауса. Вознесение можно объяснить тем, что члены экспедиции улетели на «юнкерсе». Но что означает: «умер и воскрес»?

- Возможно, это связано с языческими обрядами, олицетворяющими цикличность времен года? – предположил Николай Иванович. – Природа умирает и воскресает.

- Учтите, – сказал профессор, – что кочевники даже не язычники, у них нет понятия Бога, они поклоняются духам предков.

- Но, может быть, – сказал я, – члены экспедиции рассказывали кочевникам о Христе, и образ его был перенесен на того, кого они сочли «богом».

- Слишком мало прошло времени, – ответил Ефим Семенович, – чтобы рассказ о Христе соединился с образом рассказчика. Еще живо поколение, которое помнит «бога».

- Так, чем же это можно объяснить? – спросил Жан Поль. – Просто бред какой-то.

- У вас есть соображения по этому поводу? – поинтересовался Рудольф.

- Соображения есть. Но, всего лишь соображения. И у свангов, и у кочевников есть предание о долине, которую они называют Долиной, где кончается всё, – сказал профессор.

- Что это значит? – спросил я.

- А значит это то, что координаты «оси мира», указанные на «карте Зет» – это координаты Долины, где кончается всё. Туда уходят умирать жрецы свангов, достигшие высшей степени посвящения. Кочевники знают об этом. Знают то, что никто из ушедших в Долину, где кончается всё, назад не вернулся. Уход туда равносилен смерти. Если члены экспедиции Клауса посещали эту долину, и вернулись – это могло расцениваться как смерть и воскресение. Но это всего лишь предположение, и оно ничем не подтверждается. Никто из кочевников

туда не ходил. Они панически боятся даже упоминать о Долине, где кончается всё.

- А вы пытались попасть в эту долину? – спросил Николай Иванович.

- Не только пытались, – ответил профессор, – мы побывали там. Когда жрецы свангов уходят туда умирать, их провожают в последний путь самые достойные. В долину собирался уходить верховный жрец, Велемудр. Провожали его: вождь Актар, следопыт Ждан и воин Рагдай. Мы попросили вождей и жрецов разрешить нам присоединиться к процессии. Из уважения к нашим знаниям, нам разрешили. Обычно чужих людей туда не пускают, но для нас сделали исключение.

- Но почему верховный жрец решил, что ему нужно умирать? – спросил Жан Поль. – Насколько я понял, умирать туда уходят сами, на носилках никого не несут.

- Жрецы, имеющие высшую степень посвящения, знают день своей смерти. Они умирают не от болезней, просто приходит время покинуть этот мир. Да, Велемудр шел сам. И путь этот не так прост. Он занимает трое суток.

Сперва мы шли через лес. Дремучий, густой лес с вековыми соснами и елями. Мы ориентировались по компасу, но Ждан вел нас сквозь лес без всяких современных средств, ни разу не сбившись с дороги. Он не зря считался самым опытным следопытом. Шли весь день, с раннего утра до самого позднего вечера. И только, когда сумерки окутали чащу, Ждан подал команду устраиваться на ночлег. Шли быстро, без привалов. Мы измотались вконец, но Велемудр, который шел умирать, выглядел бодрым и свежим. Никто из нас не мог поверить, что жить этому человеку оставалось два дня.

- А если бы он не пошел в долину? – спросил Рудольф. – Ведь с таким здоровьем можно было бы еще лет сто прожить! С чего он решил, что пора умирать?

- Он ничего не решал, он знал. Просто знал день своей смерти. И если бы не ушел в Долину, где кончается всё, то всё равно бы умер, просто лег бы спать и не проснулся. Посвященные обычно так умирают. Без всяких признаков болезни и усталости.

Так вот, расположились мы на ночлег, прямо под открытым небом. Ночь, звезды, тишина, и только верхушки сосен шумят, где-то

там, высоко над нами. Сванги сразу же уснули, а к нам, несмотря на усталость, сон никак не шел. Нам тоже было непонятно, как здоровый, крепкий мужик спокойно идет умирать, и перед смертью спит, как младенец. Спит сном праведника. Видимо, он действительно был праведником, святым. Мы понимали это теоретически, потому, что нам рассказали, но осознать этого не могли. Есть в этих людях что-то такое, что непонятно нам, детям цивилизации.

Только первые лучи солнца упали на верхушки деревьев, как Ждан поднял нас. Мы собрались и продолжили путь. Да и собраться было недолго, просто встали и пошли, без завтрака, только умывшись в ручье. Все три дня пути туда, и три обратно, никто не притрагивался к еде. Считайте, неделя голодания, и это при серьезных физических нагрузках! Нас предупредили об этом, но мы знали – выдержим. При подготовке к экспедиции мы тренировались, мы были готовы к экстремальным нагрузкам и голоданию. Но пришлось нам нелегко.

Равнина кончилась, и начались покрытые густым лесом горы. К середине дня подошли к широкой быстрой горной реке. Воды ее ревели в камнях, поднимая тысячи брызг, блистающих в лучах солнца. Красота! Великолепие! Мощь! Но нам эту красоту предстояло форсировать, без всяких плавсредств, вброд, используя только посох. Один неверный шаг, и унесет по течению. Но шли, обвязавшись веревкой по четыре человека. Переправились успешно, никто не упал. На том берегу развели костер, обсушились, и пошли дальше.

Лес становился все реже, а подъем все круче. Потом лес сменился кустарником, дальше – голые скалы. Ветер, сильный ветер. Дышать трудно. Шли через перевал, три тысячи метров. И Велемудр шел, шел не хуже других. Нам было странно, очень странно. Мы привыкли к тому, что смерть приходит в результате болезни и немощи, а тут, полый сил и здоровья человек шел умирать. Шел, преодолевая трудный путь, сквозь ветер, через перевал, шел туда, где кончается всё. Ночевали уже за перевалом, в пещере. И знаете, что мы там нашли? Ржавую консервную банку! Экспедиция СС все же была в Долине, где кончается всё.

Кода мы спустились в долину, она поразила нас своей красотой. Но странная это была красота, необычная, не земная. Долина совсем маленькая, посередине озеро с голубой водой. Вокруг высокие горы в

снегах. Небо темно-синее. И тишина. Мертвая тишина. Никакого движения воздуха. Вода в озере, как зеркало, ни волн, ни ряби. Все неподвижно. Время остановилось. Странное ощущение. Будто весь мир сошелся здесь, в этой долине. И прошлое, и настоящее, и будущее. Каким-то непонятным чувством ощущаешь присутствие Бога.

Ждан остановил нас:

- Дальше нельзя, – сказал он. – Дальше он пойдет один. Мы здесь ждать будем.

Велемудр попрощался с нами, и пошел. Он подошел к озеру и остановился. Мы видели все. До сих пор это стоит перед глазами. Вдруг фигура его стала нечетной, размытой, потом заискрилась и исчезла. Его не стало. Там, в той долине, действительно кончается все.

Мы молчали, пораженные рассказом профессора. Мы не могли понять, что же происходит там, в той загадочной долине? Скорее всего, там вообще ничего не происходит. Там кончается всё. Молчание нарушил Володя Семенов:

- Согласно восточным религиям, душа проходит на Земле ряд перевоплощений, и когда она выполнит свою миссию, возвращается к Богу, становится частью его. Это удел святых. Тело исчезает. Это и есть акт вознесения. Причисление к лику святых – не просто традиция церкви, это означает, что душа закончила цикл перевоплощений. Святой после смерти становится Богом, частью его, единого целого. И молитва, обращенная к святым, имеет такую же силу, как и молитва, обращенная к Богу. Христос был человеком при жизни, но стал Богом после смерти.

- Но есть много примеров, когда церковь канонизирует тех, кто при жизни вовсе не был праведником, – возразил я.

- Это уже вопрос совести священнослужителей. Не они решают, кто действительно стал святым. Иногда они действуют исходя из политических соображений. Но сути дела это не меняет. Святым становится лишь тот, кто выполнил до конца свою задачу на этой земле.

Сванги

Ночь прошла без сна. Профессор рассказывал нам об обычаях и нравах свангов.

Народ этот жил в условиях, где не было ни богатых ни бедных, где все трудом зарабатывали свое право на жизнь, в которой не было ни рабов ни господ. Называли они себя свангами, потомками птиц. Само название народа происходило от слова «Сва», что означало небо. Были среди них и охотники, и рыболовы, а также мастеровые и ремесленники, особым почетом и уважением пользовались кузнецы.

Жили сванги общинами, каждая община строилась на основе ближних и дальних родственников, но не только кровное родство объединяло их, а и то дело, которым они занимались. Были общины земледельцев, скотоводов, охотников, рыболовов, ремесленников. Отцы и деды передавали секреты своего ремесла потомкам, сохраняя традиции рода, передавая их из поколения в поколение. Браки заключались как внутри общины, так и между членами разных общин. Обычно невеста переходила в общину жениха, хотя были и исключения. Переход жениха в общину невесты был редкостью, но не осуждался, а воспринимался, как нормальное явление.

Все продукты труда собирались в одном, общем хранилище, откуда любой член общины мог взять для себя все необходимое. Контроля за распределением практически не было никакого, поскольку не было в этом и необходимости. Никто не брал больше продуктов, чем мог съесть, да и предметы быта накапливать не имело смысла. Между общинами существовали товарно-денежные отношения. В качестве денег чеканились медные монеты различного достоинства. Деньги не принадлежали кому-либо лично, они являлись достоянием всей общины, поскольку между членами одной общины товарно-денежных отношений не было.

Все важные решения в общине принимались не большинством голосов, а единогласно, если хоть кого-то предложенное решение не устраивало, оно считалось непродуманным и полежало переработке. Такая процедура принятия решений возможна была только в обществе, лишенном тех противоречий, которыми изобилует наш мир, разделенный на классы, слои и прослойки. Вожди всех уровней выбира-

лись на определенный срок со своей программой, когда программа была выполнена, вождь уходил. Выборы вождя превращались в веселый народный праздник.

Прежде всего, кандидаты на место вождя, а вождь выбирался из двух или трех претендентов, состязались в силе и ловкости на воинских соревнованиях. Но победивший еще не обязательно становился вождем, мало показать свою силу и ловкость, нужно еще проявить мудрость и ум. Вторым этапом было представление программ кандидатов, каждый говорил о том, что сделает он для народа, причем обойтись пустыми обещаниями, как это водится ныне, никому не удавалось.

Потом шло соревнование в мудрости. Люди задавали кандидатам самые различные мудреные вопросы, ставили их в сложные житейские ситуации, а претенденты на должность вождя должны были найти самое правильно решение. Затем следовало испытание на чувство юмора. У свангов обладающим чувством юмора считался тот, кто не только может посмеяться над кем-то, но прежде всего, над самим собой. В адрес претендентов отпускали колкости, шутки, остроты, а они должны были достойно ответить шуткой на шутку. Все это сопровождалось смехом и весельем.

В результате, побеждал тот, кто проявил достаточную ловкость и мужество в воинских состязаниях, предложил самую реальную и необходимую программу, обладал мудростью и чувством юмора. После этого жрецы обращались с молитвой к Богам для благословения нового вождя. Приносили в жертву быка, которого тут же съедали, все это происходило в атмосфере веселья и сопровождалось народными гуляниями. Проигравшие присоединялись к веселью, не огорчаясь по поводу того, что победителем оказался их конкурент, ведь должность вождя не давала никаких привилегий и льгот.

Всем народом управлял Совет вождей, который собирался на свои заседания тогда, когда возникала необходимость в решении каких-либо общих вопросов. Старший по возрасту, а следовательно самый мудрый из вождей, становился Главой Совета.

У свангов не было регулярных воинских формирований, оружие носили все мужчины, достигшие совершеннолетия. Серьезных врагов у них не было, поскольку все соседние племена находились на значи-

тельно низшем уровне развития. Одно время, множество неприятностей им доставляли кочевники, который нападали на пастухов на дальних пастбищах и угоняли скот. Но после того, как стада стали охраняться вооруженными отрядами, нападения кочевников прекратились. Регулярно на границы своих владений сванги отправляли дозоры, состоящие из отрядов численностью от трех до пятнадцати воинов. Один из таких отрядов мы и встретили.

Нужно сказать, с кочевниками у свангов складывались не только военные отношения, между ними была налажена и торговля, но поскольку денег кочевники не имели, то торговые отношения сперва строились на основе натурального обмена. Но со временем сванги стали расплачиваться с соседними племенами своими монетами, объясняя, что за них у свангов они могут купить. Так деньги, которые чеканили сванги, стали межплеменной валютой.

Праздник, на который мы были приглашены, продолжался, праздники Богов неба длились три дня. Небо у свангов считалось отцом, земля – матерью. Были у них и другие Боги: Бог Солнца, Луны, плодородия, охоты, и прочие, а так же множество всевозможных духов: леса, воды, гор и всего, что окружало их. И надо всем этим множеством богов и духов возвышался главный, единый Бог Род, породивший все, что существует на этом и на том свете.

Я сидел вместе с пожилым свангом, по имени Актар, одним из вождей, наблюдая за ходом праздника. Длинная, с проседью борода, орлиный нос и светлые, живые глаза придавали ему вид мудреца, знающего толк в этой жизни.

- Расскажи мне о своем народе, – попросил Актар, – о ваших Богах.

- Когда-то, тысячи лет назад, – начал я свой рассказ, – наш народ тоже молился языческим Богам, как и ваш. Они жили общиной, возделывали землю, пасли свои стада и защищали земли свои от врагов. И не было среди них ни рабов, ни господ. Но потом, когда люди стали производить больше, чем могли потребить, появились богатые и бедные. Одни имели все, другие только жалкие крохи.

- Но почему, – спросил сванг, – когда люди стали производить больше, чем могли потребить, появились бедные? Ведь тогда всем всего должно было хватать с избытком?

Я пытался с позиций теории Маркса объяснить свангу причины разделения людей на классы, и пришел к выводу, что справиться с этой задачей не могу. Когда я изучал в академии теорию марксизма, исторический материализм, вникая в сущность мудреных научных терминов, казалось, я все понимаю, не раз объяснял на семинарах суть теории классов, не один раз сдавал экзамены, получал высокие оценки преподавателей, а тут …

Я просто не смог ответить на элементарные, простые вопросы этого наивного, не владеющего никакими методами научного познания, дикаря, живущего в свободном, не отягощенном привычными нам пороками обществе, не ведающим социального неравенства и классовой борьбы.

Выделение из народа определенного слоя людей, не занимавшихся производительным трудом, а осуществлявших функции управления, у свангов уже произошло, произошло и разделение труда, возникли и товарно-денежные отношения между общинами, между свангами и соседними племенами. Но такое разделение не привело к образованию классов. Да, вожди, жрецы, не создавали материальных ценностей, и жили за счет общества, но у них не было средств производства и, следовательно, по Марксу, их нельзя было назвать классом. Не было средств производства и у тех, что занимались торговлей.

Единственной зацепкой, которую я нашел в своих знаниях марксизма, было формирование рабовладельческого строя. Пленных было чем кормить, их уже не убивали, а заставляли работать. Но у свангов, как и у славянских народов, не было рабства! Регулярных войн они не вели, а если в межплеменных вооруженных конфликтах они брали в плен воинов противника, то после заключения мира их отпускали.

Все мои попытки объяснить свангу суть рабовладельческого строя разбились, как волны прибоя о гранитный утес, всего одним, наивным вопросом: «Как можно заставлять других работать на себя? Ведь это безнравственно!» Уровень нравственности у этих первобытных племен был гораздо выше, чем у нас – цивилизованных, обладающих высоким уровнем технических знаний, освоивших невиданные энергетические мощности, безнравственных, алчных дикарей.

У свангов была своя, устная «Библия», роль ее выполняли народные сказки-притчи, в которых боги на принципах ситуационного

управления преподавали людям Великий Нравственный закон. В сказках описывалась некая ситуация, в которую попадал герой, и рассматривались возможные решения. Один из героев, действую против своих личных интересов, но в интересах окружающих, выходил победителем из сложной ситуации, и получал награду, другой же, исходя лишь из своих эгоистических потребностей, не считаясь с интересами других, действуя, вроде бы на пользу себе, погибал или лишался всего, что имел.

Сказки рассказывали детям, и Великий Нравственный закон они постигали с пеленок, едва научившись понимать человеческую речь. У этого народа не было заповедей типа: «не убий», «не укради», нравственность в поведении людей была естественна, как дыхание.

Полет – это очень просто

Мы смотрели на праздник, смотрели, как веселятся эти свободные, сильные и красивые люди, и думали, каждый о своем.

- А ты можешь поднять меня в небо на своей железной птице? – спросил сванг. – Ведь мы – потомки птиц, и тоже когда-то умели летать.

- Конечно, могу, – ответил я.

Мы оставили праздник, и пошли к самолету.

- Вы куда? – спросил меня Николай Иванович.

- Актар хочет, чтоб я прокатил его на самолете.

- Смотри, все горючее не сожги. Израсходовать бензин мы всегда успеем, может еще пригодится, так что, ты не долго, минут десять, не больше, – посоветовал Николай Иванович.

Сванг с интересом рассматривал самолет, он пощупал крылья, рули, лопасти винта, и все спрашивал, спрашивал, а я отвечал, как мог, стараясь не перегружать его тем, что он все равно понять не сумеет. Когда мы взлетели, Актар с затаенным дыханием смотрел на простирающийся под крылом пейзаж долины, но потом внимание его привлекли приборы, движение их стрелок, педали и штурвал. Он осторожно прикоснулся к штурвалу и положил на педали ноги.

- Бери! – жестом показал я ему. Не знаю, для чего я это сделал, но таков уж видно русский менталитет. Русский пилот обязательно даст попробовать управление своему сыну, жене, другу, да еще бог знает кому, чего никогда не сделает ни англичанин, ни француз. А русский пассажир, оказавшись в кабине пилотов, особенно если летчик его друг или родственник, обязательно попросит: «Дай подержаться за управление!». К большому сожалению, такой русский менталитет уже неоднократно был причиной летных происшествий с весьма тяжелыми последствиями, но выводов никто не делает, в том числе и я.

Я передал управление свангу, мягко держась за штурвал, а потом и вовсе убрал руки. К большому моему удивлению, сванг не завалил самолет в крен, не перевел его в пике, он ровно вел Ан-2 в горизонтальном полете. «Надо бы развернуться», – подумал я, и тут произошло чудо, да именно чудо, по-другому я этого назвать не могу! Сванг плавно ввел машину в левый разворот, разворот координированный, правильный, без скольжения, без набора и потери высоты и скорости! Потом он еще разворачивался вправо, влево, снижался, набирал высоту, изменяя соответственно режимы работы двигателя. Я, что называется, обалдел! Такого в жизни своей я еще не видел! Чтобы человек, ни разу до этого не видевший самолет, смог его пилотировать? Да у курсанта, который год учит устройство самолета, аэродинамику и технику пилотирования, в первых полетах даже прямая не получается, а тут, на тебе! Дикарь, не имеющий представления об аэродинамике, впервые увидевший «железную птицу», пилотирует самолет не хуже меня! Когда мы приземлились, я был в шоке, а сванг на вершине счастья.

- Я же говорил, что сванги когда-то умели летать! – радостно сообщил он мне.

Вечером, когда все члены экспедиции и пилоты собрались в доме «жреца» на «разбор полетов», я рассказал им о том, как сванг пилотировал Ан-2. Все умолкли, пораженные моим сообщением. Первым пришел в себя профессор Мальцев:

- То, что сванги считают себя потомками птиц, не удивляло меня. Многие народы и племена имели тотемных животных, одни считали, что произошли от волка, другие – от собаки, третьи – от змеи.

Мы ведь тоже считали, что произошли от обезьяны. Их утверждение, что сванги когда-то умели летать, я понимал не более чем то, что предки их были птицами, и действительно умели летать. Но, получается, что сванги умели когда-то управлять самолетом! Это никак не укладывается в моем мозгу. Возможно, они являются потомками какой-то древней, высокоразвитой цивилизации, и память о технике пилотирования сохранилась у них на генетическом уровне.

- Допустим так, – возразил я, – но у них могло сохраниться понятие о том, как в принципе управлять самолетом, но сванг пилотировал Ан-2, и выдерживал все режимы и скорости, соответствующие именно ему, не станете же Вы утверждать, что люди древней, высокоразвитой цивилизации, имели в своем парке летательных аппаратов Ан-2!

- У свангов, как и у других многих народов существует идея реинкарнации, они верят, что души умерших переселяются во вновь рожденных. Душа после смерти попадает в пекло, но образ пекла не соответствует образу христианского ада, где душа обречена на вечные муки. В пекле души переживают и осознают все ошибки, сделанные в земной жизни, и получат потом новую жизнь, для духовного совершенствования, и только возвысившись духовно, они могут присоединиться к Богам, совместно с которыми трудятся на благо мира. По философии свангов, в раю нет вечного блаженства, есть вдохновенный и созидательный труд, – сказал Ефим Семенович.

- И что же это может объяснить? – спросил я.– У них что, в пекле черти на Ан-2 летают?

- Возможно, в свангов вселяются души пилотов, – ответил профессор.

- Это что же, реинкарнация осуществляется по профессиональному принципу? – сказал Рудольф.

- Ну, возможно, тут имеется ввиду родство душ, – высказал свое предположение Николай Иванович, – ведь писал же Экзюпери, что летчик – это не профессия, это – мировоззрение.

Жан Поль рассмеялся.

Что смеешься? – спросил я.

- Согласно вашей теории, – ответил он, – если реинкарнация осуществляется по профессиональному принципу, ну или, там, по

родству душ, то где-то в мире обязательно должен существовать народ, в который вселяются души полицейских и налоговых инспекторов. Вы представляете, какая атмосфера радушия и взаимного доверия царит среди этого народа!

- Ты со своими шутками любую светлую идею опошлишь! – отозвался Рудольф.

- Пожалуй, я вас помирю, – сказал Семенов. – Все гораздо проще, чем вы думаете. Сванг вовсе не управлял самолетом, им управлял Сережа.

- Но, позволь, – возразил я, – я же не притрагивался к органам управления, самолет пилотировал Актар!

- Когда-то давно, еще в семидесятые годы, экстрасенсы проделывали такой трюк. Усаживали за руль автомобиля человека с завязанными глазами, человека, который и управлять-то автомобилем не умел. А рядом садился экстрасенс, он клал руку на плечо водителя и мысленно управлял автомобилем. В результате, человек с завязанными глазами, не имеющий опыта в вождении, спокойно вел автомобиль в плотном городском потоке. И чуда здесь никакого нет, все дело в возможностях нашего мозга.

Мы считаем, что мыслим при помощи слов, животных же, которые слов не произносят, мы долгое время считали не способными к мыслительной деятельности, и утверждали, что поведение животных обусловлено лишь инстинктами и рефлексами. Но это не верно. Человек мыслит не при помощи языка, язык – это лишь способ кодирования мысли. Мысль, закодированная при помощи слов, и перенесенная на некий материальный носитель, например, колебания воздушной среды или бумагу, может быть воспринята другими. Так мы осуществляем обмен информацией. Мы считаем, что изобретение языка существенно увеличило наши возможности, но, увы, к сожалению, получив такое мощное средство передачи информации, как язык, мы утратили многие способности непосредственного восприятия мыслей.

Мысль, не отягощенная словарной формой, способна мгновенно решать сложнейшие задачи, мы называем это интуицией. Для того, чтоб закодировать мысль словами, требуется время, а часто времени для принятия решения у нас нет, вот тогда-то и начинает работать интуиция, мозг принимает решение и передает команды на исполни-

тельные органы – руки и ноги. Потом, в спокойной обстановке, осмысливая происшедшее, мы удивляемся своим способностям, и не можем объяснить, почему поступили именно так, а не иначе. Называйте это как хотите: интуицией, подсознанием, но именно это и есть процесс мышления, а речь – лишь кодирование этого процесса.

Сережа вел самолет, потом отдал управление свангу, он убрал руки и ноги с органов управления, но мысль продолжала работать, мозг формировал командные сигналы, несмотря на то, что они не доводились до исполнительных механизмов, электрические импульсы этих команд излучались в пространство. Мозг сванга, принимая эти сигналы, доводил их до его собственных исполнительных механизмов, руки и ноги его бездумно повторяли те движения, которые были продиктованы пилотом. И никакого чуда здесь нет.

- Но, почему же тогда, – возразил я, – курсант не воспроизводит сигналы, сформированные мозгом инструктора, а ведь тот тоже мысленно управляет самолетом! А курсант, подчас, выделывает черт-те что, но только не то, чего добивается от него инструктор!

- Ну, во-первых, – ответил Володя, – не путай процесс обучения с передачей мозгу другого человека командных сигналов. Суть обучения в том, чтоб мозг обучаемого смог сам вырабатывать сигналы управления в зависимости от ситуации, а не научился считывать его из мозга инструктора, иначе он, обучаемый, самостоятельно летать не сможет, а будет лишь некой радиоуправляемой моделью пилота. А во-вторых, у нас для этого нужен экстрасенс – человек, чье электромагнитное поле значительно превосходит по уровню поля обычных людей. Сванги же, еще не утратили своего единения с природой, и могут то, что мы делать уже давно разучились. Человечество, окружив себя различной техникой, облегчающей физическую работу, деградировало физически.

Посмотрите на свангов, вряд ли кто из вас, исключая, конечно, Рудольфа, сможет поднять тяжелый меч, которым они орудуют как тросточкой. А когда люди изобрели всевозможные компьютеры, калькуляторы, которые считают за нас, думают вместо нас, вместо нас принимают решения, мы стали деградировать умственно. Еще недавно любой школьник мог свободно оперировать в уме трехзначными числами, а мы уже без калькулятора и два на два помножить не мо-

жем! Люди изобрели мобильный телефон, и считают это высочайшим достижением техники, а ведь когда-то наши предки могли обмениваться информацией на больших расстояниях, не прибегая к средствам связи.

Есть множество примеров, когда коты проходили сотни километров и возвращались домой из тех мест, где их потеряли хозяева или умышленно завезли. Приведу пример, однажды семья, переезжая к новому месту жительства, свято веря в распространенное заблуждение, что собаки привыкают к людям, а коты к месту, оставила своего кота новым жильцам. Но кот через некоторое время пришел к своим прежним хозяевам в то место, где он никогда прежде не бывал! Животные могут настраиваться на частоту поля, излучаемого мозгом другого существа, в данном случае своего хозяина, и идти на этот сигнал, как вы ведете самолет на сигнал радиомаяка. У вас для этого есть приборы, а мозгу животного никаких приборов не нужно. Если самца насекомого отвезти на десятки километров от самки, он без труда найдет дорогу к своей подруге, ориентируясь по ее электромагнитному полю, выделяя именно ее сигнал из множества сигналов других существ. Вы думаете, что мозг человека устроен примитивнее мозга насекомого? Мы просто деградируем, окружив себя техникой! Высокоразвитая техническая цивилизация – это цивилизация дебилов! Рано или поздно мы к ней придем, если не одумаемся и не начнем жить в гармонии с природой. Пока мы считаем природу лишь окружающей средой, а не ощущаем себя частью ее, мы обречены!

- Это все только рассуждения, Володя, – сказал Жан Поль, – для того, чтобы управлять самолетом, надо иметь хотя бы элементарное понятие о том, как работают рули!

- Это вовсе не обязательно, вот я, например, никакого понятия об управлении самолетом не имею, но сделаю то же самое, что делал Актар.

- Хорошо, – сказал я, – разрешим этот спор таким образом, завтра с утра взлетаем, Володя садится в правое кресло и берет управление, посмотрим, что их этого получится!

- Вот именно, – отозвался профессор Мальцев, – давайте попробуем, очень интересный эксперимент! Но если Володя не прав, то я ничего сказать не могу, это уже за гранью понимания.

- А я бы, на вашем месте, не жег горючее зря, – отозвался Николай Иванович, – ничего ваш спор не решит, а горючее нам еще может пригодиться.

- Да только кружечек, Николай Иванович, – попросил Жан Поль, – больно уж интересно.

Николай Иванович только махнул рукой.

Пропавшая экспедиция Гиммлера

Наутро все участники экспедиции и мы собрались возле самолета. Каждому интересно было, чем закончится эксперимент. Мы поднялись на борт. Все расселись так, чтобы видеть все, что происходит в пилотской кабине. На место второго пилота сел Володя.

- Управление пока не трогайте, – попросил я, – взлетим, наберем высоту, тогда возьмете штурвал.

Володя кивнул.

- От винта! – крикнул я, запуская двигатель, хотя у самолета никого не было. Мы взлетели, я набрал высоту, развернулся, перевел машину в горизонтальный полет и отдал управление Володе.

Он выполнял развороты, снижение, набор высоты, менял режимы работы двигателя, в общем, пилотировал самолет не хуже сванга. Я стал мысленно давать ему команды: «развернуться на тридцать влево», «набрать двести метров», «снизиться на сто метров», и так далее. Володя все выполнял аккуратно и четко. Причем делал это все в точности как делал бы я.

И вдруг я услышал крик. Кричал Жан Поль, показывая рукой вправо и вниз.

- Смотрите! Смотрите! Там внизу аэродром! Да развернись же ты! Черт тебя побери! Ну что, видишь?! Вон там!

Я развернулся в сторону, куда показал Жан Поль и увидел. Это действительно было похоже на аэродром! Разметка полосы, посадочные знаки, бочки из-под горючего, палатка.

- Снижайся, садимся! – крикнул Николай Иванович мне прямо в ухо.

Я зашел на посадку и посадил самолет эту странную, неизвестно откуда взявшуюся посадочную полосу. Когда я выключил двигатель, все выскочили из самолета и бросились исследовать этот загадочный аэродром.

- Идите сюда! Смотрите! – крикнул доктор Архангельский, показывая на бочки. – Это немецкие бочки! Здесь базировалась та самая экспедиция, что прилетела на «юнкерсе»! Маркировка, год – все совпадает!

- Но что же случилось с самолетом? – спросил профессор. – Они не вернулись, а ведь они, в отличие от нас, знали, как войти в прошлое, и как выйти. Куда же делся самолет?

- Если он не приземлился в Дегире, значит он должен быть здесь, где-то здесь, в «нашем» времени, – сказал Николай Иванович.

- «Где-то здесь» – это сотни и тысячи километров! – ответил Жан Поль, нравится мне это ваше, «где-то здесь»!

- Не ехидничай, – сказал Николай Иванович, – «где-то здесь» – это в пределах радиуса действия «юнкерса», а не «сотни и тысячи километров», как ты говоришь.

- Почему радиуса? В пределах дальности полета!

- Нет, радиуса! Они должны были вернуться!

- А если они вообще не собирались возвращаться? Если они взлетели, чтобы приземлиться уже в Дегире, в своем времени?

- Нет, они должны были вернуться, – подтвердил доктор Архангельский, – не забывайте, что это немцы. Они не бросили бы все так, как есть, если бы не собирались возвращаться. Собрали бы посадочные знаки, убрали бы палатку, забрали бы бочки, тут ведь и полные есть. Пойдемте, детальнее осмотрим все.

Мы шли по аэродрому, оставленному экспедицией СС, по зеленой траве, мимо бочек с горючим, антенны радиостанции, полосатого флюгера на мачте, направляясь к палатке, в которой по видимому, когда-то находился стартовый командный пункт. В палатке все было так, если бы руководитель полетов просто отлучился на несколько минут со своего рабочего места. Напротив широкого окна из тонкого плексигласа находился стол, на котором стояла радиостанции, тумблер питания был включен, хотя батареи уже давно сели. Рядом лежа-

ли: карта, карандаш, линейка, компас. На полу валялись два покрытых пылью автомата времен второй мировой войны, банки консервов.

- Может быть, что-то произошло, что заставило их все бросить, и срочно улететь? – тихо сказал Жан Поль.

- Да нет, на паническое бегство это не похоже, – возразил Николай Иванович, – нормальная рабочая обстановка, руководитель полетов должен был бы быть где-то поблизости. Те, кто оставались здесь, ждали возвращения самолета.

- Ждали, но не дождались, и ушли, – сказал я.

- Ушли? – спросил доктор Архангельский. – Нет, никуда они не ушли! Если бы они ушли, то не оставили бы включенной станцию, забрали бы карту, консервы и оружие. Да и куда они могли уйти?

Но в палатке никого не было. Мы стали осматривать местность вокруг палатки, и тут увидел их. Неподалеку от палатки, в кустах лежали два истлевших трупа, в спинах у них торчали стрелы. Профессор подошел, вынул одну стрелу, осмотрел ее и сказал:

- Это кочевники – их стрелы. Они убили немцев из засады, сначала одного, когда тот отлучился из палатки, а потом другого, когда он отправился на поиски товарища.

- Но где же самолет? Почему он не вернулся? – спросил я.

- Может он и возвращался, мы ведь не знаем, – ответил Володя.

- Думаю, что он не возвращался, – сказал Николай Иванович, – они бы похоронили своих товарищей, и не бросили бы все, как есть. Нет, он не возвращался.

- Самолет что, тоже кочевники сбили? – спросил Жан Поль с явной долей ехидства.

- Все возможно, – ответил доктор Архангельский, – посмотрев на Жана так, что тот осекся и умолк.

Наступила тишина. И в этой, на мгновение наступившей тишине, возникло ощущение чего-то страшного, неведомого и неотвратимого. Каждый вдруг понял, что с самолетом случилось что-то такое, что не укладывалось в понятие здравого смысла, ни отказ техники, ни ошибка пилота, нет. Кто-то не выпустил их отсюда. Видимо они узнали что-то такое, чего не должны были знать люди.

- Нужно искать самолет, – сказал доктор Архангельский. – Его нужно обязательно найти, именно в этом и состоит цель нашей экспедиции.

- Где же его искать? – спросил я. – Район поисков довольно велик, радиус действия трехмоторного «юнкерса» – 650 километров, а у нас горючего не так много.

- Горючего достаточно, – сказал Николай Иванович, – там полные бочки с горючим, немцы основательно подготовились к экспедиции, пойдем карту посмотрим, на ней маршрут нанесен, попробуем точнее определиться с районом поисков.

На карте было нанесено несколько маршрутов, каждый из них начинался и заканчивался здесь, на этом полевом, оборудованном немецкой экспедицией аэродроме. Один маршрут пролегал в тот район, где находился современный Дегир, основанный в прошлом веке французским исследователем этих мест, герцогом де Гиром. На карте в этом районе были нанесены два поворотных пункта, облетев район Дегира, немцы должны были вернуться обратно, посадка не была предусмотрена планом полета. Что же они искали там?

- Давайте с этого маршрута и начнем, – сказал Николай Иванович.

- Почему именно с него? – спросил Жан Поль.

- Хотя бы потому, что он самый дальний их трех, построенных на карте.

Дозаправив самолет оставленным немцами топливом, мы взлетели. Я пилотировал Ан-2, ведя его по маршруту, проложенному на карте, а остальные наблюдали за местностью, надеясь обнаружить на земле упавший «юнкерс». Ведь не растворился же он в небе, если он остался в этом времени, то должен был бы быть где-то на земле. Хотя….

Мы шли на высоте пятьсот метров, снижаясь при необходимости для осмотра закрытых участков местности. Так мы дошли до того района, где сейчас расположен маленький, тихий, уютный городок с небольшим аэропортом, гостиницей, ванной с горячей водой и всеми прочими прелестями цивилизации, которых мы были лишены, затерявшись во времени. И тут Жан Поль увидел самолет. Но это не был «Юнкерс-52», который мы искали, это была «цессна», на ней вылете-

ли искатели приключений полгода назад. Два американца и французский пилот. Самолет лежал на крыле с подломленным шасси.

Когда мы приземлились, подобрав площадку неподалеку от потерпевшей аварию «цессны», взгляду нашему открылась безрадостная картина. Беспомощно лежавший на земле самолет, да три трупа, обглоданных диким зверьем. Какая страшная драма развернулась здесь!

- Не хотел бы я оказаться на их месте, – тихо произнес Жан Поль.

- Мы не в лучшем положении сейчас, – ответил я.

- Да, но мы-то знаем, что провалились на четыре тысячи лет назад, а они этого не знали, – в этом весь ужас их положения, – сказал Николай Иванович.

- Надо бы похоронить этих несчастных, – сказал профессор.

- Похороним, все, что от них осталось, – ответил доктор Архангельский, – волки и время уже сделали свое дело.

Мы хоронили останки тех, что когда-то были людьми. Двое из них жаждали острых ощущений, третий соблазнился предложенными деньгами, а теперь все трое были мертвы. Они погибли в чужом, неведомом им мире, даже не поняв, что же произошло на самом деле. Где сейчас витают их неприкаянные души? Найдут ли они покой? Или будут вечно скитаться, затерявшись во времени, заблудившись где-то между адом и раем, или сгинут навсегда в пропасти вечности.

Осматривая разбитый самолет, мы обнаружили цифровую видеокамеру.

- Нужно посмотреть, что они там снимали, – сказал доктор Архангельский, – может быть, увидим что-нибудь интересное.

- На чем же смотреть? – спросил Жан Поль.

- Профессор, у Вас же есть ноутбук! – сказал Володя.

- Что толку, аккумулятор давно сел.

- Не беда, подключим к бортовой сети самолета! – сказал я.

- Тогда возвращаемся, ноутбук у меня дома, в хижине остался.

Вдруг Жан Поль расхохотался.

- Ты чего ржешь? – спросил я.

- Да так, на минутку представил себе древнего языческого волхва с ноутбуком в руках!

- Ничего особенного, – пожал плечами Володя, – почти тоже, что и вождь племени за штурвалом самолета!

- За что я вас люблю, ребята, так это за юмор, – ответил профессор Мальцев, – даже в такой ситуации, в которой мы оказались, чувство юмора вас не покидает.

Когда мы подключили ноутбук профессора к бортовой сети самолета, и экран компьютера ожил, профессор был рад, как ребенок, которому возвратили его любимую игрушку.

Подключив память видеокамеры к компьютеру, мы начали анализ записи, сделанной погибшим кинооператором.

- Вот здесь, похоже, они прошли врата времени, теперь смотрите внимательно, – сказал доктор Архангельский.

Обступив ноутбук, мы впились глазами в экран, пытаясь разглядеть что-либо необычное, точнее нас интересовало, не попал ли в кадр случайно «Юнкерс-52». И вот:

- Стоп! Стоп! – Крикнул Жан Поль. – Давай назад! Там что-то есть. Так-так, вот-вот оно. А теперь ближе насколько можно!

- Точно! Есть! Самолет! – крикнул я. – Они сняли упавший «юнкерс», и сами, видимо не обратили внимания!

- Попробуй, рассмотри его! – отозвался Николай Иванович. – Самолет в камуфляжной раскраске, уже оброс растительностью, и мы бы не заметили, если бы не искали.

- Черт! Самолет-то нашли, но где он лежит? – сказал Жан Поль. – По рельефу местности не определить, всё похоже, никаких примечательных ориентиров, черт!

- Давай дальше, может какой ориентир знакомый проскочит.

- Нет, так не пойдет, – сказал Николай Иванович, – давайте с начала, где они прошли врата времени. Там камера прошлась по приборной доске. Стоп! Компас покажи! Так, ближе. Есть! Курс – 185 градусов! Время на кадре пишется. Сколько? Ага, 12.47. Теперь время на кадре, когда самолет попал в объектив, так, 13.24. Итак – тридцать семь минут полета от прохода ворот до того момента, как в объектив попал «юнкерс», скорость «цессны» – двести километров в час, итак получается, что за тридцать семь минут они пролетели 123 километра, и если курс не менялся, то «юнкерс» должен находиться вот здесь! – Николай Иванович указал точку на карте.

- А если курс менялся? – сказал Жан Поль, – давай еще раз прокрутим, там, в кадре насколько раз мелькает приборная доска и затылок пилота.

- Вот, вот, вот! – крикнул я, – смотрите! А, черт! Затылок пилота компас закрывает!

- Да не на магнитный компас смотрите! Сейчас он штурвал повернет, гирокомпас откроется под рукой! Вот, вот он! Стоп!

- Ближе можно? Шкалы не видно, похоже, градусов сто двадцать!

- Ага, они развернулись под девяносто! Но когда, черт побери?!

- Смотри, смотри, там река – справа, внизу! Они вдоль речки развернулись, потом речка влево уходит, а они прямо пошли! Значит «юнкерс» должен быть вот здесь!

- Ого, как же мы там сядем? – сказал Жан Поль. – Одни горы вокруг, и никакой подходящей площадки! Вот тебе и раз!

- Ладно, не паникуй раньше времени, полетим, посмотрим, – сказал Николай Иванович.

Земля за синей рекой

Самолет пропавшей немецкой экспедиции мы обнаружили там, где и ожидали, несколько южнее, в горном ущелье. Как ни старался Николай Иванович, но подходящей для посадки Ан-2 площадки поблизости не нашлось.

Выход напрашивался только один: приземлиться в долине реки, на ближайшей площадке, пригодной для посадки самолета, а дальше добираться пешком, через перевал в ущелье, где нашел свое последнее пристанище «Юнкерс-52» секретной экспедиции СС, информации о которой нет ни в одном источнике, кроме дневников профессора Архангельского, да секретных архивов «Аненербе». Если верить карте, найденной на полевом аэродроме экспедиции, пройти придется не менее семидесяти километров.

- Без помощи свангов нам не обойтись, – сказал Валера Матвеев, – оставлять самолет без присмотра нельзя, в долину иногда кочев-

ники забредают, нужна охрана, воинов пять не меньше. Нужен еще проводник, который знает тропу через перевал.

- Так, – сказал Николай Иванович, – получается: сванги, пять воинов и проводник, два пилота, бортинженер да штурман – уже десять человек. Еще горное снаряжение, палатки, питание, минимум на неделю на всех. Из членов экспедиции сможем взять только двоих. Кто пойдет?

- Пойдет Валера, – ответил профессор Мальцев, – и доктор Архангельский, без них никто не разберется с документами немецкой экспедиции, если таковые обнаружатся. Никто не возражает против такого расклада?

- Из нас никто, – ответил Жан Поль, – но вы забыли еще свангов спросить, согласны ли они дать нам воинов и проводника!

- А зачем нам воины для охраны самолета, когда у нас есть два немецких автомата? Если кочевники появятся, дать очередь над головами, и думаю, больше они к нам не сунутся! – сказал я.

- Да что нам кочевники с саблями и луками, против автоматов! – воскликнул Жан Поль.

- Те два эсесовца, которых оставили на аэродроме, – возразил Валера, – были вооружены именно этими автоматами, однако они лежат в кустах со стрелами в спинах. Не знаете вы, ребята, кочевников, они подбираются бесшумно, так что раньше услышишь свист стрелы, чем увидишь их воина. А сванги их знают. Они чуют врага на расстоянии, и умеют вовремя дать отпор, нет, без них нам никак не обойтись.

- Я поговорю с Актаром, – сказал профессор, – думаю, он нам не откажет.

- Ефим Семенович, – обратился Жан Поль к профессору, – Вы же жрецом у них работаете, разве Вам нужно еще договариваться?

- Хотя они и избрали меня да роль жреца, договариваться нужно. Дело в том, что у свангов жрецы не командуют воинами, они общаются с богами, справляют обряды, выполняют идеологическую функцию, но в структуру системы управления жрецы не входят. Да и должность жреца у меня скорее почетная, что реальная. Помните, в советские времена были «почетные академики»? Моя должность ана-

логична. Так что, придется мне говорить со свангами не как жрецу, а как руководителю экспедиции.

Вернувшись в селение, мы обо всем подробно рассказали Актару, рассчитывая на его поддержку, он погладил рукой бороду, и сказал:

- Железной птицы, о которой Ты говоришь, никто из нашего народа не видел, там за Синей рекой, никто из свангов никогда не бывал, не наша это земля.

- Это земли кочевников? – спросил профессор.

- Нет, кочевники там иногда появляются, но это не их земля. Это земля эльмов.

- Про эльмов ты ничего не говорил, что это за народ?

- Это не народ, это духи. Про них ничего знать людям нельзя, и ходить туда нельзя, в их земли. Сванги туда не ходят.

- Если сванги там никогда не бывали, откуда ты знаешь, что там бывают кочевники?

Сванг замолчал, он явно не хотел ничего говорить о земле, которая лежит за Синей рекой. Прожив почти год среди этого народа, никто из членов экспедиции ни разу не слышал о таинственных эльмах. Даже профессору, посвященному в жрецы, никто никогда об эльмах не говорил. Прошло минут пять, прежде чем Актар снова заговорил:

- Однажды наши воины побывали там, преследуя кочевников, они переправились за ними через реку, потом они поднялись на гору и увидели это.

Сванг снова замолчал.

- Что они увидели, Актар? Скажи, что они увидели на горе?

- Капище. Капище эльмов. Но войти тута нельзя,

- Почему?

- Эльмы не пускают. Человек не может войти в капище. Чем ближе подходишь к нему, тем труднее дышать, потом идти становится вообще невозможно. Ближе чем на сто локтей к капищу не подойдешь.

Что-то не вязалось в рассказе Актара. Для чего отряду воинов, случайно оказавшемуся на запретной земле, подниматься на гору, да еще и пытаться проникнуть в капище?

Из разговора, который длился до поздней ночи, мы узнали, что сванги не раз бывали на земле эльмов, ходили через перевал, но держали в секрете сведения об этих походах даже от своих близких. Земля эльмов хранила какую-то тайну, недоступную никому из людей. Упоминание об эльмах и тайнах, связанных с их землями, не вызывали страха у свангов, духи, обитавшие в этих краях, пользовались особым уважением у людей, живущих по соседству. Эльмы не делали ничего плохого людям, проникшим в их владения, они просто не допускали их к тому, что охраняли. И уж никак нельзя было говорить об эльмах людям, не принадлежавшим к племени свангов, как бы хорошо к ним не относились. Жрецы, которые могли общаться с богами, никогда, ни в чьем присутствии не упоминали об эльмах. Перед тем, как пройти на земли, лежащие за рекой, сванги читали специальную молитву, обращаясь к духам, и только после того, как духи дадут какой-либо знак, можно было переходить реку.

Для того, чтобы получить согласие сопровождать нашу экспедицию за перевал, Актару потребовалось переговорить лично, с глазу на глаз, с каждым, кому он предлагал отправиться с нами. Несмотря на тайну, окружающую земли, лежащие за Синей рекой, никто из тех, с кем говорил Актар, не отказался идти с нами. Видимо, Актар знал, с кем нужно говорить.

Когда мы уходили к самолету, чтобы отправиться на поиски пропавшей экспедиции СС, никто нас не провожал, все делали вид, будто не знают, что мы уходим.

- Странный народ, – сказал доктор Архангельский, – я думаю, что большинство из них побывали за рекой, но каждый под большим секретом. Всё окружено тайной, но все всё знают.

- Между тем, – ответил профессор Мальцев, – мы прожили с ними год, и ни от кого об эльмах ничего не слышали, значит, система сохранения тайны, всё-таки работает. То, что известно своим, никогда не будет известно гостям, даже если их принимают, как своих.

- Но ведь Вас посвятили в жрецы, значит, приняли как своего?

- Нет, я же говорил, должность жреца, которую я занимаю, скорее почетная, чем действительная, как дань уважения к моим знаниям, но не более. Меня не посвящали во все тайны жречества, лишь ознакомили с основными обрядами.

- Для чего же тогда Актар рассказал нам о капище эльмов, в которое нельзя войти? Случайно оговорился? Нет, не похоже! Он давал информацию нам дозировано, тщательно продумывая каждое слово. И вдруг, такая досадная оговорка!

- Это не оговорка. Это намек. Видимо, мы должны там обязательно побывать. Что-то должно проясниться с поседением этого капища, – сказал профессор.

- Что может проясниться, если «туда нельзя войти»?! – спросил я.

- И все-таки, не зря Актар рассказал нам про капище. Постарайтесь туда добраться. Проводник должен знать дорогу, и если я прав, и Актар не случайно оговорился, то дорогу он вам покажет.

Мы подошли к самолету. Жан Поль распахнул дверь, и пригласил воинов в чрево таинственной «железной птицы».

- Посмотрите, как они садятся в самолет, – сказал доктор Архангельский. – Спокойно, уверенно, словно пассажиры рейса Москва – Сочи, а ведь они до этого ни разу не видели «железную птицу». И чтобы так спокойно при этом лезть в её брюхо?

- Несомненно, они знают гораздо больше. Может быть даже больше, чем мы, только знание у них другое, не такое, как у нас. Оно не формализовано, не записано в виде формул и теорем, не сформулировано в виде законов, оно представлено образами. Но они знают то, чего не знаем мы, – ответил Ефим Семенович. – Может быть, никакие ни эльмы, а именно они являются хранителями древних тайн. Любой древний народ при соприкосновении с неведомым, тайным, чувствует страх. Это естественно, то, что лежит за гранью нашего знания, всегда вызывает страх. Каждый в детстве боялся входить в темную комнату, выходить за пределы знакомого мира. А они не боятся, следовательно – они знают.

Чтобы чувствовали Вы, когда бы столкнулись с невидимым глазу энергетическим барьером? Трудно дышать, невозможно идти? Страх! А у них страха нет. Актар рассказывал об этом спокойно, и я уверен, что те, которые подходили к древнему капищу, тоже не испытывали страха, просто понимали, что туда нельзя!

- И еще, они не боятся смерти, они не воспринимают смерть, как трагедию, – сказал Валера, – помните, как они хоронили своего вои-

на? Как провожали Велемудра в Долину, где кончается всё? Они не плачут на похоронах, мне показалось, что они даже веселы. По-видимому, они знают, что там, после жизни.

- У нас многие верят в загробную жизнь, и всё равно, смерть вызывает страх и отчаянье, – сказал доктор Архангельский.

- Одно дело верить, другое – знать. Они именно знают, и наверняка, умеют общаться с душами мертвых, – ответил профессор.

Командир отряда воинов, отправлявшихся с нами для охраны Ан-2, попросил внимания, сказав, что сейчас он спросит разрешения у эльмов посетить их земли. Он встал, не выходя из самолета, протянул руки в сторону Синей реки, находящейся за добрую сотню километров от селения, и произнес какую-то, непонятную нам, молитву, и стал ждать.

- Все, – сказал он, – можно идти, эльмы разрешили, они дали знак, и я увидел его.

Что увидел он, мы так и не поняли, мы не видели ничего, но все сванги, подтвердили, что знак был.

- Ну, что ж, удачи Вам, и благополучного возвращения, – сказал профессор, пожимая нам руки.

- Провожающих прошу покинуть борт нашего авиалайнера, отправляющегося по маршруту «черт знает откуда – черт знает куда»! – сказал, пожимая руку профессору, Жан Поль.

Я запустил двигатель, и когда рев мотора ворвался в салон самолета, ни один мускул не дрогнул на лицах воинов, я специально обернулся и посмотрел. Мы взлетели, самолет лег в развороте, набирая высоту, и взял курс, ведущий нас в загадочную, запретную для людей долину, где обитают странный существа, духи, называемые эльмами, которых никто никогда не видел и, наверное, не сможет увидеть никогда.

- Если эти эльмы действительно существуют, то они не дураки! Недаром они выбрали для себя эту долину, прекраснее места я еще не видел! – воскликнул Жан Поль, когда загадочная долина проплыла под крылом самолета. Хотя мы уже и бывали здесь, когда выбирали место для посадки поближе к потерпевшему катастрофу «юнкерсу», вновь поразила нас мягкая, нежная красота гор, увитых зеленой растительностью, суровые зубцы скал, вылизанные ветрами, голубая вода

озер. Река, к югу от которой лежала холмистая ковыльная степь, а на север поднимались горы, отражала в своих прозрачных, девственных водах небо и, действительно, блестела синевой чистой, холодной, бездонной. Она уходила вдаль, за горизонт, теряясь в бесконечных изгибах и поворотах.

Я прошел над долиной, над площадкой, на которую мы собирались приземлиться и, развернувшись, зашел на посадку. Жан Поль выпустил закрылки и перевел винт на малый шаг. Когда он добавил газ, подтягивая к площадке, мелькающие лопасти пропеллера слились в диск, делая прозрачнее и чище пространство перед винтом. Земля приближалась, уже стало видно, как прижимаются к земле травинки, ложась под крыло. Я сделал Жан Полю знак рукой, чтобы он убрал газ, и потянул штурвал на себя, выравнивая машину. Подняв к небу капот, она понеслась над самыми стебельками травы, легко коснувшись колесами шасси таинственной, заповедной земли эльмов.

Двигатель умолк, и наступила тишина, нарушаемая лишь звуками остывающего мотора, пением птиц, да завыванием ветра в подкосах и расчалках крыла. Мы разгружали самолет, устанавливали палатки, оборудуя лагерь, который станет базовым для экспедиции, уходящей на поиски упавшего на дно ущелья «юнкерса». В лагере мы оставили пятерых воинов и Рудольфа, вооружив его одним из автоматов, найденных нами на немецком полевом аэродроме. Второй автомат мы взяли с собой. Хотя мы и не рассчитывали на столкновение с кочевниками, в ущелье они, по словам свангов, никогда не спускались, оружие все же взяли. Кто знает, с чем нам придется столкнуться на этой таинственной земле.

Вытянувшись цепочкой, мы двинулись по узкой горной тропе, которая извиваясь тянулась вверх, к перевалу, то и дело теряясь среди скал и лесов, покрывших склоны гор. Впереди шел наш проводник, Ждан, за ним следовал доктор Архангельский, далее Жан Поль, Николай Иванович и я, замыкал строй Валера Матвеев, неся на плече, поблескивающий на солнце вороненой сталью, немецкий автомат. В рюкзаках мы несли продукты питания, спальные мешки да альпинистское снаряжение, которое может нам понадобиться при спуске в ущелье. Под клапаном моего рюкзака и рюкзака Жан Поля были палатки,

а под рюкзаком Николая Ивановича мелодичным звуком, как обещание сытного ужина у вечернего костра, позвякивал котелок.

Мы шли по серпантину, и с каждым поворотом все меньше и меньше становился наш Ан-2 на зеленой траве и палатка, в которой оставшиеся члены экспедиции будут ждать нашего возвращения. Вскоре мы зашли за скалы, и уже не могли видеть ни самолета, ни палатки, ни людей, оставшихся внизу.

Нам предстояло подняться на перевал, седло которого уже маячило вдали, затем спуститься немного вниз, к горному озеру, где придется заночевать. На следующий день мы поднимемся на другой перевал, за которым и находится ущелье. Первый день пути прошел спокойно, мы шли, наслаждаясь красотой пейзажа, который возникал перед нами, каждый раз поражая новизной, на следующем повороте серпантина. Тропа была устлана хвоей и шишками сосен, окружавших нас со всех сторон. Цепляясь корнями за расщелины скал, они тянули к небу свои ветви, принимая иногда причудливые, волнующие воображение формы. Одна сосна, растущая над самым обрывом, напоминала самолет, раскинув свои ветви-крылья, он летел куда-то вдаль, накреняясь в развороте. Мы шли, и с каждым шагом менялась проекция распластанных над миром ветвей, создавая иллюзию полета.

На перевале стало прохладно. Легкий, теплый ветерок, который ласкал наши щеки в долине, превратился в резкий, холодный порывистый, обжигающий лица ветер. Он нес низкие, серые облака, над самыми нашими головами. Облака цеплялись за скалы, рвались в клочья и, израненные, истекающие дождями, уползали за перевал. Мы стояли и смотрели на догорающий день, на то, как угасало небо в лучах заходящего солнца, переливаясь синими, зелеными и золотистыми тонами далеких перистых облаков.

Нужно спешить, надо успеть спуститься к озеру до темноты, которая так быстро наступает в горах. Лишь только упадет за перевал дневное светило, как сомкнутся тени гор над чашей долины, укутывая ее покрывалом, расшитым звездами.

Когда мы спустились с перевала, сумерки уже охватили долину, и первые звезды появились на угасающем небе. Мы разбили палатку у самого озера, ветер стих, и дым костра, разведенного нашим проводником, Жданом, поднимался вертикально вверх, растворяясь в сумер-

ках наступающей ночи. Нехитрый ужин: миска каши, пахнущая дымом костра, да напиток из мяты – то немногое, что нужно путнику после долгого дневного перехода.

- Скажи, Ждан, – спросил профессор Архангельский, – а где то капище, о котором говорил Актар?

- Вон так, – показал рукой Ждан в сторону вершины, поднимающейся над хребтом, который нам еще предстояло преодолеть.

- Ты покажешь нам дорогу туда?

- Могу показать. Это капище эльмов, они никого не пускают, можно подойти и посмотреть, но войти туда нельзя.

- Мы хотим посмотреть, ты проведешь нас?

- Проведу, если выйдем с восходом солнца, то к полудню будем на вершине горы.

- Скажи, а почему эльмы не пускают людей в свое капище, как ты думаешь?

- Не знаю, этого никто не знает. Не пускают и все. Это их земли, люди не могут здесь охотиться, ловить рыбу в реках и озерах, косить траву на лугах и сеять, строить жилища. И в капище свое людей они не пускают. Нельзя людям знать то, что знают эльмы.

- А кто-нибудь из людей видел эльмов?

- Нет, никто никогда не видел. Как их увидишь? Ведь это духи.

- А откуда люди знают, что эльмы существуют? Что это их земли?

- А вот знают, и все. Откуда? Всегда так было, так жили наши деды и прадеды по соседству с эльмами, так и мы живем.

- Наши предки тоже жили по соседству с богами, духами, они общались с домовыми, лешими, водяными и прочими духами лесов и полей. Но кто такие эльмы? Почему о них не принято упоминать, почему о них нельзя говорить чужим? Это боги?

- Нет, они не боги, – ответил Ждан, – они живут на своей земле, но они не люди и не боги – они духи.

Поняв, что от Ждана больше ничего не добьешься, мы стали готовиться к ночлегу. Забравшись в палатку, и закутавшись в спальный мешок, я попытался уснуть. Ныли ноги, натруженные дневным переходом, ломило плечи от лямок рюкзака, но сон не шел.

Кто же такие эльмы? И какие тайны они хранят? Таинственный народ, о существовании которого не принято говорить, живущий по соседству с народом свангов. Им не молятся, как богам, их не боятся, как нечистую силу, их ни о чем не просят, их воспринимают, как соседей. Признают безоговорочно суверенитет их земель, не пытаясь вторгнуться в их владения. Кто же они такие – эльмы?

Мысленно задавал я себе, а возможно, богам эти вопросы, надеясь на то, что, как бывает иногда, на границе яви и сна неожиданно придет ответ, но ответа не было, наконец дремота овладела утомленным телом, и я провалился в мягкую теплоту сна.

Капище эльмов

Проснулся я, несмотря на довольно краткий отдых, на удивление бодрым, отдохнувшим и полным сил. Еще первые лучи солнца не успели коснуться верхушек деревьев, а лишь озарили вершины гор, как наш проводник, Ждан, скомандовал: «Подъем!».

- Нужно торопиться, – сказал он, – если не успеем до темноты пройти перевал и спуститься в долину, то придется ночевать на скалах.

Долину еще окутывала тьма, но утренние звезды уже таяли, как сахаринки, на фоне светлеющего неба, день разгорался под многоголосую симфонию пробудившихся ранних птиц. Когда мы покинули свой нехитрый брезентовый уют, уже горел разведенный Жданом костер, и Николай Иванович принялся готовить завтрак. Это была каша и «чай» – напиток из трав, вливающий бодрость и свежесть в тела и души, как будто сами боги благословляли нас на предстоящий трудный дневной переход.

Когда с завтраком было покончено, и мы уже собирали палатку, Николай Иванович зачерпнул из озера воду, намереваясь залить костер, но Ждан остановил его:

- Нельзя заливать огонь водой, – сказал он, – боги огня и воды не дружат между собой.

Он встал перед огнем, почитал молитву, благодаря огонь за пищу и тепло, после чего костер погас сам собой, тихо, без дыма.

- А теперь, – сказал наш проводник, – можешь полить водой землю вокруг огнища.

Николай Иванович выполнил указания Ждана, и камни, которыми было обложено огнище, недовольно шипели, когда на них попадала вода.

Мы собрались, взвалив на плечи тяжелые рюкзаки, и отправились в путь. Мы обогнули озеро, блестящее белизной утреннего неба, и стали подниматься в горы. Уже остался внизу лес, и лишь голые скалы, кое-где покрытые низким кустарником, лежали на нашем пути. Скорее чутьем, чем зрением, проводник наш угадывал звериные тропы, по которым он вел нас, выдерживая направление на вершину, где находилось капище эльмов. Когда вершина скрывалась за скалами, Николай Иванович доставал старый туристский компас, сверяя азимут вершины с направлением пути, Ждан же выдерживал направление, не пользуясь никакими приборами, основываясь на каких-то, только ему известных соображениях, но ни разу не сбился с дороги.

К полудню мы уже поднялись к вершине, на которой находилось загадочное капище, построенное то ли неизвестным народом, то ли духами, то ли богами.

- Вот оно, – сказал Ждан, – то самое капище эльмов.

Перед нами открылось небольшое горное плато, окруженное скалами, расположенное метров на пятьдесят ниже самой вершины, с непонятными сооружениями на нем. В центре плато находилось нечто, похожее на загадочный Стоунхендж, чуть поодаль, ближе к скалам, возвышалось строение, сложенной из дикого камня, с плоской крышей, не имеющее ни окон, ни дверей. Поражало то, что камни были подогнаны друг к другу так плотно, без видимых щелей, что невозможно было бы сделать в наших условиях без современной техники.

Мы попробовали подойти поближе, но не смогли. Чем ближе подходили мы к капищу, тем труднее было идти, даже дышать становилось все труднее и труднее, воздух казался вязким и плотным. Пройдя несколько шагов, мы остановились, дальнейшее продвижение стало невозможным. Пришлось вернуться назад.

- Что же это такое? – спросил доктор Архангельский. – Какой-то энергетический барьер?

- Никакого энергетического барьера нет, – ответил Валера Матвеев. – Энергетический барьер убивает. Ограждение из проволоки под током высокого напряжения вокруг пусковых установок ракет – вот это энергетический барьер. Все остальное – сочинения из романов ненаучной фантастики. Нет здесь никакого энергетического барьера!

- Тогда, что же это такое? – спросил Жан Поль. – Ведь подойти действительно невозможно! Такое впечатление, что входишь в какие-то плотные слои.

- Так оно и есть, – ответил Валера. – Академик Вейник утверждал, что в мире не существует ничего, кроме поля электронов, колеблющихся с определенной частотой. Наш мир – это совокупность колебательных процессов, и чем выше частота колебаний – тем больше плотность материи. Почему наше тело называют плотью? От слова «плотность», плотность тела значительно выше, чем плотность прочих оболочек, так называемого, эфирного тела, и того, что является душой. Помните, что сказано в Библии? Когда Бог изгонял людей из рая, он им сказал: «… и оденетесь вы в кожаные одежды…». Эфирное, тонкое тело, обрело плоть – «кожаные одежды».

- А какое отношение это имеет к тем явлениям, с которыми мы здесь столкнулись? – спросил я.

- Самое прямое. Мы имеем дело с повышенной плотностью пространства, плотность среды в которой находится капище значительно выше той, в которой мы живем. Плотность повышается постепенно, поэтому мы не наталкиваемся на стену, а делаем насколько шагов, ощущая сопротивление. Плотность воды выше плотности воздуха, входя в воду, мы тоже ощущаем сопротивление.

- Плотность камня намного выше плотности воздуха и воды, – сказал Жан Поль, – сквозь камень не пройдешь, но сквозь него ничего и не увидишь, а мы видим все, как на ладони.

- Сама по себе плотность еще не препятствие для света, стекло тоже имеет повышенную плотность, однако сквозь него все видно. Здесь роль играет структура.

- Но если эльмы – это духи, – возразил я, – то их плотность значительно ниже нашей, как же они проникают туда?

- Эфирные тела свободно могут проникать сквозь стены, чем меньше плотность тела, тем легче ему пройти через плотные слои.

- Это да, – сказал доктор Архангельский, – но эфирное тело не в состоянии поднять даже пушинки, как они могли построить все эти сооружения?

- Никто не знает, кто такие эльмы, также как никто не знает, кто построил все это. Короче, – сказал Николай Иванович, – ответа на все наши вопросы мы здесь не найдем, нужно спускаться в долину, а то действительно, придется ночевать на скалах.

Со странным чувством покидали мы загадочное капище. Как птица, бьющаяся о стекло в недоумении и растерянности, не может понять, почему не доступен ей мир за окном, так и мы стояли перед загадкой, разрешить которую не мог наш ум. Птица привыкает к тому, что она не может проникнуть в комнату через стекло, но понять, почему – она никогда не сумеет. На каком основании человек вообразил себя «царем природы»? Как мы, пылинки вселенной, решили что можем познать мир? Самый умный кот никогда не поймет основ интегрального и дифференциального исчисления, потому, что он только кот, и круг познания его ограничен. Чем мы лучше этого кота? У нас такой же мозг, который хоть и имеет больше возможностей, но тоже имеет ограничения. Видимо прав был Кузьма Прутков, говоря: «Нельзя обнять необъятного».

Над бездной

Холодный порывистый ветер обжигал наши щеки и торопил нас вниз, туда, где было тепло и тихо, где зелень покрывала долину, куда не достигал рев ветра, и лишь пение птиц нарушало первозданную тишину. Мы шли вниз, петляя между скалами, пробираясь по обрывкам звериных троп, по осыпям, по камням, торопясь, чтобы тьма не застала нас на скалах.

Вдруг Ждан, идущий впереди, остановился:

- Нужно здесь пройти, – сказал он, показывая рукой вперед.

На нашем пути лежала отвесная скала, тропа, по которой мы шли, обрывалась, пунктиром проходя вдоль скалы, образованным мелкими площадками и выступающими камнями. Расстояние между ними не превышало шага, и пройти по этому пунктиру было бы не-

сложно, если бы не зияющая под уходящей отвесно вниз скалой пропасть, на дне которой угадывалась река.

- Что, нет другой дороги? – спросил Жан Поль.

- Есть, – ответил Ждан, – но подниматься вверх надо, если по другой дороге пойдем, то засветло не успеем. Придется на скалах ночевать.

- Ну и черт с ним! – сказал Жан Поль. – Лучше уж на скалах ночевать, чем вниз сорваться!

- Ладно, – сказал Николай Иванович, – зря ль с собой альпинистское снаряжение тащим? Сейчас организуем страховку и пройдем. Мы с Валерой пробьем базу[41], думаю, шести крючьев хватит, по крючьям через карабины пропустим веревку петлей, и пойдем парами, в связках, с индивидуальной страховкой. Сережа, скальные крючья у тебя?

- У меня, – ответил я, снимая рюкзак.

Мы разбились по связкам: Николай Иванович с Валерой, я с доктором Архангельским, и Ждан с Жан Полем. Сейчас альпинисты не обвязывают себя веревкой, а пользуются подвесной системой, похожей на парашютную, которая надежнее, мягче и безопаснее обыкновенной веревочной петли. Но у нас подвесных систем не было, Мы по старинке вязали на груди булинь – морской беседочный узел, который после моряков стали использовать альпинисты до той поры, пока не появились подвесные системы.

Николай Иванович вбивал первый крюк в скалу у самого обрыва, второй он вобьет уже там, над обрывом, стоя на узком выступе скалы, потом прощелкнет веревку в карабин крюка, сделает несколько шагов, и вобьет следующий крюк, и так до тех пор, пока не пройдет всю тропу над обрывом. Веревка, продетая в карабины, висящие на крюках, станет той страховочной базой, по которой пройдут остальные. Крюк с характерным звоном входит в расщелину скалы, звон становится все тоньше и тоньше, до тех пор, пока высокий звон, доходящий до ноты «си» пятой октавы не скажет о том, что крюк вбит прочно и надежно. Шаг за шагом, продвигается Николай Иванович над обрывом, Валера его страхует, все спокойно, и вдруг…

---

[41] База – страховочные крючья, соединенные веревкой.

- Камень! – закричал Жан Поль, услышав звук падающего откуда-то сверху камня.

Николай Иванович прильнул к скале, отклонившись в сторону от камня, летящего прямо на него. Нога скользнула по площадке, и сорвалась вниз. Он еще не успел вбить до конца четвертый крюк, не прощелкнул в карабин веревку, а расстояние до последнего вбитого крюка составляло более трех метров. Он сорвался в пропасть, пролетев, пока веревка не натянулась. Повис на последнем крюке. Валера, стоявший на страховке, постарался насколько можно смягчить рывок, плавно останавливая веревку.

- Николай Иванович, цел? – крикнул он в пропасть.

- Да цел, все нормально, – донеслось из пропасти.

- Постарайся найти зацепку!

- Сейчас, погоди, сейчас, попробую приблизиться к скале. Нет! Не могу дотянуться до скалы, тут склон отрицательный!

- Погоди, попробую подтянуть тебя вверх.

Валера потянул веревку на себя, она напряглась, но не сдвинулась с места. Он дернул веревку – никакого эффекта.

- Валера, не дергай веревку, ничего не получится, – крикнул Николай Иванович снизу, – ее между камнями зажало!

Случилось то, на что никто не рассчитывал. Возможно, опытные альпинисты и смогли бы избежать этой ситуации, но у нас опыт был небольшой. Никто не обратил внимания на то, что под козырьком, по которому предстояло пройти, был отрицательный склон, никто не подумал об опасности, которой подвергается при этом альпинист, в случае срыва. Когда Николай Иванович упал, его качнуло маятником в сторону крюка, потом назад; при обратном ходе веревка застряла между камнями, и подтянуть вверх ее было уже нельзя. Попытка раскачаться, чтобы вырвать веревку из камней, ничего не дала. Нужно было кому-то спуститься вниз, дойти до отрицательного склона, и попробовать передать веревку Николаю Ивановичу, чтобы оттянуть его назад и довести до того места, где склон еще позволяет зацепиться за скалы. Потом он отцепится от той веревки, на которой завис, и с помощью другой, которую ему передали, выйдет на площадку.

Спускаться вызвался Жан Поль, сославшись на то, что когда-то занимался скалолазанием, и сумеет справиться с задачей. Ему пред-

стояло преодолеть несколько метров до начала отрицательного ската, закрепиться там с помощью крючьев, и передать веревку Николаю Ивановичу. Но все оказалось не так уж просто. Когда он дошел до места, на котором смог закрепиться, оказалось, что склон не только уходит под отрицательным углом вниз, но еще и поворачивает, ни дотянуться, ни добросить веревку было невозможно.

- Я не вижу его, – крикнул нам Жан Поль, – попробую бросить веревку! Николай Иванович! Лови!

Но веревка просвистев, вернулась снова к Жану.

- Бросаю еще!

- Нет смысла! – ответил Николай Иванович. – Я даже не видел ее! Надо что-то другое придумать.

Валера держал веревку, на которой висел Николай Иванович, Ждан страховал Жан Поля – оставались только мы с доктором.

- Послушайте! – крикнул я. – Давайте я спущусь со второго крюка, между Жаном и Николаем Ивановичем, попробую принять веревку от Жан Поля, и передать ее.

- Но ты тоже зависнешь над отрицательным склоном! – Ответил Валера.

- Ничего! Главное передать веревку. Потом Жан Поль подтянет меня, а после Николая Ивановича. Доктор, страхуйте, я пошел!

- Страховка готова, – сказал доктор Архангельский, – иди!

Я медленно подходил к краю пропасти, и чем ближе я подходил, тем сильнее ощущался холодок внутри. Говорят: не надо смотреть вниз, смотри не смотри, а все равно страшно. Приходилось прыгать с парашютом, стоять у обреза двери и смотреть вниз, ожидая команды: «Пошел!». Но здесь другое, совершенно другое, и если бы не страховка, то я, вероятно, и шага не смог бы сделать. Стоит только отцепить веревку, как тело теряет способность к балансировке, ноги цепенеют, и тебя неудержимо тянет вниз. Со страховкой – другое дело: и страх не такой неодолимый, и тело не теряет способности к удержанию равновесия, а мозг продолжает четко и спокойно мыслить.

Я поставил ногу на край камня, под которым была пустота, тронул рукой веревку – она была натянута, и сделал шаг. Только один шаг нужно сделать, чтобы дотянуться до первого крюка, но этот один шаг – самый страшный, самый опасный. Веревка еще не продета

сквозь карабин, как говорят альпинисты не «прощелкнута», и если я сейчас сорвусь, то увлеку за собой и доктора, который стоит, упираясь в камень, и если нога соскользнет в тот момент, когда я упаду – то все, конец. Доктор мог бы стать левее, ближе к скале, и тогда при рывке он упрется в скалу плечом, но там уже стоит Валера, он держит висящего над пропастью Николая Ивановича, и доктору приходится стоять так, чтобы в случае моего падения не сбить с ног Валеру, а рядом стоит Ждан, который страхует Жан Поля, и места так мало на этой площадке! Но нет, я не упаду, почему я должен упасть? Нога твердо стоит на камне, щека прижалась к скале, рука с веревкой тянется к крюку. Вот она уже коснулась холодной стали карабина, теперь большим пальцем нажать на защелку, и продеть веревку в карабин. Туда уже продета одна веревка, на которой висит Николай Иванович, но карабин выдержит, он рассчитан на нагрузку в две тонны, выдержал бы крюк, скала. Рука затекла, не слушается, не выпустить бы веревку, когда откроется защелка карабина. Вот щелчок, защелка сработала, веревка продета. Рука свободно опускается вниз, теперь ей можно ухватиться за выступ, и сделать следующий шаг.

Я прошел до второго крюка, прощелкнув веревку, которую держал доктор, во второй карабин. Теперь на эти крюки будет двойная нагрузка, вес Николай Ивановича и мой, когда спущусь вниз и повисну между ним и Жан Полем. Правильно забитый крюк должен выдерживать до двух с половиной тонн, будем надеяться, что крюки забиты правильно, только бы скала оказалась достаточно прочной. Все, я готов к спуску.

- Станислав Викторович! – окликнул я доктора, стоящего на страховке. – Натяните веревку и держите, я сейчас сойду с площадки, и Вы будете помалу опускать меня вниз, пока я не скажу: «стоп». Готовы?

- Готов!

Он готов, а готов ли я? Осталось только убрать ногу с камня, сделать шаг, осторожно чтобы не вызвать падение камней; я еще раз потрогал веревку – она натянута, все нормально. Я сделал шаг в пропасть и повис.

- Опускайте! – крикнул я доктору.

Когда доктор опустил меня на три метра, слева от меня оказался Жан Поль, справа – Николай Иванович. До обоих я мог дотянуться, чуть качнувшись в сторону. Я принял веревку от Жана, пропустил ее через свой карабин, закрепил ее петлей, и передал Николаю Ивановичу. Теперь Жан Поль мог стянуть меня с отрицательного склона, до того места, где закрепился он сам. Ощутив твердую почву под ногами, я прощелкнул веревку, конец которой держал доктор Архангельский, в карабин на крюке, вбитом Жан Полем, и освободил ту, конец которой был в руках у Николая Ивановича. Вдвоем с Жан Полем мы освободили веревку, зажатую камнями, и притянули Николая Ивановича к стене. Закрепившись, он отцепил конец той веревки, на которой его страховал Валера, и мы все, по очереди поднялись на площадку.

- Вы там ничего не видели? – спросил я, когда все успокоились.

- Где? – спросил Жан Поль.

- Внизу, сразу подо мной утес видели?

- Да, вроде видели, – сказал Жан Поль, – ну и что?

- На нем что-то висит.

- Что висит?

- Не знаю. Что-то висит и качается от ветра. Что, не видно, далековато.

- Надо спуститься, посмотреть, – сказал Николай Иванович.

- Куда? – спросил Валера.

- Туда, – показал я рукой вниз. – Метров пятьсот.

- Идти надо, – возразил Ждан, – до темноты не успеем, на скалах ночевать будем!

- На скалах, так на скалах, – ответил Валера. – Нужно все-таки спуститься. Кто пойдет?

- Я пойду, – ответил Николай Иванович. – Пойдешь со мной в связке?

- Конечно, – ответил Валера.

Они ушли вниз, и скрылись из виду. Из-за отрицательного склона, под которым им придется пройти, мы не сможем видеть их. Через час они вернулись, захватив тот странный предмет, который зацепился за скалу утеса. Им оказался… парашют.

- Парашют! – воскликнул Жан Поль. – Значит, кто-то выпрыгнул из самолета!

- Они пытались спастись, когда самолет терпел катастрофу, – сказал Николай Иванович. – Но этому не повезло. Купол зацепился за утес, и его наверное хорошо ударило о скалы.

- Видимо, удар был не такой уж и сильный, – возразил я, – иначе тело осталось бы в подвесной системе.

- Мертвое тело, – сказал доктор, – если удар был смертельным.

- Значит, он остался жив, и спустился вниз, в долину.

- Или разбился при попытке спуститься, – ответил Жан Поль. – Как он мог спуститься, не имея снаряжения, по отвесной стене?

- Ну стена там не отвесная, – сказал Валера, – опытный альпинист мог бы спуститься в долину. А члены экспедиции имели хорошую подготовку.

- Не исключено, что члены этой экспедиции живы, и находятся где-то здесь, – сказал доктор Архангельский.

- Сколько времени прошло, – ответил я. – Их наверняка уже съели дикие звери, или они одичали и сами превратились в зверей. Если даже им и удалось спастись во время падения самолета, вряд ли до сих пор кто-то еще жив.

- Кто знает? – возразил доктор. – Тут, в этом мире, куда мы попали, возможно такое, чего в принципе, вообще никогда не может быть!

Тайна второй экспедиции Гиммлера

Дальнейший путь был легче и проще, мы быстро спускались вниз, по зеленым, покрытым кустарником и деревьями склонам. Когда спустились в долину, стало уже совсем темно, лишь далекие звезды мириадами загадочных, непостижимых миров повисли над головами, да вечная странница ночи, луна, освещала нашу, наспех оборудованную, стоянку.

Уже не обсуждали мы у костра прошедший день, не говорили о предстоящем, не строили ни версий, ни догадок, ни планов, только одно желание овладевало нами: скорее забраться в палатку, закутаться в спальный мешок, уснуть, уснуть.

Наутро, с восходом солнца, мы были готовы продолжить путь. Определившись, с помощью карты и компаса, прикинув, где должен был бы находиться упавший «юнкерс», двинулись мы вверх по берегу узкой, извилистой реки, бегущей по дну ущелья. Ждан нам сказал, что они эту речку называют Розовой. Дно ее устилали камни какого-то минерала, придающего воде нежный розовый цвет. Нужно перебраться на другую сторону, конечно, можно перейти узкую, мелкую речку вброд, но хотелось, все-таки, добраться до противоположного берега посуху.

В одном месте река была перегорожена стволом упавшего дерева.

- Ну вот и мостик, – сказал Николай Иванович, направляясь к бревну.

Но стоило только ему ступить ногой на ствол дерева, как нога провалилась, пройдя сквозь бревно, как сквозь весенний сугроб. Видимо дерево уже довольно давно упало, и ствол его начисто прогнил изнутри. Примерно через полчаса пути, мы увидели, как речку перегородили камни, между которыми кружила, бурлила, кипела вода. Перепрыгивая с камня на камень, мы перебрались на другой берег. Хотя уже и прошли мы значительное расстояние, самолета не было. Видимо, мы уже миновали место, где он должен был находиться по нашим расчетам, но самолета не заметили. Пришлось вернуться. Наконец-то мы заметили упавшую машину. За много лет успела она обрасти кустарником и плющом, и лежала прямо напротив бревна, по которому мы пытались перейти речку.

Распластав искореженные крылья, самолет с поломанными винтами лежал у самого берега реки. Похоже на то, что отказали сразу все три мотора, и пилот пытался посадить машину в ущелье, но подходящего места для посадки не было. От удара о землю самолет переломился, и задняя часть фюзеляжа лежала под углом, образуя рваную рану в теле изувеченной машины. Подойдя поближе, мы увидели характерный след от удара молнии на капоте правого двигателя.

Попадание молнии в самолет не всегда приводит к катастрофе, если не поражены основные системы, он может продолжать полет, что не раз бывало в истории авиации, но тут молния попала в двигатель и,

видимо, отказали все электросистемы, моторы остановились, самолет упал.

- Ну вот, – сказал Николай Иванович Жан Полю, показывая рукой на след от удара молнии, – а ты говоришь: «Кочевники самолет сбили».

- Если это не простая случайность, – сказал доктор Архангельский, – то его сбили боги.

- Здесь простых случайностей не бывает, – ответил Валера, – их просто не выпустили обратно, из этого мира, наверное, они узнали что-то такое, чего знать не должны.

- Не будем гадать, – сказал я, – попробуем проникнуть в самолет, может быть там, найдем ответы на наши вопросы.

Через отверстие в фюзеляже мы вошли внутрь машины, страшная картина предстала перед нами. Истлевшие тела тех, кто составлял экипаж самолета, лежали в позах, в которых их настигла смерть. Скелет командира, скалясь зловещей улыбкой высохшего черепа, сжимал штурвал, второй пилот лежал, уткнувшись в приборную доску, руки бортмеханика застыли на рычагах управления двигателями, череп штурмана лежал на планшете с картой.

Николай Иванович осторожно вытащил карту из-под черепа мертвеца, развернул ее, и ахнул:

- Боже мой! Вы только посмотрите!

На карте было изображено то самое таинственное капище эльмов, сопровождаемое надписью «Kloster», рядом, с северо-восточной стороны горы, была изображена посадочная площадка. Мы поднимались по юго-западному склону и, естественно, видеть эту площадку никак не могли.

- Оказывается, немцы садились возле капища, но зачем? Ведь войти в него невозможно! – сказал я.

- Но тут написано не «капище», а «монастырь», – возразил доктор Архангельский, – если бы имелось ввиду капище или храм, словом – место для проведения ритуальных обрядов, то было бы написано – «Tempel»!

- Может быть, – сказал я, – разница в терминах не так существенна?

- Нет! Существенна! – ответил доктор. – Члены экспедиции, которая отправлялась на поиски древних тайн, связанных с религиозными и эзотерическими знаниями, не могли спутать два понятия: «капище» и «монастырь». Они знали, что это именно монастырь!

- Но сванги называют его капищем, – возразил я.

- Сванги понятия не имеют о том, что такое монастырь, у них нет монастырей, следовательно, нет и термина для обозначения этого объекта.

- Но откуда немцы знали, что это именно монастырь? Откуда они вообще знали о том, что он существует?

- Видимо от тех, кто их сюда направил, они искали именно этот монастырь!

- Значит, буддийские монахи знают все о мире, затерянном в глубине веков? Но откуда?

- Видимо знают, раз направили сюда эту экспедицию, а вот, откуда, это уже совершенно другой вопрос.

- Странная получается картина, – сказал Николай Иванович, – сначала Актар случайно проговаривается об этом загадочном капище, в которое нельзя войти. А войти действительно нельзя – в этом мы убедились, потом Ждан ведет нас к нему, нам зачем-то раскрывают страшный секрет существования таинственной земли эльмов, потом оказывается, что и немецкая экспедиция стремилась туда, и даже оборудовала посадочную площадку неподалеку от этого капища или монастыря. Но зачем, если войти туда невозможно?!!

- Значит, войти туда все-таки можно, и немцы там наверняка побывали, – сказал доктор Архангельский, – иначе все это не имело бы смысла.

- Нужно приземлиться на обозначенной тут посадочной площадке, – сказал Валера, – и попробовать подойти к монастырю, или капищу с этой стороны.

- Давайте сначала осмотрим самолет, а потом уже будем строить планы, – сказал я.

Шаг за шагом осматривая внутренности кабины и грузового отсека, мы обнаружили планшет с документами. Доктор Архангельский вчитывался в содержимое документов, молчал. Мы в напряжении ждали. Наконец, Николай Иванович спросил:

- Ну что, доктор, Вы что-нибудь понимаете?

- Нет, – ответил тот, – пока ничего не понимаю, похоже, что записи зашифрованы. Что скажешь, разведка? – обратился он к Валере.

- Я знаком с немецкими системами шифрования времен второй мировой войны, возможно среди этих документов имеются и ключи, но нужен компьютер, я напишу программу по известным мне алгоритмам, и попробуем расшифровать.

- А ноутбук мы с собой не захватили, – сказал я, – придется возвращаться в лагерь, то есть в селение свангов.

- Не понимаю, – сказал Николай Иванович, – какой смысл им было шифровать документы, если кроме них ими здесь никто воспользоваться не может, ведь не думали же они, что через много лет мы окажемся в этих краях.

- Смысл был, – ответил доктор, – они беспокоились о том, чтобы документы не могли быть понятны посторонним в том случае, если они попадут в чужие руки при подготовке экспедиции или по возвращению. Мало что может случиться с самолетом, пока он достигнет этой чертовой долины, и провалится вглубь веков. А вот, смотрите, интересный листок! Это уже не шифровка, а открытый текст, только содержит он какие-то непонятные фразы, похоже, что это заклинания или молитвы, переданные им буддийскими монахами.

- Бред какой-то, – сказал Жан Поль.

- Нет, это не бред, это совсем даже не бред! – возразил Валера. – Заклинания или молитвы – это ключ к информационному полю. Когда шаман произносит заклинания, он создает в своих мыслях определенные образы, которые дают ему доступ к потустороннему миру. Но что означают эти заклинания, мы не знаем, возможно, что-то прояснится после расшифровки документов.

Но это было еще не все, следующая находка буквально ошарашила нас. Продолжая наши исследования, мы обнаружили вмонтированный в заднюю стенку пилотской кабины сейф. Внимательно осмотрев его, я сказал:

- Да, вскрыть его будет посложнее, чем кабинет доктора Розенберга.

- А зачем его вскрывать? – сказал Валера. – Возьмем ключи и откроем.

- Интересно, где ты возьмешь ключи?

- Они должны быть где-то здесь, в кабине. Ведь не думаешь же ты, что перед взлетом сейф закрыли, а ключи выбросили за борт.

- Все это так, но «где-то здесь» – весьма неопределенное понятие, – отозвался Жан Поль, – посмотри, во что превратилась кабина после падения.

- Искать надо не в кабине, обычно ключи кладут в карманы одежды.

Сама мысль о том, что придется обыскивать истлевшие трупы пилотов, вызвала неприятный до тошноты холодок внутри. Но, судя по всему, Валера прав, придется проверить карманы мертвецов.

Связку ключей мы нашли в кармане куртки командира, с которого и начали поиск. Валера вставил ключи в замок. Несмотря на то, что самолет пролежал тут более полувека, замок открылся легко. Внутри сейфа, стенки которого были, по всей вероятности, заполнены песком, на пружинных амортизаторах висела коробка, ключ от которой был на найденной в кармане мертвеца связке.

- Хорошо сработано, – сказал Николай Иванович, – при катастрофе самолета, даже в случае пожара, содержимое сейфа должно остаться не поврежденным. Что же там такое хранится?

- Сейчас посмотрим, – сказал Валера, открывая коробку.

В ней мы обнаружили кожаный футляр, в котором находился необыкновенный, довольно крупный кристалл.

- Ого! – Сказал Жан Поль, – похоже, немцы и драгоценности местных племен сперли!

- А ну, дайте посмотреть, – протянул Валера руку к кристаллу. Он взял его, и осветил лучом фонарика. И сразу же пространство кабины заполнили какие-то неясные разноцветные тени, все вокруг колыхалось и плыло в цветном тумане. Валера выключил фонарик, и спрятал кристалл в футляр.

- Что это было?! – хором вскрикнули мы.

- Похоже, ребята, – сказал Валера, – что это голограмма! Если осветить его светом лазера определенной частоты, то мы должны увидеть изображение, возможно в динамике. Видимо это и есть то, зачем направлялась сюда эта экспедиция.

- Неужели в этом кристалле записаны все тайны мира?! – воскликнул я.

- Вполне возможно, – ответил Николай Иванович, – вполне возможно, что здесь записано больше, чем на тюленьих шкурах, которые мы нашли в той пещере, около Южногорска.

- Но кто?! Кто мог создать голограмму здесь, не имея соответствующих технических средств?!! – воскликнул я.

- Самое совершенное средство, – ответил доктор, – это мозг человека, он может создавать образы и фиксировать информацию различными способами, есть люди, которые обладают этими способностями, и то, что мы, лично, этого не умеем, еще ничего не значит. Вспомните о фантастических способностях посвященных, экстрасенсов, шаманов, колдунов.

- Во-во, – сказал Жан Поль, – вы еще спиритизм вспомните, верчение столов и прочую дребедень!

- А ведь спиритизм – это вовсе не дребедень! Это реальность! – сказал Валера. – Заклинаниями создается некий образ-ключ, обеспечивающий доступ к потустороннему миру. Шарлатанов, конечно, много вокруг этого крутится, но все же – это реальность. Аллан Кардек, основатель спиритизма, создал свою теорию устройства мира, которую изложил в «Книге духов», он утверждал, что именно духи, вызванные им, сообщили ему те сведения, о которых он писал в этой книге.

- Главное, – сказал я, – что камень этот у нас. Думаю, найдутся те, кто сумеет расшифровать информацию, которую он хранит.

- Камень у нас. Тот, который выпрыгнул с парашютом, погиб при спуске в долину, – заключил Валера.

- Почему ты так решил? – спросил я.

- Потому, что камень на месте. Он должен был вернуться за камнем. Обязательно должен был вернуться. Но камень на месте, следовательно, он погиб. Нет, никого из членов экспедиции в живых не осталось.

- Почему ты так думаешь? – спросил Жан Поль. – Ведь неизвестно, сколько их было.

- Известно. Трое. Их было трое, членов экспедиции, и еще экипаж самолета. Это следует из дневников военврача Архангельского, и

архивов «Аненербе». Двое убиты кочевниками в районе аэродрома, экипаж погиб при аварийной посадке, тот, кто покинул самолет с парашютом, сорвался при спуске в долину.

- И все-таки, ребята, – сказал Николай Иванович, – нужно возвращаться скорее, у меня такое чувство, что не стоит нам оставаться на ночь в этой долине.

Алатырь-камень

Мы еще раз осмотрели кабину и грузовой отсек самолета, но больше ничего такого, что могло бы привлечь наше внимание, не нашли. Собравшись, последний раз бросили мы взгляд на разбитую машину и направились вдоль реки к тому месту, где нам удалось пересечь ее, не замочив ног.

- Что, Ждан, – сказал Николай Иванович, – опять через скалы нужно будет пробираться?

- Нет-нет! Там больше не пойдем, туда пойдем, – он показал рукой в сторону перевала. – Тут хорошая тропа, быстро дойдем, к вечеру будем у озера, там и заночуем.

- Да откуда ты все знаешь? – спросил Николай Иванович. – Ведь вы же не ходите в эти земли?

- Знаю, – тихо ответил Ждан, лукаво усмехнувшись.

И действительно, как и обещал наш проводник, мы добрались до озера еще задолго до того, как сумерки окутали горы. Покончив с ужином, мы молча сидели у костра, наблюдая как пламя пожирает сухие ветки, и искры, вырываясь из пламени устремляются к звездам. Говорить не хотелось, да и говорить было нечего, чем дальше углублялись мы в тайны погибшей экспедиции, тем больше загадок вставало перед нами, одни вопросы – ответов не было. Николай Иванович придвинулся поближе к огню, внимательно рассматривая карту, и вдруг сказал:

- А ведь они не собирались возвращаться на тот аэродром, где остались их товарищи.

- Как?! – вырвалось у меня. – Почему Вы так решили?

- Карта. Посмотри на карту. Тут проложено два маршрута. Один до площадки возле монастыря и обратно, а другой в сторону, вот он, конечный пункт маршрута.

- Они что, собирались тут приземлиться?

- Вряд ли, приземлиться тут негде, одни горы, покрытые лесом. Видимо здесь находится точка выхода в наше время.

- Но мы вошли совершенно в другом месте! – возразил я.

- Мало ли… Мы многого не знаем, а они знали, как войти и как выйти, – ответил Николай Иванович.

- Но почему же они не забрали оставшихся членов экспедиции? Они же должны были вернуться! – сказал Жан Поль.

- Должны были, но не вернулись. Если бы они возвращались по заранее проложенному маршруту, то никак не могли оказаться над долиной Розовой реки. Видимо что-то случилось, что заставило их срочно идти к каналу выхода. Вот, посмотри, линия первого маршрута, четкая, ровная, аккуратно прочерчена, а вторая такой аккуратностью не отличается, видимо штурман прокладывал этот маршрут уже в полете, вот самолет качнуло, и карандаш слегка вильнул, отступив от линейки. Видишь? – Николай Иванович показал нанесенный на карте новый маршрут.

- Вижу. Маршрут проходит над долиной Розовой реки, и заканчивается прямо над горами, еще несколько минут, и они достигли бы точки выхода, если это действительно она, – сказал Жан.

- Но уйти им не дали, их сбили. То ли боги, то ли эти таинственные эльмы, словом те, кто умеет повелевать грозой, – сказал Валера.

- Если бы мне об этом рассказали несколько лет назад, я бы ответил какой-нибудь ехидной шуткой, но сейчас мне не до шуток, – заключил Жан Поль.

- Что же заставило их срочно изменить свои планы? Может с расшифровкой документов что-либо прояснится? – спросил я.

- Вряд ли. Похоже, что ситуация была непредвиденной. Случилось что-то такое, что потребовало изменения планов.

Николай Иванович свернул карту:

- Ладно, давай спать, как говорится, утро вечера мудрее.

Но сон не шел, даже усталость после дневного перехода не помогала уснуть. Перед глазами все стоял разбитый самолет, истлевшие

трупы экипажа и этот загадочный кристалл. Может быть, он и стал причиной их гибели? Мне вспомнились истории со знаменитыми бриллиантами, и цепи загадочных убийств их владельцев. Но что может быть общего между ними и найденным нами кристаллом? Ночь тянулась мучительно и долго, без сна, в какой-то полудремоте-полубреду, вопросы, вопросы, вопросы… и не одного ответа; и логика, и интуиция – молчали. Наконец первые лучи солнца коснулись зеркальной глади озера, и Николай Иванович скомандовал подъем.

Молча мы свернули палатку, собрали рюкзаки, и так же молча отправились в путь. Ни величественная красота гор, ни великолепие раскинувшейся внизу долины уже не радовали наши сердца, мы шли, тяжело ступая по камням, вдыхая разреженный воздух, стирая капли пота со лба. Ветви деревьев наотмашь били по щекам, злобно завывал ветер, мелкие камешки норовили выскользнуть из-под ног, тяжелые, мрачные тучи закрывали небо.

К полудню мы поднялись на перевал, и устремились вниз, к долине Синей реки. Чем ближе подходили мы к нашему лагерю, тем спокойнее становилось на душе. Тяжелые, темные тучи уползли за перевал, ветер стих, он уже не обжигал лица резкими, холодными порывами, а ласково и тихо гладил щеки, приятным теплом проникая за воротник, дышать становилось легче. А когда, за очередным поворотом, открылся вид на долину, и мы увидели наш старый Ан-2, палатку, людей вокруг нее, дымившийся костер, на душе стало тихо и спокойно, вы возвращались домой. Хотя это был еще далеко не дом, и даже не селение миролюбивого, приветливого народа, приютившего нас, а всего лишь базовый лагерь экспедиции, создавалось впечатление тепла и уюта, ожидающего нас внизу.

Еще издали заметив нашу группу, Рудольф Иванович побежал нам навстречу. Мы стали радостно обниматься, пожимая руку нашему бортинженеру.

- Ну как? – спросил Рудольф, когда все по очереди побывали в его могучих объятиях.

- Хреново, – кратко ответил Жан Поль.

- Вернулись все, – сказал Рудольф, – и это уже хорошо, а ты говоришь: «Хреново». Ну, рассказывайте, что вы там нашли?

- Сначала накорми нас с дороги, – ответил Николай Иванович, – а то сразу: «Рассказывай», на пустой желудок разговоры не клеятся.

Когда мы подошли к костру, сбросили с себя нелегкую поклажу, и уселись у огня, с наслаждением вытянув уставшие ноги, Рудольф снял котелок с дымящегося костра и принялся угощать нас кашей с грибами.

- Как у тебя? – спросил доктор Архангельский.

- Нормально, – кратко ответил Рудольф.

- Кочевники не беспокоили?

- Да куда им, с таким отрядом охраны они к нам не сунутся. А у вас что? Чем опечалены?

Мы рассказали все о наших находках, и о том, что мы думаем по этому поводу.

- Да, – сказал Рудольф, – вопросов больше чем ответов.

- Ну ответов, по правде говоря, вообще никаких, одна надежда на расшифровку записей, они должны что-то прояснить, – ответил Николай Иванович.

- Так, сколько у нас времени до темноты? – спросил он, и тут же сам себе ответил. – Часа два есть. Нужно собираться, лететь домой, еще успеем кружок над монастырем сделать, посмотрим ту площадку, что немцы на карте обозначили.

Пока мы собирали палатку, упаковывали вещи и снаряжение, Рудольф уже подготовил самолет к полету и запустил двигатель. Опробовав его на всех режимах, он доложил, что самолет к взлету готов. Я занял свое место за штурвалом.

Мотор ровно работал на малых оборотах, внося спокойствие и уверенность в наши, растревоженные души. Я развернул самолет, намечая ориентир для взлета.

- Взлетаем! – сказал я Жан Полю, сидящему в кресле второго пилота.

Он двинул рычаг управления двигателем вперед, мотор взревел, и я отпустил тормоза. Машина рванулась вперед, набирая скорость, земля чуть качнулась под крылом, и стала постепенно отдаляться. Подтянув штурвал на себя, я перевел самолет в набор высоты. Набрав пятьдесят метров, я развернулся в сторону вершины, у которой находилось загадочное капище эльмов, или монастырь.

Вскоре мы очутились у цели, площадка хорошо просматривалась с воздуха, и была вполне пригодна для посадки Ан-2, но я все же решил снизиться, и пройти над самой площадкой, Николай Иванович по секундомеру засек время пролета, для определения длины. Сделав нехитрые вычисления, он сказал:

- Шестьсот двадцать метров, небольшой уклон, вполне походящая площадка.

- Ну что, идем домой? – спросил Жан Поль.

- Да, – ответил я, разворачивая самолет на обратный курс.

Мы возвращались, определяя маршрут по карте, найденной в упавшем «Юнкерсе». Теперь у нас было три полетных карты: своя, подготовленная еще при высадке экспедиции профессора Мальцева, и две немецких: найденная на покинутом аэродроме, и та, что была в потерпевшем катастрофу «юнкерсе».

- А все же есть ощутимая польза от наших поисков, – сказал я Николаю Ивановичу, – теперь у нас уже две немецких карты, и маршрут проложен почти туда, куда надо.

- Предпочитаю пользоваться своей картой, – пробурчал в ответ Николай Иванович, – она хоть и снята на четыре тысячи лет позже этого времени, но рельеф местности не изменился.

Солнце клонилось к закату, но еще высоко висело над горизонтом в чистом, безоблачном небе, отражаясь от вод Синей реки, оставляя блики на стеклах кабины. Долина Синей реки во всем своем великолепии плыла под крылом. Но вот и сама река, блеснув синевой отраженного неба, исчезла из вида, и только ковыльная степь, по которой бродили кочевые племена, расстилалась под нами. Вскоре и она осталась позади, начались густые, дремучие леса – земли свангов.

Солнечный диск уже совсем низко висел на лесом, когда наш Ан-2 приземлился на небольшой площадке возле селения. Я выключил двигатель и откинулся на спинку сидения, хотелось спать. Ныли ноги, натруженные долгим переходом, ломило плечи от многодневной тяжести рюкзака, усталость растекалась по всему телу, не было даже желания вставать из-за штурвала, вот так бы и уснуть. В кабине было тихо и тепло, и я почти задремал, и вздрогнул от неожиданности, когда голос Жан Поля грянул над самым ухом:

- Вставай, пошли! Ты что, в самолете спать собрался?

- А хотя бы и так, чего кричать в самое ухо?

Мы вышли и направились к селению, нас никто не встречал, хотя наверняка все видели, как приземлился самолет. Но входить в селение нам было нельзя. После долгого, трудного пути, особенно после посещения чужих земель или после боев, прежде чем войти в селение, нужно было обязательно смыть с себя все зло, которое могло пристать по дороге. Баня, стоящая на окраине села, и построенная именно для этих целей, уже была натоплена, над крышей вился дымок. И хотя поблизости никого не было, мы знали, что нас ждут, кто-то успел растопить баню, наверняка в селении уже был приготовлен ужин для нас, но ужин потом, первым делом баня.

Баня с веником и парной хорошо снимает усталость, бодрит, смывает и пот и пессимизм, и ты понимаешь, что все-таки жизнь прекрасна, что бы ни случилось. Чем бы ни объяснялась эта древняя традиция, но она была хороша – жаркая баня после трудного пути.

Уже сиреневые сумерки сгустились над лесом, когда мы вошли в село. Нас ждали. За ужином Актар никого ни о чем не расспрашивал, все делали вид, что просто вернулись с небольшой прогулки, и не более. А нам не терпелось рассказать профессору Мальцеву обо всем, что мы видели. Конечно, после ужина Ждан во всех подробностях доложит Актару обо всем, но произойдет это наедине, с глазу на глаз. Видимо и Актару хотелось поскорее услышать от проводника подробный отчет, так же как и профессору от нас, но спешить с ужином было не принято.

На первое подали щи с грибами, заправленные сметаной, на второе пшеничную кашу с мясом, и на третье кисель из лесных ягод. Ели молча, разговаривать во время еды у свангов считалось дурным тоном. Принятие пищи – это такой же ритуал, как и общение с богами. Перед тем, как начать есть, нужно поблагодарить богов за ужин, попросить благословения. К богам обращался тот, кто возглавлял стол, остальные слушали молча его молитву. До того как глава стола не начнет есть, никто не имел права прикасаться к пище. Покончив с первым блюдом, никто не мог приступить ко второму, пока этого не сделал глава стола.

После ужина Валера Матвеев и доктор Архангельский, прихватив ноутбук профессора, вместе с Рудольфом направились к стоянке

Ан-2, чтобы подключившись к бортовой сети, заняться расшифровкой найденных в разбившемся «юнкерсе» документов. А мы с Николаем Ивановичем и Жан Полем принялись подробно рассказывать профессору обо всех наших приключениях и о, найденном в сейфе разбитого самолета, кристалле.

Выслушав нас, взяв в руки кристалл, и наблюдая за игрой света на его гранях, профессор Мальцев сказал:

- Помните истории знаменитых алмазов? За каждым из них тянется кровавый след загадочных убийств.

- Стремление к обладанию богатством всего порождало кровавые драмы, – ответил я.

- Богатство? Скажите, о каком богатстве может идти речь, если владелец хранит сокровище в сейфе, не имеет даже мысли о том, чтобы его продать, и лишь иногда позволяет себе любоваться его красотой, при этом подвергает себя смертельной опасности? Разве это богатство? Его нельзя носить в качестве украшения, для этого всегда пользуются искусными подделками, его нельзя выставить на видное место – это опасно. Его нельзя никому показывать – это тоже опасно. Его можно только держать в сейфе! Так в чем же суть? Для чего, скажите, многие стремятся обладать редким камнем?

- Честно говоря, – ответил я, – я этого никогда не понимал.

- За камнем охотятся не ради богатства. Тем, кто стремится повелевать всем миром, с древних времен известно, что существует кристалл, в котором определенным образом записаны все тайны мироздания, там содержатся знания, переданные человечеству богами. Существует понятие: «Философский камень», речь шла о камне, содержащим тайны мира, позднее, в средние века, этот термин стали использовать алхимики в более узком смысле. Но первоначально «философский камень» – это кристалл, содержащий знания. Обладание этими знаниями дает власть над миром. В ведических текстах упоминается камень Алатырь, камень, содержащий Великую мировую душу. Но где находится этот камень, не знает никто, вот почему охотятся за любым крупным алмазом.

- Но кто же?

- Масоны. Короли, герцоги, императоры – все стремились обладать алмазами, но только масоны знали истинную цену редким кам-

ням. Именно они организуют эти цепи загадочных убийств, как только узнают о появлении нового крупного камня, и не успокоятся до тех пор, пока он не очутится в их руках. Если алмаз окажется не тем, который они ищут – его просто распилят на части, или оставят красоваться в королевской короне, да в основном все царствующие особы так или иначе связаны с масонами. Сколько крови пролито ради обладания тайнами мира, и вот, теперь эти тайны находятся в наших руках!

- Значит это и есть знаменитый Алатырь-камень? – спросил Николай Иванович.

- Вероятно да. Скорее всего, этот таинственный кристалл, который мы держим в руках, и есть тот самый легендарный Алатырь-камень, или иначе называемый философский камень, – ответил профессор.

- Не исключено, что именно этот камень и стал причиной гибели экспедиции СС, – сказал я.

- Очень даже возможно, но пока мы не знаем, как этот кристалл попал к ним, и какая драма разыгралась над ущельем Розовой реки.

Мы проговорили всю ночь, профессор рассказывал о знаменитых камнях, о алмазе под названием «Шах», который прошел кровавый путь, и в конце иранский принц Хорсев-Мирза расплатился им с Николаем Первым за убийство Грибоедова.

Под утро явились Валера, доктор Архангельский и Рудольф, усталые, измученные бессонной ночью, но с радостной улыбкой на лице – им удалось расшифровать немецкие документы. В ответ на вопросительный взгляд профессора Станислав Викторович сказал:

- Мы расшифровали все документы, в них содержится подробное описание процедуры входы во врата времени, и выхода. На карте, найденной в самолете, в качестве конечного пункта маршрута, за ущельем Розовой реки, действительно выбрана точка входа и выхода. Приводится текст, который необходимо произнести для входа, и аналогичный – для выхода.

- Заклинания не тарабарском языке? – спросил профессор.

- Нет, – ответил доктор, – это молитвы на санскрите! Очень похожим на русский, древнем языке.

Доктор протянул профессору расшифрованные документы.

Профессор взял листы, с текстом, внимательно рассмотрел их и произнес:

- Да, это санскрит – язык древних ариев, этим языком написаны веды. Язык, действительно, близок русскому, многие слова понятны и без перевода. Но как же с теми текстами заклинаний, которые не зашифрованы?

- Они чуть-чуть зашифрованы, – ответил Валера.

- Это как понимать «чуть-чуть»? – спросил профессор.

- Это те же молитвы, или заклинания на санскрите, записанные немецкими буквами задом наперед.

- Вот я и говорю, тарабарщина, – ответил профессор, – тарабарский язык заменял в древности аппаратуру засекречивания связи, слова произносились задом наперед, так что случайно подслушав разговор не каждый мог понять его смысл.

- Да, – сказал Валера, – немцы подготовили шпаргалки, чтобы прочесть заклинания для прохода через врата времени, но на всякий случай, все же зашифровали текст таким образом.

Монастырь

В расшифрованных текстах содержалось и описание монастыря, да именно монастыря, а не капища. Описывалось его местоположение, на основе которого он был нанесен на карту, и как нам пришлось убедиться, довольно точно. Тибетские монахи, с чьих слов был составлен этот текст, говорили:

«… А в монастыре живут те, кто когда-то управляли миром, но отказались, и поссорившись со своими собратьями, ушли вглубь веков. Ушли, чтобы изменить прошлое, потому, что прошлое влияет на будущее много сильнее, нежели настоящее. Они знают мир более нас, и могут указать вам на то, что может повлиять на судьбы мира, ежели используете вы знания эти с добром…»

Далее в тексте говорилось о том, что попасть в монастырь просто так нельзя, войти можно лишь в том случае, если живущие там разрешат это сделать. Приводится также и текст просьбы, написанный на санскрите.

Но о кристалле, найденном нами в разбитом самолете, ни слова сказано не было. Каким образом он попал к немцам, оставалось загадкой.

- Ну что ж, – подытожил профессор Мальцев, – остается только посетить этот таинственный монастырь, и попросить аудиенции, согласно прилагаемой методике, а там посмотрим, что будет дальше.

- Но прежде всего, – продолжал он, – нужно хорошенько выспаться, всем следует отдохнуть, мы уже вторые сутки на ногах, так что до завтрашнего утра все отдыхаем.

Я проспал весь день и всю ночь. Я был достаточно утомлен и почти бессонной ночью в палатке у озера, и напряженным дневным переходом (мы двигались быстро, с минимальным количеством коротких привалов), и полетом, и нынешней бессонной ночью в ожидании результатов работы Валеры Матвеева и доктора Архангельского. Я уснул, словно провалился в мягкую перину небытия. Проснувшись, я никак не мог понять, где я нахожусь, и что со мной происходит, мне грезились какие-то далекие сцены из моего, детства, юности, какие-то неясные призраки прошлого окружали меня, пока наконец, разговор доктора Архангельского с профессором Мальцевым не вернул меня к действительности.

- Прежде чем лететь к монастырю, – говорил профессор, – нужно переговорить с Актаром, знает-то он гораздо больше, чем сказал.

- Они все что-то знают, – ответил Станислав Викторович, – вот Ждан, например, отлично ориентируется в горах, хотя все, в том числе и он, утверждают, в долину Синей реки сванги не ходят. А для чего он повел нас через скалы? Чтобы показать купол парашюта? Но его никто бы не увидел, если бы Николай Иванович случайно не сорвался.

- Случайностей не бывает. Помните, что Пушкин говорил о случае? Он называл его «мощным, мгновенным орудием провидения».

Я, окончательно проснувшись, включился в разговор:

- Ждан вывел нас к самолету почти точно, ну ошибся немного, когда шли по ущелью, а ведь он не видел, где мы обнаружили упавший «юнкерс», и картой он пользоваться не умеет. В ответ на наши вопросы только усмехается хитро и молчит. Да, нужно непременно поговорить с Актаром.

Актара мы застали за занятием, которое в войсках называлось боевой подготовкой, он давал указания командирам отрядов по проведению стрельб из лука и состязаний на мечах.

- Кочевники заметили вас в долине Синей реки, – сказал он нам, – и заинтересовались, вчера их дозоры видели у северного пастбища, думаю, сюда они не сунутся, но на пастухов напасть могут, нужно усилить охрану пастбищ.

Когда он закончил с организацией боевой подготовки, профессор сказал ему:

- Сегодня мы собираемся лететь к капищу эльмов, скажи, а можно ли каким-то образом попасть туда? Нам очень нужно там побывать.

Актар немного задумался, и ответил:

- Войти туда можно, если разрешат.

- Кто, эльмы?

- Нет, те, кто там живет.

- Где, в капище? А кто же там живет?

- Не знаю, люди. Ждан ходил к ним.

- Как это было, расскажи.

- Это было давно, ко мне ночью, во сне явился эльм, и сказал, чтобы я направил кого-то к капищу в горах за Синей рекой, и я послал туда Ждана.

- Как он явился тебе? Ты видел его?

- Нет, я слышал голос, эльмы иногда общаются с нами, но мы не видим их, только слышим голоса.

- И что Ждан?

- Он пошел к капищу, и его пустили туда, он видел людей, которые попросили его спуститься в ущелье Розовой реки. Сказали, что там лежит железная птица, в ней должен быть сверкающий камень, они просили найти его и принести. Он ходил в ущелье, видел железную птицу, но камня там не нашел.

«Еще бы, – подумал я, – сванги, которые не знают воровства, не имеют ни запоров, ни замков, и догадаться не могут о существовании сейфов»

- А что за люди там живут? Может это эльмы?

- Нет, эльмы – это не люди, это духи, а то были люди.

- Но кто эти люди?

Актар задумался, и как бы взвешивая каждое слово, сказал:

- Они дали знания нашим жрецам, они ведают о том, что будет с нашим народом.

- Значит, жрецы общались с теми, кто живет в капище? Они ходили туда? И им можно входить туда, куда не может войти никто из вас?

Актар пожал плечами:

- Жрецы – есть жрецы.

- То, что положено Юпитеру, не положено быку?

- Что ты сказал? Я не понял, что это значит?

- Да так, поговорка такая, о том, что каждому доступно то, что положено ему по должности.

- Именно так.

- Значит, есть знания, которые жрецы скрывают от вас, и когда-нибудь они станут править миром. Знание дает власть над незнанием, человек работает на себя в меру своего знания, а в меру своего незнания, на того, кто знает больше.

- Нет, жрецы не скрывают свои знания от нас, просто у каждого своя работа, один добывает знания, другой – пропитание; потом все делятся друг с другом, один знанием, другой – питанием. Без знания не добудешь еду, а без еды не добудешь знания.

- Все так просто?

- Да, все просто, но знания нашего народа не должны быть известны другим, кто знает, как они поступят с нами, когда будут знать то, что знаем мы?

- А что скажут жрецы, если мы полетим к капищу, и попросим разрешения войти в него?

- Они уже сказали: вы можете лететь туда, подойдите к капищу с другой стороны и попросите разрешения войти, вас пустят – вас ждут.

- А как попросить?

- Как знаете, так и просите, вас поймут.

Поблагодарив Актара, профессор Мальцев собрал нас, и сказал, чтобы мы готовились к перелету.

- Забираем все, – сказал он, – кто знает, может быть, мы уже не вернемся обратно.

Мы собрали все, что должны были взять и погрузили в самолет. Актар и Ждан провожали нас, больше никого не было. Актар пожал нам руки на прощание и сказал:

- Желаю удачи, пусть боги хранят вас.

- Спасибо вам за все, – ответил профессор, – может быть, мы уже не вернемся к вам.

- Идите своим путем, – сказал Актар, – если захотите вернуться, вы всегда найдете у нас приют и тепло, мы будем рады, если вы вернетесь.

Рудольф захлопнул дверь самолета, отделив нас от мира, не знающего еще ни «железных птиц», ни огнедышащих чудовищ, выдыхающих дым, и тянущих за собою цепи вагонов, мира, в котором люди живут в гармонии с природой и самими собой.

Когда винт самолета, ускоряя вращение, слился в сплошной, прозрачный диск, очерченный желтой окружностью, описанной концами лопастей, я вдруг понял, что больше мы сюда не вернемся никогда, даже если и в свой мир возвратиться будет нам не суждено.

Раскачиваясь на неровностях площадки, самолет набирал скорость; наконец он оторвался от земли, и я, разогнав машину, перевел ее в набор высоты. Жан Поль убрал закрылки, мы развернулись над селением, ложась на курс, ведущий нас к тайнам загадочного капища эльмов, или монастыря, в котором живут толи люди, толи боги.

Вот и аэродром, оборудованный немецкой экспедицией, теперь по маршруту, проложенному штурманом «Юнкерса-52», летим мы, и кто знает, что ждет нас там, за Синей рекой, может быть и нам суждено упасть в ущелье Розовой реки, где нашел свой последний приют штурман, проложивший этот роковой маршрут.

Лесной массив уже уплыл под крыло, и под нами расстилалась степь, в которой хозяйничали кочевники.

- Смотри! – крикнул Жан Поль, показывая рукой вниз. – Там кочевники! Они скачут к северному пастбищу! Эх! Жаль, радиостанции у Актара нет! Предупредить бы его!

- Актару ни к чему радиостанция, – ответил Володя Семенов, – Актар уже знает, я предупредил его.

- Ну, ты даешь! – сказал Жан Поль. – Поражаюсь вам, экстрасенсам, вроде бы и привык уже к вашим фокусам, а все равно поражаюсь!

- Это вовсе не фокусы, – ответил Володя, – обычные возможности человеческого мозга, веками забытые, затравленные алкоголем и табаком.

Вот уже великолепные виды долины Синей реки раскинулись перед нами, и горы, в которых расположен таинственный монастырь, синели вдали. Я перевел самолет в режим набора высоты, до этого я держал пятьсот метров, но площадка, на которой мы собирались приземлиться, расположена на высоте двух тысяч.

- Жан, возьми управление, – сказал я.

- Управление взял, – ответил Жан Поль. И я, склонив голову влево, любовался великолепной панорамой долины. Слева по полету, блестела в солнечных лучах стремительная горная речка, добежав до края скалы, служившей ей руслом, она со всей скоростью летела вниз, образуя живописный водопад. Мириады мельчайших капелек воды, поднимаясь в воздух, играли на солнце всеми цветами радуги, образуя цветной туман, висящий над водопадом. Вот и водопад, и горная речка скрылись под нижней плоскостью самолета, и только обветренные скалы горного хребта величественно блестели на фоне синего неба.

Жан Поль отдал штурвал от себя, переводя машину в горизонтальный полет.

- Высота две триста, – доложил он, – монастырь вижу.

Я посмотрел на карту, до монастыря оставалось тридцать километров.

- До цели десять минут, – доложил Николай Иванович.

- Ветер откуда? – спросил я.

- Похоже, северный, около пяти градусов, не более трех метров в секунду, если судить по верхушкам деревьев, – ответил Жан Поль.

- Пройди над площадкой по коробочке, и будем салиться, – сказал я.

- Так можно сходу, с юго-запада заходить, позавчера площадку облетывали, – ответил Жан Поль.

- Площадка не знакомая, еще раз осмотреться будет не лишне, – возразил я.

Через десять минут полета мы увидели суровые стены монастырских сооружений. Если не знать, что это строения, возведенные людьми, их вполне можно было бы принять за скалы, причудливые формы которых были образованы в результате вековой игры солнца, дождей и ветров. Так, слева от монастыря поднималась вершина, похожая на разрушенный замок, зубцы которой, словно неприступные башни, тянулись к небу, и легкое облачко, зацепившись за вершину, растекалось, как дым от орудийного залпа.

Жан Поль накренил машину влево, снижаясь, и входя в разворот. Мы прошли над площадкой в направлении предполагаемой посадки, выполнили все четыре разворота, определяющие маршрут аэродромного круга, называемого часто «коробочкой», и вышли на посадочную прямую. Жан Поль вопросительно посмотрел на меня, ожидая решения – кто будет сажать самолет?

- Сажай! – сказал я ему, продолжая рассматривать строения монастыря, и рассуждая о том, видят ли нас сейчас те, кто там живет? Наверняка видят, они и прошлый раз нас видели, и поняли, что мы непременно захотим посетить это загадочное место.

Жан Поль посадил Ан-2, срулил влево, и выключил двигатель.

Мы вышли из самолета и направились к таинственному монастырю. Тропа, по которой мы шли, видимо была проложена теми, кто там жил, так как имела вполне четкие очертания, была хорошо видна среди прошлогодних листьев. Пройдя через низкорослый лесок, она поднималась по скалам вверх, к монастырю. Выступы в скале, на тропе, в самом начале подъема напоминали ступени, а может быть это и были ступени, выдолбленные неизвестными строителями. Небольшой подъем серпантином вился среди скал. И уже через три поворота мы оказались на небольшом плато перед монастырем. Мы видели строение, но ни ворот, ни забора, окружавшего обычно подобные сооружения нашего времени, мы не увидели, да забор был и не нужен, проникнуть на территорию монастыря без ведома хозяев никто не мог.

- Ну что, – спросил профессор, – воспользуемся молитвой, найденной в «юнкерсе»?

- Нет, – ответил Володя Семенов, – я сам, думаю, меня поймут.

Он стал лицом к монастырю, вытянул руки вперед, и, высказав свое почтение и уважение к тем, кто «имел счастье поселиться в этом

прекрасном, благословенном богами месте», попросил разрешения войти.

Странное это было чувство, очень странное, мы не слышали ни голоса тех, кто там жил, не видели никаких признаков ответа, но мы вдруг ясно поняли – «нам разрешили».

Мы пошли, и ничто не сдерживало нас, мы шли спокойно, уверенно, будто и не было этого невидимого барьера, окружавшего монастырь. Через несколько шагов мы оказались во дворе. Перед нами возникла фигура человека, с выбритой налысо головой, в белой полотняной одежде. Он жестом пригласил нас пройти внутрь здания, мы вошли.

Жрецы Атона

Мы оказались в помещении с высоким потолком цвета синего неба и высоко расположенными окнами, у стены по углам стояли два светильника, в виде чаш на высоких стойках, изображающих стволы растений, обвитые змеями; горевшее в чашах вещество почти не издавало копоти. В центре стены висело изображение солнечного диска, а под ним, ниже, изображение змеи, между светильниками стоял стол из красного дерева, ножки его были выполнены в виде лап какого-то зверя, то ли льва, то ли тигра. На столе стоял ларец, из черного дерева, опирался он на лапы пантеры, передние и задние, сам корпус ларца изображал тело лежащего животного, крышкой ему служила спина могучего грозного зверя.

Вдоль стены стояли стулья и табуреты, ножки стульев были выполнены в виде лап льва, а табуретов – в виде козлиных копыт. Жрец, а теперь я не сомневался, что это был именно жрец, жестом пригласил нас сесть на стулья, сам же расположился в высоком кресле, опирающемся на задние лапы льва, передние лапы животного, спокойно лежали на подлокотниках кресла.

Жрец спросил: кто мы, и для чего прибыли сюда? Странный состоялся между нами разговор. Жрец общался с нами, не раскрывая рта, мы отвечали ему тем же способом. Как объяснил потом Володя Семенов, мы общались мысленно, на уровне не слов, но образов. Образ, который строил в своих мыслях жрец, воспринимался нашим соз-

нанием, и мозг переводил его на язык слов, современный русский язык, которым мы пользовались в нашей жизни. Мы слышали слова, которых не было, и не могло быть в лексиконе жреца древнего мира, Каким образом он воспринимал современную нам терминологию, мы не знаем, но образы, сформированные нашим сознанием, видимо находили адекватное представление в сознании жреца.

- Кто вы, и зачем вы пришли сюда? – спросил жрец.

- Для начала, – ответил профессор Мальцев, – хотелось бы знать, кто вы?

- Мы, жрецы Бога Атона Ра, единственного и истинного Бога вселенной. Я – Эхнатон второй, верховный жрец.

- Я знаю из истории только одного Эхнатона, фараона Аменхотепа четвертого, назвавшего себя Эхнатоном, верховным жрецом Бога Атона Ра, – ответил профессор.

- Предки наши молились многим богам, среди которых были: Амон, Анибус, Баст, Бес, Хор и много других. Но однажды Бог явился к фараону Аменхотепу и сказал: «Зачем вы молитесь разным богам, как будто они истинные боги, есть только один истинный Бог – Атон, Солнце, восходящее над миром, дающее ему свет и жизнь. Отныне будешь ты моим верховным жрецом, и имя тебе будет – Эхнатон, и пусть забудет народ твой всех прочих богов». Фараон сделал так, как сказал ему Бог, он отверг всех прочих богов и построил новую столицу Ахетатон и новый храм, храм Атона. Но после смерти Эхнатона вновь вернулись жрецы Амона, и разрушили наш храм.

Тогда мы ушли вглубь веков, чтобы сохранить веру в истинного Бога. Нас всего пять, жрецов Атона Ра, мы храним истину, и придет час, когда она воссияет над миром.

- Народ, живущий здесь, называет ваш монастырь капищем эльмов, кто такие эльмы, и какое отношение имеют они к вам?

- Эльмы – это духи умерших предков местного народа, они живут в долине Синей реки, люди, называющие себя свангами, редко посещают долину, чтобы не тревожить духов. К нам эльмы не имеют никакого отношения, хотя мы иногда и общаемся с ними. Да, сванги называют нашу обитель «капищем эльмов», далеко не все знают, кто живет здесь, да всем это знать и не надо.

- Зачем же вы ушли в прошлое? Ведь в вашем будущем теперь свершится то, что вы уже пережили!

- Нет! – ответил Эхнатон, – Чтобы изменить будущее, нужно вернуться в прошлое. Настоящим будущего не изменить, только изменив прошлое, можно серьезно повлиять на развитие будущего. Настоящее ваше не изменится, но будущее ваше станет другим, если вы сумеете изменить свое прошлое.

- Возможно, – сказал профессор, – возможно, вы правы. Эхнатон провел революционные преобразования в религиозном мире Египта, он впервые пришел к монотеизму. И если бы его преобразования не были забыты после его смерти, наш мир бы сейчас выглядел по-другому.

- А в чем суть разницы между Амоном и Атоном, – спросил я, – ведь они оба обозначают Солнце?

- Бог Амон изображался в виде человека с головой сокола, Бог, приравненный к человеку, хотя бы в таком образе, уже не может быть единым и всеобщим.

- Но если Бог один, то почему же люди молятся разным богам? – на унимался я.

- Да, Бог один, – ответил Эхнатон, – но он многолик в своем проявлении. Многообразие проявлений воспринимается людьми за многообразие сущностей. И иногда второстепенное, сознательно или по недопониманию, воспринимается как главное, и искаженное миропонимание приводит к искаженному отражению мира в сознании людей. А искаженное сознание творит искаженный мир.

Великое Солнце освещает и согревает землю, дает жизнь всему живущему и растущему на ней. И никто не имеет право присвоить себе то, что ему не принадлежит, каждый может иметь блага, произрастающие на земле по труду своему, но не более.

Все народы на Земле должны жить в мире и согласии, и ни один народ не может возвыситься над другими. Все люди от рождения свободны, и никто не имеет право называть кого-либо рабом своим, и никто не должен иметь иного господина, кроме Бога.

Наш фараон, Аменхотеп IV, получил откровение от Бога, и записал их в книге, названной им ТО-РА, что означает – данное Богом. Он изменил свое имя на Эхнатон – угодный Атону, Он построил но-

вую столицу и новый храм, и учил людей жить по-новому. Настала новая эра – Э-РА, век света и правды. Он сказал, что ТО-РА должна стать священной для всех народов, но прежние жрецы не желали признавать ТО-РУ, они смущали народ, призывая его молиться старым богам. Тогда мы, жрецы Атона, решили дать ТО-РУ народу, не знающему наших старых богов, этим народом были евреи, пришедшие на землю египетскую, и нашедшие в ней приют и пропитание. Они не были рабами, они свободно жили на нашей земле. Был избран и человек, который понесет народу истину, он был рода фараона, и звали его Рамзес или Ра-Мозес, что означает – дитя света, евреи называли его Моисеем.

- А фараон Рамсес первый имеет какое-то отношение к Ра-Мозесу? – спросил профессор.

- Да, Рамсес его прямой потомок. Моисей происходил из древнего рода фараонов, именно он должен был донести до всех народов завет Бога, единого для всех.

Но жрецы Амона решили изменить порядок, данный Богом, и сами владеть тем, что принадлежит не им. Они решили что мир будет разделен на тех кто владеет богатством и получает все блага, и тех, кто, работая в поте лица, получает лишь то, что дадут ему те, кто владеет всем. Эхнатон был убит, они отравили его, а учение было извращено. В текст, данный Богом, были внесены изменения. Они на многие века определили благоденствие одних, и нищету других.

- И Моисей не понял, что учение было изменено?

- Моисея убили в пустыне, а после от имени его полностью переписали закон.

- Но кто?

- Левиты. Это люди, принявшие посвящение от жрецов Амона. Именно они превратили несущего свет и любовь Атона в кровавого Иегову.

Но Бог оставил людям знания, которые нельзя ни исказить, ни переписать. Знания эти заключены в кристалле, рожденном от самого Солнца.

- Где же находится этот кристалл?

- Его выкрали у нас люди, пришедшие сюда до вас.

- Эти люди искали Шамбалу, а попали сюда, в глубь веков.

- Это и есть Шамбала. Тот, кто ищет ее, может сюда попасть, но не каждому дано вернуться отсюда.

- Вы показали им кристалл?

- Да, показали, но не отдали. Кристалл находился в этом ларце, – жрец показал на ларец, что лежал на столе, – они тайно выкрали его. Мы обнаружили это, когда они уже ушли, и попросили вернуть, но те отказались. Тогда по воле Бога их железную птицу поразила молния, а врата времени, через которые они вошли, закрылись навсегда.

- Этот кристалл у нас, – ответил профессор.

- Я знаю, – сказал жрец, – и вы должны вернуть его нам. Люди еще не готовы к тому, чтобы овладеть этим знанием, пока жажда власти и наживы владеет людьми, они не могут обладать тем могуществом в полной мере, которым наделил их Бог. Они просто уничтожат мир.

Профессор Мальцев вынул из кармана куртки футляр с кристаллом и протянул его жрецу. Тот взял кристалл, достал его из футляра, посмотрел на свет, и молча положил в ларец.

- Я просил свангов найти его, там, в железной птице, туда ходил самый опытный следопыт, но не смог найти его, – сказал он.

- Почему же вы сами не пошли? – спросил профессор, – сванги не знают о том, что существуют потайные шкатулки, закрывающиеся на замки.

- Мы можем жить вечно, но только здесь, в Шамбале, в этом храме, каждый выход из него сокращает наши дни. А нам нужно еще дожить до того времени, когда правда восторжествует на всей земле.

- А те, жрецы Амона? Они тоже могут жить вечно?

- Да. Не вечно, но очень долго, пятеро из них еще живы, но они давно уже не в Египте. А нам нужно прожить дольше их, ведь мы ушли в глубину веков.

- Вы храните тайны мироздания здесь, в глубине веков, как же вы надеетесь изменить мир?

- Я уже говорил вам, что прошлое влияет на будущее сильнее настоящего. Мир изменится, это несомненно. Посмотрите на этих людей, свангов, они свободны и счастливы, они не знают рабства. Они уже научились добывать руду и обрабатывать металлы, у них безупречная организация общества. Хоть у них и возникло разделение труда, и денежно-товарный обмен, но разделения общества на классы не произошло. При других условиях уже давно бы вспыхнули междоусобные войны в борьбе за власть, но этого нет. Все благодаря Закону правды, которому мы их научили. Пройдут века, но они будут свободны и счастливы, они никогда не поработят другие народы, и не дадут поработить себя.

- Опыт нашего развития показывает, что с ростом производительности труда неизбежно возникает разделение людей на классы, то же самое говорит и теория, – возразил доктор Архангельский.

- Все зависит от морального закона. Если люди живут по правде, они никогда не будут угнетать друг друга. Моральный закон не должен основываться на страхе, он должен быть глубоко в сознании людей. Здесь уже все не так, как в вашем мире. Люди вашего мира, для которых кумиром являются только деньги и власть, просто не смогут жить здесь.

Не так давно люди из того же времени, что и вы, попали сюда, эти были богатые люди, по вашим понятиям, но здесь они просто погибли, перебив друг друга. Здесь есть все условия, чтобы жить, но законы жизни другие. Здесь нельзя жить так, как у вас, просто нельзя, это другой мир, другие ценности, другой уровень сознания. Люди, исповедующие культ богатства, здесь попросту кажутся дикарями.

- Но тут живут и кочевники, которые иногда нападают на пастбища свангов.

- Ну и что? Да, они стоят на низшей ступени развития, по сравнению с народом свангов, но они не завоеватели, не поработители – они просто кочевники. Придет время, и они дорастут до уровня развитых народов. Но должно пройти время, насильно никому ничего навязать нельзя.

Все, что происходит здесь, сейчас – определяет ваше будущее.

- Но жрецы Амона, оставшиеся в нашем мире, тоже определяют будущее, – возразил профессор.

- Да, но не так далеко, как мы. Они решают тактические задачи, а мы – стратегические. Они не способны к решению стратегических задач, и поставили в это положение себя, они сами. Мир, развиваясь согласно их концепции, зашел в тупик. Их управление может закончится только тем, что записано в откровении от Иоанна – Апокалипсисом. Но это никого не устаивает, в первую очередь их. И они вынуждены будут принять нашу концепцию, выхода другого у них нет. Они знают все о нас, о том, как развивается наш мир, это влияет и на их сознание, и обеспечивает нам победу. И Бог на нашей стороне, мы действуем согласно промыслу Божьему.

- Тогда, почему Бог не вмешается, и не призовет людей к порядку? – спросил Николай Иванович.

- Бог наделил людей могущественными возможностями, они сами могут управлять миром, его вмешательство означало бы то, что он создал людей несовершенными. Правда победит, это неизбежно, люди сами, через заблуждения и ошибки, придут к истине.

- Через тернии к звездам?

- Именно так.

- Что же делать нам?

- Можете оставаться с народом свангов, вы сможете жить с ними в мире и согласии, можете возвращаться в свой мир.

- Как же мы вернемся, если врата времени закрыты? Так вы сказали? А если так, то каким образом мы попали сюда?

- Врата, через которые можно свободно войти и выйти, закрыты, вы и те люди, что попали сюда незадолго до вас, прошли через информационный канал. Мир намного сложнее, чем вы себе представляете, прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны, между ними постоянно происходит обмен информацией. Все находится в динамике. Когда-то люди думали, что мир плоский, и покоится на трех китах, такое представление вполне их устраивало, но потом круг знаний людей расширился. Ваши представления о мире тоже далеко не полны, мир бесконечен в своем многообразии.

- «Познание бесконечности требует бесконечного времени, а потому: работай, не работай – все едино», – заключил Николай Иванович. – Так, кажется, сказано у Стругацких?

Жрец ничего не ответил на его реплику, но улыбнулся, улыбнулся впервые за время нашего разговора.

- Но как же мы, самолет – материальные тела, попали сюда через информационный канал? – спросил доктор Архангельский.

- Материальные тела? – жрец снова улыбнулся. – Материальное тело – это тоже информация. Вы перестали существовать в вашем мире, перестали существовать вообще, и были воссозданы вновь в нашем времени, на основе переданной информации.

- Кем?

- Кем? Природой, Богом, воссозданы не специально из каких-то соображений, таковы принципы работы канала. Попытайтесь тем же путем вернуться обратно, ведь существует и обратный канал. Нужно только его найти.

- А где его искать?

- Я ведь тоже не все знаю, знаю только, что они меняют направление и положение в пространстве. Я представлю вас жрецу времени, он сможет больше рассказать, чем я.

Эхнатон Второй поднялся, и направился к выходу, мы последовали за ним. Мы вошли в просторный зал, пол которого был украшен изображением аквариума с плавающими в нем рыбами, стены были инкрустированы драгоценными камнями, вместо потолка над залом простиралось синее небо, но ни ветерка, ни холода высокогорья не ощущалось. Из зала мы перешли в сад, также окруженный стенами с инкрустацией, зеленые растения, обвивающие колонны, клумбы прекрасных цветов, дорожки, устланные песком, фонтаны разнообразных, причудливых форм – все это наполняло душу спокойствием и теплом.

На деревянной скамье сидел человек, в таких же белых полотняных одеждах, которого Эхнатон Второй представил нам как жреца Времени, и обменявшись с ним короткими фразами, сказал:

- Он будет говорить только с одним из вас, он сам укажет с кем.

Жрец времени, поднявшись со скамьи, обвел взглядом нас, и указал рукой на профессора Мальцева.

Эхнатон Второй сделал знак, чтобы все остальные, кроме профессора следовали за ним. Он вел нас по галереям, садам, демонстрируя великолепие храма, который снаружи выглядел довольно скромно. Наконец он привел нас в комнату, где был накрыт стол, а у стен стояли кровати, застеленные покрывалами из цветной ткани.

- Здесь вы можете поесть и отдохнуть, будьте нашими гостями столько, сколько пожелаете, – сказал он и вышел, оставив нас одних.

- Что-то вроде гостиницы, – сказал я, – неужели здесь часто принимают гостей?

- Кто знает? – ответил доктор Архангельский, усевшись на табурет, – Посмотрим, чем нас угощают?

На столе был хлеб, салаты, овощи, виноград, финики – все это лежало в глиняных мисках, в кувшине был фруктовый сок. Стояло восемь приборов, состоящих их миски, глиняной кружки, и серебряной ложки. Стол был накрыт на всех членов экспедиции.

- Кто же это все успел подготовить? – воскликнул Жан Поль, - Обслуживающего персонала здесь не видно!

- Не видно, – ответил Николай Иванович, – это еще не значит, что его нет. Не думаю, что жрецы сами готовят пищу, поддерживают порядок в храме, и так далее.

Пока мы обсуждали вопросы ведения хозяйства, появился профессор Мальцев, и увидев накрытый стол, воскликнул:

- Прелестно! А ведь мы с самого утра ничего не ели! Попробуем, чем угощают нас жрецы Атона!

Несмотря на то, что все мы действительно проголодались, вопрос возможности возвращения в свое, привычное время оказался сильнее гастрономических интересов, а он, как мы понимали, зависел от результатов беседы профессора со жрецом.

- Прежде, скажите, профессор, можете ли нас чем-то порадовать? Что сообщил Вам Жрец Времени? – спросил доктор Архангельский.

- Думаю, на голодный желудок вы не воспримете мое сообщение, – ответил профессор, – давайте сначала поедим.

- Все ясно, – сказал я, – судя по вашему тону, обрадовать нас Вам нечем.

После трапезы, которая оставила весьма приятное впечатление, мы вопросительно уставились на профессора.

- Прежде всего, – сказал он, – само понятие времени – это не совсем то, что мы себе представляем, точнее совсем не то. Все мы свыклись с бесконечностью мира, но что такое бесконечность мы не понимаем, в нашем сознании прочно утвердилось линейное понятие бесконечности, и мы не можем себе представить бесконечность как множество форм и вариантов. Математика прекрасно оперирует понятием бесконечности, но воображение не может представить образ многомерных пространств, а тем более с бесконечным числом измерений. Есть такое понятие в математике – пространство над полем. Так вот, рассматривая наш мир в пространственно-временном аспекте, можно сказать, что он представляет собой пространство вариантов над полем событий.

Если произвести сечение этого поля плоскостью, то мы получим один из бесконечного множества вариантов, который считаем реализованным, поскольку видим мир именно в этой одной плоскости. Перемещение во времени можно описать с помощью преобразования, которое назовем условно линейным преобразованием Атона.

Профессор начертил на листе бумаги ряд формул, которые нам ни о чем не говорили.

- Применив его, можно переместить любой объект в любую точку времени. Это, конечно, весьма грубая модель, но она может дать некоторое представление о том, что такое отсутствие хронального вещества.

- Лично я ничего не понял из вашего объяснения, – сказал доктор Архангельский, – но один вопрос: Вы сказали – «линейное преобразование», а что есть и нелинейное?

- Нелинейное преобразование Атона может превратить жабу в принцессу, и наоборот.

- Значит…?! – воскликнул я

- Вот именно! – ответил профессор, – все волшебные превращения, описанные в сказках, и есть результат нелинейного преобразования Атона. Но сказка – есть сказка, а вот имеются свидетельства очевидцев о результатах таких преобразований – это рассказы об оборотнях. С этой точки зрения существование оборотней вполне реально.

- Да, – сказал Николай Иванович, – но какое отношение это имеет к нашей ситуации?

- Самое прямое, – ответил профессор, – информационный канал, посредством которого мы попали сюда, есть ничто иное как реализация алгоритма линейного преобразования Атона. Если существует прямое преобразование, то должно существовать и обратное. Информационные каналы существуют во многих точках планеты, одна из них – это знаменитый Бермудский треугольник, другая находится в Сибири, в районе падения, так называемого тунгусского метеорита, они, словно ячейки матрицы, пронизывают все пространство нашей планеты.

- И какова же их роль? – спросил я.

- Как уже говорил нам жрец, изменение прошлого определяет будущее, информационные каналы обмена обеспечивают корреляцию времени на основе причинно-следственных связей.

- Все эти теоретические рассуждения мне ни о чем не говорят, – сказал Жан Поль, – ответьте прямо: сможет мы вернуться в наше время, или нет?

Профессор тяжело вздохнул, и сказал:

- Не знаю.

Возвращение

Николай Иванович задумался, что-то вспоминая, и произнес, обращаясь к профессору:

- А ведь, старуха Изель говорила, что экспедиция вернется, более того, она утверждала, что и народ свангов должен когда-то вернуться. А она зря ничего не говорит, в этом мы уже не раз убеждались, говорит она мало, но если скажет что, но неспроста.

- Теоретически возможность возвращения существует, – ответил профессор, – но, скорее всего, только теоретически. Один раз в тысячу лет поток в канале меняет направление, у свангов существует легенда, когда открываются врата в прошлое, они говорят, что родилась Белая женщина, а когда направление меняется от прошлого в будущее, они говорят, что родилась Красная женщина.

- Так, старуха Изель же сказала нам, что в горах Красная женщина родилась! – воскликнул я. Я рассказал обо всем, что произошло со мной в ночь перед вылетом.

- Да, – сказал профессор задумчиво, – а я-то считал, что Красная и Белая женщины, это просто символ, некий образ, порожденный мифологией народа, и не более. А, оказывается, они действительно существуют. Конечно, это не женщина, в буквальном смысле, скорее всего, это какое-то существо из параллельного мира.

- Но в таком случае, – сказал я, – раз канал поменял направление, мы не должны были попасть сюда! Мы должны были попасть в будущее, а не в прошлое!

- Дело в том, – ответил профессор, – что рождение Красной женщины – это необходимое, но еще не достаточное условие для смены направления потока. Алгоритм меняет знак, только в процессе реализации, когда какой-то объект подвергается линейному преобразованию, при условии «рождения Красной женщины».

- Но теперь, – сказал я, – мы-то попали в прошлое, алгоритм преобразования поменял знак, и мы можем вернуться в наш мир!

- Вернуться-то можем, – ответил Мальцев, – но только куда? Если мощность потока не изменилась, то мы попадем в наше время, а если изменилась?

- Надо попробовать, – сказал Жан Поль, – риск – дело благородное! Ведь, как я понимаю, другого способа узнать, изменилась ли мощность потока, у нас нет.

- А если мы не дотянем несколько столетий до нашего времени, – сказал Николай Иванович, – и попадем в средние века? Да, нас вместе с самолетом на костре сожгут! Нет, лучше уж здесь ходить за плугом, чем там гореть на костре инквизиции!

- Если существует информационный канал, то какое назначение было у врат времени, через который попала сюда немецкая экспедиция? – спросил Рудольф.

- Информационный канал – это, так сказать, технологическая система, мы прошли через него чисто случайно, – ответил профессор, – а вот врата времени были специально созданы для общения живущих здесь жрецов с миром будущего и прошлого. Они общались и с буддийскими монахами, и с другими мудрецами нашего будущего,

настоящего и прошлого. Но боги закрыли эти врата, усмотрев опасность для мира.

- А кто может знать, в какой мир мы попадем? – спросил снова Рудольф.

- Жрец сказал, что это зависит от нас. Мы сами должны задать время, в которое попадем, пройдя информационный канал. Он сказал, что среди нас есть человек, который может это, – сказал профессор, посмотрев на Семенова.

- Да, человек сам, непосредственно может управлять временем, – отозвался Семенов, – для этого ему не требуется никаких специальных технических средств. «Машины времени», о которых пишут фантасты – это сущий бред! Мозг человека сам способен изменить частоту хронала, чем выше частота, тем медленнее идет время, и наоборот. Это установлено совершенно точно, и зафиксированы случаи, когда на грани гибели человека, его хронал уплотняется в тысячи раз. Солдат может видеть пулю, вылетающую из ствола, которая несет ему смерть. Видеть ее полет. Говорят, что перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Это, действительно возможно, пока летит пуля, он может вспомнить многое, ведь его время течет гораздо медленнее.

- Если так, – сказал Жан Поль, – то почему тогда человек не может уклониться от пули? Ведь, если верить вам, то времени у него достаточно!

- Может! – ответил Валера. – Но достигается это специальными, длительными тренировками.

Я вспомнил свой последний полет на истребителе. При выполнении пилотажа на малой высоте, в верхней точке полупетли, отказал двигатель, самолет потерял скорость, и свалился на крыло. Пришлось катапультироваться. И хотя катапульта выстреливает пилота вместе с креслом с большой скоростью, я ясно видел, как медленно выхожу из кабины, я видел четко как уходят от меня приборы на панели, и даже мог прочесть их показания, мое личное время шло совсем не так, как время тех, кто наблюдал эту картину с земли. Катапультировался я не вверх, а горизонтально, и падал вместе с самолетом до раскрытия купола парашюта. Наполниться воздухом купол не успел, и только взрывная волна, возникшая при ударе самолета о землю и взрыве топлива, спасла меня от неминуемой гибели.

- Замедлить или ускорить время – это одно, а вот запрограммировать перемещение в канале в точно определенное время – это совсем другой вопрос, – задумчиво произнес профессор.

- Я попробую, – сказал Владимир, – нужно представить себе четко то время, куда мы должны попасть, объекты, людей – все, что связано с нашим временем. Думаю, я смогу.

- Тогда будем выбираться отсюда, – сказал профессор, – завтра, с утра летим к тому месту, где мы вошли в этот мир, и попытаемся тем же путем вернуться обратно.

Николай Иванович развернул карту, и сказал, показывая рукой:

- Вошли мы вот здесь, когда мы сканировали местность прибором Рудольфа, я отмечал положение на карте через каждые пять минут, это последняя отметка. А вот тут – полевой аэродром немецкой экспедиции. Он лежит на нашем маршруте, думаю, нужно приземлиться, и дозаправиться.

- Тогда, может быть, стоит навестить селение свангов, попрощаться? – сказал доктор Архангельский.

- Не стоит, – сказал профессор, – Актар знает, что мы возвращаемся в свой мир, остальным нелегко объяснить, откуда мы пришли, и куда уходим. А теперь давайте отдыхать, завтра нас ждет трудный день.

Но уснуть я не мог. «Вчера в лесу волчица выла, а в горах Красная женщина родилась» – вспоминал я слова, сказанные старухой Изель перед нашим полетом в долину. Красная женщина, кто она? Какой-то странный, непонятный образ преследует меня с момента той катастрофы, в которой выжил лишь я один. Что это? Существо из параллельного мира? Или одна из тех сущностей, который живут рядом с нами в виде домовых, леших, русалок и прочей нечисти? А может, это просто бред моего больного воображения?

Сперва странный, неизвестно откуда возникший образ женщины в красном за оконным стеклом. Ее взгляд, полный какой-то неземной печали, и слезинка, застывшая на щеке. А потом, когда горящий самолет с оторванной плоскостью падал на землю, она вновь возникла, как бы прощаясь со мной. Возможно, она предупреждала меня? После, был этот странный, город, наполненный призраками тех, кто когда-то были людьми, и вновь женщина в красном, сидящая за моим столиком

в кафе. Та, которая, погибнув под колесами трамвая, на следующий день как ни в чем не бывало, сидела за тем же столиком, и молча пила свой апельсиновый сок. Она была так похожа на странный образ, явившийся мне перед тем, роковым полетом, но все же это была не она.

А образ той, явившейся мне в хмурое дождливое утро женщины с полным неземной печали взглядом, он вновь возник предо мной, когда мы летели в эту долину. Она снова предупреждала меня? А тот странный сон, и снова женщина в красном с неистовой яростью пытавшаяся сбросить меня в пропасть? Или это был не сон? Так, что же это было?

Откуда возник этот образ, что постоянно преследует меня? Или он вызван уставшим от реальности сознанием, или является порождением какой-то иной реальности? Как там говорил профессор Мальцев: «Наш мир – это пространство вариантов над полем событий»? И возможно, образы эти являются мне из другой плоскости реализованных вариантов моей судьбы?

Веки тяжелели, мысли путались все больше и больше, переплетаясь в причудливой фантазии неземных образов, обрывками давно забытых снов, каких-то фраз, внезапно вспыхивающих в сознании. А потом я снова увидел ту Красную женщину, которая тогда, в прошлом сне, пыталась сбросить меня в пропасть. И вновь пропасть зияла под моими ногами, я стоял на краю обрыва, возле самого монастыря, а она была рядом, и смотрела на меня с иронической усмешкой, но уже не пыталась сбросить меня вниз. Я посмотрел на нее вопросительным взглядом, и она усмехнулась в ответ, тогда я понял, что сейчас я сам сделаю этот шаг, туда, в дымящуюся пропасть. Страха не было, я посмотрел вниз, потом перевел взгляд на женщину – она кивнула мне, и я сделал шаг в пропасть…

Ничего не произошло, не было ни ощущения падения, ни страха, ни растерянности. Я стоял на земле, вокруг была зеленая трава, голубое небо над головой, стоянки самолетов. Это был наш аэродром на острове. И Як-12, с зачехленным мотором и струбцинами на рулях, и кот Васька, растянувшийся на траве, все привычно, все, как всегда… Чья-то тяжелая рука легла на мое плечо, я обернулся…

- Вставай! Сколько можно спать?! – будил меня Николай Иванович. – Завтрак уже давно на столе!

Стол был действительно накрыт, но никто из нас не заметил, когда и кто это сделал.

- Прямо, скатерть-самобранка какая-то! – сказал Рудольф.

- Интересно, кто же тут гостей обслуживает? – спросил Жан Поль.

- Спроси у Эхнатона, если интересуешься, – ответил Николай Иванович. Но когда появился жрец, никто почему-то не решился обратиться к нему с подобным вопросом.

Жрец не принимал участие в нашей трапезе, он вошел позже, когда уже все поели. Профессор обратился к нему, сообщив, что мы решили возвращаться в наше время. И вот что интересно, при мысленном «разговоре» со жрецом, мы все ясно воспринимали мысль того, кто обращался к этому непривычному собеседнику, точно так же воспринимали и его ответ.

Эхнатон Второй одобрил наше решение, выразив уверенность в том, наше предприятие окончится благополучно. Я в этом теперь тоже не сомневался, сон, который я увидел, внушал спокойствие и надежду на то, что все для нас кончится хорошо.

Мы покинули монастырь, спустившись по крутой тропинке на площадку, где ждал нас наш Ан-2. Было раннее утро, и плоскости самолета, и остекление кабины были покрыты росой, первые лучи едва приподнявшегося из-за гор солнца отражались в капельках росы, как в жемчужинах, вспыхивая искорками на мгновение, и угасая.

Рудольф уже готовил машину к полету, и вскоре звук мотора нарушил первозданную тишину древних гор. Пока наш бортинженер прогревал двигатель, мы с Николаем Ивановичем и Жаном обсуждали маршрут полета, и поиска того места, где должны были находиться «врата времени» информационного канала.

- Будем идти так, как шли при сканировании местности, – говорил Николай Иванович, – только начнем поближе к точке входа в канал, вот отсюда.

Последние слова его заглушил рев винта – Рудольф прожигал свечи перед тем, как выключить двигатель. Рев винта стих, мотор ос-

тановился. И вот бортинженер, тяжело ступая по высыхающей росе, подошел к нам, и доложил:

- Самолет к полету готов!

- Тогда все грузимся и летим! – сказал Николай Иванович всем членам экспедиции.

Мы поднимались на борт нашего старого, верного самолета, с каким-то щемящим душу чувством, мы навсегда уходили из этого мира, затерянного в глубине веков.

Мотор взревел на взлетном режиме, рассекая пространство винтом, и самолет, покачиваясь на неровностях площадки, начал разбег.

Мы не вернемся в этот мир,
Нам больше не встречать рассветы,
На развороте командир
Махнул крылом на землю эту.

Вспомнились вдруг слова давно забытой песни. Да, в этот мир мы уже не вернемся, пройдя «врата времени», а вернемся ли в свой?

Набрав пятьсот метров над монастырем, я вел самолет в сторону долины Синей реки с небольшим снижением, по мере того, как уменьшалась высота рельефа местности, скользя, как на санках с горы, с двух с половиной тысяч метров. Вот и озеро, у которого мы совсем недавно ночевали, еще один хребет, гораздо ниже прежнего, и мы окажемся в долине.

Вот уже и долина Синей реки ушла под крыло, вот и показались земли свангов, а вот тот самый аэродром, на который собирался вернуться «Юнкерс -52» экспедиции СС, собирался, но не вернулся, обретя вечный покой в ущелье быстрой, горной речки. Осталась и палатка, и посадочные знаки, успевшие зарасти травой, но все же различимые с воздуха, остались и бочки с горючим, которым мы решили воспользоваться, все равно, здесь больше некому заправляться авиационным бензином.

Зайдя к третьему развороту, я посадил самолет, срулил с полосы и, подрулив поближе к бочкам, выключил двигатель. Не знаю, как немцы заправляли из бочек свой «Юнкерс», наверное, не ведрами, а нам, специально для заправки самолета в полевых условиях из раз-

личных емкостей, Рудольф Иванович соорудил компактный электронасос, располагавшийся прямо внутри шланга, обладающий довольно неплохой производительностью. Пополнив баки горючим с помощью этого устройства, уже через полчаса мы были готовы к полету.

- Ну что? Все готовы? – спросил профессор и, посмотрев на Семенова, сказал:

- Теперь от тебя, Володя, многое будет зависеть.

- Не беспокойтесь, – ответил тот, – все будет нормально, я это чувствую.

- Только не … – начал было Жан Поль, но Николай Иванович пресек его:

- Молчи! Не говори больше ничего! Знаю, что ты хочешь сказать! Здесь твои шуточки ни к чему! Я тебе потом все объясню, дома!

- Да ладно, – ответил Жан, ничуть не смутившись, – я ничего такого особенного и не хотел говорить, так, просто.

- Просто – не просто, а лучше тебе сейчас помолчать.

- Да молчу, молчу.

Я внутренне усмехнулся, я понял, что хотел сказать Жан, и почему пресек его Николай Иванович. А сказать он хотел что-то вроде: «Только не думай о Джордано Бруно…» или нечто подобное. Это, как у Ходжи Насреддина: «Не думай об обезьяне», о чем пробуешь не думать, о том и думаешь. Не зря наши предки не говорили меж собой о всяких неприятностях и темных силах, идя по опасной тропе. Но Володя был выше этого, он обладал техникой управления мыслью не хуже йогов, но сейчас шутки были действительно не уместны.

- Через пятнадцать минут после взлета мы окажемся в районе действия информационного канала, иди будем точно по схеме, как входили. Володя, готов? – сказал Николай Иванович.

- Готов, – ответил Семенов.

Мы взлетели, набрали заданную высоту, Николай Иванович указывал курс, время, направление разворота, отсчитывал время. Разворот – прямая, разворот – прямая, еще, еще, и еще. Семенов расслаблен, спокоен, руки на коленях, глаза полуприкрыты. У меня руки вспотели, впившись в штурвал, как у курсанта, впервые вылетевшего без инструктора, по лбу струится пот, хотя в кабине не жарко. Разво-

рот – прямая, разворот – прямая, еще разворот – ничего не происходит. Николай Иванович продолжает отсчитывать время.

- Да мы уже прошли точку, в которой входили! – кричит Жан Поль, - Что-то не так! Мы не нашли этот чертов канал! Давайте обратно!

- Все в порядке, – ответил Семенов, – все в порядке, ребята, мы уже прошли сквозь канал, мы в нашем времени, я чувствую это!

- Но ведь не было же ничего такого, как тогда, когда мы попали в прошлое! - сказал Николай Иванович.

- Это не обязательно, – ответил Володя, – тогда вы не были готовы, сейчас я осознанно ощутил канал, все нормально.

И тут я увидел, как стрелка радиокомпаса слегка дрогнула – появился сигнал. Я взглянул на пульт АРК-9, на нем была установлена частота радиомаяка Дегира, естественно, что за время нашего пребывания в прошлом, ее никто не менял. И теперь радиокомпас показывал направление на Дегир. Я отвернул чуть вправо – влево, стрелка реагировала.

- Мы вернулись! – заорал я. – Есть сигнал Дегира!

- Там было селение свангов, – закричал Жан, – его нет, смотрите!

Долина была пуста, ни свангов, ни их поселка уже не было в том мире, куда мы возвратились. Нас отделяли от них всего несколько минут полета и … четыре тысячи лет.

Вернувшись на базу, мы вновь увидели нашу посадочную площадку, отмеченную пустыми бочками, аккуратно сложенные полные бочки с горючим, наш домик и хижину старухи Изель. Все казалось до боли знакомым и родным. Но не было радости в наших сердцах. Мы возвращались в мир, который умирал, умирал, устав от жадности, зависти, злобы и жестокости людей. Людей, которые рвали на клочки эту Землю, Землю, давшую им жизнь, они вырубали леса, как черви ковырялись во чреве Матери-Земли, вырывая из глубин ее уголь, нефть, железо, забирая последнее, что у нее еще оставалось. Они отравляли Небо дымом фабричных труб, заливали Воду нефтью и отходами, заполняли Пространство радиацией, они убивали друг друга и сами себя. Когда-нибудь они узнают тайну пространства и времени и

уничтожат тот мир, в котором живут, и тогда умрут все, и люди, и Боги.

Когда старуха Изель спросила нас, почему не вернулись сванги, профессор Мальцев сказал:

- Они вернутся, они обязательно вернутся, когда мир станет другим, не таким, как сегодня, а он будет другим, обязательно будет.

- Я знаю, я буду ждать их, – тихо ответила старуха, – придет время, когда зло, насилие и жестокость навсегда исчезнут с нашей Земли, когда люди станут свободными, свободными от жадности, зависти и гордыни, когда научатся они понимать язык зверей, птиц и цветов. Тогда и сванги смогут вернуться.

- Скажи, Изель, – спросил Николай Иванович, – почему ты не сказала нам, какая именно опасность нас может ждать, а говорила лишь то, чтобы мы опасались того, что нельзя увидеть глазами? Как же мы могли уберечь себя от того, что невидимо?

- То, что нельзя увидеть глазами, можно почувствовать сердцем, душой, человек, он ведь не только глазами видит. Я всегда чувствую приближение к вратам.

«Неужели мы до такой степени деградировали, пользуясь благами цивилизации, – подумал я, – что совершенно разучились чувствовать то, что чувствуют эти дети природы?»

Мы покидали Долину смерти, оставив старуху Изель со своей собачкой. Мы предложили ей лететь с нами, но она отказалась, она осталась одна, совсем одна, чтобы ждать. И она будет ждать, ждать год, два, десять и двадцать лет, а когда силы ее иссякнут, она вновь отправится к вратам времени, чтобы вернуть утраченную молодость, и снова будет ждать, еще тысячу лет.

Обратный путь

В Дегире нас встретил тот пожилой француз, местный начальник, который провожал нас в полет. Он был необыкновенно удивлен нашим возвращением.

- Очень, очень раз за вас, – сказал он, – вы единственные, кому удалось оттуда возвратиться, до вас не возвращался никто. Может быть, теперь и другим можно летать в долину?

- Нет, нельзя, – категорически отрезал Николай Иванович, – нельзя никому, и нам тоже. Больше оттуда никто не сможет вернуться!

- Но, почему? – удивился француз. – Вы ведь вернулись!

- Потому, что Красная женщина уже родилась, – ответил он французу той же загадкой, которой нас предостерегала старуха Изель.

Собравшись в номере гостиницы, мы обсуждали варианты нашего возвращения домой.

- Прежде всего, – сказал профессор, – нам нужно связаться с центром и сообщить, что в экспедиции, которую они собираются организовать, нет необходимости.

- Да, кстати, Ефим Семенович, – обратился Николай Иванович к профессору, – а как вам удалось с нами связаться? Каким образом мы получили вашу радиограмму из прошлого? Вы можете как-то объяснить это явление?

- Не все еще можно объяснить. Каким образом радиоволны смогли пройти через века, я не знаю, возможно, это как-то связано с вратами времени, а возможно и нет. Мы просто случайно, прослушивая эфир, сам не знаю, для чего мы это делали, услышали переговоры экипажей самолетов. Связь держалась не долго, около секунды, но появилась надежда, что и наше сообщение может быть кем-то услышано. С тех пор мы регулярно, в разное время, передавали в эфир один и тот же текст.

- А, ничего необычного Вы не заметили во время передачи?

- Необычного? Да, было необычное явление, гроза, но не та гроза, которая бывает обыкновенно, а какая-то странная, будто бы вовсе из другого мира.

- А в чем заключалась эта странность?

- Во-первых, возникла она как-то вдруг, не было ничего, погода была ясная, и вдруг гроза. И закончилась она как-то странно, ее просто не стало, вроде как не из этого мира она пришла, и ушла куда-то в другой мир. Потом, еще, молния, застывшая молния. Несколько секунд висела она над горами, а потом рассыпалась.

- Дело в том, – сказал Николай Иванович, – что тогда, когда мы получили вашу радиограмму, у нас тоже была гроза, точно такая же, и застывшая молния тоже была.

- Наверное, мы с вами выдели одну и ту же грозу, она одновременно была и в вашем, и в нашем мире. Возможно, что дело в хрональном и метрическом веществе, ведь мы с вами были отделены не только временем, но и пространством.

- Самое странное то, что эту грозу, кроме нас с вами, никто не видел.

- Возможно, когда-нибудь нам удастся разгадать эту загадку, – задумчиво произнес профессор.

Мы отправили радиограмму в центр, в которой сообщали, что экспедиция обнаружена, и мы направляемся домой.

Но ответ из центра привел нас в недоумение. Нам приказывали оставаться на месте, подготовить площадку к приему Ан-30, и ждать. Экспедиция вылетит через несколько дней для проведения дальнейших исследований.

Ефим Семенович возмутился:

- Они что, уже не считают меня руководителем центра? Разве моего слова им уже не достаточно? Я же им ясно написал, что возвращаться в долину больше нельзя! О каких дальнейших исследованиях может идти речь?

Мы еще раз повторили текст радиограммы, добавив, что подробный отчет о причинах невозможности дальнейших исследований будет предоставлен по прибытию экспедиции в центр. На что нам ответили, что ими проведена большая работа по подготовке, закуплено уникальное оборудование, затрачены деньги, поэтому отменять дальнейшие исследования нецелесообразно.

- Это что же получается? – возмутился Жан Поль. – Если вам поставили неутешительный диагноз, и вы решили повеситься, но потом узнаете, что диагноз оказался ошибочным, то вешаться все равно придется, поскольку веревка и мыло уже закуплены?

Успокоились они только тогда, когда профессор Мальцев в категорической форме заявил, что нахождение его длительной командировке вовсе не означает отстранения его от руководства центром. И если кто-то в этом еще сомневается, то после возвращения в Москву

он найдет способ объяснить это любому в доступной и понятной для него форме. Резкий тон радиограммы, подписанной профессором, охладил пыл энтузиастов, жаждущих новых приключений.

- Как пойдем? – спросил я Николая Ивановича – Через Тангар, а потом опять над этим чертовым перевалом, или, все-таки, через международный аэропорт?

- А что? – сказал Жан Поль. – Нормально прошли, зачем такой крюк делать?

- Ничего себе, нормально! – возразил я. – Чуть не гробанулись на этом проклятом перевале!

- В авиации «чуть» не считается, – ответил Жан.

- Со стороны долины будет проще пройти, – сказал Николай Иванович, – если что, сможем и развернуться. По прогнозу погода должна быть нормальной, метеослужба никаких сюрпризов не обещает.

- Прошлый раз, тоже не обещали, – проворчал я.

- В конце концов, – ответил Николай Иванович, – ты у нас командир, тебе и решать, а я только штурман.

- Ладно, – недовольным голосом сказал я, – пойдем через Тангар, а там, как Бог даст.

- «Как Бог даст» – в авиации не летают, – возразил Николай Иванович. – Ты сначала карту метеообстановки проанализируй, а потом и решение принимай.

Взвесив все «за» и «против», мы решили, все же, лететь через Тангар, из Дегира вылетали ранним утром, еще затемно, чтоб успеть по светлому времени добраться до Южногорска. Можно было, конечно, заночевать в Тангаре, но нам скорее хотелось вернуться домой, да погода за сутки могла измениться, а если начнутся дожди в горах – то это, как минимум, на неделю.

В Тангаре нас уже не спутали с Ан-22, как в прошлый раз, а, вспомнив эту историю, посмеялись. Мы не стали задерживаться здесь, поскольку, хотя и на маршруте погода должна быть благоприятной, прогноз Южногорска нас особо не радовал. Надвигался период осенних дождей, и мы могли надолго застрять в этом, забытом Богом, горном селении.

Мы подходили к перевалу, и чем ближе было до него, тем тревожнее становилось на душе. Погода была идеальной, ни одно облачко не омрачало безмятежной синевы неба, но каменные великаны, поднимающиеся ввысь по обе стороны перевала, мрачно взирали на нас. Мы снова лезем в ловушку, из которой уже не будет пути назад. Если прижмет нас вдруг непогодой к земле после того, как пройдем мы этот чертов перевал, то сесть уже будет некуда. Перевал спокойно проплыл под крылом, великаны, охранявшие вход в ущелье, пропустили нас.

Ущелье расширялось, и становилось, как бы, легче дышать, одолевавшее меня беспокойство постепенно рассеивалось, полет проходил нормально, и я даже позволил себе немного расслабиться, любуясь этим величественным пейзажем гор и долин. Вверху, над нами, тянулся белый инверсионный след самолета, идущего параллельным курсом на большой высоте. «Вот кому хорошо, – подумал я, – набрал себе десять тысяч метров, и плевать ему на эти горы, долины, ущелья и перевалы, а тут порхаешь меж холмами, как воробей».

Сравнение себя с воробьем привело в уныние. «Нет, – решил я, – какой воробей? Причем здесь, вообще, воробей? Придет же в голову такое! Ни какой я не воробей – орел! Горный орел, парящий между скал! Ну, да – орел, орел-кукурузник! Ну, и что? Подумаешь, «кукурузник»! Все-таки, лучше, чем орел-стервятник!» Тоска по большой авиации нет-нет, а иногда, давала себя знать. Снова заныло, защемило что-то в груди, снова захотелось ощутить в руках штурвал тяжелого реактивного лайнера, для которого перелететь эти горы, все равно, что перешагнуть бугорок на дороге. Другие скорости, другие высоты, другое ощущение мира.

Да, за время работы в отряде я стал по-другому относиться к малой авиации, я проникся к ней уважением, и с теплотой смотрел на эти маленькие, незаменимые на многих работах машины. Но большая авиация навсегда осталась в моей душе, и если бы сейчас предложили перейти на Ил-76, я бы ни за что не стал колебаться. Согласился бы с радостью. А может, нет? Я уже, как-то, душой прирос к этому аэродрому на острове, к этой работе, к ребятам. Нет, пожалуй, остался бы. А впрочем, чего я об этом думаю? Ведь никто мне ничего не предлагал, да и никогда не предложит.

Ближе к Южногорску погода ухудшилась, над землей, на высоте триста метров, нависли сплошные, серые облака. Но мы уже миновали горы, и их отроги, покрытые осенней позолотой лесов, сбегали вниз, к широким долинам. Мы шли между двумя горными массивами, с южной стороны поднимались суровые, неприступные вершины, покрытые вечными снегами. Но они уже не лежали на нашем пути, после Южногорска мы уйдем к океану, постепенно отдаляясь от берега, пока он и вовсе не скроется из виду, но потом сигнал приводной радиостанции на острове укажет нам путь. Я с радостью подумал, что теперь, наконец, у нас появится и ближний, и дальний привод. Радиомаяк, который закупили друзья Жан Поля в Дегире, мы везли с собой. Он так и не пригодился нам там, в долине. В экспедиции, которая должна была прилететь на Ан-30, уже не было смысла.

Несмотря на то, что Южногорск встретил нас неприветливо, настроение было приподнятое, ведь мы были уже почти дома. Тут уже никому не нужно было объяснять разницу между Ан-2 и Ан-22, можно было спокойно поболтать с ребятами, и даже возможность задержки вылета здесь не воспринималась так тоскливо, как если бы это было в Тангаре. Надвигались сумерки. Из-за низкой, сплошной облачности они наступали раньше, чем должны были наступить при ясной погоде. Но стрелка радиокомпаса уже указывала нам направление на дальний привод аэропорта, высота облачности и горизонтальная видимость, несмотря на стелившийся над землей неплотный туман, были выше минимума. Через несколько минут мы приземлимся.

Посадку разрешили. Вот-вот должна была показаться посадочная полоса. Вдруг резко ударили по глазам огни высокой интенсивности, указывающие направление к полосе. Диспетчер включил их, чтобы облегчить нам заход, но эффект получился обратный. Небольшой, легкий туман, висящий над самой землей, размывал огни, создавай марево, ореол, который слепил меня, и не давал рассмотреть саму полосу.

- Вот, черт! – проворчал я. – Надо попросить диспетчера, чтобы уменьшил яркость на две ступени!

Но не успел я это сказать, как яркость огней уменьшилась. Видимо, диспетчер в прошлом сам был пилотом, и понимал все без подсказок и просьб.

Вот уже показались огни посадочной полосы. Из сгущающихся сумерек возникла линия зеленых огней, обозначающая порог полосы, от которой тянулись две цепочки желтых, боковых огней, и цепь белых, расположенных по центру. Огни приближались, расступаясь в стороны, сливаясь в сплошные линии, плывущие нам навстречу.

Я жестом показал Жан Полю, чтобы он убрал газ. Лопасти винта, теряющего обороты, замелькали перед глазами, уменьшая прозрачность пространства. Следя за плывущей навстречу землей, расчерченной пунктиром боковых огней полосы, я добрал штурвал на себя, плавно подводя самолет к бетону, так, чтобы лишь по звуку колес, отсчитывающих стыки плит, можно было понять, что самолет уже не летит, а катится по земле.

- Ну, ты мастер! – с легким ехидством в голосе заметил Жан Поль, оценивая качество посадки. С моей точки зрения, она была безупречной. А Николай Иванович только тихо пробурчал: «Угу». Из его уст это «угу» звучало, как высшая похвала моей работы. Рудольф ничего не сказал по поводу посадки, он только вымолвил одну фразу, когда мы уже зарулили на стоянку:

- А пожрать бы не мешало.

- Погоди, успеешь еще пожрать, – ответил я, – нужно сперва Колю Клименко найти, вон, вертолет его на стоянке, значит, и он должен быть где-то здесь.

- Что? Коля Клименко здесь?! – в один голос воскликнули Валера и доктор Архангельский. – Что ж ты раньше ничего не сказал?!

- Не до того было, я еще много вам не рассказал, вы ведь даже не представляете, что мы нашли в горах, в одной пещере! Там хранятся древнейшие ведические тексты, как я понимаю, еще не известные ученым.

- И Вы об этом до сих пор молчали? – воскликнул профессор Мальцев.

- А что толку было говорить, когда мы были за четыре тысячи лет от них, – сказал Николай Иванович.

- Кто знает, – ответил профессор, – возможно, там мы были к ним гораздо ближе, чем здесь.

- Если найдем Колю, надеюсь, в ближайшее время, может быть даже завтра, он отвезет нас на ту площадку, где мы обнаружили пещеру с древними рукописями, – ответил я.

- А нет, так полетим туда на Ан-2, – добавил Николай Иванович.

- Как бы там ни было, – сказал Валера Матвеев, – а Колю нужно найти.

- Да найдем мы его, – заверил я, – мы договаривались о встрече на обратном пути, вот только не думали, вас встретим, и где? В глубине веков!

Я попросил диспетчера объявить по громкой связи, что мы ожидаем Колю Клименко, и через несколько минут после того, как объявление прозвучало во всех залах аэропорта, в диспетчерскую вбежал Коля. Увидев доктора Архангельского и Валеру Матвеева, он остановился, как вкопанный, окончательно обалдев.

- Ни фига себе! – крикнул он, кидаясь нам в объятия. – Кого я вижу! Вы-то откуда здесь взялись?

- Оттуда! – ответил Валера, тиская Николая. – Сейчас все расскажем, только сперва накорми гостей.

- Да мы сейчас такой стол организуем! Пошли ребята в ресторан!

И тут мы вспомнили, что не ели еще ничего с того времени, как вылетели из Дегира. В Тангаре, опасаясь, что не успеем по светлому времени дойти до Южногорска, мы даже не стали задерживаться на обед.

- Зиночка! – крикнул Коля, влетая в зал ресторана, как Су-27 на форсаже. – Срочно организуй столик! Выпивку, закуску, все как положено по высшему разряду! Я тут друзей встретил! Таких друзей, с которыми прошли и Крым, и Рим, и огонь, и воду, и медные трубы, как говорится! Так что, тащи на стол, Зиночка, все, что у тебя есть! А если нету чего, то достань и принеси, как говорится!

- Да есть у меня, все есть, – смеясь отвечала Зиночка, – присаживайтесь за столик, думаю, друзья твои будут довольны.

Там мы сдвинули два стола, и все: и экипаж самолета, и участники экспедиции, устроили маленький, но обильный банкет. Мы выпили за встречу, но когда Коля начал наливать по второй, Николай Иванович остановил его:

- Погоди, выпить мы всегда успеем, помнишь ту пещеру, где мы нашли древние рукописи?

- Естественно, – ответил Коля, – а что?

- Нужно завтра отвезти нас туда, показать эти документы профессору Мальцеву.

- Нет проблем, ребята, завтра же полетим, по три рюмочки бахнем, больше не будем.

- Хватит и по одной, – возразил Николай Иванович.

- Три рюмочки не повредят, не знаете разве, как пьют в авиации?

- Знаю, – вздохнул Николай Иванович, – потому и не пью, вообще не пью.

- Ну, это дело частное, а мы выпьем, – сказал Коля, наливая по второй.

Глядя на Николая Ивановича, я тоже отказался от второй рюмки.

- Ну вот, – грустно вздохнул Коля, – и ты туда же. Что мне одному пить? Ну да ладно, успеем еще выпить. Как говорится, «первым делом самолеты, ну а рюмочки – потом».

Но и без выпивки банкет удался на славу. Просидели мы в ресторане до поздней ночи, сидели бы еще, если бы не разогнал нас Николай Иванович.

Дежурный администратор аэропортовской гостиницы, разбуженная среди ночи, недовольно ворча, расселила нас по номерам. А через несколько часов, мы все уже собрались возле Колиного вертолета в ожидании вылета на плато.

Время шло, но Коли нигде не было видно, вертолет стоял с зачехленными стеклами кабины, не было никаких признаков, чтобы его готовили к полету. «Странно, – подумал я, – на Колю это не похоже, если сказал, что в восемь утра, то непременно в восемь и будет, как обещал, несмотря на то, что легли мы спать не то, чтобы поздно, но рано, рано утром». И тут я увидел его, он подбежал к нам, крича на ходу:

- Какого черта вы здесь стоите?! Технари уже движки прогрели, я вас жду, жду, а вы тут, у Ми-26-го собрались!

- Ты же сказал: «В восемь, возле моего вертолета», вот мы и ждем! – ответил я.

- Ах, черт! – Коля хлопнул себя по лбу. – Забыл вам сказать, что на «восьмерке» полетим, не гонять же такую махину впустую, без груза, пошли на шестую стоянку!

Ми-8 давно ждал нас на шестой стоянке, уже заправленный, подготовленный к полету.

Погода благоприятствовала, и вскоре разрешение на вылет было получено. Дрогнул винт, набирая обороты, лопасти с сабельным свистом рассекали воздух, сливаясь в сплошной, прозрачный диск. Коля вывел вертолет на исполнительный старт, и Ми-8 без разбега, с места, слегка опусти нос, оторвался от земли и, набирая высоту и скорость, взял курс в сторону гор, снежными вершинами сияющих в лучах восходящего солнца.

Была прекрасная погода, полный штиль, ни одного облачка на горизонте, и великолепная картина, написанная самым великим художником мира, предстала перед нами. Природа, устав от осеннего ненастья, отдыхала, вымытая дождями, и высуженная солнцем, которое уже не обжигает землю зноем, но еще ласкает ее своим теплом. Внизу под вертолетом лежали отроги гор, выкрашенные палитрой осенних цветов увядающей листвы, выше расстилалась вечная зелень сосен, которая сменялась голыми скалами, покрытыми снегом и льдом.

Вот показалась вершина, у подножья которой располагалась та самая площадка, что и была конечной целью нашего полета. Вертолет развернулся для захода на посадку, и вершина ушла вправо, скрывшись от моего взора, теперь она была прямо по курсу, я же, сидя в кресле по левому борту, не мог видеть ни вершины, ни площадки, на которую приземлялся наш вертолет. Вертолет уменьшил вертикальную и горизонтальную скорость, и я понял, что площадка, вот-вот должна показаться внизу. Промелькнул, ощетинившийся скалами обрыв, и площадка оказалась под нами. Вертолет завис, и плавно опустился на снег. Коля выключил двигатели, стих сабельный свист винтов, они обмякли, и обвисли, как руки великанов, уставшие после тяжелой работы.

Евангелие от Христа

- Боже мой! Красота-то какая! – воскликнул Коля, сойдя на площадку.

Воздух был чист и прозрачен, здесь, на высоте двух тысяч метров, небо выглядело ярко-синим, а не бледно-голубым, как внизу. Снег был ослепительно-белым, до боли в глазах, и без защитных очков невозможно было смотреть на сияние горных вершин, покрытых вечными снегами. Не теряя времени, мы отправились к той самой пещере, в которой в начале нашего пути мы обнаружили уникальные, древние документы, свидетельства существования цивилизации, от которой остались лишь легенды и предания.

В пещере, при свете нескольких фонарей, которые мы предусмотрительно захватили с собой, профессор Мальцев начал тщательно рассматривать древние рукописи.

- Вот посмотрите, – сказал он, – этот свиток совершенно не похож на все предыдущие! Совершенно другой материал, другой язык. Похоже, этот документ написан гораздо позже вед. Язык похож на тибетский.

Профессор склонился над свитком, внимательно изучая манускрипт, и вдруг воскликнул:

- Да вы хоть представляете себе, что это такое?! Если упоминаемый здесь пророк Исса Юз-Асаф, и есть Иисус Христос, а именно это утверждает Нотович в своей книге, то мы сейчас держим в руках Евангелие от Иисуса Христа! Военный журналист, Николай Нотович, в 1887 году опубликовал книгу «Неизвестная жизнь Иисуса Христа», написанную на основании документов тибетского монастыря, с которыми ему удалось познакомиться во время путешествия по Индии.

- Нотович утверждает, что Христос жил в Индии после библейских событий, умер своей смертью, и похоронен около города Кашмир, – сказал доктор Архангельский, – он пишет так на основании манускриптов, о которых ему рассказал лама монастыря Хемис, в Тибете. Копии этих рукописей хранятся в библиотеке Лхасы. Но каким образом подобные документы могли оказаться здесь?

- Кто знает, что здесь было двадцать веков назад? – ответил профессор.

Только потом, почти год спустя, профессору удалось выяснить, что когда-то, древние арии по пути в Индию долгое время жили здесь, около нынешнего Южногорска, и рельеф местности был иным, то, что сейчас выглядит, как плато, много веков назад было лишь возвышенностью в цветущей долине. Здесь, в этой пещере было святилище, или капище, в котором древние арии молились своим богам. Затем, века спустя тут находился буддийский монастырь, в котором и хранилась обнаруженное нами Евангелие от Христа. Природные катаклизмы изменили рельеф местности, но сохранили пещеру, и все документы, хранящиеся в ней, не пострадали.

- Недавно было обнаружено Евангелие от Иуды, в котором говорится, что Иуда предал Христа по его просьбе, – сказал профессор, – подлинность документа не вызывает сомнений. Интересно, что сказано об этих событиях здесь. Если оба документа не противоречат друг другу, то эта находка вызовет переворот в христианской религии.

- Иерархи церкви вряд ли согласятся с этими документами, даже если подлинность их будет доказана, – возразил доктор Архангельский, – об Евангелие от Иуды было известно много веков назад, хотя подлинник был обнаружен недавно. Но каноническими признаны лишь четыре Евангелие из пятнадцати, хотя утверждают, что их существует гораздо больше.

- Это уже не наше дело, – ответил профессор, – меня интересует этот документ не с точки зрения религии, а с точки зрения истории.

Профессор внимательно изучал документ, а мы смотрели на него с замиранием сердца и ждали, стараясь не дышать. Уникальность находки поразила нас, ведь до сих пор считалось и в религиозных, и в научных кругах, что сам Иисус Христос, как и Магомет, как и Будда, лично никаких записей не делал. Вполне возможно, что и этот документ написан не его рукой, и скорее всего, что это именно так, важно то, что события, произошедшие двадцать веков назад, описывались с точки зрения самого Христа.

- Так вот, – сказал профессор Мальцев, аккуратно свертывая свитки рукописи, – тут, конечно, много работы предстоит проделать и по восстановлению, и по переводу, но общий смысл документа мне ясен и сейчас.

Помните, что говорил нам жрец? Закон, данный людям Богом через Моисея, был намеренно искажен иерофантами древнего Египта. В этом документе сказано, что задачей Христа являлось очищение Закона, данного Богом, от искажений, внесенных жрецами Амона. Знания о мире, основные законы давались Богом людям по нескольким направлениям: ариям были даны ведические знания, которые они распространяли на пути своего следования их Гипербореи и Индию; а также давались знания людям через пророков в лице Моисея, Христа, Будды, Магомета, и других.

Иисус Христос в юном возрасте побывал в Индии среди тибетских монахов, где изучил ведические знания, затем вернулся к себе на родину. Для того, чтобы очистить Закон, недостаточно было распространять учение только среди народа. В то время в Иудее насчитывалось несколько религиозных течений, по-разному трактующих Закон. Среди них были: саддукеи, фарисеи, ессеи, зелоты, назареи. Первосвященник, обладавший высшей религиозной властью, представлял течение саддукеев. Они считали себя самыми ревностными хранителями Закона, понимая буквально каждую фразу из Торы. Они признавали только письменный Закон, отрицая Закон устный, который признавали фарисеи. Именно они, фарисеи и саддукеи, играли определяющую роль в идеологии народных масс. Их должен был убедить Иисус в том, что Закон искажен намеренно, теми, кто претендует на право управления миром.

Он не мог просто придти на прием к Каиафе, и поделится с ним своими мыслями. Первосвященник ни за что не стал бы беседовать с бродячим проповедником. Представьте себе: мог бы представитель какой-либо религиозной секты попасть на прием к митрополиту всея Руси? Первый же чиновник от церкви, к которому он вынужден был бы обратиться с данным вопросом, отправил бы его куда подальше. Другое дело, если среди служащих митрополита у вас есть свой человек, можно попробовать договориться о встрече.

Иуда был вхож к первосвященнику, и Иисус попросил его организовать ему встречу с Каиафой. Но Каиафа, ни под каким видом, не хотел беседовать с тем, кого считал еретиком, не достойным аудиенции первосвященника. Он бросил Иуде примерно такую фразу: «Я буду говорить с этим еретиком, только тогда, когда его приведут ко мне

под стражей!». У Христа появилась надежда на то, что первосвященник все-таки выслушает его, хотя бы на таких условиях. И он согласился.

Конечно, он понимал ту степень риска, на который он шел, приняв такое решение. Он знал, что если состоится суд синедриона, то по закону ему не смогут предъявить обвинения, которые караются смертью. Он не совершал ничего, за что должно последовать наказание. Но это по закону. Иисус понимал, что его могли убить и не доведя до Каиафы, могли состряпать ложное обвинение. Короче говоря, и в те времена, как и сейчас, существовало множество способов избавиться от неугодного человека, минуя закон.

Некоторые меры безопасности он все же принял. Иисус сделал так, что арест его состоялся в присутствии учеников, это гарантировало то, что его уже не смогут убить тайно, без суда и следствия. Вот почему он молил Бога – «да минует меня чаша сия». Человек, идущий на верную смерть, не станет молить Бога о пощаде, он знает, что другого варианта просто не существует. Солдат, который бросается под танк с гранатой, не надеется та то, что случай спасет его, даже если граната не взорвется, танк все равно его раздавит.

А тут были варианты. Потому и молился он о благоприятном исходе своей миссии. Ему все-таки удалось побеседовать с Каиафой, более того, ему удалось убедить его в том, что первосвященник является лишь марионеткой в руках тех, кто действительно правит миром. Если бы ему не поверили, то в казни не было бы никакого смысла. Ему поверили, но испугались тех сил, с которыми придется столкнуться, если они пойдут по пути, предложенному Иисусом. Поэтому и решено было Христа предать смерти, а об учении его забыть навсегда. Священники синедриона нашли лжесвидетелей, и пытались под пытками вырвать у Иисуса признание в том, чего он не совершал. Но никакие пытки не сломили его волю, и добиться признания в том, за что могли бы приговорить к смерти, не удалось.

У иудеев было в то время два способа казни: побитие камнями и вливание в горло расплавленного металла. Распятие – это был исключительно римский способ. Не добившись ничего, священники отдали Христа на расправу римлянам, обвинив в том, что Иисус подстрекает народ к восстанию против римского владычества.

Хватало и таких проповедников среди иудеев. Их римляне казнили без суда и следствия, распинали на перекладине в виде буквы «Т», но не на кресте, как считается в христианской религии. Крест – это языческий символ, символ солнца. Когда на Никейском соборе Христа большинством голосов назначили на должность бога, римское орудие казни – перекладина, превратилось в божественный символ – крест.

Но Иисус Христос не был распят римлянами. Иудейские священники просчитались, они не знали, что еще до ареста Иисуса, Понтий Пилат беседовал с ним, и признал то, что его учение никаким образом не может угрожать римскому владычеству в Иудее. Об этом он написал письмо императору Тиберию. Письмо это хранится в библиотеке Ватикана.

Никакого суда над Христом у Понтия Пилата быть не могло. Иудеи не были гражданами Рима, для римлян они были варварами, дикарями, и не могли рассчитывать на суд согласно римскому праву. Тех, кто обвинялся в преступлениях против римской империи, казнили без суда и следствия властью центуриона. Прокуратор не занимался лично судьбой каждого иудея, обвиняемого в покушении на римскую власть. Но тут был особый случай, Понтий Пилат лично знал обвиняемого, и считал его невиновным. Прокуратор отчитывался только пред кесарем, а перед ним он уже оправдал Христа, потому он его просто отпустил.

Сцену из Евангелий, где Пилат обращается к народу, с вопросом: «Кого вам отпустить?», где умывает руки, публично отрицая свою вину в казни невиновного – это можно отнести лишь к фантазии авторов. Приняв решение, он не стал бы советоваться с народом, который презирал и ненавидел, считал дикарями и варварами. Должность прокуратора соответствовала должности гаулейтера в фашистской Германии. А гаулейтер никогда лично не занимался судьбой каждого пойманного партизана, и уж, тем более, не мог снизойти до того, чтобы обратиться к народу покоренной страны за советом.

И в данной рукописи ничего похожего нет, как нет упоминаний о казни Христа и во многих других, не ставших каноническими, евангелиях, здесь сказано, что Понтий Пилат, не признав вины, отпустил Иисуса Христа. Но истерзанный пытками во время суда синедриона,

он не мог идти сам. Его последователи положили тело на плащаницу, и унесли на ней, как на носилках. Кровоточащие раны и оставили следы на плащанице, мертвое тело не могло бы оставить таких следов. Таким образом, знаменитая Туринская плащаница действительно хранит следы, оставленные на ней телом Иисуса Христа, но не мертвого, а живого. После того, как раны зажили, он отправился в Индию, где стал известен под именем Исса Юз-Асаф. Там он, продолжая свое учение, прожил до глубокой старости, умер, и был похоронен в местечке Шринагар возле города Кашмир.

- Так, кто же тогда был распят на Голгофе? – спросил я профессора.

- Варавва. Имя его, как и имя Христа, было Иисус, что и внесло путаницу. Они оба происходят из рода царя Давида, отцов обоих звали Иосиф. Но это разные Иосифы, род Вараввы и Христа расходится на двадцать пятом поколении, если считать назад от их рождения. По сути дела Варавва был дальним родственником Христа, он принадлежал к зелотам, радикально настроенным по отношению к римскому владычеству, и значительная часть населения связывала свои надежды с Вараввой, как с мессией, способным поднять восстание против поработителей.

- Как Вы думаете, – спросил Николай Иванович, – это подлинные документы, или удачная подделка?

- Я ничего сказать не могу по этому поводу, для того, чтобы определить подлинность документов, нужна очень серьезная исследовательская работа. Жаль, что забрать эти документы мы сейчас не сможем, необходимо вызывать самолет из Москвы со специальными контейнерами. Документы эти хорошо сохранились только потому, что находились в этом каменном склепе при постоянной температуре и влажности, если их вынести из пещеры, то с ними может случиться то, что произошло с Евангелие от Иуды. Рукопись была найдена в пещере пастухами. Потом она досталась «черным археологам», которые пытались ее продать за большие деньги, не особенно задумываясь о сохранности этого уникального документа. В руки ученых, рукопись попала в ужасном состоянии, теперь ее собирают по кусочкам.

Мы сфотографировали рукопись, и вернули ее туда, где она покоилась на протяжении многих столетий. Николай Иванович, аккуратно складывая рукописи, вдруг воскликнул:

- А ведь здесь не все документы! Нет карты Меркатора! А ведь она была, я точно помню!

- Посмотрите внимательней, – ответил я. – Я тоже помню эту карту. Не могла же она исчезнуть.

Мы все тщательно перебрали все документы – карты не было.

- Ты говорил кому-нибудь о нашей находке? – спросил я Колю.

- Нет, никому не говорил. Да сюда никто и не доберется без моего вертолета.

- Но ведь можно же из долины подняться на плато?

- Можно, но зачем? Альпинисты этим маршрутом не ходят.

- Как не ходят? А та группа, которую мы снимали отсюда?

- Это последняя группа. После этого маршрут закрыли. Официально. Именно после того, как вы документы обнаружили, чтобы поменьше народу лазало вокруг пещеры.

- Но кто-то же здесь побывал! Не могла же карта сама по себе исчезнуть!

- Там, в долине, – сказал Коля, – живет какой-то монах-отшельник. Может его работа?

- Ну так навестим этого монаха, он с людьми общается?

- Да, к нему приходят люди с различными вопросами. Говорят, он разных болезней лечит, в трудной жизненной ситуации может помочь. Слывет целителем, мудрецом, в помощи никому не отказывает. Денег не берет, только продукты, по потребностям, не больше.

- И какой же он веры, этот монах?

- Да Бог его знает! Он с представителями всех концессий общается. Говорят, что все учения он знает одинаково хорошо. Для него, что Христос, что Магомед, что Будда – не имеет значения. Для каждого свой язык найдет. Православные называют его – Отец Петр. Ходят разговоры, будто бы это сам апостол Петр.

- Но апостола Петра распяли.

- Христа тоже распяли, а если верить найденным рукописям, то он остался жив.

- Как бы там ни было, но Петра этого надо навестить. Знаешь, где его скит находится?

- Еще бы. Сам не раз туда людей отвозил.

- Тогда не будем терять времени, отвези нас в долину, к этому святому Петру.

Мы вышли из темной пещеры. Яркий дневной свет ударил в глаза, здесь был другой мир, светлый и живой, прямо противоположный мертвому мраку подземелья.

Покаяние грешника

Вертолет взлетел, развернулся над площадкой, и устремился вниз, в долину, где жил этот таинственный монах. Коля посадил Ми-восьмой на поляне, недалеко от скита – небольшого бревенчатого дома в славянском стиле. Несколько человек сидели на траве перед домом в ожидании.

- Отец Петр сейчас не принимает, – предупредили нас, – он молится.

- Мы подождем, – ответил Николай Иванович. – У нас к нему всего один вопрос.

Но долго ждать не пришлось, не успели мы подойти к дому, как монах сам вышел нам навстречу, и жестом пригласил войти. На нем была обычная полотняная рубаха, и такие же полотняные штаны. Не было у него ни бороды, характерной для православных священников, ни специфической «прически» буддийских монахов. Внешний вид его напоминал скорее крестьянина, чем священника. Да и столетним старцем он не выглядел. На вид ему было лет сорок – сорок пять.

Мы вошли, поклонились, приветствуя монаха, и остановились, не зная, как и на каком языке к нему обращаться.

- Говорите, я слушаю вас, – сказал он на русском языке.

Профессор Мальцев начал пространные рассуждения о религии, о святынях, о древних рукописях, не упоминая ни о пещере, ни о манускриптах, найденных в ней. Ведь если монах ничего об этом не знает, то стоит ли о них говорить? Но отец Петр сам начал разговор:

- Вы хотите спросить меня о тех рукописях, которые вы нашли в пещере на плато? Да, я работаю с ними. Я беру их, но потом возвращаю обратно. Там, в пещере идеальные условия для хранения древних манускриптов. Постоянная температура и влажность.

- Карта Меркатора сейчас у Вас?

- Да, и не только она. Но я уже закончил работу с ней, и могу вернуть ее прямо сейчас. Хочу вас предупредить, если собираетесь изъять документы, нужен специальный контейнер, обеспечивающий постоянную температуру и влажность. Иначе древние рукописи могут просто превратиться в прах. С самыми древними документами я работаю на месте, не выношу их из пещеры.

- Откуда Вы знаете, что мы обнаружили эти манускрипты, и с каким вопросом явились к Вам? – спросил доктор Архангельский.

Отец Петр усмехнулся:

- Видите ли, я обладаю некоторыми способностями, знаю о событиях, которые произошли, и которые должны произойти. Люди называют это ясновидением, хотя это несколько другое, но не важно. Я знаю, кто вы, и откуда пришли.

- А Вы, кто Вы? – воскликнул Станислав Викторович. – Отчего так знакомо мне ваше лицо? Где я мог видеть Вас? Мы могли с Вами где-то встречаться?

- Могли, но не встречались. Мы разминулись в веках на несколько десятилетий.

- Но где же я мог видеть Ваше лицо?

- Только на фото, на фото из архивов.

- Фотографии из архивов «Аненербе»?

- Именно.

- Вы – Петер Клаус?

- Да, я Петер Клаус, один из самых великих грешников на этой Земле. То, чем занимался я в рейхе, вы знаете, сейчас мой удел – покаяние.

- Вы были «там»?

- Да, я был «там», в Шамбале, я один из всех, кому удалось вернуться обратно.

- Так это Вы выпрыгнули с парашютом из «юнкерса», когда в него попала молния?

- Да, я. Только не тогда, когда ударила молния, а раньше, за несколько минут до этого. Я знал, что нас не выпустят оттуда. Знал, и говорил остальным, но они не верили. Тогда я покинул машину. Когда уже открылся купол, я увидел, как молния ударила в самолет, и он упал в долину. Мне не повезло. Парашют зацепился за скалу. Я повис над пропастью. Но я опытный альпинист. Раскачался на стропах, и вцепился в скалы. Потом снял подвесную систему. Это был самый опасный момент. Одно неосторожное движение, и я мог бы сорваться. Потом спуск, сложный, долгий, смертельно опасный. Но все-таки я спустился. Иногда думаю, лучше было бы погибнуть.

- Мы считали Вас погибшим. Почему Вы не вернулись к самолету за камнем? Ведь именно ради него вы отправлялись туда?

- Да, ради него. Но я и не думал за ним возвращаться к самолету. Я знал, что тот, кто завладел камнем, никогда не выйдет из долины. Боги не выпустят его. Я не хотел повторения участи тех, кто остался в самолете.

- Но там, на базовой площадке, оставались двое ваших товарищей. Почему вы не вернулись за ними?

- Когда мы взлетали у монастыря, я уже знал, что те двое мертвы. Знал, что никто из нас не выйдет живым. Те, кто сумел прикоснуться к древним тайнам – обречены. Я говорил, что нужно непременно вернуть камень, но меня не послушали, тогда я воспользовался парашютом.

- Но ведь Вы были руководителем экспедиции, почему же Вам не подчинились остальные?

- Я был лишь формальным руководителем, фактически всем руководил командир самолета, Отто Шварц. Это был человек Скорцени. Доверенное лицо Гитлера.

- Как же Вам удалось вернуться в наше время, ведь канал был закрыт?

- Вероятно, так же как и вам. Но до этого я несколько лет скитался по этой долине. Я нашел то, ради чего и была направлена туда наша экспедиция. Я нашел «ось мира», и думал, что могу оттуда управлять временем, могу вернуть мир в 1939 год, как хотел того Гиммлер. Но вышло не так. Мне не дали изменить прошлое даже на секунду. Когда я добрался до того места, откуда можно было управ-

лять временем, мы называли его «осью мира», мысли остановились. Я не смог произнести те мантры, которые должны были изменить ход времени. Я вообще ничего не мог. Я знал, что сюда уходили умирать жрецы, имеющие высшую степень посвящения. Я готов был умереть, но умереть здесь мог только святой. Ни жизнь моя, ни смерть не нужны были высшим силам.

Потом я понял, что для того, чтобы изменить время, не нужно искать Шамбалу, «ось мира». Управлять временем можно отовсюду, но не всем. Только Боги и святые обладают тайнами управления миром.

- И тогда Вы решили стать святым?

- О нет! Ось мира действительно существует, она проходит сквозь все времена: прошлое, настоящее и будущее. Ось мира – это то место, где заканчивает перевоплощения душа, исполнившая свою миссию на Земле. Тогда душа эта приобщается к Богу, и становится частью его.

Но я свою душу продал дьяволу! Тело мое не стареет, я такой же, как на том фото, сделанном в сорок втором году, я буду жить вечно. А душа? Сам не знаю, есть ли она у меня теперь. Пять лет скитался я в глубине веков, жил с кочевниками, к свангам обращаться боялся. Они сразу бы поняли, кто я. Они чувствуют, кто пришел с добром, кто со злом. Потом я нашел «ось мира». Когда я вернулся к кочевникам, и сказал, что был там, где кончается всё, они не поверили. Все, кто уходили туда, умирали. Я рассказал им все, что видел там, что чувствовал. Тогда они решили, что я умер, и воскрес. Наверное, они правы, но только в одном. Я действительно умер, душа умерла. А тело стало бессмертным. После посещения этой долины я вдруг понял, что могу вернуться в свое время. Я знал, как это сделать. Меня отпустили. Но я никому не нужен, ни там, ни здесь.

Два года жил в Дегире, пока не удалось добраться сюда. Там я узнал, что закончилась война. Я был нацистским преступником, мне нельзя было возвращаться в Европу. Да и в Дегире оставаться было опасно. Нужно было попасть в Аргентину, но как добраться? Регулярного сообщения с внешним миром тогда не было. Да и что это бы мне дало? Купить билет на самолет за немецкие марки по удостоверению штандартенфюрера СС?

Однажды американский Дуглас выполнял коммерческий рейс с посадкой в Дегире. Я уговорил пилота взять меня на борт. Пилот был американцем, но я сразу понял – он русский. Я хорошо знаю русских, учился в России до войны, работал военном НИИ. Занимался сбором разведданных. Непосредственным моим начальником тогда был Канарис. Перед началом войны меня отозвали, перевели из абвера в лабораторию «Аненербе». Так что, русских я знал хорошо. На этом и сыграл. Представился ему русским солдатом, заброшенным судьбой в эти края. Я знал, что это сработает. Он взял меня на борт.

Потом, в полете у Дугласа что-то случилось с мотором, и он приземлился здесь, в Южногорске. Мотор починили, Дуглас улетел. А я остался. Не нужна мне ни Европа, ни Аргентина. Мой удел – покаяние. Я это понял еще там, в Шамбале. А тут идеальное место для общения с Богом. Я молился, и Бог услышал меня. Я обнаружил эту пещеру давно. Читая эти рукописи, я понял многое, я судил себя так, как не осудит ни один суд. Самое страшное, к чему может приговорить суд – это смертная казнь. Что мне смертная казнь, когда тело мое бессмертно, а душа отдана дьяволу?

Тогда я начал писать книгу. Это откровение великого грешника, евангелие покаяния. Я писал ее сорок лет. Вот, возьмите. Люди должны прочесть это. Находясь здесь, я изучил многие религии мира. Все они говорят об одном: люди должны стать людьми. Когда они перестанут быть стадом животных, толпой, когда осознают они свое предназначение на этой Земле, только тогда приблизятся они к Богу. Ни вождь, ни фюрер, ни церковь не приведут народ к счастью. Никто не сделает людей людьми, пока они сами не станут ими. Смерть – это еще не конец. «Люди будут искать смерти, но не найдут» – сказано в откровении от Иоанна. Люди не могут никак понять, что Апокалипсис – это только предупреждение. Предупреждение, а не предопределенность. Мир можно изменить, если люди изменят себя.

Те жрецы, которые взяли на себя роль управления миром, управление это уже потеряли. Они создали чудовище, которое пожрет их самих. Они только думают, что они управляют, как водитель, который мчится по горной дороге, и не знает, что у него отказали тормоза. Та элита, которая должна творить, управлять толпой, сама давно превратилась в толпу, способную только жрать, жрать и жрать. Она тупе-

ет и вырождается. Толпа, низведенная до уровня скотов, дойдя до отчаяния озвереет и растерзает элиту, как случилось это у вас в семнадцатом году, как случалось это во времена всех революций. Стремление к элитарности породило нацизм. С помощью генетики можно вывести совершенную расу, совершенное тело, но без души. Вместо расы господ получится раса моральных уродов, обладающих совершенными телами. Разделение общества на элиту и толпу – это тупик. Те, кто стремятся жить за счет других, рано или поздно превратятся в скотов.

Только один путь есть у человечества – люди должны стать людьми. Не под водительством вождя, а под водительством Божьим. И искать Бога нужно не в церкви, не в религиозных обрядах, а в своей душе. Когда каждый поймет это и изменит себя, тогда изменится и мир.

А теперь идите. Постарайтесь опубликовать эту книгу, люди должны прочесть ее. Еще в ней есть расшифровка и толкование древних рукописей, найденных в пещере. Думаю, моя работа поможет вам в изучении этих манускриптов.

- Вы давно работаете с древними рукописями, что в этой пещере? – спросил я.

- Достаточно давно, почти сорок лет.

- Странно, почему же тогда мы обнаружили эти документы только сейчас, ведь альпинисты и до этого не раз бывали в пещере, но хранилища не видели.

- После того, как я брал документ из хранилища, я закрывал его, и прикрывал сверху камнями, а тот раз не успел. Я увлекся работой с документами, которые не желательно было выносить. Они могли быть повреждены при изменении температуры и влажности. Так увлекся, что поздно почувствовал, что к пещере кто-то приближается. Обычно я чувствую это заранее. Я успел лишь закрыть плиту, но замаскировать ее не успел. Едва я вышел из пещеры, как вошли вы. Потому вы и обнаружили хранилище.

- А почему Вы его тщательно маскировали? Вы не хотели, чтобы древние знания стали доступны людям?

- Я боялся, чтобы эти документы не попали в руки случайных людей. Но теперь я спокоен, древние знания перейдут к достойным людям.

Когда мы вернулись в аэропорт, день уже клонился к закату, и посадочные огни полосы встретили нас в сумерках угасающего дня. Впечатления переполняли нас, и только когда Коля пошел в ресторан заказывать нам ужин, мы вдруг вспомнили, что с самого утра мы еще ничего не ели.

Женщина в красном

Мы ужинали, наполняя проголодавшиеся желудки произведениями местного кулинарного искусства. Несмотря на то, что погода вновь ухудшилась: поднялся ветер, низкая облачность заволокла небо, и завтрашний вылет был под вопросом, настроение наше оставалось приподнятым. Во-первых, мы были уже почти дома, а во-вторых, приключение наше окончилось вполне благополучно, нам удалось прикоснуться к тайнам мироздания, и хоть вопросов оставалось больше чем ответов, но мы все же заглянули за край бытия.

В голове не укладывалось в полной мере то, что мы действительно побывали в мире, отдаленном от нашего четырьмя тысячелетиями. Все это казалось каким-то странным сном, а мои видения и вовсе представлялись бредом воспаленного воображения: и эта женщина в красном – мой ангел-хранитель, и та Красная женщина – жрица Богов времени – может быть это всего лишь сон? Но то, о чем говорили они, оказывалось реальностью. Я уже начинал задумываться – а не пора ли мне показаться психиатру? Профессор Мальцев меня успокаивал, он говорил, что та, Красная женщина, вовсе не женщина, а некое существо из параллельного мира, которое сформировало образ женщины в моем воображении, подобный тому, который являлся мне в качестве ангела-хранителя. Но что означал образ той, моей женщины в красном, ни профессор, ни Семенов объяснить не могли. Володя говорил, что в его практике не было зафиксировано ни одного случая, когда ангел-хранитель являлся в виде какого-то образа. Чаще всего, люди слышали голос, как бы внутри себя, который предупреждал их

об опасности, или ощущали, что им не стоило делать того, что они собирались сделать в самое ближайшее время.

И тут я вновь увидел ее. Нет, это было не видение, я не спал, не дремал, не находился в каком-либо отрешенном состоянии, я просто сидел и беседовал с друзьями. Женщина, одетая в красное вечернее платье, медленно шла меж столиков к выходу. Еще не видя ее лица, я сразу понял, что это была она. Я заворожено смотрел на нее не в силах оторвать взгляд, но, похоже, никто из моих друзей ее не видел. Увлеченные разговором, они не обращали внимания ни на кого, кроме нашей компании. Она подошла к выходу, остановилась и обернулась ко мне. Она смотрела на меня все тем же печальным взглядом, и я уже ничуть не сомневался в том, что это была именно она. Я хотел было встать и пойти за ней, но не смог, я словно прирос к стулу. Затем она повернулась и ушла. Было странным видеть ее здесь в красном вечернем платье среди посетителей кафе, одетых в летные куртки, штормовки, и прочие одежды, весьма далекие от вечерних туалетов. Я понял, что если не найду ее сейчас, то больше не увижу ее никогда. Я встал, извинился, сказав, что сейчас вернусь, и направился к выходу. Я обошел все здание аэропорта, все два этажа гостиницы – ее нигде не было. Отчаявшись в своих поисках, я подошел к девушке, администратору гостиницы, и спросил:

- У вас не останавливалась женщина в красном вечернем платье?

- Вообще-то, в вечерних нарядах к нам никто не приезжает, не те здесь места. Но если скажете мне ее фамилию, имя, то я посмотрю в списках проживающих.

Естественно, ни имени ее, ни фамилии я не знал. Поморочив еще голову девушке описанием внешности своей незнакомки, и убедившись в полной бесполезности этой затеи, я ушел. Я вновь и вновь обходил все окрестности, но ни одну, хоть отдаленно напоминающую ее, женщину так и не встретил. Когда я вернулся в кафе, там уже никого не было, и я отправился в свой номер.

- Ты где был? – спросил меня Жан Поль.

- Да так, показалось, наверное, – ответил я.

Уснуть я уже не мог. Я лежал и думал о ней: «Кто она, почему ее никто не видел, кроме меня, что хотела сказать мне она на этот

раз?» А может быть, я просто схожу с ума? Но нет, на этот раз я действительно видел ее! Не призрак, не образ, рожденный воспаленным воображением, а реальная, живая женщина прошла передо мной, прошла и исчезла, и, наверное, уже навсегда. Я встал, оделся, и вышел на улицу покурить. Сквозь разрывы облаков виднелись звезды, погода улучшалась. Скорее всего, завтра мы сможем вылететь, но на этот раз меня вовсе не радовало то, что не будет задержки с вылетом. Я знал, что если не найду ее, то больше уже никогда ее не увижу. А может быть, я опять гоняюсь за призраками? Ведь, кроме меня, ее никто не видел! Не может быть, чтобы на нее не обратили внимания, она, в вечернем платье, среди будничной, обычной суеты, не могла не вызвать удивления. Но никто не удивился, никто не повернул головы, все были заняты своими делами, будто бы ее вовсе не было! Значит, видел ее только я? Наверное, я просто схожу с ума, все это заметили, но никто не подает виду, все пытаются найти какие-то объяснения моему бреду, чтобы не травмировать меня.

В таком кошмаре прошла вся ночь. Наутро я злой, раздраженный, с больной головой стоял с ребятами на стоянке нашего самолета. Мы готовились к вылету. Когда, наконец, все уже было готово, вдруг куда-то запропастился Жан Поль. Его не было почти полчаса. Я уже начинал нервничать.

- Ну где его черти носят? – ворчал я, – его кто-нибудь куда-нибудь посылал?

- Не знаю, – сказал Рудольф, – я лично, его никуда не посылал, хотя мог бы послать, сам знаешь куда.

- Да не до шуток мне, я серьезно спрашиваю! Николай Иванович, куда этот чертов француз подевался?

- Понятия не имею, – ответил Николай Иванович, – только что здесь был.

Наконец он явился. Он не шел, он летел к самолету, расплываясь в блаженной улыбке. Мы не успели еще ничего сказать по поводу того, что о нем думаем, как он выпалил сходу:

- Николай Иванович, Сережа, пассажира возьмем?

Я озверел. Мало что он задерживает вылет, он еще и пассажира хочет нам навязать:

- Какого пассажира? Ты что обалдел? С каких это пор мы стали пассажиров возить? Мы что, рейсовые полеты выполняем по маршруту Южногорск – Неизвестно куда? На каком основании мы будем перевозить пассажиров? Мы что, по-твоему, генеральный перевозчик авиакомпания «Харон»? Мы, между прочим, на остров летим, где никаким пассажирам делать нечего!

- Да не злись ты, Сережа, – ответил Жан Поль, – ей именно и нужно на остров, вернее на метеостанцию, которую мы обслуживаем.

- Что? Ей? – возмутился я. – Так это еще и женщина? Да ты в своем уме? Да наш Ан-2 – это почти что военный корабль, так сказать, боевая единица! Какая может быть женщина на корабле? Мы выполняем особое научное задание, можно сказать, секретное! – меня несло. Вся злость и нервное напряжение бессонной ночи вылилось на бедную голову обалдевшего француза. Я порол полную чушь, я кричал, возмущался, орал.

Женщина, о которой говорил Жан Поль, была метеорологом, ей нужно было добраться до метеостанции в горах. В принципе, туда из Южногорска можно было попасть или сухопутным путем, при этом нужно было четверо суток тащиться на автомобиле по горной дороге, да еще неизвестно, сколько ждать оказию, ведь регулярного сообщения не было, или по воздуху. Но на метеостанцию летал с острова только наш отряд. В Южногорск с острова тоже, кроме нас, никто не летал. Так что Жан Поль имел все основания предложить девушке наши услуги, и мои возражения, тем более выраженные в такой форме, были совершенно не уместны.

Николай Иванович, глядя на наш спор, смеялся.

- Ну, что вы смеетесь? Разве я не прав? – сказал я Николаю Ивановичу. Я знал, что был не прав.

- Выражение мне твое понравилось – «генеральный перевозчик авиакомпания «Харон»! Хорошая была бы реклама! А, вообще-то, ты неправ, зачем же заставлять хрупкую женщину трястись в каком-то грязном грузовике по горной дороге целых четыре дня, да еще месяц ждать, когда кто-нибудь поедет в ту сторону?

- А, с чего вы взяли, что она хрупкая? – возразил я, пытаясь завершить спор шуткой. – Может быть, она весит больше, чем все наше оборудование.

- Не может такого быть! – включился в наш разговор Семенов. – Иначе Жан Поль не обратил бы на нее никакого внимания, и тогда за нее хлопотал бы Рудольф.

- Ну давай, веди свою пассажирку, – сказал я Жану, – да не забудь ее в полетный лист вписать, билетов на наш рейс еще не продают.

- А я уже вписал! – радостно сообщил он.

- Ну, ты пострел!

Жан Поль исчез, и через несколько минут вернулся. Он шел, неуклюже взвалив на одно плечо рюкзак пассажирки, неся в другой руке ее дорожную сумку. Женщина шла рядом. Я посмотрел не нее и обмер. Это была она! На этот раз на ней не было вечернего платья, она была одета в брючный костюм и обычную штормовку, но я все равно узнал ее. Я узнал бы ее лицо среди тысяч лиц, по тому необыкновенному взгляду, который будоражил мое воображение, будил в душе какие-то странные, непонятные чувства, наполняя ее тихой, светлой грустью. Взгляд ее был, как прежде, печален, но она смотрела на меня и улыбалась, легонько, краешком губ.

Все дружно бросились помогать ей устраиваться, проявляя при этом максимум галантности и учтивости, все мужчины нашего экипажа и члены экспедиции, отвыкшие от присутствия представительниц прекрасной половины человечества, обходились с ней, как с английской королевой. И только я стоял как чурбан, не понимая, что происходит.

Когда прекрасная незнакомка разместилась в фюзеляже нашего авиалайнера, ребята набросились на Жан Поля с вопросами, понизив голос до шепота:

- Где ты ее нашел?

- Да она вчера была в нашем кафе! Вы сидели, болтали, и ничего не заметили! На ней было дивное вечернее платье. Такая орхидея серди нашего чертополоха! А как она смотрела на меня! Это был взгляд, перед которым не устоит ни один француз! Я проводил ее до дому, она снимала комнату в частном доме, рядом с аэропортом. По дороге узнал, куда она направляется, и предложил лететь с нами.

- Да видели вчера мы твою орхидею, – ответил Николай Иванович, – но не совсем прилично было так пялить на нее глаза, как ты. Ну

решила девушка пойти к кафе в вечернем платье, не понимая, что это не Москва или Питер, а забытый Богом и людьми Южногорск. Зачем же ее смущать своими взглядами? Только ты у нас один такой шустрый!

И тут до меня, наконец, дошло. Ее видели все, но делали вид, что не обращали на нее внимания, чтоб не смущать. В Южногорске, правда в центре города, был один единственный ресторан, в которой было уместно пойти в вечернем туалете. Но кафе аэропорта посещалось, в основном, экипажами самолетов, работниками порта, альпинистами и туристами. Заходили просто поесть или посидеть с друзьями за рюмкой, в той одежде, которая была на них в данный момент. Пока я сидел и хлопал глазами, не решаясь подойти к той, образ которой постоянно преследовал меня, Жан Поль тихо, незаметно покинул наш столик и отправился за ней. Вот почему я нигде не мог ее найти. Он увел ее у меня, буквально из-под носа! Моя таинственная незнакомка приехала сюда еще до закрытия сезона, когда небольшая гостиница была забита альпинистами, и она сняла комнату неподалеку. Теперь гостиница, в которой находили приют прибывающие сюда альпинистские группы, с закрытием сезона опустела. Путь в горы начинался вблизи аэропорта, да и часто вертолеты развозили алипинистов по высокогорным базовым лагерям. А в городе им было делать нечего. Город, если его так можно было назвать, располагался в узкой долине реки, разбросав свои дома по склонам холмов, окружавших долину. Настоящие горы начинались за аэропортом.

Когда-то, еще в советское время, здесь решили построить сеть горнолыжных и альпинистских баз на уровне международного класса. Условия были самые подходящие, смущала лишь отдаленность района. Но поскольку гражданской авиации советских времен все расстояния были нипочем, то проект решили начинать с аэропорта. Параллельно старой полосе, способной принять только Ан-24, построили новую, оборудованную всеми световыми и радиотехническими средствами, соответствующими международным стандартам. Планировалось также строительство нового здания аэровокзала и гостиничного комплекса. Но после так называемой перестройки об этом проекте забыли. Бизнесмены, вкладывающие деньги в туристский бизнес, осваивали районы, находящиеся поближе к Европе, и город, начавший уже

расцветать, вновь зачах, так и не дождавшись своего часа. Так от грандиозного проекта осталась только одна, построенная на современном уровне взлетно-посадочная полоса, на которую теперь гордо выруливал наш Ан-2. И все же альпинисты не забывали этот край. Здесь проходили одни из самых сложных альпинистских маршрутов, а добраться сюда было все-таки проще, чем в далекий Непал.

Весь полет проходил как во сне. Я ничего не соображал, пилотируя самолет автоматически. Все мои мысли были заняты этой таинственной женщиной в красном. Я никак не мог решить, что мне делать. Как подойти к ней, что сказать, и могу ли я вообще с ней говорить, имею ли право сказать ей о себе. Она меня узнала, безусловно, это была она, та, что грезилась мне во снах и наяву, мой ангел-хранитель, та, которая не раз предупреждала меня об опасности. И вот, теперь она здесь, рядом, летит с нами. Что же мне делать? Как поступить? Что должен я сказать ей? А, может быть, ничего и не нужно говорить? Но я чувствовал, что должен был сделать ей какой-то шаг навстречу.

Я был рассеян до такой степени, что даже отмочил при посадке «козла»[42], чего раньше со мной никогда не случалось. Жан Поль не преминул съехидничать по этому поводу, сказав, что, видимо, присутствие дамы серьезно вредит моему летному мастерству, и он теперь понимает, почему я так возражал против пассажирки. Я ничего ему не ответил, мне было не до него.

Когда мы выгрузились из самолета, Николай Иванович сказал нашей попутчице, что ее смогут доставить на метеостанцию только через три дня, когда Жан Поль полетит туда на Як-12, а пока предоставил ей отдельный домик. Я подхватил ее рюкзак и дорожную сумку, решившись все-таки ее проводить. Я опередил Жан Поля на какое-то мгновение, и он, не ожидавший от меня такой решительности, так и остался стоять возле самолета с открытым ртом.

Мы шли рядом и молчали. Я не знал, что ей сказать, я ждал, что она заговорит первой, но она также шла молча. И тогда я решил, я сказал первое, что могла придти на ум:

---

[42] Козел – ошибка пилота при посадке, при которой самолет, коснувшись земли, вновь поднимается в воздух.

- Скажите, а мы не могли с Вами видеться прежде?

- Могли, мы виделись, – ответила она.

- А где же мы могли с Вами встречаться?

- А мы не встречались, для того, чтобы видеться, вовсе не обязательно встречаться, человек видит не только глазами, но и душой.

Она повторила слова старухи Изель, которая объясняла нам, как можно уберечься от того, чего нельзя увидеть глазами. Сказала она это просто и спокойно, как говорят о чем-то само собой разумеющимся. Мы вошли в дом, я поставил ее вещи, и не знал, что мне делать дальше. Извиниться и уйти, или продолжать разговор. Нужно, наверное, продолжать, но я не знал что сказать, а она опять молчала.

- А это Вы были тогда там, в том городе? – спросил я.

- Нет, – ответила она тихо и спокойно, – в том городе меня не было.

- А откуда Вы знаете, о каком городе я говорю? Вы знаете, где я был?

- Нет, – ответила она также тихо, – я не знаю, что это был за город, и где он, но я знаю, что Вы там были. Это был какой-то странный, непонятный город, в нем все было не так.

- А откуда Вы знаете меня?

- Это было давно, очень давно, – сказала она, – сначала я еще не знала Вас, но везде ощущала Ваше присутствие: и в облаках, плывущих над землей, и в синеве неба, и шепоте трав, и в шелесте дождя. Давно, с самого детства, мне часто снился один и тот же сон. Мне снился горящий самолет. Он горел и падал, и леденящий, пронизывающий ужас охватывал мою душу. Я знала, что что-то страшное, очень страшное должно случиться с тем, кого я еще не знаю, но чье присутствие ощущаю везде. Потом Ваш образ стал являться мне, сначала он был размытым, нечетким, я не могла еще видеть лица, но я чувствовала Вас, я знала, что Вы есть где-то на земле, и что Вы также чувствуете меня. Потом я увидела ваше лицо, ваши глаза, они были полны усталости и печали, я понимала, что Вам многое довелось пережить. Горящий самолет и Ваш образ слились в одно, и уже не возникали отдельно друг от друга, я понимала, что что-то непременно должно было случиться с Вами, и я старалась Вас спасти.

Накануне того утра, когда произошла катастрофа, я пыталась предупредить Вас, я собрала все свои силы, и поняла, что Вы тоже увидели меня. Вы смотрели на меня, и молчали, и я ничего не могла Вам сказать, тогда я еще не умела. Потом я увидела, как падал горящий самолет с отвалившимся крылом, и Вас. Я смотрела на Вас, я прощалась с Вами, и я знала, что Вы тоже видели меня в тот момент. Я молилась всем Богам, я просила их спасти, защитить Вас, и они услышали меня. О катастрофе я узнала из газет, и поняла, что Вы живы.

Потом Вы оказались в том городе, я не знаю, что это был за город, но он был очень странным, в нем происходило что-то, чего не должно было происходить. Я знала, что там Вам угрожает опасность, но я не знала какая. Я видела Вас в том городе, Вы сидели за столиком кафе, и какая-то женщина, очень похожая на меня, сидела напротив Вас. Но она Вас не видела, она не могла видеть, я не знаю почему, я только знаю, что видеть Вас она не могла. Потом она встала, пошла на остановку, и вдруг попала под трамвай. А, утром, на следующий день, я увидела ее снова, в том же кафе, она была жива и здорова, и я поняла, что и с Вами ничего страшного не случится. Вы были еще там, когда я вновь увидела во сне горящий самолет и Вас, но на этот раз сон уже не вызывал во мне того ужаса, что обычно, и я знала, что все кончится благополучно для Вас. Я хотела сказать Вам об этом, я пыталась говорить с Вами, но не могла, тогда еще не могла, Вы смотрели на меня, но не слышали, но Вы уже знали, что что-то должно произойти. Я чувствовала, что все закончилось благополучно. Потом, через время, я снова ощутила беду. На этот раз я не знала, с чем она связана, это было что-то другое, страшное и неведомое, но я должна была обязательно Вам об этом сказать. Я не знала куда Вы летите и зачем, но точно знала, что туда лететь Вам нельзя. Я тогда уже научилась говорить с Вами, Вы слышали меня и отвечали, и я слышала Вас. Я говорила не словами, нет, а по-другому, я не знаю как, только знаю, что Вы смогли услышать меня, человек слышит не только ушами, но и сердцем. Я чувствовала, что Вы можете попасть туда, где я уже не смогу Вам ничем помочь, но Вы не послушали меня, Вы не возвратились. Потом Вы были где-то далеко, очень далеко, и какая-то другая, страшная женщина могла стать Вашей судьбой, и я уже была бессильна в том мире, где были Вы. Но Вы вернулись. Я знала, что когда-

нибудь мы обязательно должны встретиться с Вами, но я не могла знать, где и когда. Я окончила гидрометеорологический институт, и работала авиационным метеорологом в разных аэропортах, надеясь, что где-нибудь обязательно встречусь с Вами. Самолеты прилетали и улетали, там были разные люди, но только Вас не было среди них. И вот, меня направили работать на эту далекую метеостанцию в горах, я думала, что теперь уже никогда Вас не увижу. И вдруг, там, в Южногорске, ожидая попутного транспорта, я снова почувствовала Вас. Я знала, что это Ваш самолет заходит сейчас на посадку. Метеоусловия были сложными, низкая облачность, туман. Я увидела Вас, и то, как слепят Вас огни на подходе к посадочной полосе. Я попросила, чтобы они не слепили Вас, чтобы они уменьшили свою яркость, и просьба моя была услышана. Я специально надела то красное платье, в котором Вы привыкли видеть меня, и пришла в кафе, где Вы ужинали со своими друзьями. Но Вы не узнали меня, Вы смотрели на меня, но не пошли за мной. Зато, ваш друг нашел меня, от него я узнала, что только ваши самолеты летают туда, куда я направлялась.

Так, вот оно в чем дело! Это диспетчер не сам догадался понизить яркость огней высокой интенсивности, это он получил команду от нее!

- Я, я, нет, я сразу узнал Вас! Я сразу понял, что там, в кафе, это были именно Вы! Я просто не мог, не решался подойти к Вам, я смотрел на Вас, и не мог двинуться с места. Потом, я искал Вас, искал повсюду, но нигде не находил. Я не знал, что Жан Поль проводил Вас домой, и обошел все вокруг: и здание аэропорта, и гостиницу – но Вас нигде не было.

Теперь я знал почему, когда впервые увидел ее образ тогда, перед катастрофой, она показалась мне удивительно знакомой. Еще не видя ее, я уже ощущал: и в облаках, плывущих под крылом, и в синеве неба, и шуме дождя, и в шепоте травы, и в мерном гуле моторов – везде я чувствовал ее присутствие, ее дыхание, ее печальный взгляд, ее голос. Я думаю, что Семенов мог бы объяснить все, что происходило между нами, на основании своей теории, но я не хотел. Впервые за все время, я не хотел никаких объяснений. Тайна, возникшая между нами, тайна родства душ не могла быть объяснена магнитными полями и близостью частот, я хотел, чтобы это родство душ навсегда оставалось

тайной. То, что объединяло нас, было несравненно выше всяких объяснений и всяких теорий, оно было только наше, и больше ничье, не подвластное никаким приборам и формулам, то, что не может быть отражено на страницах кандидатских и докторских диссертаций, что не подлежит исследованию, и касается только наших душ, моей и ее.

Я знал, что через три дня Жан Поль отвезет ее на метеостанцию на своем Як-12, и мы снова расстанемся. Но знал я и то, что уже ничто: ни время, ни расстояния никогда не смогут нас разлучить.

Краткий словарь авиационных терминов

1. ***Авиагоризонт*** - прибор, показывающий положение самолета в пространстве, на основе свойств гироскопа.
2. ***Автоматический радиокомпас (АРК)*** – прибор, показывающий направление на радиостанцию или радиомаяк, состоит из радиоприемника с вращающейся антенной и указателя на приборной доске.
3. ***Выравнивание*** – элемент посадки, придание самолету посадочного положения перед приземлением.
4. ***Выдерживание*** – элемент посадки, полет над самой полосой, на высоте нескольких сантиметров после выравнивания для гашения скорости перед приземлением.
5. ***Глиссада*** – траектория снижения самолета при заходе на посадку.
6. ***Глиссадный радиомаяк*** – радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал вдоль глиссады, для автоматического или ручного (на основании показаний приборов) удерживания самолета на глиссаде.
7. ***Дни матчасти*** – обычно в аэроклубах и на военных аэродромах, дни, предусмотренные планом для обслуживания авиационной техники (материальной части), полеты в эти дни не производятся.
8. ***Закрылки*** – часть крыла, отклоняющаяся вниз для уменьшения посадочной скорости.
9. ***Исполнительный старт*** – положение самолета на взлетной полосе, непосредственно перед выполнением взлета.
10. ***Курсо-глиссадная система*** – система обеспечения слепой посадки, состоящая из глиссадного и курсового радиомаяков.
11. ***Курсовой радиомаяк*** – радиостанция, посылающая узконаправленный сигнал, по курсу посадки самолета, для автоматического или ручного выдерживания посадочного курса самолета.
12. ***Козел*** – взмывание самолета после касания шасси посадочной полосы, возникает вследствие ошибки пилота при посадке.

13. ***Кабрирование*** – положение самолета в пространстве при наборе высоты, определяется углом кабрирования.
14. ***Курсовой угол радиостанции (КУР)*** – угол между продольной осью самолета и направлением на радиостанцию.
15. ***Контрольная карта обязательных проверок*** – перечень вопросов и ответов членов экипажа на определенных этапах полета, зачитываемый с целью не забыть выполнить жизненно важные процедуры.
16. ***Коэффициент сцепления*** – величина, показывающая «скользкость» взлетно-посадочной полосы. Минимально допустимый Ксц = 0,3.
17. ***Маркерный радиоприемник*** – радиоприемник, установленный на самолете для сигнализации пролета радиомаяка, обычно радиостанции дальнего и ближнего привода.
18. ***Навигационно-пилотажный прибор*** – прибор, показывающий направление полета самолета (курс) и его положение относительно курса и глиссады при заходе на посадку.
19. ***Огни высокой интенсивности (ОВИ)*** – яркие огни, указывающие направления на посадочную полосу, применяются для облегчения работы экипажа в сложных метеорологических условиях.
20. ***Приводная радиостанция*** – радиостанция, установленная перед посадочной полосой, позволяющая осуществлять заход на посадку «по приводам». Обычно устанавливается радиостанция дальнего привода на расстоянии 4 км от торца посадочной полосы, и ближнего – на расстоянии 1 км от торца. Обе радиостанции снабжены маркерным передатчиком, позволяющим пилоту определить момент пролета маяка.
21. ***Помощник командира*** – должность в военной авиации, соответствующая должности второго пилота в гражданской авиации.
22. ***Пикирование*** – положение самолета при снижении, определяемое углом пикирования. Углы пикирования и кабрирования называются углами тангажа. Кроме того, различаются пикирование и планирование самолета, как элементы техни-

ки пилотирования, определяются углами относительно горизонта для различных типов летательных аппаратов.

23. ***Планирование*** – снижение самолета без тяги двигателя.
24. ***Площадка при наборе высоты или снижении*** – временный перевод самолета в горизонтальный полет для приведения к норме температуры двигателя.
25. ***Предварительный старт*** – положение самолета перед выруливанием на взлетную полосу. Обычно пилот останавливает самолет на предварительном старте, и запрашивает разрешение диспетчера или руководителя полетов занять исполнительный старт.
26. ***Руководитель полетов*** – в военной авиации, на аэродромах с небольшой интенсивностью воздушного движения должностное лицо, управляющее воздушным движением в районе аэродрома, и рулением самолетов на земле. В гражданской авиации этим занимаются соответствующие диспетчерские службы. На военных аэродромах с большой интенсивностью движения кроме руководителя полетов назначаются соответствующие дежурные службы.
27. ***Руление самолета*** - движение самолета по земле перед взлетом либо после посадки.
28. ***Расчет на посадку*** – построение маршрута полета самолета таким образом, чтобы обеспечить его приземление в нужной точке посадочной полосы либо площадки. Обычно маршрут полета по аэродромному кругу представляет собой четырехугольник, так называемую «коробочку», состоящую из четырех разворотов под 90 градусов, третий разворот считается расчетным, от него зависит точность приземления самолета.
29. ***Радиомаяк*** - радиостанция, размещаемая на маршрутах полетов для решения задач самолетовождения. Автоматический радиокомпас самолета, настроенный на частоту радиомаяка, показывает направление на него. В отличие от приводной радиостанции не оборудуется маркерным передатчиком.
30. ***РСБН (Радиомаячная система ближней навигации)*** – Система радиомаяков для решения задач самолетовождения, по-

зволяющая определить не только направление на радиомаяк, но и расстояние до него.

31. ***РУД (Рычаги управления двигателями)*** – Рычаги, с помощью которых экипаж управляет режимом работы двигателей. Перед взлетом командир подает команду: «Режим взлетный, РУД держать!», бортинженер устанавливает РУД в положение, соответствующее взлетному режиму, и держит во время взлета рукой, чтобы от вибрации они не отошли, уменьшив тем самым мощность двигателей.
32. ***Тангаж*** – положение самолета относительно поперечной оси, определяется углами тангажа, т.е. углами пикирование или кабрирования.
33. ***Траверз*** – положение самолета относительно ориентира, когда тот расположен под 90 градусов к направлению полета самолета.
34. ***Указатель поворота и скольжения*** – прибор, позволяющий определить наличие крена и скольжения самолета, состоит из стрелки, показывающий крен, и шарика под ней, плавающего в жидкости, в запаянной изогнутой стеклянной трубке. При возникновении скольжения центробежная сила отклоняет шарик в сторону. До изобретения авиагоризонта служил основным прибором, определяющим положение самолета в пространстве, в настоящее время используется в качестве дополнительно прибора.
35. ***ЦАГИ*** – Центральный авиационно-гидродинамический институт СССР.